РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ДЕКАБРЬ. 1909 годъ.

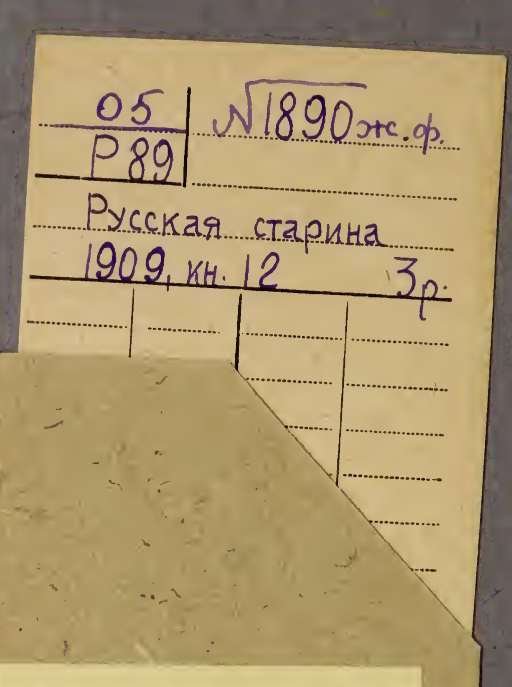
СОДЕРЖАНІЕ:

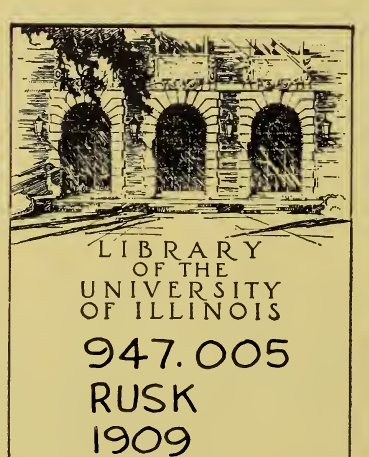
Приложенія: 1) Портретъ Александра Ивановича Чупрова.
2) Объявл. о подп. на „Ниву" 1910 г. и друг. издан. [illegible] Маркса.

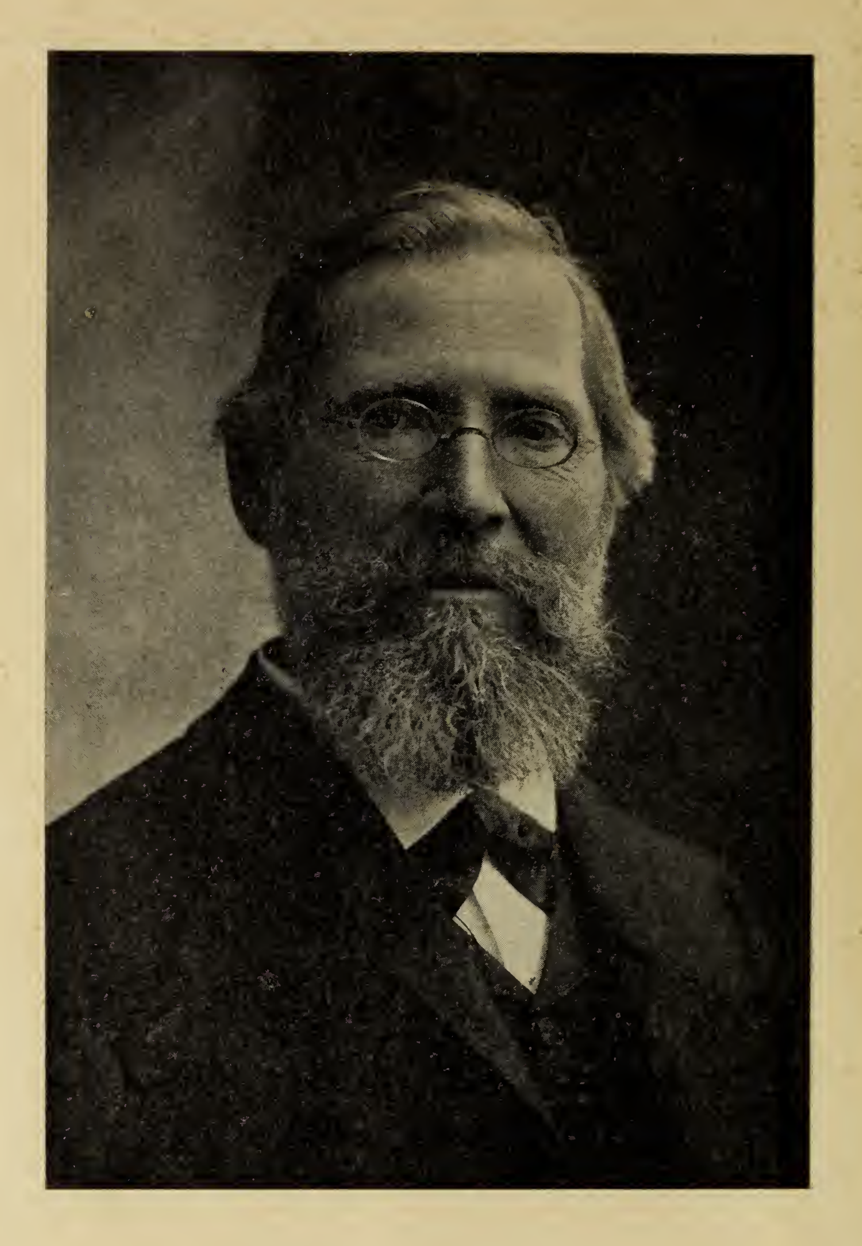
Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

XII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го декабря 1909 года.

05
P89
№1890 ж. ф.
Русская старина
1909, кн. 12
3 р.

Александръ Ивановичъ
Чупровъ.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Житейскія встрѣчи.

(Изъ воспоминаній судебнаго дѣятеля).

Александръ Ивановичъ Чупровъ.

Скоро минетъ два года со дня неожиданной и отозвавшейся неподдѣльною скорбью въ разныхъ уголкахъ Россіи кончины Александра Ивановича Чупрова. Въ его лицѣ ушелъ изъ жизни одинъ изъ немногихъ остававшихся въ живыхъ „шестидесятниковъ",—изъ тѣхъ людей, которые воспитались на началахъ, вложенныхъ въ великія реформы Александра II, и явились въ своей дѣятельности ихъ истолкователями, поборниками и защитниками въ то печальное время, когда невѣжественная самоувѣренность однихъ и услужливое предательство другихъ стремились вывѣтрить изъ этихъ началъ „духъ живъ". Талантливый работникъ, безстрашная мысль котораго умѣла облекаться въ изящную и всѣмъ доступную форму, какъ результатъ глубокихъ и многостороннихъ знаній, Чупровъ явилъ собою олицетвореніе профессора лучшихъ временъ Московскаго университета.

Неизмѣнное благородство взглядовъ и убѣжденій и нравственное вліяніе на слушателей давали основаніе сравнивать его съ Грановскимъ и торжественно поднести ему въ подтвержденіе этого сравненія—портретъ Тимоѳея Николаевича съ соотвѣтствующей надписью. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже превосходилъ послѣдняго: число находившихся подъ его обаяніемъ слушателей, по условіямъ времени, было несравненно многочисленнѣе,—его

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1908 г. — I.

печатные труды, составившіе ему почетное имя среди европейскихъ ученыхъ, были значительно богаче качественно и количественно, а область дѣятельности разнообразнѣе. Онъ былъ не только профессоромъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики и предсѣдателемъ статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества, дѣятельнымъ членомъ московскаго общества сельскаго хозяйства и комиссіи для организаціи домашнихъ чтеній при техническомъ обществѣ, но и учителемъ, организаторомъ и насадителемъ такого сложнаго и обширнаго дѣла, какъ русская земская сельско-хозяйственная статистика, отцомъ которой его по справедливости можно считать. Наконецъ,—возникала ли государственная потребность, гдѣ были нужны его знанія и опытъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, объ упорядоченіи тарифовъ и въ изслѣдованіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, или при переписи московскаго населенія—его приходилось призывать на плодотворную работу; постигало ли родину какое-либо общественное бѣдствіе или являлась неотложная нужда въ средствахъ для просвѣщенія,—онъ приходилъ на помощь со своимъ спокойнымъ по внѣшности, горячимъ по существу, краснорѣчивымъ словомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, вездѣ, гдѣ можно было дѣлать дѣло и быть cheville ouvrière, оставаясь въ тѣни, неся трудъ и отдавая *оказательство* его другимъ,—онъ это дѣлалъ со скромностью, ему свойственною.

Судя по воспоминаніямъ учениковъ, онъ напоминалъ и другого выдающагося московскаго профессора, незабвеннаго Никиту Ивановича Крылова. Такъ же, какъ послѣдній, онъ умѣлъ вносить жизнь въ преподаваемые имъ предметы и съ тонкостью психолога и искусствомъ художника устанавливать между слушателями и собой духовную связь, изъ которой быстро выростало благодарное съ ихъ стороны уваженіе. Подобно тому, какъ Крыловъ, разбирая и разъясняя институты римскаго права, дѣлалъ изъ нихъ выводы для критическаго освѣщенія окружавшей дѣйствительности—такъ и Чупровъ, несмотря на строго-ученое изложеніе своего предмета, умѣлъ отзываться въ немъ на жизненные, жгучіе и наболѣвшіе вопросы современности. Въ его преподаваніи такая по внѣшности сухая наука, какъ статистика, оживала и являлась своего рода объединеніемъ не только соціальныхъ, но и естественно-историческихъ знаній и пріобрѣтала тотъ строгій характеръ, который дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшій услужливый подборъ цыфровыхъ выводовъ, благодаря которому къ статистикѣ въ рукахъ новѣйшихъ законодательныхъ дѣльцовъ примѣнимо названіе Шекспировской комедіи: „какъ кому угодно". И это все дѣлалось имъ со спокойнымъ достоинствомъ, безъ всякаго исканія популярности, которая тѣмъ не менѣе все росла въ кругу чуткой молодежи. Въ

эпоху поверхностнаго хватанія верховъ—онъ ее *училъ учиться*; въ періоды явнаго эготизма и плохо прикрытаго карьеризма, ждавшихъ ее за порогомъ университета, онъ внушалъ ей сознаніе ея отвѣтственности передъ родиной за тѣ свѣдѣнія и умѣніе полезно приложить ихъ къ дѣлу, которыя она *обязана* вынести изъ высшей школы. То же въ свое время своеобразно и въ болѣе тѣсной обстановкѣ дѣлалъ и Крыловъ. Поэтому лучи ума и сердца ихъ обоихъ долгіе, долгіе годы по оставленіи ихъ слушателями „alma mater“ свѣтили имъ и побуждали ихъ, говоря словами Шиллера „für die Träume seiner Jugend Achtung zu haben“. При введеніи судебной реформы въ провинціи мнѣ приходилось ревизовать судебныхъ слѣдователей при судахъ стараго устройства и встрѣчать среди нихъ людей достаточно опустившихся, увязнувшихъ въ бытовой тинѣ уѣзднаго городка или большого села и тянувшихъ свою служебную лямку лишь для того, чтобы имѣть средства для безцвѣтнаго и безпросвѣтнаго существованія съ многочисленной семьей. Но стоило такому человѣку, если только онъ былъ воспитанникомъ Московскаго университета, напомнить про Крылова, и онъ преображался и въ благодарныхъ воспоминаніяхъ о Никитѣ (такъ звали студенты Крылова) поднимался хоть на время надъ прозой и пошлостью окружающей среды. Такое же впечатлѣніе, повидимому, производило на бывшихъ слушателей Чупрова воспоминаніе о немъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ разсказъ учительницы народнаго училища Болдыревой о томъ, что, уѣзжая въ захолустье, она взяла рекомендательное письмо отъ Чупрова и съ нимъ пришла къ инспектору народныхъ училищъ—старому и обрюзгшему человѣку. Холодно взявъ письменную рекомендацію, старикъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ: „Господи! Александръ Ивановичъ Чупровъ! да вѣдь я былъ его слушателемъ!“ И онъ заходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, погрузившись весь въ прошлое и забывъ о присутствующихъ. Имя Чупрова и нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, очевидно всколыхнули все, что было лучшаго въ человѣкѣ, и озарили его тѣмъ свѣтомъ, который былъ такъ присущъ его старому профессору. Послѣ долгаго молчанія онъ вспомнилъ о пришедшей и, быстро подойдя къ ней, сказалъ взволнованно: „я сдѣлаю для васъ все, что могу“.

Вотъ почему, вспоминая преподавательскую дѣятельность Чупрова, приходится признать, что онъ имѣлъ бы основаніе обратиться къ своимъ слушателямъ съ тѣми же словами, которыя высказалъ своимъ ученикамъ въ Болоньѣ знаменитый Кардуччи: „не мнѣ судить, многому ли научилъ я васъ, но я всегда старался воспитать въ васъ два принципа: сбросивъ испорченные лох-

мотья, въ которые часто облекается общество, умѣть видѣть въ жизни не то, что кажется, а что есть въ дѣйствительности,—ставить на первое мѣсто долгъ, а не удовольствіе, а въ наукѣ и искусствѣ любить простоту, а не придуманность, предпочитая силу помпѣ и ставя—на первое мѣсто правду и справедливость, а не славу. Принимая отъ науки все то хорошее, что она даетъ, я всегда старался поднять васъ къ идеалу и возбуждать любовь къ свѣтлымъ традиціямъ".

Чупрова часто упрекали въ безполезной тратѣ силъ и времени, указывая на утомительные для него и часто разорительные матеріально пріемы посѣтителей. Въ опредѣленные дни и часы недѣли къ нему могъ придти всякій, имѣвшій до него нужду: магистрантъ за указаніями,—студентъ за совѣтомъ,—труждающійся и обремененный за матеріальной и нравственной помощью,—соскочившій съ житейскихъ рельсовъ человѣкъ и даже нищій за милостыней и вообще всякій, кому казалось, что Александръ Ивановичъ непремѣнно ему сумѣетъ пособить въ бѣдѣ, горѣ, недоумѣніи или недостаткѣ. Со всѣми равно привѣтливый, несмотря на усталость, внимательный и участливый, несмотря на массу собственной работы, терпѣливый въ отвѣтѣ на назойливость и благодушный предъ наивными вымогательствами, онъ отдавалъ себя въ распоряженіе пришедшихъ самымъ широкимъ и великодушнымъ образомъ съ неизмѣнной доброй улыбкой на прекрасномъ свѣтломъ чисто-русскомъ лицѣ. Сохранились разсказы, какъ во дни его пріемовъ на дворѣ у крыльца его скромной квартиры, его поджидали „бывшіе люди" и никогда не уходили отъ него съ пустыми руками. Особенно сказывалась его доброта въ нѣжномъ отношеніи его къ дѣтямъ вообще. „Гдѣ же искать душевнаго покоя,—писалъ онъ мнѣ въ 1903 г.—какъ не въ Италіи, гдѣ все ласкаетъ глазъ впечатлительнаго человѣка—отъ свѣтлыхъ милыхъ ангельскихъ дѣтскихъ лицъ на улицахъ до ангельчиковъ у ногъ Рафаелевскихъ мадоннъ!"

Я не помню Александра Ивановича студентомъ университета, такъ какъ окончилъ курсъ въ 1865 году, гораздо ранѣе, чѣмъ онъ. Въ первый разъ мы встрѣтились въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ у его товарища по профессурѣ И. И. Янжула, и я посѣщалъ его съ тѣхъ поръ каждый мой пріѣздъ въ Москву—довольно частый, такъ какъ въ ней жила и впослѣдствіи скончалась моя мать. Ея преданнымъ другомъ былъ извѣстный въ Москвѣ протоіерей *Валентинъ Николаевичъ Амфитеатровъ*, одинъ изъ лучшихъ людей, встрѣченныхъ мною въ жизни. Близкимъ родственникомъ ему приходился А. И. Чупровъ, и долгое время живымъ связующимъ между мною и

Чупровымъ звеномъ былъ именно отецъ Валентинъ. Его сердечное участіе къ намъ обоимъ скрѣпляло нашу взаимную симпатію, покоившуюся на единствѣ взглядовъ на многое въ общественной жизни Россіи и на одинаковой оцѣнкѣ ея внутренняго положенія въ періодъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. „Я остался бы за границею и еще долѣе,—писалъ мнѣ Чупровъ въ 1900 году,—но сильно начиналъ тосковать, не видя долго Валентина Николаевича. Мнѣ отрадно, что вы не упускаете случая его повидать и доставить старику эту радость“. Упомянувъ объ Амфитеатровѣ, я не могу воздержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ благодарнаго воспоминанія, тѣмъ болѣе, что въ очень трудныя минуты моей жизни я нашелъ у него то глубокое пониманіе душевной скорби и умѣніе отнестись къ ней съ бережнымъ врачеваніемъ, которыя, къ несчастію, рѣдко встрѣчаются у людей, облеченныхъ одинаковымъ съ нимъ саномъ, замѣняясь банальными утѣшеніями богословскаго характера, за которыми слышится пресыщенное равнодушіе или умышленная узкость взгляда и видится то, что Мопассанъ охарактеризовалъ словами: „la tristesse fausse d'un prêtre pour qui le cadavre est bienfaisant“. Все, что такъ украшало наше общественное самосознаніе въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, нашло себѣ отраженіе въ пылкомъ сердцѣ и восторженной душѣ Амфитеатрова. Онъ раздѣлялъ вполнѣ мнѣніе объ этихъ годахъ Чупрова, сказавшаго въ 1888 году, въ рѣчи въ московскомъ юридическомъ обществѣ: „все, чѣмъ красна наша жизнь, идетъ оттуда, изъ шестидесятыхъ годовъ“. Онъ съ умиленіемъ вспоминалъ ту благородную борьбу, которую велъ въ качествѣ калужскаго губернатора съ нехотѣвшимъ сдаваться крѣпостнымъ правомъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, за всѣми перипетіями которой онъ—въ то время молодой священникъ въ Калугѣ—слѣдилъ съ неослабѣвающимъ сочувствіемъ и вѣрою въ будущность Россіи. Изъ этого времени вынесъ онъ отзывчивость на нужды народа, скорбь о невѣжествѣ, въ которомъ послѣдній неповиненъ, и чуткую радость по поводу каждаго явленія, такъ или иначе связаннаго съ общественнымъ благомъ. Въ своей дѣятельности въ качествѣ духовнаго писателя, на котораго подозрительнымъ окомъ глядѣла духовная цензура, въ качествѣ пастыря и проповѣдника, онъ стремился осуществить прекрасныя слова пастора Тальмеджа, привезшаго въ 1893 году пожертвованный американцами нашимъ голодающимъ хлѣбъ и сказавшаго въ рѣчи, обращенной въ Либавѣ къ морякамъ русской эскадры: „религія, которая не печется о благосостояніи народа *въ семъ мірѣ* наравнѣ съ его благомъ *въ будущей жизни*, недостойна

называться религіей". Высокій ростомъ, съ добрыми горящими темными глазами, съ прерывистой при волненіи рѣчью, онъ былъ настоящимъ служителемъ дѣятельной любви по отношенію къ ближнимъ и дальнимъ, къ алчущимъ духовно и нищимъ матеріально. Глядя на него, зная его, можно было усомниться хоть на время въ печальной справедливости мнѣнія, утверждающаго, что у Христа много *слугъ*, но мало *послѣдователей*. Общее уваженіе окружало его въ Москвѣ и слушать его поученія, приходить къ нему для покаянія было потребностью весьма многихъ. Такого человѣка слѣдовало цѣнить и беречь, но, къ несчастью, свободное собраніе вѣрующихъ замѣнилось у насъ *вѣдомствомъ*, въ которомъ культъ формы и подчиненности часто мѣшаетъ живому и чуткому распознаванію высокихъ душевныхъ качествъ тѣхъ, кто входитъ въ его оффиціальную область.

Когда въ Москву былъ назначенъ митрополитомъ стяжавшій себѣ незавидную извѣстность гоненіемъ уніатовъ варшавскій архіепископъ Леонтій, начались преслѣдованія противъ отца Валентина, и размѣры прежней благотворной дѣятельности его должны были сократиться. „Со мной поступили,—писалъ онъ мнѣ 30 сентября 1892 года,—какъ если бы поступили съ работникомъ, который нашелъ болото, осушилъ его, очистилъ, культивировалъ и началъ видѣть результаты своихъ восемнадцатилѣтнихъ заботъ,—и вдругъ у этого работника взяли бы его ниву и прогнали съ нея. И это съ грубостью жестокой, въ присутствіи постороннихъ, съ рѣзкими жестами. Въ отвѣтъ на мою просьбу оставить меня при старомъ дѣлѣ мнѣ было сказано: „безповоротно! если отказываешься, отчислю! мнѣ недосугъ много говорить". Окружающіе насмѣшливо смотрѣли на меня и были довольны, что неожиданно пріобрѣли анекдотъ, а на оскорблявшаго меня устремили свои глаза подобострастно, льстиво и можетъ быть даже благоговѣйно. До сихъ поръ мнѣ слышатся эти слова, произнесенныя звучнымъ голосомъ и въ повелительномъ тонѣ, обычномъ въ обращеніи съ уличными нарушителями порядка. Но Ваше письмо закалило меня противъ огня. Теперь буду искать дверей для своего выхода тверже и спокойнѣй, но несомнѣнно, что ближайшей дверью будетъ вѣчность". Дверь послѣ многихъ испытаній нашлась въ средѣ придворнаго духовенства,—и въ Архангельскомъ соборѣ Московскаго Кремля отецъ Валентинъ могъ продолжать дѣло своей жизни. Однако пережитое оставило на немъ слѣдъ, его силы надломились, и для нихъ пришлось искать отдыха, который могъ бы быть пополненъ кабинетнымъ трудомъ... Но судьба заставила его претерпѣть до конца и мало-по-малу отняла у него зрѣніе. „Я очень тронутъ былъ привѣ-

томъ, который передалъ мнѣ отъ Вашего имени Валентинъ Николаевичъ,—писалъ мнѣ Чупровъ изъ Италіи въ 1909 г. Какъ хорошо, что Вы помните и посѣщаете больного старца, доставляя тѣмъ ему великое утѣшеніе. У меня слезы навертываются при мысли о тяжкихъ недугахъ, которые приходится переносить ему. Всего болѣе достойна жалости потеря зрѣнія. Чтеніе, и во всю жизнь, и особенно въ послѣдніе скорбные годы, составляло единственную его радость. И вдругъ лишиться этого рессурса! Послѣднее письмо, полученное мною отъ него, уже написано не имъ самимъ, а его дочерью, подъ его диктовку, и какимъ горемъ проникнуто оно! Невыразимо тяжко, что я лишенъ пока возможности попасть въ Москву, чтобы повидаться съ этимъ лучшимъ моимъ другомъ и наставникомъ отъ юныхъ дней".—„Давно уже,—пишетъ Чупровъ изъ Дрездена въ 1903 году—къ моимъ чувствамъ примѣшанъ элементъ глубочайшей скорби о судьбѣ несчастнаго Валентина Николаевича. Онъ окончательно лишился зрѣнія. Мнѣ страшно будетъ увидѣть его! Письма его — сплошной вопль скорби"... Но и слѣпой,—чутко и жадно прислушивался Амфитеатровъ къ шуму житейскаго прилива и отлива, и въ тревожные года, пережитые нами, его благородное сердце,—о чемъ мнѣ не разъ писалъ и говорилъ Чупровъ и какъ я самъ видѣлъ изъ его писемъ, лишь подписанныхъ дрожащимъ почеркомъ слѣпца,—билось въ согласіи съ сердцами людей, желавшихъ многострадальной родинѣ мирнаго и кореннаго обновленія. Лѣтомъ 1908 года оно перестало биться... навсегда...

Личныя свиданія мои съ Александромъ Ивановичемъ были, къ сожалѣнію моему, не часты, но съ половины девяностыхъ годовъ между нами возникла довольно оживленная переписка. Въ любовно хранимой мною пачкѣ писемъ его за послѣднія десять лѣтъ его жизни, сказываются всѣ милыя черты его личности—сердечное отношеніе къ людямъ, — свойственное ему „въ человѣцѣхъ благоволеніе",—стремленіе ободрить и украсить теплымъ словомъ чужой трудъ и дѣятельность;—сказываются его любовь къ искусству и его неустанная работа,—звучитъ то чувство гражданина, которымъ была проникнута и эта работа и отношеніе его къ родинѣ. Конечно, на первомъ планѣ у него стоитъ молодое учащееся поколѣніе и родной университетъ.

Первое его письмо ко мнѣ отъ 10 ноября 1896 года начинается съ просьбы прочесть въ Москвѣ публичную лекцію въ пользу общества вспомоществованія московскимъ студентамъ, „чтобы доставить нашей молодежи нравственный подъемъ и матеріальную поддержку".—„Искренно благодарю за новости—пишетъ онъ въ слѣ-

дующемъ затѣмъ письмѣ—мало въ нихъ утѣшительнаго. О нашей жизни нечего сказать: идетъ тихимъ ходомъ. Одно нѣсколько радуетъ: наша молодежь въ нынѣшнемъ году по какой-то причинѣ больше одушевлена рвеніемъ къ наукамъ. Я не запомню года, когда аудиторіи были бы такъ полны, и когда находилось бы такъ много охотниковъ работать на семинаріяхъ. У меня не хватаетъ времени выслушать рефераты и разсмотрѣть работы, заявленныя слушателями. Какъ-то отрадно на старости лѣтъ видѣть такое одушевленіе". Уже больной и слабый, до крайности утомляемый каждой двухчасовою лекціей, онъ сообщаетъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Парижъ изъ Дрездена, чтобы исполнить свое обѣщаніе прочесть нѣсколько лекцій въ парижской русской школѣ общественныхъ наукъ. „Цѣлый мѣсяцъ—пишетъ онъ—передъ отъѣздомъ я былъ занятъ выборкой изъ моихъ матеріаловъ того, что подходитъ къ курсу, и приведеніемъ выбраннаго въ удобный для лекцій видъ. Къ сожаленію, не успѣлъ кончить на мѣстѣ всей подготовки, и потому вынужденъ здѣсь въ Парижѣ напряженно работать въ промежуткахъ лекцій. Я уже прочелъ четыре лекціи на тему „Мелкое земледѣліе и его основныя нужды" и разсчитываю еще на восемь лекцій. Аудиторія, повидимому, интеллигентная и интересующаяся курсомъ, но, быть можетъ, мой спокойный и объективно-научный тонъ и не вполнѣ придется, въ концѣ концовъ, ей по вкусу. Вижу, къ сожалѣнію, что для меня прошло время говорить передъ публикой".

Когда, съ началомъ лекцій осенью 1905 года, Московскій университетъ сдѣлался театромъ печальнѣйшихъ безпорядковъ, онъ писалъ мнѣ 26 сентября: „Съ глубокой скорбью и болью слѣжу я за роковою драмой, разыгрывающейся въ моей родной Москвѣ и близкомъ сердцу насъ обоихъ Московскомъ университетѣ. Невыразимо жаль мнѣ новаго ректора и его помощника, рѣшившихся принять на себя тяжкое бремя отвѣтственности въ такую смутную пору. Что-то будетъ изъ нашихъ разсадниковъ просвѣщенія послѣ тѣхъ тяжкихъ испытаній, какія выпали на ихъ долю?"

Убѣдившись въ безплодности и непосильности противудѣйствія тѣмъ разнороднымъ вліяніямъ, которыя отражались на нашей судебной по существу и на кассаціонной дѣятельности, искажая роль Сената, какъ хранителя „нелицемѣрнаго правосудія", я оставилъ въ 1900 году уголовный кассаціонный департаментъ, въ составѣ котораго пробылъ пятнадцать лѣтъ въ качествѣ оберъ-прокурора и сенатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ намѣреніе, пользуясь званіемъ доктора уголовнаго права, начать читать курсъ *судебной этики.*

Буква закона, опредѣляя положительныя обязанности судьи и

устанавливая рядъ правилъ для техники уголовнаго изслѣдованія, касается только въ исключительныхъ случаяхъ нравственнаго долга судьи и тѣхъ общихъ началъ, безъ соблюденія которыхъ техническая дѣятельность органовъ уголовнаго правосудія можетъ притти въ противорѣчіе съ коренными началами нравственности. Поэтому изученіе этихъ началъ и случаевъ примѣненія ихъ въ различныхъ процессуальныхъ дѣйствіяхъ и пріемахъ имѣетъ особое значеніе, тѣмъ болѣе важное, что личные интересы и разныя „злобы дня“ обладаютъ свойствомъ заслонять въ глазахъ практическихъ дѣятелей тѣ путеводныя указанія, которыя коренятся въ глубинѣ человѣческой совѣсти и должны имѣть въ виду примиреніе общественнаго блага съ правами и достоинствомъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Этическія начала судопроизводства даютъ возможность опредѣлить духъ закона и указываютъ необходимыя условія дѣятельности органовъ правосудія. Особенно важна въ нравственномъ отношеніи область изученія *поведенія судьи*, ибо исполненіе судьею своего служебнаго долга—охраненіе независимости своихъ рѣшеній и стремленіе вложить въ нихъ всю доступную ему справедливость—не исчерпываютъ еще всей полноты его задачи. Современный процессъ ставитъ судью лицомъ къ лицу съ живымъ человѣкомъ. Гласность и устность внесли въ судебное производство начало непосредственнаго восиріятія матеріала для сужденія. Онѣ расшевелили и разметали по сторонамъ тотъ ворохъ бумагъ, докладовъ, протоколовъ, проектовъ, резолюцій и т. п., подъ которымъ былъ прежде погребенъ живой человѣкъ, становившійся лишь *номеромъ дѣла*. Онъ всталъ изъ-подъ этого нагроможденія письменной работы, стиравшей его личныя краски, и предсталъ предъ судьею вмѣстѣ со своими фактическими обличителями и заступниками—свидѣтелями. Отсюда возникъ новый элементъ судебной дѣятельности—поведеніе судьи по отношенію къ людямъ, съ которыми онъ призванъ имѣть дѣло. Это поведеніе не есть простая совокупность поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ времени,—это есть систематическій и послѣдовательный родъ дѣяній, связанныхъ между собою однимъ и тѣмъ же побужденіемъ и одною и тою же цѣлью. Иными словами—это есть сознательный образъ дѣйствій, одинаково примѣнимый ко всѣмъ разнообразнымъ случаямъ судебной и судебно-бытовой жизни, предусмотрѣть и предустановить которые заранѣе невозможно. Поэтому положительный законъ, говорящій объ отправленіи уголовнаго правосудія, не въ силахъ начертать образъ дѣйствій судьи во всѣхъ его проявленіяхъ. Да это и не входитъ въ его задачу. Онъ можетъ и долженъ говорить лишь о порядкѣ, внѣшнемъ характерѣ и содержаніи отдѣльныхъ судебныхъ

обрядовъ и процедуръ, распоряженій и постановленій. Онъ намѣчаетъ *служебныя* обязанности органовъ правосудія по отношенію къ изслѣдованію преступленія и къ соблюденію законныхъ условій, при которыхъ совершается постепенный переходъ нарушителя общественнаго правопорядка изъ заподозрѣннаго въ обвиняемаго, изъ обвиняемаго въ подсудимаго и изъ подсудимаго въ осужденнаго. Въ дѣятельности судьи, однако, должны сливаться правовыя и нравственныя требованія. Правила для внѣшнихъ дѣяній, въ своемъ практическомъ осуществленіи, неминуемо отражаютъ на себѣ и внутренній строй души того, кто ихъ осуществляетъ, ибо въ каждомъ судебномъ дѣйствіи, на-ряду съ вопросомъ, *что* слѣдуетъ произвести, возникаетъ не менѣе важный вопросъ о томъ, *какъ* это произвести. Чтобы не быть простымъ орудіемъ внѣшнихъ правилъ, дѣйствующимъ съ безучастною регулярностью часового механизма, судья долженъ вносить въ творимое имъ дѣло свою душу и, на-ряду съ предписаніями положительнаго закона, руководиться безусловными и вѣчными требованіями человѣческаго духа.

Изъ нихъ вытекаетъ справедливое отношеніе къ человѣку, выражающееся въ сознательномъ и безпристрастномъ поставленіи себя на его мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ и воздержаніи отъ того, чтобы дѣлать разумное существо не цѣлью, а средствомъ для достиженія постороннихъ и своихъ личныхъ цѣлей. Въ осуществленіи справедливости, въ связи съ *дѣятельною* любовью, нравственный долгъ сливается съ руководящимъ началомъ христіанства, предписывающаго возлюбить ближняго, какъ самого себя. Вотъ почему, на-ряду со служебнымъ долгомъ судебнаго дѣятеля, выростаетъ его нравственный долгъ. Онъ предписываетъ никогда не забывать, что объектомъ дѣйствій этого дѣятеля является прежде всего *человѣкъ*. Правосудіе не можетъ быть отрѣшено отъ справедливости, а послѣдняя состоитъ вовсе не въ одномъ правомѣрномъ примѣненіи къ доказанному дѣянію карательныхъ опредѣленій закона. Судебный дѣятель всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій относительно людей, къ дѣяніямъ которыхъ онъ призванъ приложить свой умъ, трудъ и власть, долженъ стремиться къ осуществленію нравственнаго закона.

Забвеніе про живого человѣка, про брата во Христѣ, про товарища въ общемъ міровомъ существованіи, способнаго на чувство страданія,—вмѣняетъ въ ничто и умъ, и талантъ судебнаго дѣятеля, и *внѣшнюю*, предполагаемую полезность его работы! Какъ бы ни было различно его общественное положеніе сравнительно съ положеніемъ тѣхъ, кого онъ призываетъ предъ свой судъ, какъ бы ни считалъ онъ себя безупречнымъ не только въ формальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, въ его душѣ должно, какъ живое на-

поминаніе о связи со всѣмъ окружающимъ міромъ, звучать прекрасное выраженіе браминовъ „tat twam asi“—*это тоже ты*, — ты въ паденіи, ты въ несчастіи, ты въ невѣжествѣ, нищетѣ и заблужденіи, ты въ рукахъ страсти! Такимъ образомъ складывается рядъ *этическихъ правилъ*, образовывающихъ необходимую нравственную сторону въ дѣятельности судьи и его ближайшихъ помощниковъ. Поэтому слѣдуетъ изучать не только судебную технику и судебную практику, но и *судебную этику*, какъ ученіе о приложеніи общихъ понятій о нравственности къ той или другой отрасли спеціальной судебной дѣятельности.

Я написалъ обо всемъ этомъ Чупрову, и онъ отвѣчалъ мнѣ изъ Женевы въ ноябрѣ 1900 года: „Не могу вмѣстѣ со всѣми русскими людьми не пожалѣть, что Вы оставляете *судебное* поприще, гдѣ такъ ярко горѣлъ Вашъ свѣтильникъ. Но мотивы Вашего рѣшенія настолько законны и серьезны, что ни у кого не можетъ явиться мысль возражать имъ. Нужно только благодарить судьбу и Васъ, что Вы такъ долго оставались въ этой сферѣ. Нѣтъ худа безъ добра: если бы Ваше время и силы были по-прежнему поглощены текущимъ дѣломъ, нашей молодежи совсѣмъ не дождаться бы Вашего курса. Дай Богъ Вамъ совсѣмъ укрѣпиться на новое благое дѣло, которое Вы затѣяли. Я отъ всей души привѣтствую Ваше намѣреніе осуществить давно жданный и давно желанный курсъ судебной этики. Кому же и говорить объ этомъ деликатномъ предметѣ, какъ не Вамъ, посвященному въ сокровенныя тайны судебнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣвшему при всѣхъ жизненныхъ перипетіяхъ всегда неуклонно держаться на высотѣ нравственнаго идеала. Я увѣренъ, что Ваши лекціи не только будутъ представлять величайшій интересъ, но, что еще важнѣе, окажутъ благотворное вліяніе на молодежь. Мнѣ горько, что пребываніе въ далекой странѣ лишитъ меня возможности попасть хотя бы на нѣсколько Вашихъ лекцій. Уповаю только на то, что Вы, быть можетъ, соберетесь издать ихъ. Горячо желаю, чтобы никакая случайность не помѣшала Вамъ исполнить благородную миссію, которую Вы рѣшились принять на себя“.

Это доброе желаніе осуществилось, однако, лишь отчасти, чему помѣшала одна изъ тѣхъ почти невѣроятныхъ случайностей, которыми богата была еще такъ недавно наша общественная жизнь. Въ 1901 году я занялъ каѳедру уголовнаго судопроизводства въ Александровскомъ Лицеѣ въ Петербургѣ, заступивъ мѣсто профессора Фойницкаго. Весь свой курсъ я построилъ на разработкѣ началъ судебной этики, подробный обзоръ которыхъ изложилъ въ моей вступительной лекціи. Эта лекція была напечатана въ возобновленномъ по почину министра юстиціи Н. В. Муравьева „Журналѣ министерства юстиціи“.

Черезъ годъ затѣмъ я рѣшился существенныя части читаемаго въ Лицеѣ курса изложить въ видѣ двѣнадцати лекцій публично, въ пользу разнородныхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, представители которыхъ часто обращались ко мнѣ объ оказаніи помощи именно въ этой формѣ. Мною руководило двоякое желаніе. Съ одной стороны въ это время завершились засѣданія Высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ. При этомъ пересмотрѣ многія возвышенныя начала второй изъ великихъ реформъ Царя-Освободителя—реформы судебной—были услужливо обезцвѣчены, искажены или вовсе упразднены. Участковые судьи съ обширной подсудностью, которыми предполагалось замѣнить не только мировыхъ судей, но и въ значительной степени окружные суды, сохранивъ на-ряду съ ними земскихъ начальниковъ, облеченныхъ судебною властью, были лишены судейской несмѣняемости и отданы почти въ полное распоряженіе министра юстиціи; судъ присяжныхъ засѣдателей едва не былъ упраздненъ; единство кассаціонной дѣятельности уничтожено; слѣдственная часть отдавалась въ руки рядовой полиціи, и судьи насильственно втискивались въ узкія общія рамки устава о службѣ гражданской безъ обращенія вниманія на особыя свойства ихъ высокой и вмѣстѣ тяжелой дѣятельности и т. д.

Подъ вліяніемъ „особыхъ соображеній“ предсѣдателя комиссіи Муравьева и въ обществѣ поддерживался неустойчивый взглядъ на коренныя учрежденія новаго судоустройства. Передавая обсужденіе вопроса о положеніи въ Россіи суда присяжныхъ съѣзду старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, который подъ моимъ предсѣдательствомъ высказался за безусловное преимущество этой формы суда—что привело въ восторгъ Чупрова—Н. В. Муравьевъ въ то же время открывалъ страницы своего оффиціальнаго журнала для ожесточенныхъ нападокъ на этотъ самый судъ и для недостойныхъ инсинуацій противъ его защитниковъ, нападокъ, вызвавшихъ, наконецъ, суровый и справедливый протестъ со стороны Джаншіева въ его брошюрѣ „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“. Все это создавало необходимость возстановить предъ многочисленными, какъ я имѣлъ основаніе надѣяться, слушателями истинный смыслъ и нравственное содержаніе тѣхъ правилъ и условій, которыми составители Судебныхъ Уставовъ обставили положеніе и дѣятельность служителей правосудія.

Съ другой стороны, судебной молодежи—кандидатамъ на судебныя должности и молодымъ адвокатамъ—было, казалось мнѣ, полезно послушать стараго судебнаго дѣятеля, повѣствующаго имъ по личному опыту о тѣхъ ошибкахъ, увлеченіяхъ и злоупотребленіяхъ,

въ которыя—особенно въ послѣднее время—впадаютъ судебные дѣятели, когда они забываютъ о нравственныхъ началахъ, вложенныхъ въ ихъ дѣло, и, увлекаясь самолюбованіемъ, исканіемъ отличій или популярности, пренебрегаютъ великимъ завѣтомъ Гоголя: обращаться со словомъ честно.

По установленному порядку я обратился къ петербургскому градоначальнику съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ этихъ лекцій, представивъ при этомъ въ видѣ программы оттискъ изъ журнала М. Ю., содержащій мою вступительную лекцію въ Лицеѣ. Носимыя мною званія сенатора и члена Академіи Наукъ, моя ученая докторская степень, тридцатипятилѣтняя служба по судебному вѣдомству, преподавательская дѣятельность въ Лицеѣ и, наконецъ, самое содержаніе предположенныхъ лекцій не допускали никакого сомнѣнія въ томъ, что разрѣшеніе послѣдуетъ немедленно подобно тому, какъ оно получалось, безъ всякаго замедленія, начиная съ 1892 года, на цѣлый рядъ неоднократныхъ лекцій съ благотворительною цѣлью о докторѣ Гаазѣ, князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ, о задачахъ общества защиты женщинъ, о В. С. Соловьевѣ и объ И. Ѳ. Горбуновѣ, при чемъ послѣдняя лекція была мною въ 1898 г. прочитана и въ залѣ министра юстиціи по его просьбѣ, въ пользу благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства.

Но еще старикъ Кюнеръ учитъ насъ, что spes est incerta et dubia. Разрѣшенія градоначальника не послѣдовало, а чрезъ мѣсяцъ послѣ моего ходатайства я получилъ слѣдующее письмо министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 13 іюня 1902 года: „М. Г. А. Ѳ. Ваше Превосходительство обратились къ петербургскому градоначальнику съ просьбою о разрѣшеніи на прочтеніе въ С.-Петербургѣ въ теченіе 1902 и 1903 годовъ двѣнадцати публичныхъ лекцій о *нравственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ*. Имѣя въ виду, что намѣченный Вами предметъ чтеній ближе всего касается дѣятельности министерства юстиціи и разрабатываемыхъ имъ вопросовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ просило по этому дѣлу заключенія министра юстиціи. Нынѣ статсъ-секретарь Муравьевъ увѣдомилъ меня, что въ виду носимаго Вами званія сенатора испрашиваемое Вами разрѣшеніе могло бы послѣдовать лишь по его всеподданнѣйшему докладу, представленіемъ котораго онъ однако затруднился бы, находя предположенное чтеніе публичныхъ лекцій на упомянутую тему *едва-ли, по обстоятельствамъ настоящаго времени, удобнымъ*. Сообщая о семъ Вашему Превосходительству, прошу Васъ принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности—В. Плеве“.

Когда я разсказалъ, при ближайшемъ свиданіи, Александру Ива-

новичу о такой конечно непредвидѣнной имъ „случайности", онъ былъ глубоко возмущенъ и, вопреки своему обычному внѣшнему спокойствію, очень взволнованъ, такъ что въ теченіе цѣлаго вечера часто возвращался къ этому „поразительному проявленію произвола". Въ немъ вызывало чувство негодованія развязное и вмѣстѣ лукавое ограниченіе Муравьевымъ такихъ правъ сенатора, которыя имѣетъ всякій неопороченный обыватель, предпринятое ad hoc съ цѣлью зажать ротъ „несогласно мыслящему" и при томъ въ самой беззастѣнчивой формѣ, — его удивляло, что министръ внутреннихъ дѣлъ такъ охотно и необычно сдѣлался для этого послушнымъ орудіемъ,—въ немъ возбуждало глубокую грусть сознаніе, что по признанію двухъ министровъ въ Россіи наступили такія времена, когда говорить предъ молодымъ поколѣніемъ о *нравственныхъ началахъ—едва-ли удобно!* Послѣднее выраженіе онъ не разъ повторялъ со смѣхомъ, находя, что отказъ, *такъ* мотивированный, проникнутъ столь узкимъ скудоуміемъ, что даже оскорбить не можетъ. Онъ радостно привѣтствовалъ меня, когда, послѣ настойчиваго домогательства моего о возстановленіи моихъ правъ на чтеніе публичныхъ лекцій и на возможность, такимъ путемъ, оказывать посильную помощь нуждающимся, Н. В. Муравьевъ увидѣлъ себя вынужденнымъ 13 мая 1903 г. увѣдомить меня о послѣдовавшемъ по его докладу Высочайшемъ разрѣшеніи на чтеніе такихъ лекцій въ общеустановленномъ порядкѣ.—Но однако тѣмъ временемъ прошелъ годъ, здоровье мое было сильно подорвано сердечными припадками, особенно усилившимися лѣтомъ и осенью 1903 года, и чтеніе *двѣнадцати публичныхъ лекцій* мнѣ стало не подъ силу, да и наступившая Японская война и послѣдующія событія, безъ сомнѣнія, ослабили бы къ нимъ интересъ, и онѣ не достигли бы своей цѣли. Это признавалъ и самъ Чупровъ, писавшій мнѣ изъ Дрездена, въ мартѣ 1904 года: „послѣ того состоянія здоровья, въ которомъ мнѣ случилось видѣть Васъ прошлымъ лѣтомъ въ Берлинѣ, Вамъ слѣдовало бы запереться въ кабинетѣ и ограничить свои внѣшнія сношенія лишь предѣлами крайней необходимости, а Вы себѣ прибавили еще новую, невыразимо тяжелую, требующую большого нервнаго напряженія обязанность—участіе въ засѣданіяхъ городской Думы"...

Нужно ли говорить, что мысль о родинѣ вѣчно сопутствовала ему и въ его странствованіяхъ, и въ его вынужденномъ, вслѣдствіе болѣзни, пребываніи за границей.

„Я до сихъ поръ живу съ ближайшей семьей въ Дрезденѣ,—пишетъ онъ мнѣ въ мартѣ 1904 года.—Жизнь шла тихо, однообразно,

въ постоянной кабинетной работѣ; но въ послѣдніе два мѣсяца это мирное житіе совершенно нарушено войной. Какъ неожиданно подкралось къ Россіи это бѣдствіе и какъ много горя грозитъ оно навлечь на нашу злополучную страну! Много болѣзненныхъ впечатлѣній приходится испытывать вамъ, петербургскимъ жителямъ, благодаря постояннымъ встрѣчамъ съ людьми, такъ или иначе прикосновенными къ войнѣ, но пожалуй еще тяжелѣе положеніе нашего брата, отрѣзаннаго отъ міра. Намъ приходится довольствоваться по части войны газетнымъ враньемъ, которое для наболѣвшей души становится по временамъ невыносимымъ. Человѣку чужой націи, для котораго война—лишь интересное зрѣлище, отъ этого вздора горя мало, а у нашего брата сердце кровью обливается, и, какъ сплошь и рядомъ оказывается, совершенно понапрасну".

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова возвращается къ наболѣвшему вопросу.

„Эта война—точно крупное несчастье въ семьѣ: стараешься чѣмъ-нибудь отвлечь мысль, заглушить воспоминаніе о происшедшемъ; но не тутъ-то было: оно господствуетъ надъ всѣмъ твоимъ настроеніемъ и не даетъ думать ни о чемъ другомъ. Какъ-то пропадаетъ охота работать надъ внутренними вопросами, которыми вчера еще такъ живо увлекалась мысль. Полнѣйшее уединеніе, на которое я обрекъ себя въ интересахъ работы, составляетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ истинное благополучіе. Отъ людей, бывающихъ здѣсь въ обществѣ, я не разъ слышалъ въ послѣднее время жалобы на трудность сношеній съ иностранцами, которые не могутъ взять въ толкъ, какъ болѣзненъ для русскаго человѣка безучастный или высокомѣрный тонъ разговоровъ о войнѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время замѣчается какъ будто нѣкоторая перемѣна въ настроеніи относительно Россіи".

Его мучила мысль о необходимости—и для здоровья и для окончанія предпринятыхъ трудовъ—жить вдали отъ родины, вѣсти съ которой такъ часто терзали его любящее сердце.

„Ко мнѣ опять пришла прежняя болѣзнь сердца (грудная жаба),—пишетъ онъ изъ Мюнхена подъ новый 1908 годъ,—изъ-за которой я въ свое время уѣхалъ изъ Россіи. Въ послѣднее время мнѣ пришлось пробыть два мѣсяца въ санаторіи подъ Мюнхеномъ. Около мѣсяца тому назадъ я вышелъ оттуда, но до сихъ поръ еще не совсѣмъ поправился, не выхожу изъ дому и вынужденъ соблюдать всяческую осторожность въ движеніяхъ, въ разговорахъ, въ занятіяхъ. Существованіе было бы совсѣмъ унылымъ, если бы за мною не было оставлено право читать и писать, чѣмъ я усердно и пользуюсь въ своемъ вынужденномъ уединеніи. Главнымъ источникомъ нервнаго разстройства служатъ наши русскія дѣла. Сколько пере-

жито съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ видѣлись въ Берлинѣ, и сколько еще придется пережить, прежде нежели наше отечество дождется свободы и хоть сколько-нибудь сноснаго существованія! Кажется, нигдѣ еще трагедія всемірной исторіи не была такъ печальна, какъ у насъ. И все-таки, думается мнѣ, каждому, кто за завтрашнимъ днемъ умѣетъ видѣть послѣзавтрашній, не слѣдуетъ терять голову: среди великихъ мукъ, лучшія времена въ концѣ концовъ наступятъ".

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ: „Особенно удручаетъ меня мысль о голодѣ. Шутка сказать, третій годъ четверть Россіи собираетъ меньше десятка пудовъ на десятину. У насъ, конечно, все валятъ на стихіи: но отчего же въ томъ же Самарскомъ уѣздѣ, гдѣ мужики собрали по 3 пуда съ десятины, мѣстный агрономъ Жуковъ на опытномъ полѣ въ оба года получалъ больше 100 пудовъ съ десятины? Ясно, что пріемы хозяйства изжили свой вѣкъ и должны быть замѣнены новыми. Такіе пріемы уже выработаны и провѣрены; нужно только распространить ихъ. А кто же будетъ распространять, когда агрономовъ отовсюду гонятъ въ шею частію администрація, частію же черносотенные элементы въ земствахъ. На-ряду съ организаціей продовольственной помощи, слѣдовало бы подумать объ организаціи распространенія общихъ и сельско-хозяйственныхъ знаній въ голодномъ краѣ".

Вся жизнь Александра Ивановича была наполнена трудомъ. Онъ и о здоровьи своемъ заботился, главнымъ образомъ, для исполненія своего трудового долга предъ родиной. Въ каждомъ письмѣ своемъ, на-ряду съ глубоко трогавшею меня просьбою поберечь мое здоровье и не растрачивать силы въ работѣ, онъ сообщалъ о своихъ непрерывныхъ, усидчивыхъ и постоянно выступающихъ изъ первоначально намѣченныхъ рамокъ научныхъ трудахъ. Въ апрѣлѣ 1903 года онъ пишетъ: „Я провожу Пасху въ Дрезденѣ, гдѣ, вѣроятно, останусь до наступленія жаркаго времени. Всю зиму я работалъ усердно, но къ сожалѣнію ничего не привелъ пока къ концу. Постоянно забываешь изреченіе, которое попалось мнѣ на-дняхъ въ только-что вышедшей книгѣ Зомбарта: „Wer aengstlich abwaegt, sagt gar nichts". Все хочется захватить новые матеріалы, но въ отдѣлѣ, которымъ я занимаюсь, каждый день даетъ такъ много, что ограниченная сила духа подавляется этимъ неустаннымъ творчествомъ жизни. Какъ бы то ни было, теперь я сказалъ себѣ: „довольно", стараюсь быть слѣпъ и глухъ къ тому, что совершается въ великомъ Божьемъ мірѣ, и забочусь только о томъ, чтобы свести концы съ концами ранѣе „тризны, уже недалекой". Удастся ли это, нельзя сказать, можетъ быть столь же неожиданно придется прослѣдовать „туда

далече", какъ отошли Кавелинъ, Соловьевъ, Джаншіевъ и еще на дняхъ Духовской, словомъ, цѣлый сонмъ знакомыхъ и друзей".

При этомъ, кромѣ печальныхъ личныхъ предчувствій, къ несчастію, вполнѣ осуществившихся, его смущала по временамъ мысль о несоотвѣтствіи его трудовъ „злобѣ дня". Онъ пишетъ въ іюлѣ 1905 г.: „я живу въ нынѣшнемъ году совсѣмъ по-стариковски,— хотя много работалъ въ Мюнхенскихъ библіотекахъ, но печаталъ я мало. Мнѣ чувствуется, что тѣ темы, которыми я съ особой любовью занимался въ послѣдніе годы — совсѣмъ не по времени въ настоящую пору. Кому охота читать объ интенсификаціи земледѣлія, о сельско-хозяйственныхъ кооперацiяхъ, о мелкомъ кредитѣ и т. п., когда всѣ умы заняты пересмотромъ основъ нашего государственнаго существованія?.." — Мысль о работѣ сопровождала его и во время отдыха и переплеталась съ восхищеніемъ природой и изученіемъ искусства. Онъ былъ великій поклонникъ Италіи. „Не соберетесь ли для возстановленія душевнаго равновѣсія за границу и въ частности въ Италію?—пишетъ онъ весною 1906 года.—Ничто такъ не бодритъ человѣка, какъ созерцаніе этихъ дивныхъ памятниковъ вѣчной красоты, остающихся во всей неприкосновенности на развалинахъ всѣхъ прочихъ человѣческихъ созданій. Погибла Флорентинская синьорія, заказавшая Риберти его знаменитыя двери, исчезли цехи, украшавшіе церковь Орсанмикеле, сошли съ лица земли Медичисы, для которыхъ работалъ Микель-Анджело, и, однако-жъ, бронзовыя „райскія врата" Баптистерія, Георгій Побѣдоносецъ Донателло и скульптуры Медицейской капеллы вызываютъ и до сихъ поръ такое же восхищеніе и благоговѣніе, какое возбуждали они въ сердцахъ современниковъ. Только трудъ, направленный на возвышеніе человѣческой культуры, трудъ Галилеевъ, Данте, Рафаелей переживаетъ вѣка,—вся же эта шумиха внѣшней и внутренней политики, такъ поглощающая вниманіе, — проходитъ, какъ дымъ. Я благодаренъ судьбѣ, что она занесла меня еще разъ во Флоренцію. Здѣсь столько поучительнаго и интереснаго, что не пересмотришь въ цѣлые года. При томъ же мнѣ приходится дѣлить время между осмотрами и собственными работами, которыя подвигаются медленнѣе, нежели я надѣялся. Не мало уходитъ времени и на чтеніе по исторіи эпохи Возрожденія и особенно по тогдашней исторіи искусства. Величайшее удовольствіе доставляетъ изученіе этой исторіи въ виду тѣхъ самыхъ памятниковъ, которыхъ она касается".— „Самою интересною частью моихъ странствованій въ 1900 году—пишетъ онъ въ другой разъ—была поѣздка въ маѣ по Сѣверной Италіи, которою я воспользовался для изученія сельскаго кредита, сельско-хозяйственныхъ ассоціацій и тамошнихъ пріемовъ распространенія въ

*

народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній, но никакъ не ожидалъ, что встрѣчу такъ много любопытнаго и получу столько живыхъ впечатлѣній. Въ лицѣ профессоровъ, такъ называемыхъ „странствующихъ каѳедръ земледѣлія“, я встрѣтилъ въ Падуѣ, въ Пармѣ, въ Веронѣ истинныхъ подвижниковъ, святыхъ людей, которые всѣхъ себя цѣликомъ отдали на служеніе народу. Это—нѣчто въ родѣ нашихъ земскихъ агрономовъ, но только съ гораздо болѣе широкой и болѣе активной ролью. Ихъ цѣль—распространить въ небольшомъ районѣ, гдѣ они дѣйствуютъ, между мелкими земледѣльцами раціональные сельско-хозяйственные пріемы, и они достигаютъ этого съ такимъ успѣхомъ, что, несмотря на недавнее начало ихъ дѣятельности, ихъ районовъ узнать нельзя. Но чего это стоитъ? Эти люди не имѣютъ покоя ни днемъ, ни ночью. Все ихъ время занято лекціями въ деревняхъ, курсами въ городахъ, веденіемъ популярнаго журнала, а главное, безчисленными совѣтами, устными и письменными, за которыми обращается къ нимъ вся округа. Мнѣ сколько разъ пришлось видѣть, что творится у нихъ въ рыночные дни. Это картина, которая напоминаетъ пріемъ у любимаго народомъ земскаго врача. Несмотря на недосугъ, почтенные профессоры были рады показать иностранцу все, что есть интереснаго въ ихъ мѣстности и въ ихъ дѣятельности. Меня возили по деревнямъ и дали возможность познакомиться со всякаго рода ассоціаціями, земледѣльческими школами, съ имѣніями разныхъ размѣровъ и разныхъ культуръ, со всякими слоями населенія. Въ одинъ мѣсяцъ мнѣ пришлось пересмотрѣть столько, сколько я одинъ, безъ посторонней помощи, не увидѣлъ бы и въ полгода. Я вывезъ изъ этой поѣздки нѣсколько ящиковъ матеріаловъ, писанныхъ и печатныхъ. Теперь я занимаюсь ихъ обработкой для статей въ „Русскія Вѣдомости“, а потомъ для отдѣльной книги. Когда кончу этотъ трудъ, еще самъ не знаю, потому что мудрено справиться съ массой фактовъ. Очень хочется привести къ концу эту работу и кое-что подготовить для другихъ, безъ исполненія которыхъ не хочется сойти въ могилу, вѣроятно уже недалекую“.

Любовь къ Италіи однако не ослѣпляла его и не мѣшала справедливо отнестись къ Германіи. „Она конечно кажется какъ-то блѣдновата послѣ долгаго пребыванія въ Италіи, — пишетъ онъ— и небо ея сѣрѣе, и люди скучнѣе, угловатѣе, грубѣе, и всѣ ихъ продукты не имѣютъ того изящества, но есть въ этой жизни что-то покойное, удобное, сильное. Попавъ въ тѣ же мѣста послѣ семнадцати лѣтъ, я вижу прогрессъ удивительный и не показной только, а вошедшій въ бытъ, такъ сказать, переваренный народомъ. Что это такъ, въ томъ убѣждаетъ уже одно замѣчательное, до роскоши

доходящее, изобиліе средствъ къ образованію,—эти дивныя библіотеки, въ родѣ, напримѣръ, Дрезденской Гештифтунгъ, гдѣ выложено 350 журналовъ по однимъ общественнымъ наукамъ, эти дворцы-читальни, въ родѣ только-что открытыхъ Дрезденской и Іенской, гдѣ къ услугамъ публики до 1.000 періодическихъ изданій по всѣмъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія, всевозможныя справочныя пособія и снабженныя всяческимъ комфортомъ комнаты для отдыха и бесѣды. Германія не умомъ только, а сердцемъ поняла, что все ея богатство основано на знаніи, и не щадитъ ничего для накопленія и распространенія этого знанія. Я недавно живу въ Германіи, а могъ бы привести десятокъ фактовъ въ подтвержденіе этого изъ моихъ личныхъ наблюденій“. Но въ послѣднемъ своемъ письмѣ, уже не задолго до смерти, онъ снова возвращается къ своей милой Италіи и пишетъ: „Поѣздка въ Италію дала мнѣ массу пріятнѣйшихъ впечатлѣній и точно помолодила меня. Я очень люблю эту страну и живо интересуюсь ея судьбами. Въ Римѣ, кромѣ осмотра галлерей, музеевъ и церквей, я употреблялъ время на ознакомленіе съ новѣйшими успѣхами Италіи по части земледѣлія и аграрнаго законодательства, въ спеціальныхъ библіотекахъ, которыя любезно были для меня открыты, и путемъ бесѣдъ со свѣдущими лицами. Привезъ я съ собой изъ Рима цѣлыхъ три пуда разнообразныхъ матеріаловъ и даже не знаю, смогу ли я воспользоваться всѣми этими благами. Очень многому можно было бы поучиться и нашимъ законодателямъ у этой страны съ ея богатымъ историческимъ прошлымъ. Самъ Римъ въ осенніе дни прекрасенъ, а особенно симпатичны въ эту пору его окрестности. Помните у Тургенева въ его „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ поѣздку съ Ивановымъ въ Альбано и Фраскати? Такіе точно „удивительные дни, недоступные ни перу, ни кисти“, „съ праздничнымъ осеннимъ блескомъ“ выпали и на мою долю. Съ Яникульскаго холма, съ Via Appia, съ Via Nomentana, приходилось любоваться закатами, какихъ я не запомню въ своей жизни. Сама улица Римская въ это время года полна живыхъ и разнообразныхъ красокъ: не насмотришься на эти старыя развалины, на эти дворцы, на эту пеструю, живую народную толпу. Къ сожалѣнію, мнѣ было запрещено ходить пѣшкомъ по Риму съ его семью холмами, и я долженъ былъ пользоваться удовольствіемъ прогулокъ и осмотровъ лишь съ большой осторожностью; но я и за то благодаренъ судьбѣ, что удалось повидать“,

Безупречный, кристально-чистый человѣкъ, преданный наукѣ и родинѣ, Чупровъ имѣлъ безусловное право надѣяться на правильную оцѣнку своей личности и побужденій. Но ему пришлось именно съ этой стороны пережить тяжелыя испытанія.

„Сейчасъ посылаю Вамъ — писалъ онъ мнѣ въ 1897 г.—только-что полученные оттиски моихъ статей въ вышедшемъ недавно изданіи департамента торговли и мануфактуръ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства". Это изданіе исполнено по программѣ, выработанной при моемъ непосредственномъ участіи, и все сплошь проредактировано мною. Я знаю, что на него послѣдуютъ самыя рѣзкія нападки особенно со стороны аграріевъ, но при оцѣнкѣ ихъ я прошу вѣрить одному: изданіе предпринято участниками единственно съ цѣлью посильно разъяснить истину въ сложномъ и важномъ вопросѣ; авторы не щадили труда и переработали массу матеріаловъ".—Ожиданія его сбылись, и недостойныя, почерпнутыя нѣкоторыми со дна собственной низменной души, нападки—и притомъ со стороны не однихъ „аграріевъ",—посыпались на него, „пустивъ шипъ по змѣиному", какъ говорилось въ старину.—Все это, къ счастію, скоро позабылось, и тщетныя попытки поколебать уваженіе къ Чупрову, представивъ его податливымъ ученымъ, пишущимъ „на заказъ" свои сомнительныя изслѣдованія—обратились въ ничто, но на него все это подѣйствовало очень сильно, хотя, по внѣшности, и мало замѣтно, подъ вліяніемъ законной гордости внутренняго сознанія по отношенію къ чужимъ, подъ вліяніемъ нѣжнаго и бережливаго участія къ своимъ.—Оно и понятно. Легче сказать общественному дѣятелю „не обращайте вниманія!", чѣмъ ему это выполнить въ тайникѣ души. „N'est ce rien pour un noble coeur, pour un esprit elévé, de se sentir haï, tandis qu'il à le droit d'être aimé comme il sent qu'il le merite—сказалъ въ одной изъ своихъ замѣчательныхъ рѣчей, приведенной въ „Revue Britannique", знаменитый Брайтъ--d'entendre autour de lui les sifflements aïgus de la calomnie, qui rampe dans l'ômbre, comme un serpent, sans qu'on puisse la saisir.?!—Чрезъ полгода послѣ появленія „Вліяніе урожаевъ и т. д.", во время моего пріѣзда въ Москву для чтенія публичной лекціи объ Одоевскомъ, съ цѣлью увеличенія средствъ на изданіе „Вѣстника философіи и психологіи", мы проходили и просидѣли съ Чупровымъ болѣе двухъ часовъ на Пречистенскомъ бульварѣ въ бесѣдѣ объ этихъ нападкахъ—и я видѣлъ, какъ волновали онѣ его, и какіе болѣзненные рубцы оставили онѣ на его нѣжной и воспріимчивой душѣ. Увы! судьба плохой хирургъ, а не слѣдуетъ нѣмецкому правилу: „man soll die Wunden heilen ohne die Narben zu lassen".—

Всегда строгій къ себѣ и снисходительный къ людямъ,—свыше мѣры цѣнившій ихъ, если дѣятельность ихъ казалась ему направленною на общую пользу и если они, въ его глазахъ, не измѣняли себѣ и своимъ убѣжденіямъ съ приближеніемъ старости—что, по

его мнѣнію, было также постыдно, какъ красить въ преклонные годы въ другой цвѣтъ свои волосы,—онъ былъ оптимистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Но этотъ оптимизмъ и широкая снисходительность—простирались, несмотря на всѣ житейскія разочарованія, лишь на людей. Къ условіямъ жизни, къ складу общественныхъ отношеній, къ соотвѣтствію учрежденій вложенной въ нихъ идеѣ—онъ относился гораздо строже и признавалъ, что въ этомъ отношеніи благодушный оптимизмъ и примирительная приспособляемость часто граничатъ съ попустительствомъ.. Съ теплымъ чувствомъ умѣлъ онъ вспоминать встрѣченныхъ имъ въ жизни людей, которымъ судьба дала оставить по себѣ болѣе или менѣе яркій слѣдъ. Въ этомъ отношеніи у него былъ,—столь рѣдкій у насъ, забывчивыхъ и неблагодарныхъ,—культъ „вчерашняго дня" въ томъ смыслѣ, что всѣ, кто скрашивалъ этотъ день, кто дѣлалъ его болѣе сноснымъ для людей мыслящихъ и страдающихъ,—кто старался озарить его закатъ бодрой вѣрой въ лучшій завтрашній день—были ему дороги и душевно близки. Въ его письмахъ ко мнѣ, въ его горячихъ отзывахъ о тѣхъ характеристикахъ, которыя я посвящалъ въ рядѣ очерковъ свѣтлымъ „людямъ вчерашняго дня"—постоянно встрѣчаются теплые и прочувствованные отзывы о многихъ изъ послѣднихъ, которыхъ онъ знавалъ лично. Такъ онъ сообщилъ мнѣ весьма цѣнныя данныя о художественныхъ наклонностяхъ извѣстнаго адвоката князя А. И. Урусова и въ сердечныхъ словахъ помянулъ К. К. Грота и В. С. Соловьева, „котораго глубоко уважалъ и очень любилъ со всѣми особенностями его тѣлеснаго и духовнаго облика,—передать сущность котораго въ одухотворенномъ изображеніи не удалось ни одному изъ русскихъ живописцевъ, бравшихся за его фигуру".

Съ искренней благодарностью, со справедливой гордостью вспоминаю я доброе дружеское отношеніе Чупрова ко мнѣ,—его тревогу о моемъ очень пошатнувшемся въ послѣднее десятилѣтіе здоровьи,—его настойчивые, идущіе изъ сердца совѣты „щадить себя" и пожить подольше въ Италіи или хорошемъ уголкѣ Германіи,—его лестные, проникнутые теплымъ сочувствіемъ, отзывы о каждомъ моемъ трудѣ, появлявшемся въ печати. Особенно нравилась ему—старому москвичу—книга о московскомъ филантропѣ докторѣ Гаазѣ, „являющаяся—какъ писалъ онъ мнѣ—самою сильною проповѣдью дѣятельной любви къ ближнему изъ всего, съ чѣмъ мнѣ пришлось познакомиться, въ теченіе долгой моей жизни";—затѣмъ ему очень нравился очеркъ жизни и произведеній И. Ѳ. Горбунова. Онъ писалъ мнѣ, что перечитывалъ его нѣсколько разъ, также какъ и рѣчь о Н. И. Стояновскомъ, которая „даетъ характеристику не только замѣчательной личности, но и эпохи, и при томъ

такой эпохи, которой не скоро дождется въ другой разъ наша страна".

Еще за мѣсяцъ до кончины, онъ писалъ мнѣ: „съ великимъ удовольствіемъ прочелъ я Ваши „Воспоминанія и замѣтки судьи". Какой глубокій интересъ въ этихъ отрывкахъ житейской драмы, какая живость изложенія! Какъ будто самъ переживаешь съ Вами это дерганье двери слѣдователемъ, это ожиданіе въ подвалѣ анатомическаго театра, этотъ арестъ Овсянникова. А мѣста объ офицерѣ, взявшемъ назадъ жалобу на отца,—о котятахъ и писарѣ Нечаевѣ—мѣста, свидѣтельствующія, что у самыхъ жестокихъ натуръ остается что-то мягкое и человѣческое—они перевернули мнѣ душу, какъ въ давно прошедшее время разсказъ Бретъ-Гарта о вліяніи подкинутаго младенца на шумный лагерь бездомныхъ бродягъ. Я самъ не знаю—отчего подобныя черты такъ сильно захватываютъ насъ".

И въ трудные дни моей служебной жизни онъ поддерживалъ меня своимъ словомъ привѣта и ободренія. Давая въ Сенатѣ заключенія по дѣламъ, связаннымъ съ вопросомъ о свободѣ совѣсти и религіозныхъ убѣжденій, мнѣ приходилось работать среди довольно неблагопріятныхъ условій и обстановки. Объ этомъ подробно разсказано мною въ помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" нынѣшняго года, въ номерахъ II, X и XI „Воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебнаго дѣятеля"—относящихся до дѣлъ объ уніатахъ, штундистахъ, пасторахъ и старообрядцахъ. Когда путемъ печати или устно, о посильной защитѣ мною священныхъ правъ человѣческаго духа доходило до Александра Ивановича,—я немедленно получалъ отъ него письмо съ выраженіемъ цѣннаго въ нравственномъ отношеніи сочувствія. То же было и по дѣлу о нарушеніи тайны исповѣди, очень его встревожившему, въ виду довольно сильнаго стремленія нѣкоторыхъ вліятельныхъ сенаторовъ принести въ жертву преходящимъ интересамъ уголовнаго правосудія—вѣковѣчные, идеальные интересы безбоязненнаго и свободнаго покаянія. Онъ горячо привѣтствовалъ защиту мною неприкосновенности тайны исповѣди, какъ „охрану святыни нравственныхъ побужденій человѣка". Также отнесся онъ и къ разработкѣ мною вопроса о врачебной тайнѣ на Пироговскомъ Съѣздѣ и въ лекціи земскимъ врачамъ въ Клиническомъ Еленинскомъ Институтѣ. Въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ онъ писалъ: „мнѣ было отрадно прочесть Вашу рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу попечительствъ (о народной трезвости). Вы отстаивали правое дѣло и совершенную истину—и сила аргументовъ Вашихъ лишь увеличилась отъ формы, въ которую они были облечены. За то какой реторикой и фальшью звучатъ нѣкоторыя возраженія Вамъ и между

прочимъ елейныя слова о церковномъ пѣніи, водворяемомъ на счетъ пьянства народнаго"...

Зная правдивость и душевный складъ Чупрова—я не могъ сомнѣваться въ искренности его одобренія и тѣмъ дороже и цѣлительнѣе бывало оно для меня. По понятнымъ соображеніямъ я не считаю возможнымъ привести здѣсь длиннаго письма изъ Берлина, отъ 26 сентября 1905 г., присланнаго мнѣ имъ по случаю сорокалѣтія моей служебной дѣятельности. Скажу одно—оно было одною изъ лучшихъ нравственныхъ наградъ за эти сорокъ лѣтъ и своими возвышенными строками заставляло забыть о многихъ камняхъ и терніяхъ жизненнаго пути за эти годы...

Послѣднее свиданіе наше произошло въ сентябрѣ 1903 года въ Берлинѣ, куда онъ нарочно пріѣхалъ изъ Дрездена, чтобы провести со мною день. Къ сожалѣнію, наша встрѣча была для меня отравлена сильнѣйшимъ сердечнымъ припадкомъ, хотя и обезсилившимъ меня на много часовъ, но давшимъ въ то же время мнѣ испытать на себѣ участливую заботу Александра Ивановича. Онъ остался, въ виду моего нездоровья, и на слѣдующій день, который мы провели неразлучно вмѣстѣ, а вечеромъ отправились въ Deutsches Theater, на первое представленіе „Воскресенія" (Auferstehung) Толстого, передѣланнаго довольно талантливо и умѣло для сцены. Тщательное изображеніе русской обстановки, почти полное отсутствіе неточностей въ бытовомъ отношеніи, правдивая и горячая игра артистовъ заставили насъ почти позабыть, что мы видимъ русскую драму на нѣмецкомъ языкѣ, исполняемую иностранцами, а захватывающая возвышенность содержанія сильно на насъ подѣйствовала. Въ концѣ пьесы, когда Неклюдовъ привозитъ въ Сибири, въ пасхальную ночь, помилованіе Катюшѣ, и она великодушно отказывается слѣдовать за нимъ,—когда происходитъ трогательная сцена ихъ прощанія подъ звуки пасхальнаго звона, а въ небѣ широко загорается сѣверное сіяніе, весь театръ былъ взволнованъ, многіе не могли удержать слезъ, да и у насъ глаза были „на мокромъ мѣстѣ". Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы и разстались. Въ бесѣдѣ въ маленькомъ скверѣ передъ зданіемъ театра, Чупровъ высказывалъ горячее желаніе поскорѣе вернуться въ Россію. Онъ предчувствовалъ, что въ ея внутреннемъ строѣ наступаетъ своего рода Auferstehung, но, конечно, не могъ предвидѣть, путемъ какихъ тяжкихъ испытаній нашей родины онъ придетъ къ этому... Но прежде всего его удерживала за границей начатая работа. „Дивныя дѣла совершаются въ Россіи,—писалъ онъ мнѣ уже въ январѣ 1905 года — невыразимо тяжело оставаться въ такую пору внѣ родины, но меня удерживаетъ сознаніе нравственной обязанности кончить работу, на которую я уже потратилъ столько

силъ. Я выбралъ для зимняго житья Мюнхенъ съ его старыми достопочтенными библіотеками, съ его славнымъ университетомъ. Здѣсь интересный кругъ профессоровъ, бойкая научная жизнь, масса художественныхъ сокровищъ, отличная опера, изобиліе всякой музыки, хотя мнѣ мало приходится пользоваться всѣми этими источниками развлеченія, потому что вѣчно приходится сидѣть за книгой и за письменнымъ столомъ. Но уже одна мысль о возможности отдохнуть на симфоніи Гайдна или на драмѣ Шекспира ободряетъ духъ. Климатъ Мюнхенскій, вопреки своей репутаціи, пока по мягкости не оставляетъ ничего желать, оттого и здоровье мое пока держится въ удовлетворительномъ состояніи. Работалъ я въ нынѣшнемъ году много и часть своихъ писаній подготовилъ къ печати, а въ послѣдніе мѣсяцы даже нѣсколько отвлекся отъ прямого дѣла ради газетныхъ статей: захотѣлось тряхнуть стариной, пользуясь фактически водворившейся на нѣкоторое время свободой слова".

Къ несчастью, удовлетворительное состояніе здоровья Александра Ивановича было призрачнымъ и представляло лишь краткій отдыхъ со стороны неуклонно надвигавшагося съ 1898 года тяжелаго недуга. Еще тогда писалъ онъ мнѣ: „Ваши теплыя строки были для меня какъ бы лучемъ свѣта въ окружающую меня въ послѣднее время тьму. Вы представить себѣ не можете, какъ худо жилось мнѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Возвратившись изъ превосходнаго четырехнедѣльнаго путешествія въ Закавказье въ послѣднихъ числахъ сентября, я засталъ моего брата въ непоправимо плохомъ состояніи. Отчасти печаль, отчасти безсонныя ночи при больномъ вызвали у меня, черезъ недѣлю по пріѣздѣ, тяжелую болѣзнь сердца, о которой я раньше не имѣлъ никакого представленія. Мучительный припадокъ длился у меня около двадцати часовъ сряду и такъ истомилъ меня, что мнѣ потребовалось около двухъ недѣль лежать въ постели, а потомъ столько же времени оправляться, не выходя изъ комнаты. Едва я оправился и началъ выходить, какъ снова погрузился въ заботы объ умирающемъ братѣ, но несмотря на всѣ усилія онъ въ концѣ ноября скончался. Вы хорошо понимаете, какъ тяжело въ наши годы терять близкихъ людей, но лишиться человѣка, который былъ спутникомъ всей моей жизни, былъ товарищемъ всѣхъ дѣлъ и помышленій съ первыхъ проблесковъ сознательнаго существованія,—это испытаніе превыше силъ! Я едва начинаю нѣсколько отходить въ послѣдніе дни и то, главнымъ образомъ, благодаря непрерывнымъ текущимъ дѣламъ. Простите, что я такъ распространился о своемъ горѣ, но, къ сожалѣнію, оно составляетъ пока такую мою принадлежность, отъ которой никакъ не могу отрѣшиться".

Чрезъ десять лѣтъ недугъ, упоминаемый въ этомъ письмѣ, сломилъ свою жертву внезапно и неожиданно для близкихъ. Чупровъ чувствовалъ себя къ концу февраля 1908 года новаго стиля нѣсколько слабымъ, но раціональный образъ жизни, предписанный врачами и строго имъ соблюдаемый, казалось, устранялъ всякую непосредственную опасность. 23 февраля вечеромъ, онъ былъ въ концертѣ и наслаждался возможностью слышать хорошую музыку—не въ мысляхъ только, но и въ дѣйствительности,—а на другой день, по чудной погодѣ пошелъ къ своему другу, профессору Лотцу. Здѣсь во время бесѣды, его сразила смерть. Благородное сердце сразу перестало биться... За пятнадцать лѣтъ предъ этимъ онъ написалъ въ альбомъ своей дочери стихотвореніе, въ которомъ указываетъ ей, что въ жизни „къ счастью прочному открыты три дороги:—любить природы красоту,—трудъ имѣть любимый и умѣть любить людей и въ радости, и въ горѣ,—съ участьемъ дружескимъ невзгоды ихъ дѣлить,—въ привѣтѣ, въ дѣйствіяхъ или въ братскомъ разговорѣ умѣть себя всегда съ другой душою слить“... Тотъ, кто лично былъ знакомъ съ нимъ, кто слышалъ и читалъ его, тотъ знаетъ, что всю жизнь онъ шелъ этими тремя путями, не зарывая въ землю даровъ своего ума и сердца... И судьба лично къ нему была милостива: когда онъ много и благотворно прошелъ этими путями, не сходя въ сторону, она дала ему—любителю природы и поклоннику искусства—въ предсмертные часы полюбоваться первою и насладиться вторымъ—и сразу пресѣкла его чистую, любвеобильную жизнь.

А. Ѳ. Кони.

Александръ I, Ермоловъ и Наполеонъ I.

Извѣстно, что кончина Императора Павла I-го застала знаменитаго генерала Алексѣя Петровича Ермолова заключеннымъ въ Петропавловской крѣпости; въ день восшествія на престолъ Императора Александра I-го, генералъ былъ освобожденъ и, разставаясь съ „пріютившимъ“ его казематомъ, написалъ надъ входомъ въ него: „свободенъ отъ постоя“. — Государь узналъ объ этомъ и, печально, съ глубокимъ вздохомъ сказалъ:—„Хотѣлось бы, чтобы навсегда“.

Впослѣдствіи Наполеонъ I, — придававшій вообще большую цѣну Ермолову, какъ человѣку, какъ генералу и какъ государственному дѣятелю, узнавъ объ этомъ случаѣ, — высказалъ Императору Александру между прочимъ: „Ермоловъ у васъ одинъ; не знаю, какую оцѣнку дать тому, что онъ оказался въ числѣ заключенныхъ, но во всякомъ случаѣ, большая честь государямъ и націямъ, у которыхъ подобные люди, имѣя въ прошломъ тюрьму, попадаютъ послѣ нее на путь несенія высшей государственной службы и успѣваютъ въ теченіи своей жизни принести отечеству пользу, отвѣчающую ихъ изобильной талантливости.

Сообщ. А-й.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казимiръ Васильевичъ Левицкiй [1]).

IV.

У насъ была знакомая семья С—выхъ, состоявшая изъ матери и трехъ дочерей—дѣвушекъ. Семья очень милая; старшая и младшая дочери были очень хорошенькiя, а средняя—положительно красавица. Не скажу, чтобы мнѣ не случалось видѣть такихъ же удивительныхъ глазъ, какiе сiяли изъ ея прелестнаго личика, но лучшихъ глазъ я не встрѣчалъ.

Левицкiй до того, какъ сталъ моимъ постояннымъ гостемъ, усердно посѣщалъ домъ офицера генеральнаго штаба Любовицкаго, моего товарища по выпуску, очень умнаго, дѣльнаго и тактичнаго поляка, окончившаго свою карьеру членомъ Государственнаго Совѣта. Служа на русской службѣ, онъ очень осторожно проявлялъ свои польскiя тенденцiи, но жена его, прекрасная музыкантша и заядлая полька, была центромъ кружка петербургской польской молодежи. Умная и образованная, она имѣла большое влiянiе и на Левицкаго.

Мнѣ удалось парализовать это влiянiе и окончательно отвлечь его отъ польщизны, которая царствовала въ домѣ жены Любовицкаго и уже начинала захватывать Левицкаго, по отцу, все-таки, поляка.

Часто бывая у меня, онъ встрѣтился съ красавицей Марiей и сразу же очаровался ею. Жена моя, склонная, какъ почти всѣ женщины, налаживать браки, видя въ Левицкомъ очень хорошую партiю,

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1909 г.

рѣшила, что дѣло должно кончиться свадьбой и, приглашая трехъ сестеръ, устраивала такъ, чтобы въ это время былъ и Казиміръ.

И дѣло, казалось, должно было наладиться: дѣвушка была не богатая, Казиміръ представлялъ собою прекрасную партію и, повидимому, не былъ непріятенъ красавицѣ, хотя поражалъ, подчасъ, своею наивностью.

Такъ, когда разъ жена замѣтила при красавицѣ, что у Казиміра прекрасные зубы, онъ съ большою искренностью, которую лучше было бы не проявлять, началъ утверждать, что только передніе зубы хороши, а коренные совсѣмъ гнилые и даже показалъ ихъ, запустивъ палецъ въ ротъ.

О, святая простота! О, наивность! О, незнаніе сердца дѣвушекъ, къ чести ихъ, всегда готовыхъ дѣлать иллюзіи, разбивать которыя, по меньшей мѣрѣ, безтактно, думалось мнѣ! Но меня лично эта наивная выходка искренности и правдивости подкупила еще болѣе въ пользу Казиміра.

Семья С—выхъ переѣхала на дачу въ Шувалово.

Пріѣзжаетъ вскорѣ ко мнѣ Казиміръ.

— Знаешь что? — говоритъ онъ. — Будь другомъ, ѣдемъ сейчасъ въ Шувалово верхомъ.

— Ну! — Вѣдь это верстъ 18—20 отсюда.

— Что жъ такое? — отвѣчаетъ онъ.—20 верстъ туда, 20 обратно, всего только 40.

— А на какихъ лошадяхъ?

— Да на моихъ. Выбирай любую. Хочешь Машку (полукровная кобыла), хочешь степняка.

Левицкій былъ тогда начальникомъ Штаба Гвардейской кавалерійской дивизіи и обязанъ былъ имѣть верховыхъ лошадей. Ѣздокъ онъ былъ неутомимый, хотя, съ кавалерійской точки зрѣнія, ѣздилъ не важно — какъ пѣхотинецъ.

Мы собрались въ 10 минутъ, и черезъ полтора-два часа уже разыскивали дачу въ Шуваловѣ, при чемъ, во все время пути, мнѣ приходилось сдерживать стремительность Казиміра, чтобы онъ явился передъ красавицей не слишкомъ потнымъ и запыленнымъ.

Разыскали. Но—разочарованіе: всѣ сестры уѣхали съ компаніей верхомъ на мѣстныхъ лошадкахъ.

— Куда?

— Вѣроятно, въ паркъ, и уѣхали съ полчаса тому назадъ.

Тутъ ужъ нечего было думать о пыли и потѣ, и, растяжнымъ галопомъ, мы понеслись по парку.

Кони были добрые: вскорѣ догнали. Но тутъ опять неудача: моя кобыла спокойно шла подлѣ амазонки, степнякъ же, по необразова-

нію своему, горячился, рвалъ и бочилъ до того, что Левицкому приходилось ѣхать лишь поодаль, чтобы не сбить амазонки.

Началъ онъ меня просить пересѣсть на его лошадь и, разумѣется, подразнивъ немного, я исполнилъ его желаніе.

Былъ чудный, свѣтлый сѣверный вечеръ. Мнѣ стало почему-то грустно. Я почувствовалъ себя одинокимъ и, не желая никому мѣшать, поѣхалъ одинъ прямо къ старушкѣ-матери. Черезъ часъ подъѣхала кавалькада, а еще черезъ часъ, мечтательно настроенные, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ чудныхъ глазъ, мы съ Левицкимъ возвращались почти молча перемѣннымъ аллюромъ въ Петербургъ.

Этотъ вечеръ былъ апогеемъ влюбленности Казиміра.

Вскорѣ войска гвардіи выступили въ лагерь, и Казиміру стало не до ухаживанія, а зимой по всему стало замѣтно, что матримоніальные планы моей жены не поведутъ ни къ чему.

О чемъ говорилъ Казиміръ съ красавицей въ тотъ чудный вечеръ? что она ему отвѣчала? — я не разспрашивалъ изъ деликатности, а онъ также молчалъ.

Вообще Казиміръ, несомнѣнно относившійся въ ту пору ко мнѣ, какъ къ самому близкому себѣ человѣку (болѣе короткаго пріятеля у него не было), несмотря на то, что, какъ мнѣ казалось, у него не было отъ меня затаенныхъ мыслей,—никогда не говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, которыя, какъ у человѣка здороваго, должны были, конечно, имѣть мѣсто, хотя бы въ формѣ грубой, чисто животной, исключающей всякую иллюзію. И это въ немъ мнѣ очень нравилось, какъ и то, что онъ, вообще, не былъ цинекомъ, хотя выказывалъ большое удовольствіе и хохоталъ до упаду, слушая анекдоты, посыпанные перцемъ, разсказывать которые, когда-то, я былъ большимъ мастеромъ.

Не желая вторгаться въ его интимную жизнь и не позволяя себѣ даже спросить—отчего онъ такъ рѣзко оборвалъ съ красавицей, я, однако, сказалъ ему однажды:

— „А что, Казиміръ, пора бы тебѣ подумать и о женитьбѣ, смотри, не опоздай“.

— „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ грустью. У меня семья на рукахъ. Мнѣ о ней надо думать. Женитьба поведетъ къ осложненіямъ, съ которыми, пожалуй, не справишься“.

Года черезъ два, красавица вышла замужъ за очень умнаго, образованнаго и состоятельнаго человѣка, который сумѣлъ себѣ составить крупную военную карьеру. Я не встрѣчалъ ее уже лѣтъ 15, но, говорятъ, она хороша еще до сихъ поръ, несмотря на свои 50 лѣтъ съ большимъ, большимъ хвостикомъ.

V.

Я сказалъ, что Левицкій былъ узкимъ педантомъ въ своей спеціальности. На этой почвѣ у насъ были частыя ссоры, кончавшіяся, однако, вполнѣ благополучно.

Мнѣ никогда не случалось присутствовать на его лекціяхъ, ни на практическихъ занятіяхъ съ офицерами, но послѣдніе меня увѣряли, что онъ былъ на практическихъ занятіяхъ невыносимъ и что бывали нерѣдкіе случаи, когда, поставивъ, напримѣръ, батарею на планѣ по его указанію, офицеръ черезъ недѣлю, представляя ту же задачу, выслушивалъ отъ Левицкаго, отличавшагося забывчивостью, рѣзкія замѣчанія за расположеніе именно этой самой батареи.

И, зная забывчивость и разсѣянность Левицкаго, допускаю, что въ разсказахъ офицеровъ была доля правды.

Что касается экзаменовъ, то здѣсь онъ дѣйствительно былъ придирчивъ и педантиченъ до невозможности.

Въ то старое время, извѣстныя руководства, какъ напримѣръ книга Карцера о тактикѣ, также грѣшили пунктиками. Напримѣръ, подъ рубрикой — выгоды и недостатки развернутаго строя, значилось: „недостатки развернутаго строя состоятъ въ слѣдующемъ: 1) пальба его, по причинѣ тѣснаго размѣщенія людей, не имѣетъ большой мѣткости, 2) по значительному протяженію фронта, строй этотъ трудно укрывать отъ непріятеля за мѣстными предметами, 3) движеніе въ немъ безъ вздваиванія взводовъ затруднительно, въ особенности на мѣстности сколько-нибудь неровной и т. д., цѣлыхъ шесть пунктовъ.

И вотъ Левицкій требуетъ на экзаменѣ, чтобы офицеръ изложилъ ему выгоды и недостатки развернутаго строя. Офицеръ докладываетъ; сказалъ одинъ, два пункта.

— „А еще?“ говоритъ Левицкій.

Офицеръ, подумавъ, еще добавляетъ одну невыгоду.

— „А еще? продолжаетъ Левицкій. А еще?“

Смущенный офицеръ еще добавилъ что-то.

— „А еще? А еще?“ горячо наступаетъ Левицкій.

Я толкаю его ногой и, прикрываясь программой, говорю: „Да перестань ты приставать къ нему“.

Но Казиміръ не обращаетъ на это вниманія и пытаетъ несчастнаго своими „еще и еще“.

Послѣ окончанія экзаменовъ, въ профессорской—ссора.

— „Послушай, Казиміръ“, говорю я, „охота тебѣ приставать съ своими пунктами“.

— „А ты лучше не мѣшай экзаменовать офицеровъ“, отвѣчаетъ онъ. „Не мѣшай убѣдиться въ степени ихъ знаній“.

— „Да какое же тутъ знаніе—перечислить всѣ пункты, которые значатся въ руководствѣ и сидятъ у насъ съ тобой въ головахъ? При полномъ знаніи предмета, офицеру можетъ на экзаменѣ не придти въ голову тотъ или другой пунктъ, и неужели это будетъ признакомъ незнанія? Нельзя же предположить въ офицерѣ незнанія того, что въ разсыпномъ строѣ можно стрѣлять болѣе мѣтко, чѣмъ въ развернутомъ, или что развернутый строй менѣе удобно укрывать отъ непріятеля за мѣстными предметами, чѣмъ разсыпанныхъ стрѣлковъ, или колонну. Вѣдь это не кадеты, не гимназисты“.

Но Левицкій не соглашался и увѣрялъ, что я отношусь къ дѣлу недостаточно серьезно, что покровительствую незнанію.

Одинъ случай особенно остался у меня въ памяти, п. ч. ссора выходила изъ ряда обыкновенныхъ.

Въ одномъ курсѣ съ Куропаткинымъ, Щербо-Нефедовичемъ, Максимовичемъ и покойнымъ, лѣнивымъ, но даровитымъ Кублицкимъ, былъ молодой гвардейскій уланъ, живой, бойкій, съ симпатичнымъ и умнымъ лицомъ. Поступилъ онъ въ Академію въ числѣ первыхъ. Прекрасно занимался въ году; но во время переходныхъ экзаменовъ, заболѣлъ воспаленіемъ мозга, не сдавъ экзамена изъ тактики. Молодость и здоровая натура побѣдили болѣзнь, но періодъ экзаменовъ уже миновалъ, а перевести въ слѣдующій курсъ, безъ экзамена офицера, хотя и способнаго, выходило изъ общепринятыхъ правилъ; поэтому, когда юноша оправился, начальникъ Академіи назначилъ ему экзаменъ изъ тактики отдѣльно отъ другихъ.

— „Вотъ что, Александръ Николаевичъ. говорилъ мнѣ правитель дѣлъ Академіи Н. П. Глиноецкій, сегодня надо проэкзаменовать С—а, проэкзаменуйте его съ Казиміромъ Васильевичемъ. Только онъ совсѣмъ еще боленъ, едва оправился отъ воспаленія мозга.

— „Какъ же мы будемъ экзаменовать больного, да еще послѣ мозговой болѣзни“, отвѣчалъ я. „Отложите лучше экзаменъ; проэкзаменуемъ, когда онъ оправится“.

— „Невозможно. И то мы откладывали до послѣдняго дня; сегодня именно послѣдній день. Сегодня надо представить списки офицеровъ, перешедшихъ въ старшій курсъ“.

— „А какъ онъ поступилъ въ Академію“?

— „Да въ числѣ первыхъ“.

— „А какъ сдалъ переходный экзаменъ по другимъ предметамъ“?

— „Да тоже прекрасно, пока не заболѣлъ“.

— „Ну что же, Казиміръ, пойдемъ“.

И черезъ нѣсколько минутъ предъ нами предсталъ юноша въ уланскомъ мундирѣ, но съ растерянпымъ лицомъ и мутнымъ взглядомъ, совсѣмъ не похожій на того бойкаго улана, лицо котораго, бывало, такъ и искрилось веселостью и сметкой.

Молодой человѣкъ, очевидно, былъ еще боленъ и вышелъ на экзаменъ потому, что былъ послѣдній день.

Ему предложили билетъ.

Онъ началъ говорить что-то очень путанное и несвязное.

Казиміръ нетерпѣливо сталъ ерзать на стулѣ.

Видя, что дѣло плохо, я предложилъ офицеру оставить билетъ и задалъ ему нѣсколько самыхъ простыхъ вопросовъ. Но и на эти вопросы не послѣдовало отвѣта мало мальски удовлетворительнаго.

Тогда горячо началъ приставать къ нему Левицкій.

Юноша совсѣмъ растерялся.

Я воспользовался небольшимъ перерывомъ въ допросахъ Казиміра и, какъ старшій въ чинѣ, прекратилъ экзаменъ, отпустивъ несчастнаго мученика.

— „Позволь“, вскипѣлъ Левицкій. „Ты мнѣ не далъ его проэкзаменовать“.

— „Да что же мы будемъ его мучить? Вѣдь ты видишь, что онъ совсѣмъ больной, что онъ не вполнѣ соображаетъ даже значеніе задаваемыхъ ему вопросовъ“, и, вставъ, отправился въ профессорскую.

— „Полное незнаніе“, крикнулъ Левицкій на вопросъ Николая Павловича Глиноецкаго, уже приготовившаго экзаменаціонный списокъ.

— „Полное незнаніе, повторилъ Казиміръ. Два балла“.

— „Господь съ тобою, Казиміръ, вѣдь ты же видишь, что человѣкъ совсѣмъ еще боленъ, что у него мозги не пришли еще въ порядокъ.

— „Мнѣ какое дѣло, отвѣчалъ онъ. Мы сюда призваны, чтобы оцѣнивать знаніе, и только знаніе. Мнѣ нѣтъ дѣла до постороннихъ причинъ: у того бабушка заболѣла, у другого тетушка умерла, у этого голова болитъ. Намъ до всего этого нѣтъ дѣла. Насъ пригласили оцѣнить знаніе и только знаніе. Два балла“!

— „Ну зачѣмъ же быть такимъ педантомъ? старался я усовѣстить Казиміра. Офицеръ, несомнѣнно, способный, прекрасно выдержалъ вступительный экзаменъ, такъ же, какъ и всѣ, кромѣ тактики—переводнаго. Чѣмъ онъ виноватъ, что заболѣлъ? Зачѣмъ ты хочешь лишать Генеральный Штабъ способнаго офицера? Поставь ему 8, дай возможность перейти въ старшій курсъ. Окажется плохимъ, забракуемъ его при выпускѣ“.

Надо пояснить, что въ Академіи была принята двѣнадцатибалльная система, при чемъ восемь считалось предѣльнымъ балломъ по главнымъ предметамъ.

— „Полное незнаніе. Два балла, два балла“, отвѣчалъ Левицкій.

— „Да, что же ты, какъ сорока затвердилъ—два балла, два балла? разсердился я, не шутя. Отчего не ноль, не единицу, не 3, не 4? Ну, прошу тебя, поставь, хоть 6“.

— „Шесть! шесть!—Ни въ какомъ случаѣ. Тебѣ не нравится, что я ставлю два, изволь, я тебя потѣшу, поставлю четыре и больше не прибавлю, что бы ты ни говорилъ. Николай Павловичъ, пишите мой баллъ—четыре“.

— „Ну, полно же, Казиміръ, ну, поставь 6“.

— „Ни за что. Николай Павловичъ, пишите 4“.

— „Извольте, написалъ, говорилъ Глиноецкій. А вашъ баллъ, Александръ Николаевичъ?“

— „Двѣнадцать“, отвѣчалъ я твердо и совершенно спокойно.

— „Какъ? вспрыгнулъ Левицкій, что ты изъ экзамена шутки хочешь дѣлать? Это недобросовѣстно. Николай Павловичъ, въ такомъ случаѣ, я ставлю ему ноль“.

— „Извини, пожалуйста, но,—разъ поставивъ баллъ, ты не имѣешь права его перемѣнить, примѣняясь къ баллу другого. Это дѣйствительно не шутки. По твоему убѣжденію офицеръ заслуживаетъ четыре, а по моему 12“.

— „Такъ какъ же?“ вопрошалъ Глиноецкій.

— „Двѣнадцать, двѣнадцать, отвѣчалъ я. Выводите средній баллъ“.

— „Двѣнадцать, плюсъ четыре, равно 16“. Средній баллъ оказался 8; офицеръ былъ переведенъ въ старшій курсъ.

Ну, и ругалъ же меня Казиміръ! Потащилъ я его къ себѣ обѣдать. Ругался всю дорогу. Пришли домой. Жаловался женѣ моей и только къ концу обѣда, послѣ стакана хорошаго вина и видя мое неизмѣнно веселое, добродушное настроеніе, которымъ отвѣчалъ на его упреки—смягчился и внялъ, наконецъ, моему доводу—„окажется плохимъ, забракуемъ въ будущемъ году“.

„Однако не попалъ бы бѣдный юноша для практическихъ занятій къ Казиміру, думалось мнѣ. Заклюетъ, вѣдь“. Пришлось на слѣдующій день придти въ Академію пораньше и, взявъ списокъ офицеровъ, отчеркнуть себѣ въ партію шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и бѣдный больной. Затѣмъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не давалъ этому офицеру работать, а черезъ мѣсяцъ увидѣлъ въ немъ опять бойкаго, веселаго, сообразительнаго человѣка, который окончилъ курсъ вторымъ и въ турецкой войнѣ показалъ себя неустрашимымъ и блестящимъ офицеромъ Генеральнаго Штаба, по

*

праву заслужившимъ бѣлый крестикъ—мечту всякаго хорошаго молодого военнаго.

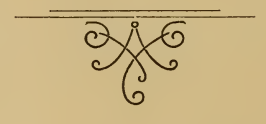
Въ настоящее время этотъ офицеръ состоитъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа. Это Владиміръ Александровичъ Сухомлиновъ, всѣми уважаемый и любимый за свой умъ, тактъ, доброжелательность, отзывчивость и прекрасный характеръ [1]).

Я долго не говорилъ ему, до самой смерти Левицкаго, о сценѣ, сопровождавшей его экзаменъ, но, служа одно время правителемъ дѣлъ Академіи, В. А. Сухомлиновъ самъ имѣлъ случай видѣть оригинальный экзаменаціонный списокъ, въ которомъ средній баллъ былъ выведенъ изъ двухъ, поставленныхъ двумя экзаменаторами: одинъ баллъ—4, другой—12. Списокъ этотъ, вѣроятно, хранится до настоящаго времени въ архивѣ Академіи.

Но я убѣжденъ, что, если бы Казиміръ жилъ до сего времени, онъ все-таки продолжалъ бы утверждать, что я былъ не правъ, что отнесся къ дѣлу „не серьезно“. Такой ужь былъ человѣкъ.

А. Витмеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Писано въ началѣ 1908 года.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.) [1].

ГЛАВА II.

Оставленіе при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.—Выборъ предмета и главнѣйшія занятія.—Уроки.—Писаніе въ газетахъ.—„Всеобщая Газета“ и „Русскія Вѣдомости“.—Описаніе характерныхъ чертъ А. И. Чупрова.—Магистерскій экзаменъ.—Первоначальная неудача съ поѣздкой за границу.—„Бесѣда“.—С. А. Юрьевъ, А. И. Кошелевъ, А. Н. Островскій, А. Ѳ. Писемскій, Н. М. Богомоловъ и другія встрѣчи и знакомства.—Преподаваніе статистики въ Имп. Техническомъ Училищѣ.—Командировка за границу на два года.—Дрезденъ.—Лейпцигъ и слушаніе лекцій въ тамошнемъ университетѣ.—Сближеніе съ А. И. Чупровымъ.—Мой романъ въ Дрезденѣ и благополучное окончаніе его женитьбой.

Такимъ образомъ опредѣлилась моя будущая жизнь и рѣшился вопросъ о моемъ оставленіи при университетѣ и выборѣ мной педагогической, вмѣсто чисто-юридической профессіи.

Я явился въ нашемъ университетѣ въ нѣкоторомъ родѣ послѣднимъ изъ могиканъ по размѣру вознагражденія. Мнѣ назначена была университетомъ стипендія по старому, 400 рублей въ годъ, что было уже въ послѣдній разъ, ибо позднѣе она была повышена до 600 рублей, и всѣ остальные профессорскіе стипендіаты начали получать эту послѣднюю цифру. Но скажу откровенно, что и 400 рублей для меня казались прекраснымъ пособіемъ для существованія, ибо ничего близкаго къ этому я до тѣхъ поръ безъ особеннаго труда или заработка не получалъ. Отъ университета, какъ говорилъ раньше, я имѣлъ ничтожную стипендію, сначала около шести, затѣмъ около восьми рублей въ мѣсяцъ и, по совѣту пріятелей, находилъ болѣе удобнымъ въ началѣ года писать довѣренность закладчику на полученіе за меня этой стипендіи; разумѣется, со значительной скидкой, но получаемой единовременно отъ него суммы было достаточно, чтобы, напримѣръ,

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1909 г.

хорошо въ началѣ года обмундироваться, на что она чаще всего и употреблялась. Тридцать два руб. съ коп., которые я началъ получать ежемѣсячно послѣ своего оставленія, дали мнѣ возможность оплачивать квартиру и столъ; предстояло, слѣдовательно, добывать деньги только па потребности второго разряда и на прихоти.

Вообще, я держусь того мнѣнія въ вопросѣ о стипендіяхъ, что если малый размѣръ ихъ является нежелательнымъ явленіемъ, ибо на нихъ существовать нельзя, то въ свою очередь крупный размѣръ стипендіи, къ чему теперь такъ стремятся, является даже большимъ зломъ, такъ какъ лишаетъ стипендіатовъ необходимой энергіи для обезпеченія себѣ болѣе комфортабельнаго существованія. Знаменитый Робертъ Моль совершенно справедливо, мнѣ кажется, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, рекомендуетъ умѣренность даже въ назначеніи вознагражденія всѣмъ университетскимъ преподавателямъ.

По существу дѣла мое новое положеніе оставленнаго при университетѣ, для „усовершенствованія въ наукахъ", какъ объ этомъ оффиціально выражались, весьма мало разнилось отъ стараго студенческаго положенія. Оно означало собственно новыя занятія при старой обстановкѣ. Вмѣсто заботъ объ ежегодномъ писаніи сочиненія, какъ прежде, и приготовленія къ ежегоднымъ экзаменамъ, я долженъ былъ за два года сразу сдать свой магистерскій экзаменъ изъ двухъ предметовъ, финансоваго права и политической экономіи со статистикой вмѣсто того, чтобы разбрасываться по множеству наукъ, изъ которыхъ прежде готовился къ экзамену. Кстати я объясню здѣсь, какимъ образомъ и почему я избралъ финансы моимъ главнымъ и спеціальнымъ предметомъ занятій. Собственно, какъ я говорилъ раньше и, какъ это даже видно изъ воспоминаній моего дѣтства и отрочества, напечатанныхъ нѣкогда въ „Вѣстникѣ Воспитанія", у меня очень рано развились вкусы экономиста. Я съ одинаковымъ почти жаромъ читалъ и интересовался сочиненіями по аграрному вопросу, по свободной торговлѣ и по налогамъ, и по вопросу о рождаемости въ какомъ-нибудь городѣ или странѣ. Скорѣе всего и ближе было бы мнѣ избрать своимъ главнымъ предметомъ политическую экономію и статистику, а не одинъ лишь отдѣлъ первой науки, который у насъ помѣщенъ въ университетской программѣ особо, подъ отдѣльнымъ наименованіемъ финансоваго права или науки о финансахъ. Когда Ф. Б. Мильгаузенъ второй разъ, по подачѣ мной кандидатскаго разсужденія, повторилъ свое предложеніе, не желалъ ли бы я избрать себѣ профессуру и быть оставленнымъ при университетѣ, то я прямо заявилъ ему, послѣ тѣхъ колебаній, которыя выше были описаны, что желаю и готовъ это

сдѣлать, по предмету политической экономіи и статистикѣ. На это получилъ отъ него отвѣтъ, что, къ сожалѣнію, такъ какъ онъ этихъ наукъ въ университетѣ не представляетъ, а финансовое право, то и не можетъ меня предлагать по нимъ. „Ранѣе сдѣланное предложеніе относится-де исключительно къ финансовому праву и финансовымъ наукамъ, но что мнѣ нѣтъ никакого основанія по этому поводу колебаться или измѣнять свое рѣшеніе, ибо финансовая наука въ сущности представляетъ лишь одинъ отдѣлъ политической экономіи и, за исключеніемъ нѣмцевъ, у большинства образованныхъ народовъ входитъ непосредственно, какъ часть цѣлаго въ общую науку политической экономіи и народнаго хозяйства; наконецъ, если мой предметъ будетъ оффиціально ограниченъ финансовымъ правомъ, то второй по важности предметъ, изъ котораго потребуются также экзаменъ и обязательныя занятія, будетъ также политическая экономія и, Богъ вѣсть, въ будущемъ, не придется ли мнѣ, можетъ быть, даже ее читать по той или иной причинѣ. Кромѣ того не надо упускать изъ виду, что онъ-де, Мильгаузенъ, уже старъ, ему остается только 2 года до пенсіи, за которой непремѣнно по слабости здоровья ему придется уйти въ отставку. Напротивъ, Бабстъ, относительно человѣкъ молодой, пробудетъ еще въ университетѣ долго и о преемникахъ для себя вовсе не думаетъ“. Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о выборѣ предмета, и я сдѣлался оффиціальнымъ финансистомъ, питая всегда больше симпатіи къ занятіямъ и чтенію, въ широкомъ размѣрѣ, по наукѣ народнаго хозяйства и особенно ея прикладной части (Volkswirtschaftspolitik).

Главный вопросъ, который впрочемъ мнѣ предстоялъ, это трудъ по изученію иностранныхъ языковъ, ибо, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, согласно установившемуся обычаю въ нашемъ университетѣ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ я обязанъ былъ приготовиться къ магистерскому экзамену, а затѣмъ, по успѣшной сдачѣ его, университетъ начиналъ обыкновенно, если не было своихъ личныхъ средствъ, хлопотать передъ Министерствомъ о командированіи за границу, съ большимъ, относительно, содержаніемъ въ полторы тысячи рублей, также на два года—для приготовленія диссертаціи и полученія профессуры. Разумѣется, для этого путешествія и окончательной промоціи необходимо было знакомство съ иностранными языками, особенно съ нѣмецкимъ, такъ какъ мы всѣ ѣздили по преимуществу, если не исключительно, учиться къ нѣмцамъ въ Германскіе университеты, представляя полугодично, а сначала даже по 3 или 4 мѣсяца, отчетъ о своихъ занятіяхъ,—крайне убійственная и обременительная формальность, не достигавшая никакой цѣли, кромѣ отнятія дорогого времени. Еще въ Рязанской гимназіи,

раньше всѣхъ другихъ иностранныхъ языковъ, тринадцати съ небольшимъ лѣтъ, я имѣлъ довольно странный поводъ и случай испытать себя, въ нѣсколько мѣсяцевъ выучившись довольно бойко читать по-англійски, не зная еще ни одного иностраннаго языка, какъ это подробно объяснено въ моихъ дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаніяхъ. Это произошло слѣдующимъ образомъ. На мое дѣтское воображеніе сильно повліялъ въ Шекспировскихъ пьесахъ заѣзжій американскій актеръ негръ Айра Ольриджъ, который игралъ главнѣйшія пьесы Шекспира во многихъ русскихъ городахъ, въ томъ числѣ, кромѣ столицъ, также и въ городѣ Рязани, гдѣ я учился въ гимназіи. Посѣщая его въ Москвѣ во время вакацій и очарованный донельзя его игрой, я сокрушался тѣмъ, что ничего, конечно, изъ его игры не понимаю, и зная хорошо черезъ знакомыхъ, что тотъ же Ольриджъ приглашенъ играть въ рязанскомъ городскомъ театрѣ черезъ три или четыре мѣсяца, рѣшился за это сравнительно короткое время направить всѣ усилія и изучить англійскій языкъ, хотя бы настолько, чтобы понимать большую часть его рѣчи, съ помощью книги въ рукахъ. Упорнымъ трудомъ и настояніями и къ моему великому удовольствію достигъ этой цѣли и черезъ три мѣсяца, съ книжкой Шекспира въ миніатюрномъ изданіи, отъ слова до слова почти понималъ, что говорилъ Ольриджъ. Поэтому, естественно, и выборъ мой для чтенія помимо русской литературы преимущественно тяготѣлъ къ англійской; но какъ разъ, какъ всѣмъ извѣстно, наша наука „финансы“ преимущественно германскаго происхожденія, и нуженъ былъ нѣмецкій языкъ, болѣе трудный, чѣмъ англійскій и который я зналъ сравнительно слабо. По-французски я выучился въ гимназіи относительно недурно, обмѣниваясь съ товарищемъ, съ которымъ вмѣстѣ уговорился брать уроки у нашего француза, а за это состоялъ его репетиторомъ по другимъ предметамъ; но по-нѣмецки я ничего не сдѣлалъ въ этомъ родѣ и, поступивши въ университетъ, могъ читать развѣ самыя элементарныя нѣмецкія книжки; вотъ поэтому и было преимущественно направлено на этотъ языкъ мое вниманіе. Я постарался завести у себя главнѣйшіе учебники по финансовой наукѣ и политической экономіи и старательно читалъ ихъ съ лексикономъ, измѣняя иногда чтеніе на романы, которые, по правдѣ сказать, не исключая Шиллера и особенно Гёте, я читалъ не слишкомъ охотно, несмотря на все мое желаніе поскорѣе изучить языкъ. Всѣ нѣмецкіе классики мнѣ представлялись слишкомъ тяжеловѣсными и отвлеченными сравнительно съ любимыми мной англійскими поэтами и романистами, начиная съ Шекспира и оканчивая моими любимѣйшими писателями, Дик-

консомъ, Томасъ Муромъ и Бёрнсомъ; изъ послѣдняго я зналъ очень много наизусть. Хорошей практикой въ нѣмецкомъ языкѣ для меня былъ довольно легковѣсный нѣмецкій экономистъ, Максъ Виртъ, котораго я перечиталъ нѣсколько разъ за хорошій языкъ, и извѣстный учебникъ Рау, который я штудировалъ, постоянно конспектируя, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ положеніи и въ каждой отдѣльной мысли. По-французски я читалъ отрывочно, что придется, но языкъ этотъ всегда какъ-то давался особенно легко. Латинскій языкъ, въ которомъ я оказывалъ значительные успѣхи въ гимназіи, къ сожалѣнію, постепенно забывался, но тѣмъ не менѣе на своихъ экзаменахъ при отвѣтахъ по средневѣковой исторіи, гдѣ нерѣдко встрѣчались латинскія сентенціи, мнѣ приходилось поправлять ошибки студентовъ-классиковъ. Такимъ образомъ цѣль достигалась, и къ окончанію университетскаго курса я уже довольно свободно читалъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, что̀ и требовалось для занятій.

Какъ нарочно, во время моего оставленія при университетѣ, можетъ быть, даже благодаря самому званію магистранта, шли предложенія тѣхъ или иныхъ очень выгодныхъ и хорошо оплачиваемыхъ уроковъ, хотя въ финансовомъ отношеніи они даже для меня не играли теперь большой роли при полученіи хорошей стипендіи, но важны были лишь потому, что расширяли кругъ моихъ знакомствъ и доставляли пищу для моей житейской опытности и развитія. Такимъ урокомъ, напримѣръ, были весьма продолжительныя и хорошо оплачиваемыя занятія съ сыномъ извѣстной въ Москвѣ Минодоры Карловны Мухановой, имѣвшей обширную родню въ аристократическомъ мірѣ, съ которой мнѣ пришлось тогда сблизиться. Ея мужъ нѣкогда, если не ошибаюсь, былъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а братъ губернаторомъ. Въ домѣ послѣдняго (гр. Сиверсъ), между прочимъ (противъ Англійскаго Клуба на Тверской), мнѣ пришлось въ качествѣ учителя его племянника, временно почему-то у него проживавшаго, участвовать въ одномъ интересномъ по какому-то поводу завтракѣ, на который былъ приглашенъ знаменитый тогда артистъ Малаго театра Провъ Садовскій, который безподобно разсказывалъ свой извѣстный юмористическій разсказъ объ англичанинѣ и русской „смѣкалкѣ“, вызывавшій непрерывный хохотъ присутствовавшихъ и памятный мнѣ до сихъ поръ. Урокъ этотъ былъ для меня очень труденъ, несмотря на всѣ его привлекательныя стороны, потому что ученикъ Я. Мухановъ, уже довольно великовозрастный, былъ малый не глупый, но очень лѣнивый и избалованный, и мнѣ нужно было очень сдерживаться и бороться съ собой, чтобы избѣжать вспышекъ гнѣва и заставить себя ува-

жать. Любящая мать была слишкомъ слаба, чтобы съ нимъ справиться, и откровенно мнѣ заявляла, что Яшенька все-таки меня болѣе слушаетъ, потому что боится моей физической силы, очевидно, большей, чѣмъ его собственная!!..

Изъ другихъ родственниковъ г-жи Мухановой мнѣ пришлось такъ же познакомиться съ вдовой ея умершаго сына, урожденной, если не ошибаюсь, княжной Голицыной, которая вышла второй разъ замужъ за извѣстнаго свѣтлѣйшаго князя Ливенъ, имѣя двухъ мальчиковъ отъ покойнаго Муханова, которыхъ мнѣ пришлось нѣсколько мѣсяцевъ обучать. Въ ея лицѣ я въ первый разъ увидѣлъ красивую и дѣйствительно свѣтскую даму, весьма умную и занимательную, которая умѣла очень интересно бесѣдовать. Двое ея мальчиковъ, имена которыхъ я забылъ, но помню—въ семьѣ были извѣстны подъ греческими именами, или точнѣе прозвищами въ воспоминаніе о Константинополѣ, гдѣ ея покойный мужъ служилъ въ посольствѣ,—Микро и Макро. Одинъ изъ нихъ умеръ отъ какой-то дѣтской болѣзни, и это положило конецъ моему уроку. Другой же выросъ и сдѣлался, если не ошибаюсь, черниговскимъ предводителемъ дворянства, который недавно сравнительно надѣлалъ столько шуму, сначала своими столкновеніями съ Плеве, а затѣмъ дѣятельностью въ политической партіи кадетъ. Вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ обученіи маленькій Ливенъ, сынъ второго супруга бывшей г-жи Мухановой, если не ошибаюсь, впослѣдствіи управлявшій крестьянскимъ и дворянскимъ земельными банками. Теперь всѣ они уже умерли и съ дѣтства мнѣ не пришлось больше никого изъ нихъ видѣть. Этотъ же случай далъ мнѣ возможность видѣть, хотя и мелькомъ, всю семью Ливенъ въ ихъ домѣ въ Москвѣ, гдѣ двое мальчиковъ изъ трехъ, по поводу какой-то эпидеміи, были отдѣлены и помѣщены у своего дѣдушки. Въ числѣ другихъ, я припоминаю, имѣлъ удовольствіе видѣть еще маленькую дѣвицу, одну изъ княженъ Ливенъ, Екатерину Александровну, впослѣдствіи супругу моего несчастнаго товарища Николая Павловича Боголѣпова, такъ фатально и рано кончившаго свою жизнь отъ руки убійцы.

Въ началѣ 70-хъ годовъ немаловажнымъ факторомъ въ моей жизни можетъ считаться сближеніе съ Игнатіемъ Игнатіевичемъ Родзевичемъ, младшимъ братомъ уже вышеупомянутаго товарища и друга Николая Игнатіевича. Большой несчастливецъ въ своей жизни, Игнатій Игнатіевичъ былъ прирожденнымъ литераторомъ и видимо предназначенъ былъ рано сдѣлаться имъ, владѣя хорошо перомъ и даже стихомъ. Но всѣ попытки его въ этомъ отношеніи, встрѣчая китайскую стѣну цензурныхъ запрещеній и стѣсненій,

терпѣли фіаско и кончились ничѣмъ. Ему пришлось относительно недавно скончаться, гдѣ-то подъ Петербургомъ, по слухамъ въ значительной бѣдности и съ разбитымъ отъ неудачъ сердцемъ. Между тѣмъ, я мало зналъ въ жизни столь веселыхъ, жизнерадостныхъ людей въ ихъ молодости, какъ сравнительно былъ Игнатій Игнатіевичъ. Мы съ нимъ сошлись и сблизились въ началѣ 70-хъ годовъ, именно на литературномъ поприщѣ. Я сдѣлалъ попытку пописывать статейки въ газетахъ; у меня начинался по временамъ какъ бы зудъ въ рукахъ попробовать, попытать свои силы. Какъ разъ въ это время я встрѣтился съ нимъ и настолько сблизился, что одно время, даже мы жили вмѣстѣ на Тверской въ большомъ домѣ надъ кондитерской Альбера. Онъ меня, между прочимъ, притянулъ впервые къ постоянному участію въ ежедневной, такъ называемой „Всеобщей Газетѣ", издаваемой редакторомъ Иваномъ Николаевичемъ Кушнеревымъ, который не пріобрѣлъ ни особенной славы, ни денегъ газетной дѣятельностью и обратно имѣлъ значительный успѣхъ впослѣдствіи въ качествѣ одного изъ крупныхъ нашихъ типографщиковъ, основателя извѣстной книгопечатни, до сихъ поръ существующей въ Москвѣ.

Для меня имѣетъ интересъ воспоминаніе о Кушнеревской газетѣ потому именно, что я здѣсь познакомился впервые съ большимъ числомъ представителей литературной богемы, съ ихъ нравами и обычаями и образомъ жизни, которую пришлось бокъ о бокъ съ ними вести. Очень скоро по вступленіи въ редакцію этой газеты, гдѣ самъ почтенный Иванъ Николаевичъ Кушнеревъ ничего не писалъ, а Игнатій Игнатіевичъ писалъ наоборотъ очень много по литературнымъ вопросамъ и фельетону; мнѣ былъ предоставленъ экономическій отдѣлъ и статьи по разнымъ предметамъ, гдѣ я преимущественно и спеціализировался. Смѣшно теперь вспомнить, на какихъ условіяхъ мы тогда работали въ газетѣ, и какъ Иванъ Николаевичъ безцеремонно насъ прижималъ. Обоимъ, главнымъ одно время сотрудникамъ, Родзевичу и мнѣ, онъ платилъ, несмотря на довольно значительное распространеніе его газеты, по 20 рублей въ мѣсяцъ и сверхъ того, впрочемъ, отъ $1^1/2$ до коп. за строчку съ обязательствомъ въ теченіе недѣли поставить, если память не измѣняетъ, по четыре большихъ статьи. Я помню, какъ моя фантазія очутилась первый разъ въ сильныхъ тискахъ выжать изъ себя тему для будущей статьи, и какъ я такую тему разыскивалъ вездѣ, бросаясь съ газеты на газету и отъ одного лица къ другому. Это было тѣмъ труднѣе, что Иванъ Николаевичъ очень скупился и кромѣ русскихъ газетъ, въ обмѣнъ, не выписывалось въ редакціи ни одной иностранной. Слѣдовательно, и кругъ заимствованій и компиляцій у насъ былъ съ Игнатіемъ Игнатіеви-

чемъ весьма урѣзанъ и ограниченъ. Я помню, съ какой жадностью мы бросались на разрозненные №№ иностранныхъ газетъ, которые какъ-либо случайно къ намъ попадали въ руки отъ постороннихъ лицъ.

Газета Кушнерева издавалась съ перемѣннымъ счастьемъ, въ началѣ шла довольно бойко, но затѣмъ подписка и розничная продажа, которая давала хорошій доходъ, упали, можетъ быть отъ нашего неумѣлаго участія, а громовыя статьи по нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ по университетскому, которыми отличался особенно Игнатій Игнатіевичъ, вызывали нѣсколько разъ административныя кары и предостереженія. Тогда Кушнеревъ, вмѣсто закрытой газеты, довольно быстро и ловко являлся на свѣтъ съ новой газетой и, помнится мнѣ, раза два просилъ Игнатія Игнатіевича и меня, когда дѣла болѣе и болѣе запутывались, писать прямо на предостереженіе!!

„Всеобщая Газета" Кушнерева, и подъ другимъ названіемъ, которое она нѣсколько разъ мѣняла, несомнѣнно относительно была газетой честной, т. е. непродажной. Никакой умышленной лжи отъ насъ, молодыхъ сотрудниковъ, не могло выйти. Изъ другихъ сотрудниковъ припоминаю такихъ, напримѣръ, какъ покойный статистикъ Василій Ивановичъ Орловъ, московскій городской статистикъ Бочаровъ, мой рязанскій товарищъ Кочергинъ и другіе. Если газеты Кушнерева не были впрочемъ прямо не честны, то въ нихъ много было школьничества и молодого дурачества. Такъ во время франко-прусской войны, какъ и во всей почти русской печати, за исключеніемъ, кажется „Московскихъ Вѣдомостей", общія симпатіи газетъ вторили голосу публики и были на сторонѣ французовъ. Съ нѣмцами мы поступали довольно безцеремонно. Такъ припоминаю я, напримѣръ, слѣдующій случай: разъ отъ г-жи Мухановой я принесъ послѣдній № Journal de St.-Pétersbourg. Не помню кто, Игнатій Родзевичъ или другой сотрудникъ, съ любопытствомъ набросились на него, нельзя ли что-нибудь извлечь изъ извѣстій помимо наскучившихъ русскихъ газетъ. И вотъ, какъ разъ, отыскивается тамъ мелкимъ шрифтомъ напечатанное сенсаціонное извѣстіе, заимствованное изъ какой-то маленькой мѣстной французской газеты, что при занятіи прусскими войсками такой-то французской крѣпости, и вступленіи въ нее войскъ, послѣдовалъ страшный взрывъ. „Прусскія потери исчисляются до ста тысячъ человѣкъ"... Мы сами сомнѣвались въ точности этого извѣстія, разумѣется, но одинъ изъ сотрудниковъ довольно резонно замѣтилъ: „что же намъ жалѣть пруссаковъ, въ особенности на бумагѣ". На другой день московскіе бульвары и улицы оглашались громкими криками: крѣпость такая-то занята

пруссаками, сто тысячъ пруссаковъ взлетѣли на воздухъ!“ Газета раскупалась на расхватъ, и къ 12-и часамъ продано было все изданіе!

Наконецъ „Всеобщая Газета“, подъ тѣмъ или инымъ названіемъ, я не помню, была пріостановлена уже на довольно продолжительное время, и мы съ Родзевичемъ остались такимъ образомъ вновь безъ литературной работы, къ которой привыкли. Я не помню, какъ поступилъ въ данномъ случаѣ Игнатій Игнатіевичъ, кажется, уѣхалъ въ Рязань, для меня же, до прекращенія моей магистрантской стипендіи, этотъ фактъ составлялъ еще полъ-бѣды. Я отнесся къ нему довольно легко, тѣмъ болѣе, что въ это время, черезъ посредство своего товарища Александра Сергѣевича Посникова (нынѣ профессора и директора Политехническаго Института въ Петербургѣ), я завелъ знакомство съ „Русскими Вѣдомостями“ въ лицѣ ихъ редактора Николая Семеновича Скворцова. Многіе сторожилы въ Москвѣ, вѣроятно, еще помнятъ этого извѣстнаго общественнаго дѣятеля, несомнѣнно обладавшаго значительными достоинствами и набившаго руку на газетномъ дѣлѣ. Изъ маленькой незначительной газеты, какими были прежде, во времена Павлова, „Русскія Вѣдомости“, онъ сумѣлъ первый сдѣлать весьма распространенный органъ съ извѣстной физіономіей, несмотря на всю трудность, благодаря цензурѣ, въ тогдашнемъ литературномъ дѣлѣ, и для его изданія была уже въ нѣкоторомъ смыслѣ проложена дорога для будущаго и навербованы привычные читатели. Но не отрицая этого достоинства почтеннаго редактора, нельзя не вспомнить также объ его извѣстныхъ всей Москвѣ недостаткахъ, какъ разсѣянность и безалаберность, вслѣдствіе которыхъ серьезно участвовать, какъ я слышалъ въ свое время, въ его газетѣ было дѣломъ весьма труднымъ. Онъ, какъ правило, напримѣръ, на письма никогда не отвѣчалъ, что я испыталъ на собственной своей шкурѣ въ бытность впослѣдствіи за границей сотрудникомъ этой газеты. Николай Семеновичъ, несомнѣнно, былъ человѣкъ честный, но что же толку въ этой добродѣтели, когда нельзя было, напримѣръ, вырвать изъ его кассы, часто впрочемъ, пустующей и помимо его вины, своего долга иначе, какъ явившись къ нему по этому поводу нѣсколько разъ лично (я вернусь къ этому вопросу позднѣе еще разъ)!!?.

„Русскія Вѣдомости“, въ то время, когда я ихъ узналъ, уже вращались въ рукахъ приличной публики и издавались довольно порядочно, хотя еще очень скудно, по недостатку часто денегъ въ кассѣ. Къ постояннымъ сотрудникамъ принадлежалъ Александръ Петровичъ Лукинъ, которому впрочемъ редакторъ почему-то ходу не давалъ. Одно время, близкое участіе принималъ извѣстный экономистъ Митрофанъ Пав-

ловичъ Щепкинъ; довольно рано въ нихъ начали участвовать такіе сотрудники, какъ А. С. Посниковъ и Александръ Ивановичъ Чупровъ, хотя они пописывали лишь изрѣдка. Въ это время, именно привлеченъ также и я былъ ими къ сотрудничеству въ газетѣ. Не набивши еще руку, не умѣя схватить живыхъ темъ изъ хода современной жизни, я болѣе впрочемъ ограничивался разными компиляціями и статейками по личному указанію самого редактора. Обыкновенно я обращался къ самому Николаю Семеновичу съ просьбой, не будетъ ли какой-нибудь работы, и получалъ отъ него одинъ изъ многочисленныхъ отчетовъ, присланныхъ въ редакцію для разбора. Такъ первое время я написалъ, напримѣръ, тамъ нѣсколько извлеченій изъ извѣстнаго Военно-Статистическаго Сборника (т. V) и разныхъ отчетовъ Святѣйшаго Сѵнода и иныхъ правительственныхъ и особенно благотворительныхъ учрежденій. Собственно говоря лишь послѣ моего отбытія за границу я началъ присылать въ „Русскія Вѣдомости“ самостоятельныя статьи по моему личному выбору; между прочимъ довольно много статеекъ по рабочему вопросу и государственному вмѣшательству—изъ Германіи и очерковъ по модному позднѣе вопросу о спиритизмѣ—изъ Лондона.

Къ этому же времени, къ началу 70-хъ годовъ, относится мое знакомство съ моимъ почтеннымъ товарищемъ Василіемъ Михайловичемъ Соболевскимъ, нынѣ редакторомъ этихъ самыхъ „Русскихъ Вѣдомостей“, а тогда онъ еще въ нихъ участія не принималъ, хотя знакомъ со Скворцовымъ, кажется, уже былъ, вѣроятно, черезъ того же Посникова. Василій Михайловичъ былъ моимъ однокашникомъ по курсу и факультету, но знакомы мы съ нимъ въ стѣнахъ университета не были, а только познакомились въ это время, т. е. скоро по окончаніи курса и оставленіи моемъ для приготовленія къ магистерскому испытанію. Къ этому же, примѣрно, времени, или нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, относится и начало моего знакомства съ моимъ будущимъ тогда уважаемымъ другомъ и сотоварищемъ по профессурѣ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ.

А. И. Чупровъ такая крупная личность въ жизни русскаго образованнаго общества и спеціально Московскаго университета и моей личной, что, конечно, заслуживаетъ описанія и сообщенія всего, что я о немъ помню. Мы съ нимъ переписывались при томъ вплоть до его кончины (послѣднее письмо отъ него ко мнѣ изъ Мюнхена пришло за недѣлю до его смерти), и мнѣ придется нѣсколько разъ о немъ говорить, конечно, чтобы исчерпать все то, что я считаю заслуживающимъ вниманія въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. О немъ столько писали и говорили послѣ его внезапной кончины, что трудно, конечно, сказать что-либо новое или неизвѣстное. По

невольно приходится повторять многое раньше сказанное, добавляя обратно съ некрологами, указаніями рядомъ съ его высокими достоинствами и на тѣ маленькіе недостатки, которые и ему были не чужды, какъ всякому человѣку, хотя бы и самому совершенному.

Странно сознаться, но я долженъ при всей моей искренней, глубокой любви и уваженіи къ покойному, заявить, что первое мое впечатлѣніе при первой нашей встрѣчѣ и знакомствѣ съ Александромъ Ивановичемъ было, обратно съ большинствомъ о немъ мнѣній, далеко и не всецѣло въ его пользу. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ или даже лѣтъ, прежде чѣмъ онъ завоевалъ прочно мою симпатію и затѣмъ, завладѣвая ею все болѣе и болѣе, сдѣлался мнѣ близкимъ и дорогимъ человѣкомъ, смерть котораго я оплакивалъ самымъ искреннимъ образомъ. Изложу вкратцѣ эти противорѣчія моихъ впечатлѣній. Александръ Ивановичъ, своимъ огромнымъ умомъ и умѣніемъ схватить каждый вопросъ съ его надлежащей и болѣе выгодной стороны, поражалъ, вѣроятно, всѣхъ рѣшительно. Для оцѣнки этого качества достаточно было самой небольшой бесѣды съ нимъ. Въ то уже время, благодаря своей опытности и наблюдательности, онъ умѣлъ, какъ самъ, помню, не однажды мнѣ сознавался, изъ каждаго своего собесѣдника обнаружить и извлечь его наиболѣе выгодныя стороны и свѣдѣнія. Этимъ онъ сразу, такъ сказать, по русской поговоркѣ, однимъ выстрѣломъ умѣлъ убивать двухъ зайцевъ и извлекалъ все наиболѣе интересное отъ лица, съ нимъ бесѣдующаго, въ то же время невольно этимъ привлекалъ къ себѣ симпатіи говорившаго, который, поощряемый интересной встрѣчей, выкладывалъ обыкновенно болѣе или менѣе быстро все, что имѣлъ за душой, и съ большой симпатіей начиналъ уже въ свою очередь ухаживать за Александромъ Ивановичемъ.

При множествѣ встрѣчъ Александра Ивановича съ различными людьми на моихъ глазахъ въ теченіе нашего продолжительнаго (почти 40-лѣтняго) знакомства и дружественной близости, я всегда замѣчалъ у него какъ бы одну и ту же тактику: для каждой особы былъ у него и особый разговоръ, и въ результатѣ онъ завоевывалъ вполнѣ чужое расположеніе. Приведу конкретный случай нашего послѣдняго съ нимъ свиданія въ 1906 году и прогулки (по моему приглашенію) изъ Висбадена на извѣстный Нидервальдъ, гдѣ находится знаменитая статуя „Германіи" на берегу Рейна. Въ прекрасный лѣтній день мы доѣхали съ нимъ изъ Висбадена до вершины Нидервальда, пообѣдали хорошо въ извѣстномъ Jagdschlosshotel и оттуда пѣшкомъ старчески-неторопливо, останавливаясь на всѣхъ лучшихъ видахъ и пунктахъ надъ Рейномъ, дошли (версты 3) до знаменитой статуи „Германіи", прослушали тамъ, подпѣвая извѣстный гимнъ „Die Wacht

am Rhein“ и спустились внизъ въ Рюдесгеймъ по зубчатой дорогѣ. При этой послѣдней пріятнѣйшей прогулкѣ съ моимъ покойнымъ другомъ, я имѣлъ случай сотый разъ наблюдать рельефно выдававшіяся особенности характера милаго Александра Ивановича. Во время обѣда, на терассѣ въ Jagdschlosshotel онъ такъ восторженно расхваливалъ знаменитый красный рейнвейнъ этой мѣстности „Асмансгейзеръ“, что хозяинъ гостинницы, оказавшійся однимъ изъ крупныхъ владѣльцевъ виноградниковъ въ Асмансгаузенѣ, не могъ удержаться, чтобы не подойти къ нашему столу и почтительно представиться профессору Чупрову изъ благодарности за лестное мнѣніе, которое онъ понялъ безъ языка, по однимъ его жестамъ съ рюмкой въ рукахъ. Александръ Ивановичъ Чупровъ видимо обрадовался случаю побесѣдовать по этому вопросу и немедленно перевелъ свой разговоръ на нѣмецкій языкъ, расхвалилъ до небесъ вино, почему вынудилъ взять для пробы еще нѣсколько бутылокъ краснаго рейнвейна и началъ подробно выпытывать и разспрашивать хозяина, какъ онъ въ своемъ огромномъ, какъ оказалось скоро, виноградномъ хозяйствѣ, оборачивается, какъ поддерживаетъ культуру этихъ прекрасныхъ Бургундскихъ лозъ, не вырождаются ли онѣ, не приходится ли въ борьбѣ съ филлоксерой совсѣмъ ихъ уничтожать, замѣняя чужими лозами, какъ онъ выдерживаетъ вино, какъ вообще великъ весь оборотъ рѣдкаго краснаго рейнвейна, и т. д., и т. д. Хозяинъ былъ совершенно очарованъ и все время непрестанно около насъ вертѣлся и занималъ Александра Ивановича сообщеніемъ свѣдѣній, обѣщалъ ему выслать письменные и печатанные матеріалы по виноделію, спеціально Рейнгау и т. д., и долго провожалъ насъ по дорогѣ отъ гостинницы къ статуѣ „Германіи“ съ снабженіемъ разныхъ свѣдѣній и указаній, поклонами и просьбами не оставить и еще разъ когда-нибудь оказать честь посѣтить его погреба внизу въ Асменсгаузенѣ, гдѣ торжественно обѣщался самымъ наилучшимъ образомъ познакомить Александра Ивановича со всѣмъ своимъ дѣломъ и сдѣлать также распоряженіе на случай своего отсутствія.

Слѣдующая наша остановка была въ башнѣ, въ искусственной руинѣ, недалеко отъ отеля, съ хорошимъ видомъ на Рюдесгеймъ и Рейнъ. И вотъ Александръ Ивановичъ немедленно, какъ пчела отыскиваетъ цвѣтокъ, находитъ себѣ интереснаго собесѣдника въ лицѣ сторожа этой башни, который оказался тоже владѣльцемъ маленькаго виноградника, какъ бы представляя собою другой полюсъ въ сравненіи съ хозяиномъ Jagdschlosshotel’я. И затѣмъ вновь сыплятся разспросы Александра Ивановича и охотная рѣчь расположеннаго уже къ нему нѣмца-крестьянина. Онъ подробно передалъ

Александру Ивановичу свои радости и горе, сколько онъ получаетъ и въ чемъ опасность его занятія, какъ ихъ, мелкихъ виноградарей, притѣсняютъ при скупкѣ вина такіе крупные господа, какъ хозяинъ Jagdschlosshotel'я, какъ ему приходилось бѣдствовать, когда посѣтила его филлоксера, какъ онъ распредѣляетъ силы своей семьи единовременно на разработку виноградника и для пріема посѣтителей башни, которая тоже доставляетъ ему небольшой доходъ, и т. д. и т. д. Оба до такой степени дружественно погрузились въ обмѣнъ своихъ мыслей и интересовъ, что стоило мнѣ большихъ усилій, а нашимъ дамамъ—смѣха, сдвинуть наконецъ Александра Ивановича съ мѣста, оторвать отъ собесѣдника, чтобы идти дальше...

Скоро мы дошли до знаменитой статуи „Германіи" съ ея очаровательнымъ Aussichtspunkt'омъ, полюбовались видомъ, пропѣли своими старческими фальшивыми голосами, по возможности въ унисонъ съ большой толпой нѣмцевъ-пѣвцовъ, рейнскій гимнъ; говорить Александру Ивановичу не пришлось ни съ кѣмъ, но вотъ, прошли мы нѣсколько шаговъ до станціи зубчатой дороги, гдѣ пришлось нѣсколько минутъ дожидаться отхода поѣзда, и Чупровъ уже поймалъ сторожа, обходившаго свой участокъ линіи и, провожая его, сталъ съ нимъ горячо объясняться; затѣмъ, подойдя къ дамамъ, онъ привлекъ вниманіе передачей сообщеній дорожнаго сторожа. Оказалось, что сторожъ получаетъ какое-то самое скудное вознагражденіе за много часовъ службы, требующей большой внимательности. На зиму движеніе этой горной линіи для туристовъ прекращается, а съ нимъ и заработокъ сторожа, а тѣмъ не менѣе онъ мечтаетъ съ удовольствіемъ, если бы на будущій годъ ему пришлось поступить на эту же самую дорогу. Александръ Ивановичъ усердно взвѣшиваетъ и обсуждаетъ, какимъ образомъ можетъ существовать такая аномалія, такой ничтожный заработокъ, едва-ли не ниже нашего русскаго, который постоянно осуждается, какъ ничтожный, что заставляетъ примиряться съ его размѣрами, и можетъ ли этотъ требующій большой осторожности трудъ, отъ котораго зависитъ жизнь многихъ пассажировъ, оплачиваться такъ низко?.. Сторожъ нѣсколько разъ кивалъ Александру Ивановичу, а тотъ привѣтливо ему что-то крикнулъ, когда мы усѣлись, наконецъ, въ открытые вагоны, и поѣздъ двинулся.

Вотъ реальный образчикъ отношенія Александра Ивановича Чупрова къ каждому лицу, съ которымъ онъ только встрѣчался. Онъ какъ-то умѣлъ сразу выбрать истинный штандпунктъ и завоевать вниманіе и симпатіи слушателя. Такимъ онъ былъ со студентами, такимъ со своими друзьями и товарищами, такимъ онъ былъ и съ лицами, совсѣмъ незнакомыми, при случайныхъ встрѣчахъ.

Эта черта характера Чупрова составляла его великую выгодную сторону въ отношеніи людей, а также и слабую; отыскивая въ обращеніи къ человѣку, что̀ для него лично особенно важно и пріятно, Александръ Ивановичъ несомнѣнно проглядывалъ отрицательныя стороны своихъ слушателей и относился съ своей гуманной, неотразимо привлекательной искренностью и любовностью иногда къ людямъ, не стоющимъ такого довѣрія и искренности, а это въ свою очередь вызывало у другихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями и наблюдателями и недостаточно его знавшихъ, естественное сомнѣніе: „да полно, искренній ли Чупровъ человѣкъ, думаетъ ли онъ, дѣйствительно, то, что говоритъ"?!

По этимъ именно причинамъ первое время знакомства съ Александромъ Ивановичемъ я не могъ его такъ цѣнить и любить, какъ впослѣдствіи, когда постепенно и вполнѣ убѣдился и увѣровалъ въ каждое его слово и полное благородство его души. Меня невольно смущали въ то время одинаковые почти восторженные отзывы о немъ отъ лицъ самаго разнаго нравственнаго калибра и сложенія. Александра Ивановича хвалилъ и восторгался имъ Николай Семеновичъ Скворцовъ, человѣкъ несомнѣнно порядочный, но довольно легкомысленный, Александра Ивановича хвалилъ восторженно милый, добрый, А. П. Лукинъ, Александра Ивановича одинаково хвалилъ практически-неглупый, но подозрительный Иванъ Николаевичъ Кушнеревъ, его восхвалялъ мнѣ также умный и благородный Василій Юрьевичъ Скалонъ, его наконецъ хвалилъ, постоянно о немъ разспрашивая и видимо къ нему расположенный, Вячеславъ Константиновичъ *Плеве*, въ дни своего величія!... Спрашивается, какъ могутъ столь различныя и разнохарактерныя лица пѣть такъ согласно вмѣстѣ одинъ и тотъ же гимнъ похвалы? Это невольно возбуждало нѣкоторое сомнѣніе, и потребовалось нѣсколько лѣтъ близкой, бокъ о бокъ жизни совмѣстной работы, напримѣръ, для меня, чтобы убѣдиться въ истинѣ и правдѣ этого общаго наблюденія и такого отношенія къ незабвенному Александру Ивановичу,—онъ умѣлъ побѣждать сердца всѣхъ людей!!...

Кромѣ „Русскихъ Вѣдомостей" въ началѣ 70-хъ годовъ началось мое участіе и въ другомъ органѣ журналистики, къ сожалѣнію, скоро окончившееся съ моимъ отъѣздомъ за границу. Я разумѣю прекрасный народный журналъ того времени „Грамотей", Николая Ивановича Алябьева, который смогъ, при всѣхъ въ то время трудныхъ условіяхъ цензурнаго существованія журналовъ, издавать порядочное чтеніе для народа, давая въ журналѣ интересное и поучительное чтеніе и для большой публики. Въ этомъ журналѣ я

познакомился со своимъ бывшимъ, какъ оказалось, по году поступленія въ университетъ, товарищемъ, вышеупомянутымъ В. Ю. Скалономъ, съ которымъ продолжалъ добрыя отношенія до самой его рановременной кончины. До какой степени были тогда трудны условія для печати, можетъ представлять примѣръ именно одна изъ первыхъ работъ Василія Юрьевича для „Грамотея“. По порученію Алябьева онъ составилъ хорошую и вполнѣ невинную компилятивную статью объ артеляхъ, но, увы, несмотря на всѣ старанія почтеннаго редактора, статья эта никогда не появилась на свѣтъ и была по распоряженію начальства сожжена какъ вредная, хотя я бы затруднился въ настоящее время указать подобную ей по полной своей невинности въ литературѣ по этому предмету!?..

Какъ разъ въ описываемое время мнѣ пришлось, уже собственно не имѣя никакой надобности въ заработкѣ, воспользоваться однако чьей-то вѣской рекомендаціей и занять мѣсто учителя съ отличнымъ вознагражденіемъ у брата моего товарища по университету, графа Камаровскаго. Этотъ урокъ, продолжавшійся что-то около года, памятенъ мнѣ тѣмъ, что онъ доставилъ возможность близко сойтись съ почтенной зажиточной и образованной семьей Камаровскихъ и ближе сдружиться и оцѣнить моего добрѣйшаго коллегу по университету Леонида Алексѣевича Камаровскаго. Это было первое семейство изъ знакомыхъ мнѣ, которое бывало нерѣдко за границей и своими разсказами о тамошней жизни и обычаяхъ поддерживало и косвенно развивало во мнѣ страстное желаніе поскорѣй попасть за границу родины и посмотрѣть иныхъ людей, иные порядки, иную природу: Dahin, dahin, wo die Citronen blühen, что вскорѣ, какъ мы увидимъ, и удалось.

Какъ разъ въ это время имѣлъ мѣсто извѣстный Нечаевскій политическій процессъ объ убійствѣ студента Иванова въ гротѣ Петровской Академіи и тайной организаціи. Этотъ самый крупный политическій процессъ того времени на моей памяти замѣчателенъ былъ для меня еще тѣмъ, что въ него попало много моихъ знакомыхъ, о занятіи которыхъ политикой я не малѣйше не подозрѣвалъ, между прочимъ большинство служащихъ въ библіотекѣ Черкесова, начиная съ Успенскаго, Волховскаго и Прыжова. Мнѣ оставалось только благословлять судьбу, что я сравнительно задолго уже прекратилъ съ этой компаніей знакомство, и кое-что непонятное прежде изъ ихъ разговоровъ и дѣйствій явилось для меня уже теперь въ другомъ освѣщеніи, напримѣръ, видимое желаніе привлечь мои симпатіи къ ихъ кружку, что̀ совершенно не удалось. За то, къ сожалѣнію, имъ удалось испортить судьбу все-таки многихъ изъ лицъ зеленой молодежи, совершенно случайно попавшихъ въ ихъ компа-

нію. Помимо политической подкладки дѣло это было весьма гнусное само по себѣ: убійство молодого человѣка Иванова самымъ измѣнническимъ образомъ вслѣдствіе опасенія за его вѣрность тайному обществу. Я бы никогда не могъ счесть пригоднымъ для такого дѣла добраго Успенскаго и полагаю, что его воля въ этомъ случаѣ была совершенно атрофирована и поглощена политическимъ фанатизмомъ. Въ нашемъ обществѣ еще не привыкли тогда къ политическимъ дѣламъ, и господствовало убѣжденіе, что чистыя дѣла надо дѣлать чистыми средствами, а потому это убійство вызвало всеобщее отвращеніе и негодованіе противъ смѣшенія съ политикой обычной преступности, къ чему, обратно съ нынѣшнимъ, тогдашнее общество еще не привыкло.

Между тѣмъ два года оставленія моего при университетѣ со стипендіей приближались къ окончанію. Осенью 1871 года я обязанъ былъ по обычаю держать экзаменъ на магистра. Первымъ предстояло испытаніе по финансовому праву, главному предмету, а вторымъ—по политической экономіи и статистикѣ. Въ виду того, что все время я усердно занимался, прочелъ, дѣлая конспекты, самые главнѣйшіе, напримѣръ, учебники по финансамъ, и тоже самое продѣлывая по Рошеру, Рау и Джону Стюарту Миллю для политической экономіи, я нашелъ, что зналъ уже общія начала науки достаточно и былъ въ себѣ увѣренъ, такъ что прежней иногда трусливости и нервности передъ экзаменомъ, какъ во времена студенчества, у меня теперь совсѣмъ не было. Я явился на первый экзаменъ изъ финансовъ, который по обычаю происходилъ въ общемъ засѣданіи юридическаго факультета, совершенно спокойный. Мнѣ предложено было три вопроса, которые я, къ сожалѣнію, теперь забылъ. Помню только, что сюда входило положеніе бюджета главнѣйшихъ государствъ Европы, при чемъ я видимо импонировалъ и поразилъ, какъ они это откровенно заявили, членовъ факультета своей обширной памятью на цифры. Я приводилъ цѣлыя колонны сравнительныхъ цифръ по разнымъ источникамъ дохода и расхода въ разныхъ государствахъ и въ случаяхъ сомнѣнія давалъ нужныя объясненія. Ту же самую игру въ цифры, которая мнѣ давалась легко, благодаря тогда хорошей памяти, мнѣ пришлось до нѣкоторой степени повторить на экзаменѣ у Бабста по политической экономіи, по поводу, кажется, данныхъ о сравнительномъ населеніи по разнымъ державамъ. Въ обоихъ случаяхъ экзамены мои были признаны вполнѣ удовлетворительными, и я дождался наконецъ давно желаннаго вопроса, который формально въ этомъ случаѣ всегда повторяется: „Не желаю ли я для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и писанія диссертаціи отправиться за границу въ та-

мощніе университеты и библіотеки?“. Само собою разумѣется, что я немедленно самымъ радостнымъ и, помню даже, отъ волненія дрожащимъ голосомъ заявилъ факультету, что именно этого я и желаю и возможно скорѣе, и получилъ тотчасъ отъ факультета обѣщаніе, въ виду отсутствія своихъ спеціальныхъ средствъ, хлопотать немедленно объ этомъ передъ Министромъ. Но, увы, я убѣдился скоро, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не надо забывать мудрой русской поговорки: „на всякое хотѣніе есть терпѣніе“!

Черезъ два или три мѣсяца послѣ послѣдняго экзамена, секретарь факультета Соколовъ, съ которымъ я началъ часто видѣться по поводу печатанія своего кандидатскаго „разсужденія о незаконнорожденныхъ“, сообщилъ мнѣ съ огорченіемъ неудовлетворительный отвѣтъ Министра Народнаго Просвѣщенія, что по неимѣнію и расходованію-де всѣхъ средствъ по смѣтѣ текущаго года ни одинъ кандидатъ изъ оставленныхъ университетомъ, по финансамъ (Янжулъ) и политической экономіи (Чупровъ) командированы въ будущемъ году за границу быть не могутъ. Излишне при этомъ описывать всю степень моего огорченія, достаточно напомнить, что отрицательный отвѣтъ Министерства былъ невыгоденъ для меня и даже опасенъ вдвойнѣ. Во-первыхъ, онъ задерживалъ мою дальнѣйшую, такъ сказать, промоцію въ профессорскомъ званіи и писаніи диссертаціи, необходимой для полученія ученой степени, и во-вторыхъ, съ прекращеніемъ содержанія, которое было во время оставленія назначено мнѣ лишь на 2 года, я остался неопредѣленное время безъ всякаго содержанія... Когда я толковалъ по этому вопросу съ профессорами и съ лицами изъ университетской канцеляріи, то мнѣ для утѣшенія сообщали, что мой случай не первый, и что на будущій годъ могутъ опять отказать, что вообще при тогдашнихъ порядкахъ никто не слѣдилъ за тѣмъ, чтобы профессорскіе кандидаты были непремѣнно обезпечены въ содержаніи, и всегда они могутъ разсчитывать на сюрпризъ подобно моему, т. е. выдержать экзаменъ, въ срокъ исполнить свою обязанность и остаться безъ всякихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію; почему мнѣ назвали тогда, помнится, цѣлый рядъ очень почтенныхъ именъ изъ членовъ суда и адвокатовъ, которые подѣлались вполнѣ удачными магистрантами, оставленными при университетѣ, и лишились затѣмъ содержанія! Измѣна въ нѣкоторомъ родѣ наукѣ и университету была для нихъ необходимымъ средствомъ спастись отъ голодной смерти. Мнѣ тоже въ это время обѣщали протекцію для поступленія въ какой-то банкъ. Чупровъ, къ счастью для университета, лишь временно занялъ мѣсто секретаря отдѣленія мануфактурнаго совѣта...

Между тѣмъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, отказъ мнѣ и Чупрову къ командировкѣ проистекалъ изъ чисто формальнаго, лишеннаго смысла основанія. Когда именно я пріѣхалъ черезъ годъ въ Петербургъ для полученія денегъ на командировку послѣ того, когда она состоялась, то одинъ изъ чиновъ, завѣдующихъ этимъ дѣломъ (г-нъ Икорниковъ), крайне любезный съ молодыми людьми, объяснилъ мнѣ запросто, что Министерство въ то время назначало командировки за границу для усовершенствованія молодыхъ людей, будущихъ профессоровъ, вовсе не по соображенію необходимости и нуждамъ отдѣльныхъ университетовъ, а по общему числу каждой спеціальности для всѣхъ русскихъ университетовъ вмѣстѣ взятыхъ. На мое несчастье, какъ разъ по такому странному подсчету, оказалось, что экономистовъ и финансистовъ въ Россіи было достаточно, хотя Московскій университетъ, въ виду престарѣлости профессоровъ, и нуждался въ таковыхъ вскорѣ, и вотъ деньги, которыя должны были быть отпущены на содержаніе экономистовъ, пошли на усиленіе цивилистовъ, а мы съ Чупровымъ должны были съ голоду едва не перемѣнить свою спеціальность и назначеніе!!

И вотъ, съ прекращеніемъ стипендіи и отказомъ въ командировкѣ, начинается новая и, къ счастью, послѣдняя моя голодовка. Въ погонѣ за наукой и профессурой, какъ-то случайно, всѣ уроки отошли, можетъ быть, потому, что въ предшествующее время, въ виду экзаменовъ, я отъ нихъ отказывался, чтобы сосредоточиться на приготовленіи. Нѣсколько мѣсяцевъ всѣ мои поиски за оплачиваемымъ дѣломъ и занятіемъ были тщетны. Съ газетами, этимъ новымъ занятіемъ, тоже почему-то не ладилось и пришлось около полъ-года, вспоминая старину, заниматься лишь по-прежнему обученіемъ „закладному праву“, т. е. спускать закладчику все то, что было пріобрѣтено въ эпоху прежняго благополучія, и доводить свой туалетъ и прихоти до возможнаго минимума. Помню какъ разъ въ это тяжелое время, мой новый знакомецъ, милый А. И. Чупровъ, нанесшій мнѣ визитъ, вѣроятно чутьемъ догадался о моемъ невзрачномъ тогда положеніи и потащилъ къ себѣ „ѣсть пирогъ съ морковью“. По всей вѣроятности, я очень поразилъ тогда его почтенную супругу Ольгу Егоровну, меня усердно угощавшую, своимъ огромнымъ аппетитомъ!!.

Неожиданно тогда меня выручилъ добрѣйшій профессоръ Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ. Онъ слышалъ, вѣроятно, отъ товарищей о моемъ безденежномъ положеніи, или я ему сказалъ, какъ бы то ни было, самъ лично сдѣлалъ мнѣ предложеніе, не хочу ли я съ нимъ отправиться къ извѣстному редактору новаго журнала „Бесѣда“,

Сергѣю Андреевичу Юрьеву, который его давно зазывалъ къ себѣ въ одну изъ его пятницъ,—извѣстные всей Москвѣ журфиксы Юрьева; можетъ быть, тамъ найдется для меня какое-нибудь дѣло, добавлялъ Иванъ Дмитріевичъ. Само собою разумѣется, что я съ радостью ухватился за это предложеніе, во всѣхъ отношеніяхъ для меня выгодное и интересное, которое мнѣ доставляло, кстати, большое знакомство въ тогдашнемъ московскомъ литературномъ кружкѣ. Въ ближайшую пятницу я явился къ Ивану Дмитріевичу. Мы усѣлись съ нимъ на „Ваньку" и съ одного конца Москвы—Новинскаго бульвара, потащились медленно на другой конецъ, на Мѣщанскую, близъ Сухаревой. Поэтому, вѣроятно, мы ѣхали довольно долго и опоздали, гостепріимные хоромы почтеннаго Сергѣя Андреевича были уже наполнены народомъ при нашемъ прибытіи, и мнѣ сразу пришлось познакомиться съ десятками мнѣ неизвѣстныхъ, но болѣе или менѣе интересныхъ лицъ. Хозяинъ съ лобызаніями принялъ профессора Бѣляева, съ радушной улыбкой протянулъ мнѣ руку и далъ сейчасъ же обѣщаніе, что постарается непремѣнно найти подходящее дѣло для молодого человѣка. Такимъ образомъ судьба моя, по крайней мѣрѣ на словахъ, была обезпечена, и я началъ каждую пятницу аккуратно посѣщать интереснѣйшіе для меня вечера Юрьева.

С. А. Юрьевъ лицо столь извѣстное въ нашей литературѣ и спеціально въ Московской жизни, кончая еще существующимъ изданіемъ „Русской Мысли", что едва-ли предстоитъ надобность его много описывать. Истинный человѣкъ 40-хъ годовъ, съ довольно широкимъ, хотя несвязнымъ образованіемъ и съ гуманной душой, Сергѣй Андреевичъ былъ болѣе или менѣе знакомъ, а иногда даже и близокъ со многими изъ лучшихъ людей—своихъ современниковъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и симпатіей. Великій защитникъ мира и гармоніи въ народѣ, или какъ онъ выражался, „хорового начала", дѣятельности общими объединенными силами, Сергѣй Андреевичъ даже у своихъ противниковъ вызывалъ симпатію, хотя бы и съ видомъ снисходительной улыбки, но любопытно было послушать и посмотрѣть, какъ онъ любовно бесѣдовалъ и таялъ съ натурами однородными съ нимъ, вродѣ Александра Ивановича Чупрова!!.. Всѣ свидѣтели ихъ, напримѣръ, встрѣчъ вспоминаютъ о нихъ одинаково растроганные, хотя всегда и подсмѣиваются надъ ихъ чрезвычайной у обоихъ разсѣянностью и отрѣшеніемъ отъ окружающихъ интересовъ. Этой послѣдней чертой, какъ извѣстно, разсѣянностью, славился Сергѣй Андреевичъ въ Москвѣ, какъ никто, и давалъ обильную пищу всѣмъ сатирическимъ листкамъ многочисленными анекдотами о своемъ недостаткѣ, какъ, напримѣръ, онъ искалъ

въ своемъ письменномъ столѣ присланную статью рукопись, имъ же давно уже напечатанную; какъ онъ въ гостяхъ у Писемскаго въ кабинетѣ, вмѣсто своей мохнатой безобразной шапки, схватилъ мирно лежавшую на диванѣ кошку и хотѣлъ надѣть ее на голову, и т. д., и т. д.!!! Онъ былъ очень близокъ и товарищъ по университету Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго, преслѣдовавшаго всегда его за разсѣянность, а также съ А. Н. Островскимъ, Александромъ Ив. Кошелевымъ и множествомъ разнообразныхъ лицъ изъ ученой и пишущей братіи.

Когда Бѣляевъ познакомилъ меня съ Сергѣемъ Андреевичемъ, тотъ состоялъ редакторомъ ежемѣсячнаго журнала „Бесѣда“, незадолго основаннаго на средства бывшаго откупщика, а позднѣе министра Царства Польскаго, извѣстнаго Александра Ивановича Кошелева. Журналъ былъ либеральный, отчасти съ славянофильскимъ оттѣнкомъ. Въ числѣ сотрудниковъ состоялъ Л. Н. Толстой, Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій, Воропоновъ, Чаевъ, Веселовскій, одинъ изъ Майковыхъ и многіе другіе. Первоначально „Бесѣда“ шла довольно гладко и пользовалась значительнымъ успѣхомъ, но столкновенія съ цензурой съ одной стороны и несогласованность мнѣній лицъ, составлявшихъ редакціонное бюро между собой, приводили къ частымъ препирательствамъ и подготовляли будущій крахъ журнала.

У Юрьева началось у меня знакомство, во-первыхъ съ Кошелевымъ, который немедленно пригласилъ меня на свои вторники, гдѣ чинно собирались разные литературныя силы того времени, и познакомилъ также съ Писемскимъ, чему, впрочемъ, впослѣдствіи былъ другой поводъ въ лицѣ его второго сына юриста, нѣсколькими годами моложе меня. Тамъ же я познакомился съ Алексѣемъ Николаевичемъ Веселовскимъ, будущимъ моимъ хорошимъ пріятелемъ, А. А. Майковымъ, С. И. Миропольскимъ, съ Николаемъ Владиміровичемъ Лысцевымъ и наконецъ съ столь извѣстнымъ нынѣ въ Петербургѣ, какъ предсѣдатель Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, Николаемъ Яковлевичемъ Сонинымъ, тогда подобно мнѣ молодымъ магистрантомъ, математикомъ, годомъ, кажется, кончившимъ раньше меня, и впослѣдствіи продолжительное время состоявшимъ профессоромъ Варшавскаго университета, изъ котораго очень желалъ уйти. Изъ всѣхъ этихъ лицъ особенно важно для меня было знакомство съ Писемскимъ, котораго я съ тѣхъ поръ началъ регулярно посѣщать и охотно съ нимъ бесѣдовалъ о разныхъ литературныхъ вопросахъ и его воспоминаніяхъ. У него же я нѣсколько разъ обѣдалъ съ А. Н. Островскимъ, познакомился съ историкомъ Н. И. Костомаровымъ и извѣстной нашей дѣятельницей въ Лондонѣ г-жей Новиковой, которая, узнавши, что

я навѣщаю часто Лондонъ, усердно къ себѣ зазывала, хотя я, къ сожалѣнію, этимъ приглашеніемъ не воспользовался.

Какъ оказалось вскорѣ, во время Герцоговинскаго возстанія и сербской войны съ Турціей, у насъ явился довольно неожиданно съ Писемскимъ пунктъ сближенія. Обратно съ С. А. Юрьевымъ и съ компаніей Кошелева, Алексѣй Ѳеофилактовичъ очень усердно говорилъ противъ всякаго русскаго вмѣшательства въ славянскія дѣла, доказывая, что таковое составляетъ грубую опасную ошибку и можетъ привести Россію, какъ это впослѣдствіи и подтвердилось, лишь къ невыгоднымъ для нея войнѣ и большимъ потерямъ. Я горячо всю свою жизнь стоялъ за такое же „laisser faire—laisser aller" въ славянскихъ дѣлахъ и очень обрадовался, найдя въ сравнительно старомъ представителѣ литературы единомышленника. Но, какъ извѣстно, старыя ошибки не только очень часто имѣютъ свойство повторяться, но и приносятъ долго самые вредные плоды. Въ настоящее время на нашихъ глазахъ произошло присоединеніе Босніи и Герцоговины къ Австрійской Имперіи, т. е. одинъ изъ самыхъ для насъ постыдныхъ результатовъ ошибокъ нашего вмѣшательства въ чужія дѣла въ 70-хъ годахъ; и тѣмъ не менѣе въ прошломъ только году это не помѣшало забавному славянскому съѣзду въ Прагѣ съ братаніями и фантастическими, крайне опасными для насъ, ни на чемъ не обоснованными завѣреніями фиктивной славянской взаимности и несуществующей любви, которая ссоритъ насъ съ сосѣдями и вредитъ многимъ нашимъ существеннымъ интересамъ!!. Изъ-за славянъ до сихъ поръ мы ничего, кромѣ крупныхъ расходовъ деньгами и кровью, не имѣли, никакой же выгоды или пользы рѣшительно не получили!!. А. Ѳ. Писемскій въ то время, утверждаю я, былъ со мной солидаренъ, и это очень тѣшило молодого человѣка.

Помимо моихъ знакомствъ, я получилъ также въ „Бесѣдѣ" работу и интересное знакомство съ самимъ С. А. Юрьевымъ, отъ котораго я узналъ и услышалъ весьма многое. Особенно памятны его собесѣдованія о Шекспирѣ, всегда близкомъ моему сердцу, и о игрѣ въ Шекспировскихъ пьесахъ особенно знаменитаго нѣкогда артиста Московскаго театра Мочалова. Здѣсь С. А. былъ незамѣнимымъ безцѣннымъ разсказчикомъ, трогалъ своими вспоминаніями до слезъ и хотя никакой фальши или ломки онъ себѣ не позволялъ, но описаніе его игры Мочалова въ „Гамлетѣ" глубоко потрясало слушателей.

Кромѣ „Бесѣды" у меня какъ разъ въ это время образовалось весьма тѣсное знакомство съ однимъ интереснымъ человѣкомъ, именно Николаемъ Михайловичемъ Богомоловымъ, литераторомъ, замѣчательно способнымъ и энциклопедически образованнымъ. Мы

съ нимъ сошлись, вѣроятно, черезъ Лысцева, сотрудника „Бесѣды“ или черезъ извѣстнаго народника и разсказчика Нефедова, впослѣдствіи редактора „Русскаго Курьера“. Знакомство съ Николаемъ Михайловичемъ изъ всѣхъ моихъ сближеній того времени едва-ли не являлось наиболѣе удачнымъ (не говоря о Чупровѣ, съ которымъ я сближался очень медленно). Н. М. былъ человѣкъ въ высшей степени интересный по своей наблюдательности и знанію жизни и всякихъ житейскихъ отношеній вмѣстѣ съ хорошей научной подготовкой въ своей молодости. Происходя изъ богатой купеческой семьи, онъ отлично былъ подготовленъ въ смыслѣ знанія языковъ и велъ довольно широкій образъ жизни, пока не постигла катастрофа его родителей. Они внезапно обанкротились, и онъ явился уже скромнымъ студентомъ Харьковскаго университета, но и тутъ горячая вспыльчивая натура, а можетъ быть и раннія привычки помѣшали покойной жизни; за какой-то скандалъ противъ попечителя онъ былъ изгнанъ изъ университета, а затѣмъ, какъ бывшій стипендіатъ, назначенъ въ маленькій захолустный городокъ Тамбовской губерніи уѣзднымъ учителемъ. Нѣсколько лѣтъ пробывши въ этой должности, онъ возненавидѣлъ провинцію и свое занятіе и едва отъ него былъ освобожденъ, какъ отправился въ столицу и перемѣнилъ тамъ цѣлый рядъ профессій самыхъ разнообразныхъ, пока въ концѣ концовъ сосредоточился на одномъ, на журналистикѣ.

Сдѣлавшись газетчикомъ, Богомоловъ скоро пріобрѣлъ въ этомъ званіи значительный успѣхъ и извѣстность. Онъ создалъ и долго велъ, напримѣръ, въ извѣстномъ „Голосѣ“ спеціальный земскій отдѣлъ, для чего постоянно читалъ массу провинціальныхъ газетъ и поражалъ знаніемъ всякихъ безобразій, происходящихъ по широкому лицу Россіи. Въ общемъ онъ перемѣнилъ много редакцій и много газетъ, уже въ короткое время нѣсколькихъ немногихъ лѣтъ знакомства со мной, и умеръ относительно рано, оставивши по себѣ всеобщее сожалѣніе и хорошую память. Во время такъ называемой Политехнической выставки въ Москвѣ въ 1872 году Н. М. Богомоловъ состоялъ въ созданной по его инціативѣ первой народной читальнѣ на Лубянской площади около перваго народнаго театра покойнаго Ѳедотова. Разумѣется, теперь инціатива и обязанности такого рода въ народной читальнѣ не представляютъ ровно ничего особеннаго, но тогда, въ то мрачное вообще время, которое Россія переживала, всеобщей боязни въ правительственныхъ кругахъ народнаго образованія, дѣятельность Н. М. по народной читальнѣ, стремленіе ее создать, улучшить, если возможно, превратить въ постоянную,—несомнѣнно подтвердятъ всѣ знавшіе его,—являлось до нѣкоторой степени подвигомъ.

Участіе мое въ „Бесѣдѣ“ Юрьева продолжалось всего только

нѣсколько мѣсяцевъ, преимущественно весной 1872 года, такъ какъ я скоро нашелъ подходящій заработокъ и не могъ много посвящать времени на писаніе статей. Главный мой трудъ въ „Бесѣдѣ" имѣлъ до нѣкоторой степени образовательное значеніе для меня самого; приводя нѣсколько въ порядокъ изложеніе и содержаніе очень солидной вышедшей тогда книги, „Прусскіе финансы" Заблоцкаго-Десятовскаго параллельно съ русскими финансами, при полномъ въ тѣ времена молчаніи большей частью обо всѣхъ серьезныхъ финансовыхъ и экономическихъ вопросахъ въ Россіи, мои экскурсіи по этому поводу были не безъ значенія и обращали въ свое время вниманіе, хотя большинство не знаетъ до сихъ поръ автора ихъ. Всѣ мои статьи въ „Бесѣдѣ" подписывались вмѣсто псевдонима именемъ „*Всеволодъ Юргановъ*", имя и фамилія мужа младшей сестры моей Маріи, въ это время только что вышедшей замужъ за лицо, съ которымъ я очень подружился и искренно полюбилъ. Это собственно и было моей наибольшей работой въ журналѣ; сверхъ того были помѣщены, помнится, нѣсколько статей по статистикѣ и по разнымъ вопросамъ болѣе мелкимъ.

Но помимо развившихся литературныхъ связей и литературной работы, послѣдніе годы моего пребыванія въ Москвѣ передъ командировкой за границу, у меня неожиданно явилось чисто педагогическое дѣло, очень полезное для моей будущей дѣятельности въ качествѣ университетскаго профессора. Однажды въ началѣ 70-хъ годовъ, зашелъ ко мнѣ внезапно одинъ изъ моихъ пріятелей, студентъ естественнаго факультета Прокудинъ, хорошо знакомый съ проф. Архиповымъ, и передалъ мнѣ отъ него приглашеніе посѣтить его для бесѣды по одному дѣлу. Именно, слыша обо мнѣ съ разныхъ сторонъ, какъ объ юномъ начинающемъ экономистѣ, недурно знакомомъ съ статистикой, Архиповъ хотѣлъ предложить мнѣ отъ имени Московскаго Техническаго училища занять временно каѳедру по статистикѣ. Каѳедра эта хотя и существовала, но въ штатъ не входила, а лишь по вольному найму и оплачивалась очень умѣренно, что-то 300 или 400 рублей, что̀ могло быть достаточно лишь для молодого человѣка, вродѣ меня.

Я немедленно явился на приглашеніе и, видимо, понравился Архипову и посѣтилъ съ нимъ тотчасъ директора тогдашняго училища Де-ла-Воза, извѣстнаго ученаго техника. Оказалось, дѣла у меня тамъ предстояло собственно не много, лишь 2 часа въ недѣлю и при томъ на одинъ день, но надо было составить курсъ статистики, по возможности промышленной, и два раза, кажется не менѣе, въ годъ посвящать нѣсколько часовъ на репетиціи. Я принялъ предложенныя мнѣ условія вознагражденія и вскорѣ же открылъ свой

курсъ въ послѣднемъ классѣ передъ маленькой сравнительно аудиторіей въ 10—15 человѣкъ, совершенно взрослыхъ юношей вродѣ меня самого, если не старше.

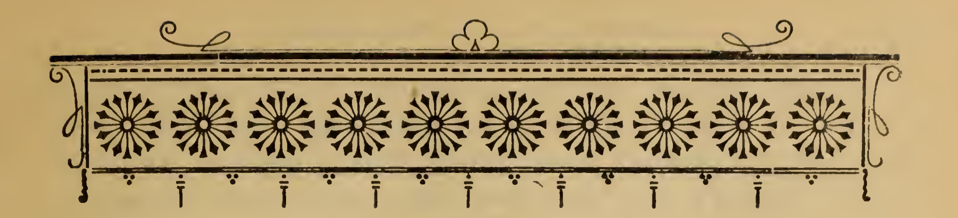
Я оставался преподавателемъ, или, какъ для пышности называли, профессоромъ Техническаго училища вплоть до самой командировки во второй половинѣ 1872 года, что-то около 2-хъ лѣтъ. Я считаю, что принятіе на себя этихъ занятій въ Императорскомъ Техническомъ училищѣ оказалось въ высшей степени плодотворнымъ и полезнымъ для моей будущей роли университетскаго профессора и даже до нѣкоторой степени предопредѣлило характеръ моей спеціализаціи. Во-первыхъ, я выучился нѣсколько говорить и держать себя передъ публикой, что̀ было очень удобно въ виду малаго количества въ училищѣ слушателей; во-вторыхъ, я научился вдумчиво относиться къ слушателямъ; по ихъ лицамъ и изъ бесѣдъ съ ними въ антрактахъ и на репетиціяхъ, я скоро и быстро узнавалъ, что для нихъ полезно и интересно и что нѣтъ, и сообразно съ этимъ передѣлывалъ, добавлялъ или измѣнялъ свое изложеніе и направленіе курса. Въ виду спеціальной цѣли Техническаго училища выпускать дѣятелей промышленности, за необходимымъ лишь сокращеннымъ изложеніемъ популиціонистики, преимущественно обратилъ вниманіе на промышленность въ строгомъ смыслѣ слова, сопровождая свое изложеніе изрѣдка картами и діаграммами. Въ цѣломъ, казалось мнѣ, мой курсъ имѣлъ у молодежи нѣкоторый успѣхъ, вызывая ихъ интересъ къ бесѣдамъ и объясненіямъ.

Кромѣ того чтеніе лекцій статистики заставило меня для скудной тогда библіотеки училища покупать довольно много книгъ и самому читать ихъ, а черезъ это расширялась моя собственная спеціальность и общая подготовка и знаніе. Я болѣе и болѣе заинтересовывался вопросами промышленности и торговли и въ этомъ смыслѣ удержалъ соотвѣтствующіе вкусы въ области финансовъ и экономіи на цѣлую мою жизнь.

Наконецъ, занятія мои въ Техническомъ училищѣ принесли мнѣ неожиданно извѣстную пользу въ моемъ будущемъ дѣлѣ, о которомъ я не могъ предвидѣть тогда, а именно, когда впослѣдствіи я сдѣлался московскимъ фабричнымъ инспекторомъ, то мнѣ пришлось нѣсколько разъ встрѣчать на разныхъ фабрикахъ своихъ бывшихъ учениковъ, которые добро ко мнѣ относились и тѣмъ облегчали исполненіе моихъ инспекторскихъ обязанностей и расширяли знакомство съ фабричнымъ бытомъ.

Иванъ Янжулъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Дневникъ академика В. П. Безобразова[1]).

1886.

28 марта. За все это время, что не писалъ, всего болѣе остался въ памяти обѣдъ у Бунге. Очень грустныя впечатлѣнія я вынесъ съ него. Была самая маленькая компанія. Всѣмъ и Бунге это нравилось подшучивать надъ таможеннымъ протекціонизмомъ и говорили, какая это нелѣпость. Бунге самъ участвовалъ въ глумленіяхъ. И это у него всегда такъ! Что за безнравственность! Что за пустота! Бунге довелъ протекціонизмъ донельзя и самъ же надъ этимъ смѣется. И всѣ наши государственные люди таковы (хотя Бунге въ этомъ отношеніи циничнѣе другихъ): они дѣлаютъ одно, а говорятъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, совсѣмъ противуположное. Вотъ это-то различіе слова и дѣла и разлучаетъ меня всего болѣе съ петербургскимъ оффиціальнымъ міромъ.

30 марта. Вчера вмѣсто субботняго вечера въ Мраморномъ дворцѣ всѣ отправились къ В. К. Георгію Мих., который былъ дежурнымъ въ своей артиллеріи и угостилъ насъ ужиномъ.

Меня поразило, что мнѣ разсказалъ баронъ Ш., вполнѣ знающій и правдивый!..

Вотъ такъ мы и вкушаемъ горькіе плоды во время войнъ... И потомъ они говорятъ о нигилистахъ и бунтаряхъ. Кто вреднѣе для монархіи?

1 апрѣля. Вчера провелъ вечеръ у Мерказина въ Измайловскомъ полку. Было много измайловскихъ офицеровъ, полковой командиръ, полковыя дамы и В. К. Константинъ Конст. Наблюдалъ, какое ухаживанье всѣхъ за Конст. Конст., и какъ имъ трудно, и даже невозможно посреди такого ѳиміама не испортиться.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1908 г.

Сегодня рожденіе и совершеннолѣтіе В. К. Александра Мих., и я былъ въ первый разъ за завтракомъ и даже въ домашней компаніи у В. Кн. Михаила Ник. Родители были довольно любезны. Сыновья Михаилъ, Георгій и Александръ показывали мнѣ много любви. Прочіе члены Императорской фамиліи довольно хороши ко мнѣ, но ничего особеннаго...

21 апрѣля. Опять перерывъ. Рѣшительно нѣтъ времени записывать,—былъ лихорадочно занятъ работой надъ рѣчью о Татищевѣ [1]). Впрочемъ, если что было это время, то только лично до меня касающееся. А я всего менѣе записываю мое личное, неинтересное въ будущемъ.

19 апрѣля было публичное собраніе Академіи въ честь Татищева — собраніе, по моему мнѣнію, печальное и неудачное, какъ все, что предпринимаетъ Академія.

Говорятъ, моя рѣчь имѣла успѣхъ, но я былъ собой недоволенъ. Въ газетахъ не было еще брани, которую я ожидалъ. Я доволенъ только тѣмъ, что закончилъ рѣчь религіознымъ воззрѣніемъ и даже молитвой, давно не раздававшейся на каѳедрѣ науки въ Россіи.

22 апрѣля. Моя рѣчь о Татищевѣ сообщена въ „Правительств. Вѣстникѣ“ въ такомъ видѣ, что о ней не дается публикѣ и отдаленное понятіе. Все самое существенное выпущено. Редакція „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ предложила мнѣ напечатать у нея, т. к. рѣчь Попова будетъ тамъ, и я изъявилъ черезъ него свое согласіе. Я зналъ, что мою рѣчь признаютъ политически вредной, т. е. непріятной для нынѣшнихъ верховниковъ. А страшные личные скандалы (полемика Смирнова противъ Бунге) и самыя гадкія нападки на министра въ „Гражданинѣ“ не только дозволяются, но похваляются. Новый памфлетъ Смирнова подъ покровительствомъ Побѣдоносцева противъ Бунге напечатанъ въ нарушеніе всѣхъ цензурныхъ и типографскихъ законовъ. Мой Никитинъ [2]) (главный инспекторъ типографій) не знаетъ, что ему дѣлать. Онъ обязанъ преслѣдовать, и если будетъ, то погибнетъ. Беззаконіе и интрига никогда такъ нагло не дѣйствовали. А между тѣмъ Государь самый честный и благонамѣренный человѣкъ.

Въ связи съ этимъ назначеніе Вышнеградскаго protégé Побѣдоносцева, человѣка съ дурной репутаціей, прямо въ члены Государственнаго Совѣта. Всѣ порядочные люди возмущены, но если бы у

[1]) Рѣчь эта произнесена въ торжественномъ публичномъ засѣданіи Имп. Академіи Наукъ 19 апр. по случаю двухсотлѣтней годовщины рожденія В. Н. Татищева.

[2]) Николай Васильевичъ † 1903.

насъ было общественное мнѣніе, это было бы невозможно. Жаль Государя, какъ его подводятъ.

29 апрѣля. Вчера обѣдалъ у В. Княгини Александры Іосифовны. Она очень жаловалась, что ей не сообщаютъ политическихъ извѣстій о тревожномъ положеніи Греціи.

Много хохотали о всякомъ вздорѣ.

Любопытно, что никто не знаетъ и не понимаетъ, что хочетъ творить наше правительство въ Греціи, да и вообще нельзя понять нашу иностранную политику.

Великая Княгиня Александра Іосифовна говорила мнѣ, какъ плохи совѣтники Государя. И это уже вездѣ и высоко говорятъ.

1 мая. Вчера свезъ Манасеину письмо, въ которомъ прошу Высочайшаго отпуска на 3 мѣсяца для ученыхъ работъ. Манасеинъ, мнѣ очень понравился своей простотой. Самъ отворяетъ двери (не было человѣка),—это уже простота, излишняя для министра.

3 мая. Сегодня былъ у Николаева (товарища министра финансовъ), чтобъ говорить о пособіи мин. ф. моему путешествію. Онъ сказалъ мнѣ, и это вѣрно, что не Побѣдоносцевъ, а Катковъ, говорившій лично о томъ съ Государемъ, сдѣлалъ N. членомъ Государственнаго Совѣта. Что за чудовищная сила! Поддерживалъ также Островскій. N. имѣетъ вообще настолько мерзкую репутацію (какъ гешефтмахеръ и совмѣститель службы съ аферами), что Бунге отказалъ ему недавно сдѣлать его членомъ Совѣта министра финансовъ.

Сегодня въ Академіи гр. Толстой былъ особенно со мной любезенъ. Онъ чувствуетъ, что не можетъ безъ посторонней помощи ничего создать и ничего провести.

5 мая. Былъ сегодня у Н. Х. Бунге просить о денежномъ пособіи на мое путешествіе. Принялъ очень хорошо, даже дружески. Сказалъ, что для успѣха нужно доложить лично Государю, по его пріѣздѣ сюда. Ему плохо—очень разстроенъ нападками Катковъ—Побѣдоносцевъ — Смирновской интриги. Жаловался и на Толстого. Говоритъ, что интриги однихъ министровъ противъ другихъ дискредитируютъ власть въ обществѣ (это думаютъ всѣ и безъ Бунге).

Я сказалъ Бунге откровенно, что онъ слишкомъ уступаетъ Каткову и К° и, какъ всегда бываетъ, онъ сталъ требовать больше. Сдѣлаться ихъ послушнымъ агентомъ онъ не захотѣлъ, и вотъ положеніе.

13 мая. Былъ сегодня съ Олей у С. П. Боткина на дачѣ. Слава Богу, онъ меня успокоилъ насчетъ Оли. Милѣйшій человѣкъ Боткинъ. Онъ былъ мнѣ всегда очень симпатиченъ. Въ этомъ человѣкѣ соединяются умъ съ сердцемъ, что такъ рѣдко. Его любез-

ность и добродушіе не притворныя, а искреннія. Всего болѣе мнѣ нравится простота его обращенія и образа жизни. Никакой роскоши въ домашней обстановкѣ. Всѣ дѣйствительно замѣчательные люди живутъ просто.

15 мая. Вчерашній экономическій обѣдъ былъ изъ самыхъ для меня непріятныхъ, хотя и пили за мое здоровье, чтобы уговорить меня не покидать мою должность распорядителя, какъ я хотѣлъ послѣ всѣхъ скандаловъ,—каррикатурныхъ сообщеній самихъ членовъ въ газетахъ объ обѣдахъ. Я согласился остаться до будущей зимы, —до тѣхъ поръ утечетъ много воды. Впрочемъ, моя тактика заключалась въ томъ, чтобы съ одной стороны напугать моимъ выходомъ и заставить и членовъ быть внимательнѣе къ обѣдамъ, а съ другой стороны, заставить дорожить обѣдами и не обращать вниманіе на печать. Я къ ней равнодушенъ, но мнѣ же многіе члены жаловались на печать и говорили, что при своемъ положеніи, они должны будутъ оставить обѣды. Теперь, испугавшись исчезновенія обѣдовъ съ моимъ выходомъ,—они же стали говорить противное. Это и было мнѣ нужно. При этомъ предсѣдатель экономическихъ обѣдовъ показываетъ свое обычное легкомысліе, вслѣдствіе котораго онъ потерялъ мѣсто министра финансовъ. Я не могъ добиться видѣть его до обѣда на 1/2 часа, чтобы переговорить объ обѣдахъ. Ведя самую пустую свѣтскую жизнь и ничего не дѣлая, онъ никогда не имѣетъ ни на что времени.

Вчера обѣдалъ и оставался съ нимъ до 2 ч. ночи. Вышнеградскій герой дня (?). Въ интимномъ разговорѣ о финансахъ и его спорѣ съ Ламанскимъ я убѣдился, что онъ не много понимаетъ задачу регулированія нашего денежнаго обращенія. Онъ понимаетъ главное—зло шаткой бумажной денежной единицы.

17 мая. Вчера обѣдалъ у насъ запросто В. К. Дмитрій Константиновичъ съ Лееромъ и Степановымъ. Бесѣда была очень интимная и пріятная. Много говорили о статьѣ Basile'а въ „Nouvelle Revue", которая производитъ сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ (характеристика Императорской фамиліи).

Въ противность мнѣнію высшаго нашего общества я нахожу, что эта пустая статья есть скорѣе идеализація лицъ, о которыхъ пишетъ авторъ. Но имъ страшно читать даже это, такъ они всѣ привыкли къ лести. Всего болѣе идеализированъ Побѣдоносцевъ (а авторъ еще разсуждаетъ съ либеральной точки зрѣнія)? Ему дѣлается упрекъ только въ томъ, что онъ фанатикъ. Но кажется, это еще самое невинное обвиненіе этого человѣка, положительно вреднаго своими совѣтами.

19 мая. Вчера вернулись изъ путешествія съ Государемъ Вел. Кн. Сергѣй и Павелъ Александровичи, и я ихъ встрѣчалъ на Балтійской жел. дорогѣ.

Потомъ была свадьба Куломзина съ Шидловской. Сейчасъ отъ В. К. Павла Александровича, съ которымъ ѣздилъ завтракать къ В. К. Сергѣю Александровичу (его не было дома, а мы завтракали съ В. К. Елизаветой Ѳедоровной). Я особенно люблю В. К. Павла Александровича за его искренность и откровенность. То, что онъ знаетъ, онъ мнѣ все сообщаетъ. В. К. П. А. говоритъ (и кажется, совсѣмъ вѣрно), что никакихъ недоумѣній со спускомъ броненосца (Екатерины II) не было, а всѣ здѣшніе слухи вздоръ.

А эти слухи распускали знающіе люди; еще разъ приходится убѣдиться, какъ въ Петербургѣ врутъ. Всѣмъ путешествіемъ очень доволенъ—и Крымомъ, и Москвой. На статью въ „Nouvelle Revue" не обращаютъ особеннаго вниманія. Находятъ, что все это гадость, въ родѣ фельетоновъ „Фигаро". Со мною очень нѣжны. Отношенія, кажется, прочныя. В. К. Елизавета Ѳедоровна холодна, но она такъ со всѣми.

20 мая. Вчера довольно пріятно провелъ время. Обѣдалъ у В. К. Дмитрія Константиновича, ѣздилъ съ нимъ кататься, а потомъ вечеръ у В. К. Павла Александровича. Удивительная свадьба Баляснаго съ кн. Лобановой-Ростовской.

22 мая. Сейчасъ разсказывалъ мнѣ очевидецъ московскихъ событій (рѣчи гор. головы Алексѣева) о водруженіи креста на Софіи на выходѣ Государя, графъ Стенбокъ, управляющій дворцомъ В. К. Сергѣя Александровича. Алексѣевъ сказалъ наканунѣ кн. Долгорукову, что скажетъ нѣсколько словъ привѣтствія, не умѣя де говорить. А самъ только въ тотъ день, просыпаясь, вздумалъ это сказать. Всѣ были недовольны. Гирсъ въ отчаяніи; это почти объявленіе войны Турціи было вслѣдъ за теплѣйшимъ пріемомъ турецкаго посла въ Крыму. Гирсъ просилъ Государя опустить рѣчь въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Государь не согласился по своей прямотѣ (?), зачѣмъ скрывать (но уже дѣйствовать совсѣмъ прямо, такъ надо объявить дезапробацію этой рѣчи).

Вотъ наша неурядица, которая не можетъ внушать къ намъ довѣріе въ Европѣ. Если дѣйствительно рѣчи Алексѣева не сочувствуютъ (въ этомъ всегда является сомнѣніе послѣ теплаго обращенія Государя съ Дурново и Аксаковымъ въ такихъ же случаяхъ), то какже это такъ легко у насъ происходитъ, когда нельзя оправдываться даже и свободой (?), которой и тѣни у насъ нѣтъ. Въ свободныхъ государствахъ неизмѣримо болѣе дисциплины въ

оффиціальной жизни, чѣмъ въ нашемъ самодержавномъ государствѣ.

Въ Павловскѣ, на станціи жел. дороги, встрѣтилъ Великую Княгиню Александру Іосифовну съ принцессой Альтенбургской, матерью Великой Княгини Елизаветы Маврикіевны. Она жаловалась мнѣ на Государя, что онъ даетъ ей извлеченія изъ записокъ Литке о ней. Отшучивался. Она просила меня заѣхать послѣ обѣда къ В. К. Константину Константиновичу. Заѣзжалъ. Сердечнѣйшій онъ человѣкъ. Ждетъ съ часа на часъ разрѣшенія жены.

Я ѣхалъ вчера до Царскаго съ В. К. Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ.

24 мая. Вчера обѣдалъ у В. К. Павла Александровича. Онъ получилъ письмо отъ королевы греческой. Она въ восхищеніи, что русскій флотъ не принималъ участія въ демонтраціи противъ Греціи. Павелъ Александровичъ говоритъ, что такъ было устроено, чтобы нашъ флотъ не принималъ участія. Но тогда затѣмъ же Россія стала во главѣ воздѣйствія на Грецію? Трудно понять эту политику.

26 мая. Былъ вчера въ Пулковѣ на годовомъ собраніи.

Получилъ сегодня извѣстіе о назначеніи мнѣ мин. финан. по Высоч. повелѣнію 1.500 р. на разъѣзды для III тома „Народнаго Хозяйства". Не много, но и то хорошо.

28 мая. Былъ вчера у Боткина на дачѣ (за Мустамяками въ Финляндіи для консультаціи о Володѣ Ганенфельдѣ [1]). Опять убѣдился, какъ любезенъ и добродушенъ онъ самъ и какъ обаятельно все семейство,—какъ мило выдержаны всѣ дѣти. Рѣдко помню семейство, особенно знаменитости (къ несчастію знаменитости рѣдко имѣютъ благоустроенное семейство),—оставляющее такое пріятное впечатлѣніе. Нигилизма нѣтъ слѣда, а сколько было на этотъ счетъ клеветъ на Боткина и его жену (урожд. кн. Оболенскую). Она образцовая мать семейства. Въ семействѣ господствуетъ подчиненіе старшимъ и при всемъ просвѣщеніи видимо патріархальные нравы.

У Боткина я видѣлъ Салтыкова (Щедрина), котораго давно не видѣлъ и съ которымъ прежде былъ такъ близокъ. Онъ былъ радъ меня видѣть (по словамъ Боткина), хотя по обыкновенію не показалъ этого. Это теперь развалина, Боткинъ говоритъ, что нельзя ручаться ни за одинъ день, ни за одинъ часъ его жизни.

Дикій невозможный характеръ Салтыкова, дошедшій до послѣдней степени въ старости и болѣзни, отдалилъ отъ него всѣхъ; ему остались вѣрны и близки только А. Унковскій и В. Гаевскій,

---

[1]) Крестникъ покойнаго.

люди неслыханной доброты. Домашній хаосъ (безобразныя отношенія къ женѣ) продолжается съ крайнимъ ожесточеніемъ.

Вотъ иронія жизни: самый замѣчательный и злой до безпощадности сатирикъ нашего времени заслуживаетъ своимъ характеромъ и жизнью самаго строгаго осужденія въ нравственномъ отношеніи. Почти нѣтъ порока, который онъ клеймитъ и который бы не былъ развитъ въ немъ самомъ.

Москва, 3 іюня. Вчера выѣхалъ изъ Петербурга съ почтовымъ и сегодня прибылъ въ Москву. Какъ только оставилъ Петербургъ, такъ чувствую внезапное успокоеніе, какъ всегда. Суматоха, меня окружающая въ Петербургѣ, крайне меня утомляетъ, а утомленіе раздражаетъ, а раздраженіе дѣлаетъ меня и всѣхъ мною недовольными. Опять нѣсколько дней и интереснѣйшихъ не записывалъ, посреди кутерьмы. Сдѣлаю по возможности перечень бывшаго.

28 мая, среда. Былъ въ Царскомъ на Кузьминскомъ кладбищѣ и служилъ панихиду; люблю быть здѣсь одинъ. Всегда много думъ о миломъ быломъ (отдаленномъ). Вечеръ провелъ очень пріятно съ В. К. Павломъ Александровичемъ у Арсеньева.

29 мая. Былъ у В. К. Сергѣя Александровича въ Красносельскомъ лагерѣ. Было самое сердечное дружеское обращеніе В. К. Сергѣя Александровича со мной.

30 мая. Представлялся Государю. Представленіе подтвердило мой взглядъ на мои отношенія.—Онъ не дурно ко мнѣ расположенъ, но и нельзя сказать, чтобы былъ положительно ко мнѣ расположенъ. Скорѣе такъ: братья любятъ, нельзя и Ему не быть ко мнѣ внимательнымъ.

Разговоръ Государя со мной (вообще очень благосклонный, сравнительно съ другими, тутъ бывшими).

— Куда вы ѣдете и чѣмъ теперь будете заняты?

— Въ губерніи Московскую, Владимірскую, Костромскую для продолженія моихъ изслѣдованій промышленности, для III тома моего путешествія, и потомъ за границу для изученія промышленнаго застоя, находящагося въ связи съ нашимъ.

— Вы, однако, очень надолго уѣзжаете ($5^1/_2$ мѣсяцевъ)? Это развѣ необходимо для вашихъ работъ (тутъ улыбка, скорѣе любезная, чѣмъ ироническая)?

— Необходимо, Ваше Величество.

— Желаю вамъ успѣха (очень любезнымъ тономъ).

Съ другими былъ гораздо менѣе любезенъ, напр., подлѣ меня стоявшаго товарища министра юстиціи Маркова (управлявшаго неоднократно мин. юстиціи) Государь спрашивалъ, когда онъ вступилъ на службу, и проч., дѣлалъ вопросы, для всѣхъ изобличав-

шіе, что онъ не имѣетъ о немъ никакого понятія (а можно бы было поговорить съ нимъ въ кабинетѣ, чтобы ближе вникнуть въ человѣка, который можетъ понадобиться). Императрица приняла меня очень ласково, говорила семейно и интимно.

Былъ у В. К. Елизаветы Ѳедоровны, жившей у императрицы. Привезъ ей порученіе отъ В. К. Сергѣя Александровича. Она со мной очень любезна. Звала въ Ильинское.

Вечеромъ обѣдалъ въ Павловскѣ у В. К. Александры Іосифовны (страшное утомленіе,—только что вернулся изъ Петергофа, переодѣлся и въ Павловскъ).

Александра Іосифовна была, какъ всегда. Обѣдали Константинъ Константиновичъ, Елизавета Маврикіевна, принцесса Альтенбургская (кажется, свита не довольна, что кромѣ меня никто не допускается на семейные обѣды).

Придворнымъ всего болѣе досадна моя независимость. Они на жалованьѣ. Я добровольно служу Императорской фамиліи, пока мнѣ это нравится (хотя я и бѣднякъ). Эту силу чувствуютъ и всѣ члены Императорской фамиліи (всѣ они отлично знаютъ, что я всякую минуту могу ихъ бросить и могу отлично жить и безъ нихъ).

Я глубоко благодаренъ Вел. Кн. Александрѣ Іосифовнѣ за ея неизмѣнно доброе ко мнѣ расположеніе...

Принцесса Альтенбургская милая, образованная женщина. Съ ней говорили о политикѣ и обо всѣхъ серьезныхъ вопросахъ дня.

Изъ Петербурга возвращался съ Бунге наединѣ и много говорилъ о его положеніи. Печальное производитъ онъ на меня впечатлѣніе, какъ министръ! Какой же это министръ! Для Россіи, для славы экономической науки истинное бѣдствіе, что она компрометтирована черезъ него, извѣстнаго Россіи только, какъ ученаго экономиста, между тѣмъ Бунге безусловно ничего не дѣлаетъ на основаніи науки, но все-таки онъ честный человѣкъ, и нельзя не возмущаться интригой противъ него людей, неизмѣримо худшихъ нравственно, чѣмъ онъ (Побѣдоносцева, Островскаго, Каткова, главное—Вышнеградскаго).

Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе, что Государь его успокоилъ, т. е. насколько ему нужно, чтобъ остаться нѣкоторое время министромъ. Между тѣмъ я убѣжденъ, что дни его сочтены. Когда мы получимъ министра qui ne se cramponnera pas au porteſeuille? Между тѣмъ Бунге выразилъ мнѣ желаніе, чтобы я не писалъ противъ Смирнова!? Онъ желаетъ, чтобы эта гнусная полемика заглохла. Онъ боится говора и шума. Онъ сказалъ Государю, что не будетъ отвѣчать на 2-й памфлетъ Смирнова. Еще бы, но этого мало, чтобы возстановить свое положеніе и достоинство. Относи-

тельно моего предположенія написать критику записки Смирнова, Бунге сказалъ, что въ интересахъ дѣла было бы полезнѣе не полемизировать (т. е. желаетъ, чтобы все это замерло и какъ-нибудь втихомолку продержаться, пока не прогонятъ). Затѣмъ отказалъ мнѣ прислать свой отвѣтъ на первую записку Смирнова подъ предлогомъ, что всѣ экземпляры разошлись. Можно ли что-нибудь сдѣлать, находясь въ такомъ жалкомъ положеніи?

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Великаго Князя Николая Павловича А. А. Закревскому о поручикѣ Дюклу.

Милостивый Государь мой
Арсеній Андреевичъ.

Извѣщая васъ о совершенномъ согласіи моемъ на испрашиваемое вами назначеніе л.-гв. Измайловскаго полка поручика Дюклу къ Вашему Превосходительству въ адъютанты, долгомъ считаю присовокупить, что г. Дюклу дѣйствительно имѣетъ весьма хорошія способности и знаетъ французскій и нѣмецкій языки, но по молодости лѣтъ еще не довольно остепенился и немного вѣтренъ,— порокъ, отъ котораго онъ однако лѣтами и особенно подъ руководствомъ вашимъ вскорѣ можетъ исправиться.

Вашъ искренно доброжелательный
Николай.

25-го марта 1824 г.
Въ С.-Петербургѣ.

Приведенное письмо являлось отвѣтомъ на письмо А. А. Закревскаго, который обратился къ Николаю Павловичу, какъ къ бригадному командиру той гвардейской бригады, куда входили полки л.-гв. Измайловскій и Егерскій, т. е. какъ къ начальнику поручика Дюклу.

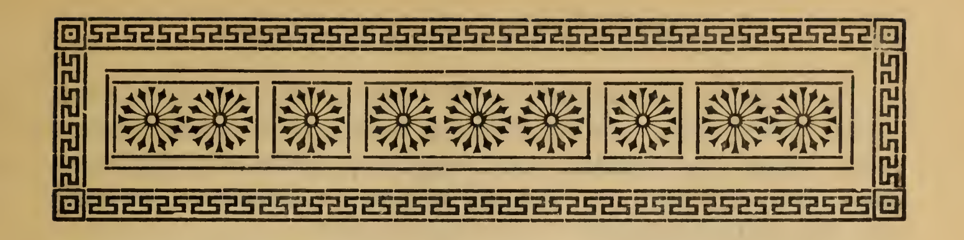
Къ біографіи декабриста Лунина.

Отношеніе
Цесаревича Константина Павловича графу М. А. Милорадовичу.
(13 іюня 1815 г., № 3643).

Получивъ при рапортѣ Вашего Сіятельства № 1161 прошеніе, поданное на Высочайшее имя Кавалергардскаго полка отъ ротмистра Лунина о переводѣ его, по недостаточному состоянію содержать себя въ гвардіи, въ армію, я, находя причину сію недостаточною, ибо онъ когда служилъ до сего времени, слѣдовательно, могъ содержать себя, то и теперь долженъ служить въ семъ полку и потому я не согласенъ на переводъ его и въ семъ ему поручаю отказать.

Внизу бумаги имѣется помѣтка: „кажется, есть другая причина“.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Глава IV [1]).

Сѣрныя бани.—Постъ.—Вечера у Великаго Князя-Намѣстника.—Игра на віолончели.—Музыкальный вечеръ у А. Н. Муравьева.—Катанья въ окрестностяхъ.—Жизнь на улицахъ.—Кура.—Карабахскій табунъ.—Циркъ Сура. Театръ.—Подарокъ Великой Княгини.—Пикникъ въ ботаническомъ саду.—Танцы. — Лезгинка. — Обратный путь. — Владикавказъ. — Дагестанскій полкъ.—Смотръ Тверцовъ, Сѣверцовъ и Переяславцевъ.—Кабардинскіе табуны.—Лихорадка.—Черноморскіе табуны.—Смотръ запасныхъ эскадроновъ.—Егорлыкъ.—Задонскіе табуны.—Калмыки табунщики.

Въ одинъ изъ вечеровъ мы поѣхали съ Вел. Княземъ въ восточныя бани съ сѣрными ключами. Банщики—все персіяне, моютъ удивительно искусно. Хозяинъ бани, въ ожиданіи Вел. Князя, убралъ комнаты коврами и цвѣтами, съ улицы зажегъ иллюминацію и смоляныя бочки, такъ что народу собралось не мало. Кромѣ меня взятъ былъ еще Ростовцевъ.

Рядомъ съ комнатой, въ коей раздѣваются, находилась продолговатая, со сводами и куполомъ комната съ мраморнымъ бассейномъ и сѣрнымъ ключемъ.

Запахъ тухлыми яйцами очень силенъ, но къ нему скоро привыкаешь. Сначала надо сѣсть въ сѣрную ванну, что не легко, т. к. температура натуральнаго ключа доходитъ до 36^{0}; духъ захватываетъ. Посидѣвъ въ ваннѣ минутъ десять, начинаешь усиленно потѣть; ложишься на скамью, а банщикъ садится на корточки и принимается тереть васъ, вѣрнѣе полировать волосяною перчаткою, потомъ массируетъ: руки, ноги, грудь, спину, такъ что кости хрустятъ. Въ заключеніе, беретъ шелковый мѣшокъ, натираетъ его мыломъ, мочитъ водою, надуваетъ и, выдавливая воздухъ, покрываетъ тѣло пѣной, затѣмъ окачиваетъ водой, сажаетъ минуты на двѣ въ ванну и, снова окативши свѣжей струей, выпускаетъ одѣваться.

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1909 года.

Вел. Князь наслаждался, я тоже, Ростовцевъ пыхтѣлъ и смѣшилъ.

Дни нашего пребыванія въ Тифлисѣ совпадали съ постомъ: постоянный звонъ въ церквахъ, по временамъ хорошая погода, катанье за-городъ верхомъ, или въ коляскѣ, завтраки и обѣды у Вел. Князя-Намѣстника.

Иногда на вечера приглашалась по очереди мѣстная знать; пили чай; на нѣсколькихъ столахъ играли въ карты. Великая Княгиня сидѣла обыкновенно въ гостиной съ двумя—тремя дамами.

На этихъ однообразныхъ вечерахъ царила скука; за то въ другіе дни я нѣсколько разъ игралъ на віолончели, и Ея Высочество аккомпанировала мнѣ на роялѣ; при этомъ я всегда долженъ былъ являться въ мундирѣ, хотя, кромѣ Вел. Князя, въ сосѣднемъ кабинетѣ никого не было.

Его Высочество читалъ вороха докладовъ, послѣ музыки пили чай, я совершенно непринужденно болталъ съ Вел. Княгиней понѣмецки, что̀ невольно смягчало обыкновенно царившій этикетъ. Однажды утромъ мой Вел. Князь спрашиваетъ меня:

— „Ты вчера игралъ?“

— „Игралъ, Ваше Высочество“.

— „Великая Княгиня хорошо играетъ?“

— „Очень хорошо и замѣчательно свободно читаетъ ноты“.

— „А братъ что дѣлалъ?“

— „Читалъ доклады весь вечеръ“.

Въ одинъ изъ свободныхъ дней я принялъ участіе на музыкальныхъ вечерахъ у А. Н. Муравьева.

Играли артисты опернаго театра; я игралъ съ ними секстетъ „Шпора“ и квинтетъ „Шумана“ съ фортепіано. По утрамъ Его Высочество приходилъ (по корридору) къ намъ, сѣвъ однажды съ нами въ коляску, такъ чтобы его не видѣли, онъ поѣхалъ со своей свитой кататься по окрестностямъ, высматривая по базарамъ и караванъ-сараямъ лошадей.

Разъ послѣ обѣда, подъ вечеръ, Его Высочество приказалъ осѣдлать кабардинскихъ лошадей дворцовой конюшни и со Струковымъ и мною поѣхалъ куда глаза глядятъ по городу и окрестностямъ.

Улицы тянулись передъ нами въ угловатыхъ выступахъ, домахъ съ балконами, съ навѣсами и узорчатыми перилами, изъ которыхъ выглядывали однообразныя лица старыхъ грузинокъ съ горбатыми носами, большими темнокарими глазами, дугообразными бровями, вдавшимся ртомъ и острымъ подбородкомъ; къ этому — ввидѣ рамки—неизмѣнныхъ два локона.

Проѣхавъ рядъ улицъ съ подъемомъ и спускомъ, мы очутились въ лощинѣ, превратившейся въ улицу, съ рядомъ домовъ, за кото-

рыми высились горы. Слѣдуя впечатлѣнію глаза, мы поднялись на лѣвый кряжекъ, увѣнчанный во всю длину развалинами персидской крѣпости, во время оно громившей столицу Грузіи. Въ послѣдній разъ, кажется, въ 1799 г.

Дорога, сначала шоссированная, по мѣрѣ приближенія къ цитадели замка, превратилась въ каменную тропу съ лѣвой и крѣпостными стѣнами съ правой стороны, за которыми расположенъ Ботаническій садъ.

Начало вечерѣть; солнце, склоняясь къ западу, стало золотить прозрачныя тучки и румянить вдали вершину Казбека и его почтенныхъ, увѣнчанныхъ сѣдиною, сосѣдей. Предгорія, по мѣрѣ приближенія къ намъ, окрашивались все въ болѣе темные тона. Воздухъ изъ прозрачной, но густой синевы, отдаляясь къ горизонту, переходилъ въ фіолетовый, розовый и наконецъ ярко-золотистый цвѣтъ.

На сѣверѣ наши цвѣта тоже ярки, но холодны, здѣсь же удивляешься сочности и теплотѣ красокъ.

Любуясь закатомъ солнца, мы не замѣтили, какъ быстро стемнѣло въ долинѣ; въ городѣ засверкали огоньки, а на небѣ заблестѣли звѣздочки.

Карабкаясь подъ стѣнами башенъ, мы обогнули замокъ и стали спускаться въ, такъ называемый, Татарскій кварталъ, съ узкими улицами, плоскими крышами, съ мусульманскимъ населеніемъ. Грязь, вонь, все другъ на другѣ нагромождено, но живописно.

Вся жизнь наружу: вотъ персіянинъ укладывается спать на балконѣ, татары оканчиваютъ вечернюю молитву, а дальше у порога сидятъ женщины въ бѣлыхъ чадрахъ и, освѣщенныя краснымъ отблескомъ жаровни, рисуются въ моемъ воображеніи, какъ вѣдьмы Макбета. Мы незамѣтно спустились на торговую площадь; несмотря на поздній часъ, торговцы и покупатели все еще копошились при красновато-желтомъ свѣтѣ сальныхъ свѣчей.

Кого тутъ, только не было: продавцы зелени, шапочники, кузнецы, оружейники, слесаря, кухни, хлѣбопеки, все другъ противъ друга въ рядахъ лавокъ безъ оконъ и дверей, отдѣленныхъ одна отъ другой простѣнками.

На площади самая разнообразная смѣсь оборванныхъ костюмовъ и разнородныхъ лицъ; женщинъ мало, а которыя есть, такъ все больше старухи. Изъ животныхъ — толстокожія имѣютъ наибольше представителей: ослы скромно и покорно тащатъ уголь, понукаемые крикомъ мальчиковъ-погонщиковъ; катера, или мулы проходятъ караванами съ колокольчиками, навьюченные съѣстными припасами, или тюками фуража; вотъ тащится тяжелая, двухколесная арба,

влекомая четверкою съ уносомъ буйволовъ. Въ арбѣ цѣлое грузинское семейство съ огромнымъ грузомъ сырыхъ сельскихъ продуктовъ или нераспиленными дровами. Но вотъ гордо съ сознаніемъ собственнаго достоинства выступаетъ житель пустыни верблюдъ; онъ, такъ сказать, заканчиваетъ картину востока и обрисовываетъ азіатскій характеръ города.

Всмотрѣвшись въ малѣйшія подробности и наглядѣвшись вполнѣ, мы повернули въ темный переулокъ, ведущій на мостъ черезъ Куру.

Разъѣзжая по улицамъ и базарамъ, глаза наши приглядѣлись къ красноватому освѣщенію и, выѣзжая на мостъ, мы вдругъ были поражены совершенною противоположностью—серебрянымъ потокомъ яростно мчавшейся Куры.

Луна фантастически освѣщала рѣку, обрывы скалъ и зданій.

Кура въ этомъ мѣстѣ течетъ между двумя крутыми обрывами, дѣлая небольшой поворотъ и образуя нѣсколько, какъ бы декоративныхъ плановъ.

На вершинахъ обрывовъ гнѣздятся въ живописномъ безпорядкѣ: дома съ балконами, замокъ, церковь, мечеть. Рѣзко освѣщенные луной выступы, увеличивая черноту погруженныхъ въ тѣнь предметовъ, дѣлали чисто Рембрантовскій эффектъ свѣта-тѣни. Картина была до того хороша, что Великій Князь невольно воскликнулъ: „смотри, ребята, что за чудесная картина!“ И дѣйствительно было чему подивиться!

Тѣмъ временемъ на сосѣдней башнѣ пробило 10 часовъ. Его Высочество поспѣшилъ домой, вдоволь насладившись вмѣстѣ съ нами дивной прогулкой.

Выѣхавъ къ театру, мы встрѣтили Великаго Князя-Намѣстника съ Вел. Княгиней. Они ѣхали въ коляскѣ въ сопровожденіи взвода конвоя, при чемъ у передовыхъ казаковъ были смоляные факела. Такой выѣздъ очень красивъ, но нашъ Вел. Князь былъ врагомъ всякой помпы и въ душѣ любилъ простоту, особенно въ дѣлахъ и докладахъ, не терпѣлъ, если кто-либо придавалъ преувеличенное значеніе своей работѣ, или дѣйствіямъ и называлъ это „wichtigtuerei“ и высмѣивалъ.

Между тѣмъ настала страстная суббота; мы отстояли заутреню въ Сіонскомъ соборѣ, построенномъ въ V вѣкѣ, при грузинскомъ царѣ Вахтангѣ. Это былъ самый древній изъ видѣнныхъ мною храмовъ. Стѣны въ немъ вновь расписаны кн. Гагаринымъ пестро, узорно, фигурно, вообще хорошо.

Послѣ заутрени, въ $2^1/_2$ ч. ночи вернулись во дворецъ, чтобы встрѣтить и похристосоваться съ Ихъ Высочествами.

Подходили къ ручкѣ Вел. Княгини, а затѣмъ сѣли за столъ и разговѣлись. На первый день не было конца поздравленіямъ и всякимъ оффиціальнымъ церемоніямъ. Забавно было, когда пришло городское населеніе съ зурною, огромными дайрами и знаменами поздравлять Ихъ Высочества.

Вечеромъ мы пошли съ Ростовцовымъ и сопровождавшимъ насъ художникомъ Дмитріевымъ Оренбургскимъ въ циркъ „Сура". Я не скучалъ, а подъ конецъ совсѣмъ развеселился, когда кто-то въ заднихъ рядахъ закричалъ „пожаръ", и всѣ съ крикомъ и гамомъ бросились на арену. Ковардакъ вышелъ страшный, и публика долго не могла успокоиться.

На другой день, 17 апрѣля, праздновалось рожденіе Государя обѣднею въ Сіонскомъ соборѣ, разводомъ на Театральной площади и параднымъ обѣдомъ на триста человѣкъ съ музыкой.

Вечеромъ мы были въ театрѣ, гдѣ давали „Свекровь и Теща".

Театръ выстроенъ при Воронцовѣ, внутренность отдѣлана въ персидскомъ вкусѣ.

На дняхъ пригнали Карабахскій табунъ изъ 30 кобылъ съ 8-ью жеребятами. Его Высочество былъ очень доволенъ этому подарку отъ Карабахской Ханши-Уцміевой.

Мы нѣсколько разъ часами проводили время въ созерцаніи красоты этихъ дикихъ дамъ. Это былъ первый косякъ, который мнѣ довелось видѣть.

Струковъ, зная слабость Вел. Князя къ лошадямъ, безъ устали восторгался, поддакивалъ и вывинчивалъ на всѣ лады. Видя это, и мы съ Ростовцовымъ не отставали. Вниманіе мое было поражено, когда пущенный въ косякъ золотистый жеребецъ, подарокъ Его Высочества-Намѣстника, сосредоточилъ всю свою страсть на одной кокетливой кобыленкѣ.

Какъ ни странно, но въ отношеніяхъ между полами у лошадей, за продолжительный срокъ моихъ наблюденій, я замѣтилъ много общихъ, основныхъ чертъ съ людьми. У нихъ темпераментъ и личность имѣютъ такое же значеніе. Имѣя цѣлый гаремъ, обладатель его остается равнодушнымъ къ красотѣ своихъ законныхъ женъ, и если появится особа страстная, то все его вниманіе сосредоточивается исключительно на ней; онъ забываетъ гаремъ и занятъ исключительнымъ ухаживаньемъ за ней одной.

22-го утромъ проводили табунъ и завтракали у Ихъ Высочествъ.

Послѣ завтрака Вел. Княгиня позвала меня въ кабинетъ и подарила на память серебряную кружку мѣстной работы, съ изображеніемъ играющихъ музыкантовъ, затѣмъ свою фотографію съ

собственноручной подписью, выразивъ при этомъ увѣренность, что мы будемъ видѣться въ Петербургѣ.

Всѣ товарищи получили по различному подарку.

Къ обѣду мы поѣхали на пикникъ мѣстнаго дворянства, устроенный въ Ботаническомъ саду.

Столы были накрыты подъ сѣнью вѣковыхъ орѣховыхъ деревьевъ. Выбранъ былъ тулумбашъ — одинъ изъ старшихъ генераловъ—грузинъ; стали подавать яства изъ мѣстной кухни, при чемъ пилавъ и шашлыкъ принесены были торжественнымъ шествіемъ на серебряныхъ блюдахъ подъ колпаками, предшествуемые зурною и ритмическимъ перебоемъ дайръ.

Пилавъ былъ приготовленъ на славу.

Во время обѣда, кромѣ хора музыки, пѣли еще персидскіе пѣвцы. Пѣніе ихъ оригинально, имѣетъ опредѣленный размѣръ, больше въ $^6/_8$, больше всего мотивъ схожъ съ баркаролами, но изукрашенъ чрезмѣрно фіоритурами, которыя пѣвцы выдѣлываютъ горловыми звуками.

Сидѣли мы среди дамъ, что не мѣшало однако, черезъ посредство тулумбаша, вливать въ насъ изрядное количество вина.

Послѣ обѣда, когда стало смеркаться, зажгли иллюминацію и начались танцы.

Пріѣхали Ихъ Высочества.

Я танцовалъ кадриль съ Великой Княгиней; затѣмъ начались мѣстные танцы, и меня заставили съ какой-то красавицей протанцовать лезгинку.

Мы очень веселились: весенняя ночь, воздухъ, вино, музыка, возбуждающій ритмъ, выбиваемый на дайрахъ, упоительная лезгинка съ красавицей княгиней,—всѣ эти чары востока ядомъ разлились по жиламъ и отравили меня жгучею страстью, отъ которой я исцѣлился только исподволь, когда виды Кавказа скрылись изъ глазъ, и мы покатили по необозримымъ южнымъ степямъ.

На утро назначены были скачки, гдѣ я еще разъ увидѣлъ, любовался и могъ поцѣловать ручку красавицы княгини, съ которой танцовалъ вчера, и которая погрузила меня въ рой неосуществимыхъ мечтаній; затѣмъ, откланявшись Ея Высочеству, мы поѣхали въ Владикавказъ по Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ это время года, по этому пути бываютъ обвалы. Передъ нами только-что раскопали огромный, снѣжный обвалъ, длиною версты на 3 или 4.

Мы ѣхали среди снѣжныхъ стѣнъ до ст. Казбекъ. Поѣздъ нашъ состоялъ изъ цѣлой вереницы экипажей; впереди ѣхали Ихъ Высочества, сопровождаемые конвоемъ.

За ст. Казбекъ, въ Дарьялскомъ ущельѣ, за два часа до нашего проѣзда произошелъ каменный обвалъ: нѣсколько громадныхъ глыбъ и цѣлая масса мелкихъ камней завалили шоссе.

Чтобы не задержать нашъ проѣздъ, были собраны рабочіе осетины, которые на рукахъ перетащили экипажи, лошадей запрягли съ другой станціи.

Во Владикавказѣ Ихъ Высочества были встрѣчены наказнымъ атаманомъ Терскаго войска Михаиломъ Таріэловичемъ Лорисъ-Меликовымъ.

Великія Князья остановились во дворцѣ. Оффиціальныя представленія, парадный обѣдъ съ очень хорошимъ струннымъ оркестромъ Терскихъ казаковъ, сердечныя изліянія (сопровождаемыя кахетинскими возліяніями) знакомыхъ намъ по конвою Терцевъ,—все это заключилось крѣпкимъ сномъ.

Хорошее кахетинское вино отличается тѣмъ, что не оставляетъ непріятныхъ послѣдствій.

На другой день утромъ Его Высочество смотрѣлъ и всѣ любовались Дагестанскимъ конноресгулярнымъ полкомъ, который былъ весь составленъ изъ мюридовъ и наибовъ Шамиля; командовалъ имъ полковникъ князь Чавчавадзе.

Люди замѣчательно типичны, характерны и красивы, въ особенности поражаютъ ихъ профили и выраженіе гордаго сознанія собственнаго достоинства.

На всадникахъ были коричневыя черкески и синіе башлыки.

Его Высочество самъ продѣлалъ съ ними полковое ученіе на сигналахъ. Сотни щеголяли стройностью перестроеній и движеній.

На слѣдующій день былъ парадъ Владикавказскому гарнизону. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ парадировалъ. Дагестанцы были въ бѣлыхъ черкескахъ и красныхъ башлыкахъ; полкъ—выдающейся красоты. Послѣ парада и завтрака мы поѣхали въ станицу „Прохладную" и 26 апрѣля смотрѣли 15 Драгунскій, Тверской Его Высочества полкъ, 17 Сѣверскій, Короля Датскаго и 18 Переяславскій Наслѣдника Цесаревича, Сводно-Казачій и № 1 батарею Терскаго войска.

Переяславцами командовалъ въ будущемъ мой большой пріятель красавецъ Степанъ Степановичъ Леоновъ.

Смотръ былъ блестящій. Его Высочество остался очень доволенъ ѣздой офицеровъ и нижнихъ чиновъ, сомкнутостью построеній и правильностью движеній.

Конскій составъ оказался очень хорошъ и соотвѣтствовалъ своему назначенію. Лошади хорошо содержаны и выдержаны въ такомъ тѣлѣ, какъ должны быть кавалерійскіе полки.

Затѣмъ Великому Князю были представлены кабардинскіе табуны.

Въ то время кабардинцы еще были законодателями модъ.

Коневоды показывали свои табуны и косяки въ числѣ до 6.000 головъ.

Въ то время кабардинскіе и горскіе табуны процвѣтали, т. к. не были стѣснены попасами.

Кабардинскія лошади поздно складываются, а потому взятыя только на седьмомъ году подъ верхъ отличаются качествами необыкновенно крѣпкихъ и выносливыхъ лошадей; а взятыя въ трехъ, или четырехъ лѣтнемъ возрастѣ, какъ наши ремонтныя лошади, легко безножатъ.

Коневоды подвели нѣсколько матокъ, Великій Князь былъ въ восторгѣ: онъ прежде всего любилъ лошадь, какъ лошадь, а потомъ уже породу; былъ замѣчательный знатокъ лошадей, но, видя недостатки, иногда закрывалъ на нихъ глаза и смягчалъ ихъ значеніе, если находилъ какое-либо выдающееся достоинство. Въ особенности это относится къ лошадямъ завода Его Высочества, которыя поэтому, имѣя опредѣленный типъ, поражали иногда своими отклоненіями.

Во время ѣзды отъ станицы до станицы Великихъ Князей конвоировали второочередныя казачьи сотни со своими сотенными значками.

Казаки на ровныхъ мѣстахъ съ пальбою отчаянно джигитовали.

Заглядѣвшись на табуны до самыхъ сумерокъ, я ничего на себя не накинулъ во время солнечнаго заката и схватилъ лихорадку. Всю ночь я провелъ, почти, безъ памяти, сидя въ коляскѣ въ сильнѣйшемъ жару. На утро, при остановкѣ въ Моздочкѣ, Великіе Князья уже отпили чай, когда мы подъѣзжали съ опозданіемъ на четверть часа.

При поѣздкѣ въ экипажѣ первое правило, которое слѣдовало соблюдать — это ни въ какомъ случаѣ не отставать отъ экипажа Его Высочества, иначе мы рисковали легко запоздать на нѣсколько часовъ.

Томимый жаждой, я торопился напиться чаю и сталъ пить съ блюдечка.

Великій Князь-Намѣстникъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „so trinken nur unwolerzogene Üngling̈e!“

„Und schpudende Reisende, Kaiserliche Hochheit!“ отвѣтилъ я. „Меня всю ночь била лихорадка, Ваше Высочество“.

„Такъ тебѣ надо сейчасъ же принять хину“,—сказалъ Великій Князь и приказалъ всыпать въ меня порошокъ.

Припадокъ не повторился.

Проѣздомъ по Кубанскому войску нашему Вел. Князю были показаны черноморскіе табуны. На степномъ раздольѣ, въ то время ихъ насчитывалось свыше 100.000 головъ.

Въ 1895 г. я былъ командированъ Воен. Министромъ на Кубань; число черноморскихъ лошадей сократилось до 1.500 головъ: ихъ, равно, какъ и горскихъ табуновъ, вытѣснили овцы и плугъ.

Въ станицѣ Усть-Медвѣдицкой, на границѣ Донскаго и Кубанскаго войска Ихъ Высочества разстались, и мы поѣхали въ с. Медвѣжье, гдѣ Вел. Князь осмотрѣлъ резервные эскадроны Кавказской кавалерійской дивизіи, а затѣмъ уже по Задонскимъ степямъ направились въ Егорлыкскую станицу, куда, на показъ Его Высочеству, были согнаны табуны Задонскихъ коневодовъ, въ числѣ до 30.000 головъ.

Табуны эти въ теченіе двухъ сутокъ прогонялись передъ Вел. Княземъ.

Послѣ сокращенія нашей кавалеріи къ 1862 году, со штата восьмидесяти до тридцати шести тысячъ или на сорокъ четыре тысячи лошадей,—отечественное верховое коннозаводство сразу было подорвано, чему не мало способствовало также и уничтоженіе крѣпостного труда.

Для ремонтированія кавалеріи пришлось искать другихъ источниковъ, и Вел. Князь обратился къ Задонскому коневодству, кот. съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени поставляетъ большинство ремонта.

Поѣздка весною по степямъ Задонскимъ и сѣвернаго Кавказа представляла необыкновенную прелесть: степь была въ цвѣту, мѣстами, казалось, мы ѣдемъ по волнующемуся морю,—это былъ ковыль, который въ настоящее время обширными пространствами нигдѣ не встрѣчается.

Осмотръ Задонскаго коневодства въ Егорлыкской станицѣ имѣлъ большое значеніе для главнаго источника ремонтовъ нашей кавалеріи, который снабжалъ и снабжаетъ насъ крѣпкою, выносливою, пріученною къ суровымъ невзгодамъ лошадью. Въ продолженіе двухъ дней передъ нами коневоды по очереди прогоняли по косякамъ свои табуны.

Табунщиками служатъ калмыки и калмычки.

Его Высочество приказалъ показать себѣ выѣздку неуковъ; калмыки съ необычайною ловкостью набрасывали арканъ на избранную изъ табуна лошадь; табунъ, какъ вихрь, проносился передъ нами, а пойманный неукъ бился и упирался съ петлею на шеѣ.

Калмыкъ-арканщикъ удерживалъ арканъ ногою и наклоненіемъ своего и лошади корпуса въ противоположную сторону. Другіе, спѣ-

шившіеся калмыки бросались къ неуку, ловили его за уши, на губу надѣвали лещетки и быстро сѣдлали. Одинъ изъ калмыковъ садился верхомъ, затѣмъ снимали арканъ, отпускали уши и лещетку.

Неукъ, почуявъ свободу, начиналъ дѣлать невѣроятные скачки, горбилъ спину, а, сросшійся съ нимъ, калмыкъ спокойно награждалъ его ударами плети; другіе калмыки били неука сзади, чтобы заставить идти впередъ; тогда неукъ искалъ избавленія въ бѣгствѣ и вскорѣ скрывался въ даль.

Минутъ черезъ десять калмыкъ возвращался, а неукъ бѣжалъ подъ нимъ рысью, исполняя повороты вправо и влѣво. Среди калмычекъ находятся такія лихія наѣздницы, которыя укрощаютъ неуковъ тѣмъ же способомъ.

Кто желаетъ видѣть артистически исполненное, рельефное изображеніе описаннаго, можетъ видѣть это на знаменитой вазѣ, составляющей драгоцѣнное сокровище нашего Эрмитажа. Массы дикихъ лошадей, руководимыя калмыками, представляли не только интересное, но и необыкновенно живописное зрѣлище.

Вокругъ насъ, при крикахъ и понуканіяхъ табунщиковъ, вращалась вся эта (выражаясь образно) тьма лошадей и заставляла радостно биться кавалерійское сердце. Вел. Князь блаженствовалъ и за завтракомъ, вопреки своему обыкновенію, изволилъ пить Донское шипучее вино.

Я въ первый разъ видѣлъ Его Высочество въ такомъ настроеніи и, пользуясь его необычайной добротой и снисходительностью, сказалъ ему: „видно, что сегодня кавалерійскій праздникъ, если Ваше Высочество разрѣшило себѣ вино и елей. Я еще такимъ Васъ не видалъ“.

„Чучело, отвѣтилъ Вел. Князь, развѣ ты не радуешься при видѣ этихъ тысячъ лошадей“.

„Какъ мнѣ не радоваться, я тоже захмѣлѣлъ, но еще не могу разобрать глазами или горломъ“.

„А чтобъ было то и другое—выпей это“. Вел. Князь далъ мнѣ большой стаканъ вина, который я осушилъ залпомъ.

Его Высочество благодарилъ коневодовъ и Наказнаго Атамана—Краснокутскаго за доставленное ему наслажденіе и выразилъ надежду, что коневоды, съ своей стороны употребятъ всѣ усилія къ достиженію въ ихъ богатомъ матеріалѣ вывода доброй ремонтной лошади, столь необходимой для нашей кавалеріи.

Вел. Князь обѣщалъ принять дѣятельное участіе и оказать имъ во всемъ поддержку.

Его Высочество сдержалъ свое слово и постоянно былъ ревностнымъ покровителемъ Задонскаго коневодства.

Глава V.

Новочеркасскъ. — Провальскій конный заводъ.— Бѣловодскіе заводы. — Пастуховъ.—Заводскій хоръ въ Ново-Александровскѣ.—Хохлушки.—Чары весны.—Осмотръ резервныхъ кавалерійскихъ бригадъ.—Переѣзды.—Временный постовый трактъ.—Чесменка.—Конный заводъ Великаго Князя.—Василій Петровичъ Воейковъ.—Осмотръ завода.—Возвращеніе.

Простившись съ коневодами, Вел. Князь проѣхалъ въ Новочеркасскъ, гдѣ мы провели день у атамана, отдохнули и поѣхали въ Провальскій войсковой конный заводъ.

Его Высочество осмотрѣлъ по одиночкѣ, на выводкѣ всѣхъ жеребцовъ и матокъ съ приплодомъ, а затѣмъ косяки годовичковъ 2-хъ и 3-хъ лѣтокъ; въ заключеніе табунъ жеребцовъ, которые поступаютъ съ Задонскихъ зимовниковъ и предназначаются производителями въ станичные табуны.

Вел. Князь остался очень доволенъ составомъ завода, среди производителей котораго было много стрѣлецкихъ, чистокровныхъ арабовъ.

Во время пребыванія на заводахъ обыкновенно за завтраками и обѣдами между любителями и коневодами шли оживленные разговоры, высказывались всевозможные взгляды на подборъ лошадей, на содержаніе, качество породъ; обсуждались отдѣльные, только-что видѣнные экземпляры, выводились ихъ породы и проч.

Будучи новичкомъ въ этомъ дѣлѣ, я слушалъ внимательно, старался запомнить типичныя выраженія, но и тогда уже замѣтилъ, что у этихъ господъ много увлеченія, или рисовки. Со временемъ я настолько прислушался къ подобнымъ разговорамъ, что уже впередъ зналъ мнѣніе каждаго.

Вел. Князь страшно любилъ все, что только касалось лошади и съ необыкновеннымъ усердіемъ работалъ надъ этимъ дѣломъ, ведя собственноручно книги своего коннаго завода въ Чесменкѣ, а потомъ и коневодства на Дону.

Онъ вывелъ родословныя таблицы орловскихъ лошадей—работа, потребовавшая усидчиваго вниманія и еще большаго терпѣнія.

Что касается меня лично, я потомъ не выдерживалъ этихъ безконечныхъ разговоровъ о достоинствахъ и недостаткахъ лошадей и ихъ родословной.

Впослѣдствіи, чѣмъ я становился старше, тѣмъ больше позволялъ себѣ дѣлать замѣчанія и насмѣхаться надъ приторно страстными любителями.

Во время весеннихъ объѣздовъ зимовниковъ и осмотровъ бри-

гадъ кавалерійскаго запаса, мы нѣсколько разъ заѣзжали въ Провальскій заводъ, но, къ сожалѣнію, съ каждымъ пріѣздомъ убѣждались въ его упадкѣ, который происходилъ главное отъ недостатка въ подходящихъ производителяхъ.

Съ Провальскаго завода мы переѣхали на Бѣловодскіе государственные заводы; начали съ Деркульскаго, въ составъ котораго входили: тяжеловозы, першероны, ардены и битюги.

Въ числѣ тяжеловозовъ находился въ то время знаменитый Энгляндсъ-глори, подковы котораго закрывали край тарелки; это былъ какой-то слонъ гнѣдой масти.

Съ Деркульскаго завода мы проѣхали въ Ново-Александровскій заводъ, начальникомъ котораго былъ ветеринаръ Пастуховъ,—милѣйшій хохолъ.

Впослѣдствіи намъ часто пришлось съ нимъ встрѣчаться, т. к. Вел. Князь взялъ его къ себѣ управляющимъ Чесменскаго завода.

Въ Ново-Александровскѣ заводъ состоялъ изъ шорныхъ лошадей, большинство которыхъ поступало въ придворную конюшню, а болѣе верховаго типа покупались на верховые заводы и подъ сѣдло офицеровъ.

Весь день мы проводили тѣмъ же порядкомъ, какъ въ Провальскомъ заводѣ, то есть—съ ранняго утра и до поздняго вечера смотрѣли лошадей.

Вел. Князь сидѣлъ обыкновенно за столомъ, среди манежа и дѣлалъ отмѣтки на лежащемъ передъ нимъ спискѣ; начальникъ Канцеляріи Его Высочества—почтеннѣйшій Ѳедоръ Степановичъ Джунковскій сидѣлъ по лѣвую сторону и записывалъ замѣчанія Вел. Князя, мы же остальные сидѣли по обѣ стороны, а за нами стояли служащіе на заводѣ чиновники.

Его Высочество иногда вставалъ и обходилъ выведенныхъ лошадей; въ этомъ случаѣ любители высказывали свои мнѣнія, стараясь угодить Вел. Князю.

Насъ сопровождалъ адъютантъ атамана Краснокутскаго—Валеріанъ Мартыновъ, который въ запуски со Струковымъ рисовались знатоками и страстными любителями.

— „Какъ жаль, говорилъ Его Высочество, что такая прекрасная по статьямъ лошадь немного вислоуха!“

— „Ничего, Ваше Высочество, перебиваетъ Струковъ, она поѣстъ хорошенько овса, и уши встанутъ“.

— „Ѳедоръ Степановичъ, обращался Его Высочество, посмотрите, въ вѣдомости, отъ кого эта лошадь“.

— „Отъ Озаиса и Цигарки“.

Ѳедоръ Степановичъ былъ немного косноязыченъ и трудно вы-

говаривалъ иностранныя имена; „Оазисъ“ передѣлывался въ Озаиса“, а Сигарка всегда выговаривалась какъ „Цигарка“.

Мы, мальчишки, не пропускали этихъ оговорокъ и подымали ихъ на смѣшки.

Вечеромъ Пастуховъ, какъ любитель пѣнія, угостилъ насъ хоромъ заводскихъ служителей и крестьянокъ изъ сосѣдняго села.

Заводскій хоръ пѣлъ очень красивыя малороссійскія пѣсни, но меня гораздо болѣе заинтересовалъ хоръ малороссіанокъ.

Хохлушки были въ національныхъ костюмахъ, съ цвѣтами на головѣ и въ красныхъ сапожкахъ. Между ними три или четыре были очень миловидны и граціозны.

Его Высочество выходилъ къ нимъ и благодарилъ за пѣніе и пляску, а одну стройную хохлушку потрепалъ по щекѣ.

Вечеръ былъ чудный, весенній; зацвѣтала сирень и бѣлая акація съ ихъ дивнымъ ароматомъ, который жадно вдыхается вмѣстѣ съ теплымъ дуновеніемъ вѣтерка. Вотъ когда дышишь полной грудью! Вотъ когда наслаждаешься природой, которая захватываетъ тебя и наполняетъ довольствомъ!

Его Высочество страшно любилъ это время и, среди людей, къ которымъ онъ былъ расположенъ, а также возлюбленныхъ лошадей всѣхъ возрастовъ и типовъ, Великій Князь забывалъ тягости своей жизненной обстановки и былъ, хотя кратковременно, но вполнѣ счастливъ.

Отъ этого зимою съ приближеніемъ весны у насъ развивалось чувство, должно быть испытываемое птицами, когда ихъ тянетъ на весну, и они летятъ на сѣверъ; а насъ тянуло на югъ, чтобы встрѣтить въ полѣ, въ степяхъ Задонскихъ весну, вмѣстѣ съ ней шествовать на сѣверъ, растягивая по возможности ея продолжительность.

Въ особенности это было замѣтно на цвѣтеніи сирени, акацій и плодовыхъ деревьевъ, обыкновенно двухнедѣльный срокъ которыхъ для насъ обращался въ пяти-шести недѣльный.

Изъ Ново-Александровскаго завода мы переѣхали въ Стрѣлецкій, которымъ управлялъ генералъ Звалянскій.

Стрѣлецкій заводъ состоялъ изъ англійскихъ производителей и матокъ и чистокровнаго арабскаго разсадника. Затѣмъ въ Стрѣлецкомъ заводѣ собиралась продажная ставка.

Въ числѣ англійскихъ производителей мнѣ очень понравился свѣтло-рыжій жеребецъ „Серъ - Татенъ - Сайксъ“, къ нему тянуло отчасти уланское сердце, а также его прекрасныя качества.

Его Высочество, какъ страстный любитель, въ особенности верховыхъ лошадей, смотрѣлъ и пересматривалъ понравившихся ему чѣмъ-либо особеннымъ по нѣсколько разъ.

*

Будучи въ такомъ настроеніи, Великій Князь требовалъ сосредоточеннаго вниманія и отъ своей свиты.

— „Митька, ты не смотришь! Ты чѣмъ-то занимаешься постороннимъ, значитъ, не любишь лошадей!“

— „Никакъ нѣтъ, Ваше Высочество, очень люблю, но уже въ глазахъ отъ любви рябитъ“.

Услыша такое замѣчаніе, чтобы не огорчать Великаго Князя, да и себя не выдать передъ усердствующими любителями, поневолѣ начинаешь вставлять также и свои замѣчанія и дѣлать вопросы по родословію, или производить восклицанія по выдающимся достоинствамъ, въ которыхъ не чаешь ошибиться.

Великій Князь это любилъ.

Завтраки, обѣды и вечера мы проводили въ семействѣ Звалянскаго.

Изъ Стрѣлецкаго завода Его Высочество поѣхалъ по всѣмъ семи резервнымъ кавалерійскимъ бригадамъ и осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Кавказскими—46 резервныхъ армейскихъ кавалерійскихъ эскадроновъ.

Въ то время резервныя бригады выѣзжали ремонты и обучали новобранцевъ, а потому представлялись Великому Князю сначала въ конномъ строю, въ полной парадной формѣ, затѣмъ на выводкѣ.

Его Высочество остался очень доволенъ обученіемъ молодыхъ солдатъ, выѣздкою ремонтовъ и вообще работою резервной кавалеріи, такъ что въ приказѣ изъявилъ свою особенную благодарность всѣмъ безъ исключенія командирамъ резервныхъ армейскихъ эскадроновъ, вообще за ихъ отлично усердную службу и хорошее веденіе своего дѣла. По окончаніи смотровъ мы проѣхали въ Чесменку—имѣніе Его Высочества съ коннымъ заводомъ.

Переѣзды отъ одного мѣста смотра до другого совершались безостановочно; смотръ производился тотчасъ по пріѣздѣ, выходя изъ экипажей. Послѣ смотра Великій Князь приглашалъ всѣхъ начальствующихъ лицъ къ своему столу.

Въ Богучарахъ смотръ начался въ шесть утра и окончился въ 9 часовъ. Вслѣдъ затѣмъ мы сѣли обѣдать.

Ростовцева подобное распредѣленіе питанія приводило въ отчаяніе: „что же, говорилъ онъ, вѣдь этакъ мы скоро и наканунѣ будемъ обѣдать“.

Дѣйствительно, случались переѣзды въ 800 верстъ, и Великій Князь по своему обыкновенію не пилъ и не ѣлъ отъ мѣста до мѣста.

Обыкновенно въ экипажѣ Его Высочество сидѣлъ протянувши ноги и почти не шевелился, только посматривалъ по сторонамъ и отдавалъ рукою честь на поклоны. Въ коляскѣ съ Великимъ Кня-

земъ всегда сидѣлъ походный гофмаршалъ, въ то время А. А. Галлъ. Ему было не мало хлопотъ; приходилось все предвидѣть, все предусмотрѣть, все впередъ заказать; о проѣздѣ предварительно списаться съ губернаторомъ, указывая пункты остановокъ, и впередъ заказывать завтраки и обѣды на насъ и на все число приглашенныхъ.

Между пунктами остановокъ губернаторы устанавливали временный почтовый трактъ: дорога исправлялась, мосты чинились, почтовыя лошади сгонялись съ разныхъ станцій. Ночью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, посыпали дорогу мѣломъ, а на мостахъ стояли люди съ фонарями, мѣстами же дорога освѣщалась смоляными бочками. Импровизованная станція иногда случалась посреди поля; ямскія лошади были выстроены на открытыхъ мѣстахъ, имѣя передъ собою палки съ номеромъ, соотвѣтствующимъ экипажу, у котораго и ямщикъ имѣлъ тотъ же номеръ на шляпѣ.

Экипажъ останавливался, люди быстро отпрягали и отводили лошадей, другіе впрягали свѣжихъ, въ то же время ямщикъ садился на козлы, разбиралъ возжи, и мы мчались дальше.

Если станція оказывалась среди села, то народъ окружалъ Великаго Князя, подносилъ хлѣбъ-соль при крикахъ „ура!“.

Его Высочество благодарилъ, разговаривалъ съ отставными солдатами, шутилъ и, кланяясь, среди новыхъ восторженныхъ криковъ „ура!“ ѣхалъ дальше.

Наконецъ мы прибыли въ Чесменку, въ которой сохранились великолѣпныя конюшни временъ графа Алексѣя Орлова Чесменскаго.

Великій Князь только-что устраивалъ свой конный заводъ, основаніемъ которому послужилъ подарокъ короля Виртембергскаго изъ его чистокровнаго арабскаго разсадника. Его Высочество увлекался верховымъ сортомъ лошадей, рысистыя же выводились только для собственной конюшни и были на второмъ планѣ.

Какъ типъ рысистой лошади, Его Высочество признавалъ идеаломъ Орловскую лошадь: сильную съ правильными формами и выносливую; бѣговую лошадь не любилъ и на бѣга почти не ѣздилъ, потому что считалъ ошибкою преслѣдованіе въ производствѣ лошадей исключительно быстроты въ ущербъ другимъ качествамъ и, главное, выносливости и силы.

Въ Чесменкѣ по сторонамъ неглубокаго оврага съ запрудами—съ одной стороны были заводскія конюшни, съ другой стоялъ домикъ управляющаго и небольшое помѣщеніе для пріѣзда Великаго Князя, которое со временемъ было увеличено рядомъ пристроекъ.

Въ Чесменку пріѣхалъ навѣстить Великаго Князя бывшій управляющій Хрѣновскимъ заводомъ Василій Петровичъ Воейковъ.

Это былъ необыкновенно оригинальный типъ, разсказы о которомъ граничатъ съ сказочнымъ характеромъ.

Василій Петровичъ былъ уже старикъ съ длинною сѣдою бородой, подслѣповатыми глазами, одѣтый въ бархатный подрясникъ, съ широкимъ кожанымъ кушакомъ.

Онъ былъ средняго роста, отличался необычайною силою и пристрастіемъ къ женскому полу.

Василій Петровичъ гнулъ подковы, вязалъ въ молодости въ узлы кочергу, останавливалъ рысака въ бѣговыхъ дрожкахъ.—При насъ, будучи почти 80-ти лѣтнимъ старикомъ, онъ рвалъ пополамъ двѣ сложенныя колоды картъ. Однажды онъ обвязалъ полотенцемъ Кузьму Ивановича Березкина, вѣсившаго не менѣе 4-хъ пудовъ, положилъ его на столъ, взялъ зубами полотенце и, заложивши руки за спину, обошелъ столъ.

Другой разъ, держась руками за колонну, загнулъ въ колѣнѣ правую ногу назадъ и просилъ Его Высочество встать на щиколодку. Великій Князь всталъ и присѣдалъ нѣсколько разъ, а тотъ даже не шелохнулся.

Василій Петровичъ былъ циникъ и съ удовольствіемъ разсказывалъ свои продѣлки, въ которыхъ онъ ни передъ чѣмъ не останавливался.

Великій князь цѣнилъ Воейкова, какъ большого знатока лошади и коннозаводства. У него было между прочимъ отдѣленіе пѣгихъ лошадей, которыхъ онъ цѣликомъ подарилъ Его Высочеству.

Воейковъ зря не хвалилъ лошадь, а потому его одобрительное слово очень цѣнилось Великимъ Княземъ.

Послѣ утренняго чая Его Высочество отправлялся на заводъ, садился за столикъ въ манежѣ, или на выводной площадкѣ передъ заводомъ, и начиналась безконечная выводка.

Жеребцы показывались отдѣльно, а потомъ слѣдовали, въ подборѣ, ихъ кобылы съ приплодомъ. Приплодъ для хора любителей представлялъ благодарнѣйшую тему: изрекались пророчества и розовыя надежды на развитіе и сформированіе необыкновенныхъ лошадей.

Такъ какъ мнѣ доводилось часто ѣздить съ Его Высочествомъ по заводамъ и зимовникамъ, то я убѣдился, какъ эти надежды бываютъ неосновательны и ошибочны.

Замѣчательно, что жеребенокъ въ первый и второй годъ обѣщаетъ прекрасное сложеніе, а по третьему и четвертому году совершенно измѣняется къ худшему, такъ что его не узнаешь.

Послѣ вышеописаннаго осмотра, продолжавшагося три—четыре дня,—другіе дни мы съ утра уѣзжали по кашарамъ—родъ крытыхъ дво-

ровъ, въ которыхъ осматривали 2-хъ и 3-хъ лѣтокъ. Въ заключеніе Его Высочество любилъ пропускать передъ балкономъ своего домика всю ставку и производителей въ парадныхъ выводныхъ недоуздкахъ.

Подъ вечеръ, когда спадала жара, все общество переселялось на бѣгъ, гдѣ дѣлалась проѣздка и новыя ставки жеребцамъ и рысакамъ.

Въ Чесменку къ Его Высочеству въ числѣ гостей пріѣхалъ мой другъ Асташевъ и привезъ съ собой фотографа, который составилъ альбомъ изъ выдающагося состава завода.

Въ настоящій мой первый пріѣздъ со мной случился необыкновенный казусъ: у меня была палка—чаканъ нѣчто въ родѣ фляжолета, я на ней наигрывалъ всевозможные мотивы.

Возвращась съ одной изъ выводокъ, я шелъ впереди и наигрывалъ, за мной слѣдовали товарищи. Войдя въ домикъ и направляясь по темной передней къ своей двери, я вдругъ провалился въ подполье и повисъ на локтяхъ. Оказалось, что передъ нашею входной дверью былъ погребъ, изъ котораго брали вино для стола—и забыли закрыть люкъ; я былъ крайне счастливъ, что не ушибся.

Къ слѣдующему нашему пріѣзду погребъ былъ перенесенъ въ новыя пристройки. Изъ Чесменки Его Высочество отпустилъ меня къ женѣ въ Тамбовскую губернію, куда я проѣхалъ на перекладной 150 верстъ. Желѣзная дорога начиналась только отъ Козлова. За эту поѣздку съ 22 апрѣля по конецъ мая Великій Князь, не пропуская ни одного дня, производилъ либо смотры, либо осмотры лошадей.

Передъ нашими глазами прошли тысячи въ табунахъ, косякахъ и до шести тысячъ лошадей по одиночкѣ на выводкѣ.

Д. А. Скалонъ.

Воспоминанія о началѣ развитія каменноугольной промышленности въ Россіи[1].

(Окончаніе).

7.

Окончивъ развѣдки у Карпова, я осенью 1876 г. переселился въ Петербургъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ консультантомъ при разныхъ горнопромышленныхъ предпріятіяхъ, и хотя непосредственнаго дѣла на югѣ не имѣлъ, я за это время все-таки ѣздилъ на съѣзды горнопромышленниковъ юга Россіи, въ качествѣ представителя П. А. Карпова, которому продолжалъ давать совѣты по его угольному руднику; ѣздилъ же я на съѣзды, откровенно говоря, главнымъ образомъ ради того, чтобы составлять оппозицію моему пріятелю П. Н. Горлову, который продолжалъ быть всесильнымъ человѣкомъ въ угольныхъ дѣлахъ юга Россіи и которому никто оппонировать на съѣздахъ не смѣлъ. Принявъ же на себя въ 1881 году управленіе Богословскимъ горнымъ округомъ на Уралѣ, я долженъ былъ прекратить мои поѣздки на южные съѣзды и сталъ вновь принимать дѣятельное участіе на нихъ въ девяностыхъ годахъ, когда началъ на югѣ свое угольное дѣло, рядомъ, съ принадлежавшимъ учрежденному мною товариществу, ртутнымъ дѣломъ. Когда я опять явился, послѣ долгаго антракта, на съѣздъ, то насущнѣйшимъ вопросомъ на съѣздѣ оставался все тотъ же вопросъ, ради котораго былъ созванъ и первый съѣздъ, т. е. неудовлетворительное состояніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, и этотъ вопросъ остается главнымъ на съѣздахъ и по настоящее время; да врядъ ли когда-нибудь и сойдетъ съ программы съѣзда, такъ какъ горная промышленность

---

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1909 г.

въ своемъ развитіи постоянно опережаетъ желѣзныя дороги; не успѣетъ правительство удовлетворить одни ходатайства съѣзда относительно увеличенія провозоспособности нашихъ дорогъ, какъ это является недостаточнымъ, и съѣздъ вынужденъ выступать съ новыми ходатайствами, и такъ это пойдетъ вѣроятно безъ конца; но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно сказать правду, что сдѣлано за 35 лѣтъ, прошедшіе послѣ перваго съѣзда, все-таки очень много, такъ какъ на первомъ съѣздѣ былъ вопросъ о томъ, какъ достигнуть своевременнаго вывоза за годъ 30 милліоновъ пудовъ угля, а на послѣднемъ съѣздѣ рѣчь шла уже о вывозѣ 900 милліоновъ пудовъ, т. е. желѣзныя дороги должны были за это время въ 30 разъ увеличить свою провозную способность.

8.

Описавъ въ короткихъ словахъ, какъ развивалась у насъ каменноугольная промышленность, считаю не безъинтереснымъ ознакомить читателя съ бытовою стороною на каменноугольныхъ рудникахъ юга Россіи.

Съ началомъ развитія каменноугольнаго дѣла на югѣ Россіи, тамъ появился особый классъ людей, такъ называемыхъ „шахтеровъ“, т. е. работающихъ на шахтахъ. Мѣстные крестьяне хохлы неохотно шли на работу въ шахты, куда ихъ загоняла, въ видѣ исключенія, только крайняя нужда, и контингентъ рабочихъ на шахтахъ, въ то время, когда я приступилъ къ работамъ въ Кураховкѣ и въ Рутченковѣ, состоялъ почти исключительно изъ безпаспортныхъ бродягъ, изъ коихъ большинство было изъ крестьянъ среднихъ губерній: Смоленской, Тульской, Орловской, Курской, Рязанской; крестьяне эти были большею частью совершенно неповинны въ какихъ-либо преступленіяхъ, и если сдѣлались безпаспортными бродягами, то только благодаря нашей паспортной системѣ, и свободѣ жительства безъ всякаго вида въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, каковая свобода прекратилась лишь съ началомъ революціоннаго движенія. Насколько въ тѣ времена не требовалось никакого письменнаго вида для проживанія не только въ деревняхъ, но и въ городахъ, могу указать на инцидентъ со мною: когда я поселился въ 1872 году въ Таганрогѣ, то устроившись на квартирѣ послалъ въ полицію мой паспортъ для прописки; не успѣлъ еще посланный мною вернуться изъ полиціи, какъ мнѣ докладываютъ, что пришелъ частный приставъ и желаетъ меня видѣть; на мой вопросъ: что ему угодно, онъ отвѣтилъ мнѣ вопросомъ же: — Вы изволили прислать къ намъ въ полицію Вашъ паспортъ, такъ собственно зачѣмъ Вы его прислали? Какъ—говорю—зачѣмъ, я посе-

лился въ Таганрогѣ на жительство, такъ чтобы Вы знали, кто я такой и гдѣ живу, я послалъ Вамъ для прописки мой паспортъ. На это любезный приставъ мнѣ отвѣтилъ:

— Да намъ-то что за дѣло, живите себѣ на здоровіе, а мы думали, что Вамъ что-нибудь нужно отъ насъ, а Вашъ посланный не умѣетъ объяснить, такъ я и побезпокоилъ Васъ, чтобы узнать, что Вамъ собственно отъ насъ нужно; такъ Вамъ, значитъ, ничего не нужно, ну, такъ имѣю честь кланяться, живите себѣ на здоровіе, а когда что-нибудь понадобится отъ насъ, благоволите сообщить.

На этомъ мы съ приставомъ дружелюбно разстались, и мнѣ къ его услугамъ прибѣгать не приходилось.

Теперь порядки уже не тѣ, и не успѣешь пріѣхать въ гостиницу, какъ являются требовать паспортъ, и на заявленіе, что не стоитъ прописывать паспорта, такъ какъ пріѣхалъ молъ всего на одинъ день, отвѣчаютъ: нельзя-съ не прописать, у насъ строго, сейчасъ оштрафуютъ, если въ тотъ же день не представимъ въ полицію паспорта пріѣзжаго.

Въ семидесятыхъ же годахъ такъ же нетребовательно относились и къ простому люду и паспорта ни у кого не требовали, пока не попадетъ къ мировому судьѣ, почему безпаспортные и избѣгали всячески имѣть дѣло съ послѣдними и сами ни къ кому исковъ не предъявляли, а въ случаѣ предъявленія иска къ нимъ утекали изъ той мѣстности, въ которой ихъ привлекли къ суду. Большинство этихъ безпаспортныхъ попали въ разрядъ бродягъ самымъ невиннымъ образомъ: какой-нибудь Тулякъ или Рязанецъ, сидя дома безъ хлѣба и не находя работы, выправитъ себѣ въ волостномъ правленіи паспортъ и отправляется искать заработка на югъ, на угольныхъ рудникахъ; кончится срокъ его паспорта, онъ посылаетъ старый въ свое волостное правленіе съ просьбой выслать ему новый, но таковаго ему не высылаютъ по разнымъ причинамъ: то подати, оказывается, не уплатилъ, то роднымъ мало денегъ высылаетъ, и потому требуютъ его домой, а то такъ изъ-за того, что не ублаготворилъ волостного старшину или писаря; получивъ отказъ въ присылкѣ паспорта, начнетъ несчастный Тулякъ или Рязанецъ печаловаться товарищамъ на свою бѣду, что паспорта не высылаютъ, и надо возвращаться домой на голодовку, тогда какъ тутъ заработки хорошіе и живешь себѣ припѣваючи, да и сожительница завелась, съ которой разставаться не охота; а товарищи ему въ отвѣтъ:

— Да зачѣмъ тебѣ, дураку, паспортъ, развѣ кто требуетъ съ тебя паспорта здѣсь? живи себѣ такъ, а домой и не пиши, чтобы

не знали, гдѣ ты, и много тебѣ превосходнѣе будетъ: ни податей не платить, ни посылать денегъ никому не надо, а все, что заработаешь, самъ и проживешь; ты думаешь, у насъ у всѣхъ паспорта есть, да почитай ни у кого; такъ же, какъ и съ тобой было: послали домой денегъ и просили выслать новый паспортъ, оказывается, денегъ послали мало, и новаго паспорта не высылаютъ, ну, и остались жить такъ, безъ паспорта, да вотъ уже который годъ такъ живемъ, и горя мало.

Послушавъ такихъ рѣчей, успокаивается парень и остается жить, какъ другіе, безъ паспорта, и такихъ между шахтерами было большинство; но были между ними и форменные бродяги изъ бѣглыхъ каторжниковъ; а были и такіе, которые хотя и имѣли паспорта, но выдавали себя за безпаспортныхъ, совѣстясь открыть свое настоящее званіе и попавшіе въ шахтеры изъ-за общей всѣмъ имъ слабости къ водочкѣ. Между бывшими у меня рабочими было нѣсколько такихъ типовъ, такъ напримѣръ былъ у меня рабочій Лаптевъ, горькій пьяница, но хорошій рабочій, когда не пьетъ, и который меня удивлялъ своей интеллигентностью; у этого Лаптева прогуловъ изъ-за пьянства бывало столько, что штрафовъ съ него приходилось каждый мѣсяцъ больше, чѣмъ онъ заработаетъ, но онъ пользовался моей большой симпатіей за его честность и добрый нравъ, а потому, принимая въ немъ участіе, я его не гналъ, а такъ какъ существовать ему на что-нибудь все-таки надо было, то я вносилъ за него 6 р. въ мѣсяцъ харчевыхъ въ артель, справлялъ ему, когда нужно, кое-что изъ одежи и отъ времени до времени давалъ ему по рублику. Разъ какъ-то, послѣ безуспѣшной просьбы у меня денегъ, онъ поймалъ мою жену, которая тоже его знала и принимала въ немъ участіе, и присталъ къ ней, чтобы она упросила меня дать ему хоть одинъ рубликъ, при чемъ откровенно признается, что этотъ рубликъ нуженъ ему на пропой, но что такъ его душа стосковалась по водочкѣ, что ему не въ терпежъ; жена стала его усовѣщевать и говоритъ ему:

— Какъ это вы, Лаптевъ, такой неглупый и довольно развитой человѣкъ, находите удовольствіе въ томъ, чтобы напиться до безчувствія этой отвратительной водкой.

— Эхъ, матушка, Софья Павловна, кабы Вы мою жизнь знали, такъ не удивлялись бы, вѣдь и я былъ человѣкомъ, по кабакамъ не ходилъ, а на рысакахъ по клубамъ и ресторанамъ разъѣзжалъ да шампанское распивалъ, ну а отъ ресторановъ и шампанскаго не далекъ переходъ къ кабакамъ и водочкѣ.

Когда жена передала мнѣ свой разговоръ съ Лаптевымъ, я при первой же встрѣчѣ съ нимъ и спрашиваю его:

— Разскажи-ка, Лаптевъ, когда это ты на рысакахъ разъѣзжалъ да по клубамъ шампанское распивалъ.

— Вы, можетъ быть, думаете, Александръ Андреевичъ, что я это вралъ Софьѣ Павловнѣ, такъ не думайте такъ пожалуйста, и говорилъ я правду; ужь проболтался, такъ скажу Вамъ, кто я и какъ попалъ въ шахтеры: я потомственный почетный гражданинъ, получилъ порядочное образованіе, отецъ мой былъ богатый московскій купецъ, только фамилія его была не Лаптевъ, какъ меня зовутъ, а настоящей фамиліи позвольте не называть; папенька держалъ меня строго, да къ сожалѣнію рано померъ, оставивъ мнѣ въ наслѣдство болѣе милліона рублей однѣми наличными деньгами, не считая торговли; такъ вотъ, послѣ строгой папенькиной опеки, оказался я на полной свободѣ, да еще съ милліоннымъ капиталомъ, и пошелъ я чертить во всю; какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, оказалось у меня пріятелей чуть ли не полъ-Москвы, и не было того трактира или ресторана, гдѣ бы меня не знали, и гдѣ бы меня не встрѣчали съ почетомъ, и папенькины денежки текли рѣкой, и дурманъ изъ головы не выходилъ; спохватился я только тогда, когда отъ папенькинаго наслѣдства не осталось ни копѣечки. Оставаться послѣ этого въ Москвѣ было невозможно и я, продавъ изъ вещей, что было можно, отправился въ провинцію искать себѣ мѣста по торговой части, да нигдѣ ничего получить не могъ, ужь очень я прославился моими кутежами, и всякій боялся принять на службу промотавшагося купеческаго сынка; да и правду сказать, привыкши къ винному дурману, я, и ничего не имѣя, продолжалъ попивать, продавая съ себя все, что только могъ, и въ концѣ концовъ добрался до сихъ злополучныхъ мѣстъ въ посконной рубахѣ, рваныхъ портахъ и въ лаптяхъ и сталъ именовать себя Лаптевымъ, благо здѣсь паспорта не требуется; но вѣдь питаться чѣмъ-нибудь надо, а на подлыя дѣла какія-нибудь, хоть и павшій я человѣкъ, не способенъ, ну, и нанялся къ подрядчику въ шахтѣ работать; тяжело было первое время, страсть какъ тяжело, только водочка и поддерживала, ну, а теперь втянулся, всѣ шахтерскія работы превзошелъ и считаюсь хорошимъ забойщикомъ, но безъ водочки не могу, а потому явите Божескую милость и дайте рубликъ.

Рубликъ я ему, разумѣется, далъ и какъ-то еще жальче стало мнѣ бѣднаго Лаптева; настоящей же фамиліи его такъ и не знаю, такъ какъ чувство деликатности по отношенію этого несчастнаго человѣка не позволило мнѣ допытываться до его настоящей фамиліи, которую ему называть не хотѣлось, но которую онъ назвалъ бы, если бы я этого потребовалъ.

Затѣмъ былъ у меня рабочій, фамилію котораго не помню, въ

пьяномъ видѣ устраивавшій всегда драки; разъ какъ-то послѣ такой драки я пристращалъ его, что отправлю его для вразумленія къ становому, который всыплетъ ему 25 горячихъ, что въ то время свободно практиковалось для вразумленія буянившихъ шахтеровъ; когда я ему пообѣщался отправить его къ становому, онъ мнѣ съ азартомъ заявляетъ:

— Меня къ становому, да что мнѣ становой? я самъ становой, ничего онъ мнѣ сдѣлать не можетъ.

— Вотъ онъ тебѣ покажетъ, какой ты становой, какъ всполосуетъ тебя какъ слѣдуетъ за твои безчинства и драки, говорю я ему, будучи увѣренъ, что онъ съпьяна мелетъ вздоръ. Каково же было мое удивленіе, когда я узнаю, что этотъ пропойца и буянъ дѣйствительно бывшій становой, выгнанный за пьянство со службы и, чтобы не умереть съ голоду, пошедшій въ шахтеры. Насколько Лаптевъ, несмотря на всѣ свои пороки, былъ человѣкъ симпатичный, настолько этотъ бывшій становой былъ субъектъ противный, и я его скоро прогналъ.

Затѣмъ были у меня еще среди шахтеровъ саперный поручикъ и попъ-разстрига; послѣдній, въ пьяномъ видѣ, всегда называлъ меня „папаша“, хотя по годамъ былъ гораздо старше меня и скорѣе годился мнѣ въ папаши, чѣмъ я ему. Оба эти субъекта были тихіе, хорошіе рабочіе, но пьяницы горькіе, и какъ я ни старался поддержать ихъ и вытянуть изъ простыхъ шахтеровъ, ничего подѣлать не могъ; а попъ спился до того, что наконецъ и работать не могъ, а жилъ у меня на кухнѣ, гдѣ его кормили и давали пріютъ на ночь, а днемъ, если былъ въ состояніи, ходилъ ловить рыбу или раковъ, и все, что ему за рыбу или раковъ давали, пропивалъ. Что съ нимъ сталось послѣ моего отъѣзда изъ Кураховки, не знаю; онъ при моемъ отъѣздѣ горько плакалъ.

Какая масса безпаспортныхъ была въ то время на югѣ Россіи, можно судить по тому, что на 2.000 рабочихъ приблизительно, работавшихъ у меня въ Кураховкѣ и въ Рутченковѣ, съ паспортами бывало не болѣе 150—200 человѣкъ, а всѣ остальные были безъ паспортовъ. Приходитъ наниматься рабочій, спросишь его:

— А паспортъ есть у тебя? а онъ въ отвѣтъ:

— Зачѣмъ мнѣ паспортъ, самъ на лицо; или:—жена померла, съ собой унесла.

На большинствѣ рудниковъ работы производились черезъ подрядчиковъ, которые пользовались беззащитностью безпаспортныхъ и жестоко эксплоатировали ихъ, обсчитывали, заставляли брать у нихъ изъ лавки разный товаръ, необходимый рабочему, взимая двойную, а то и тройную цѣну. Я избѣгалъ подрядчиковъ, а если

и приходилось иногда сдавать работы съ подряда, то не давалъ подрядчикамъ обижать рабочихъ, удовлетворяя ихъ за счетъ подрядчика, если претензіи ихъ бывали справедливы. У меня при рудникахъ тоже были лавки, въ которыхъ имѣлось рѣшительно все, что можетъ понадобиться рабочему, до готоваго платья включительно, но въ этой лавкѣ рабочіе получали всякій товаръ по такой дешевой цѣнѣ, по какой не могли бы получить его ни у мѣстныхъ торговцевъ, ни въ городѣ, такъ какъ лавка эта держалась не съ цѣлью извлеченія прибыли, а для удешевленія жизни рабочихъ, и товаръ закупался оптомъ изъ первыхъ рукъ, при чемъ къ цѣнѣ его прибавлялись лишь расходы по доставкѣ товара на рудники и небольшой процентъ на покрытіе торговыхъ расходовъ. Это попеченіе о нуждахъ рабочихъ давало значительную прибыль предпріятію косвеннымъ путемъ; платя рабочимъ процентовъ на двадцать дешевле существовавшихъ платъ на другихъ рудникахъ, я никогда не зналъ недостатка въ рабочихъ, тогда какъ вообще большинство рудниковъ страдало отъ недостатка рабочихъ, и приходилось посылать за наймомъ рабочихъ въ среднія губерніи, что̀ обходилось всегда очень дорого, такъ какъ пропадала масса выданныхъ при наймѣ задатковъ. Насколько въ интересахъ самого нанимателя относиться добросовѣстно и съ заботливостью къ своимъ рабочимъ, я могу привести еще другой примѣръ по отношенію селько-хозяйственныхъ рабочихъ. Въ южныхъ губерніяхъ мѣстное крестьянское населеніе не въ состояніи убрать всего засѣваемаго тамъ хлѣба, особенно въ урожайные годы, и на время покоса травъ, а затѣмъ и хлѣба, приходитъ масса косарей, изъ среднихъ губерній, преимущественно изъ Курской и Орловской; эти пришлые косари собираются въ извѣстныхъ селахъ, около которыхъ и располагаются лагеремъ, въ ожиданіи пріѣзда нанимателей, пріѣзжавшихъ въ воскресеніе и нанимавшихъ рабочихъ по установившемуся обычаю на недѣлю: на большій срокъ наемка не производилась въ виду большого колебанія цѣнъ за косьбу, мѣнявшихся въ зависимости отъ наплыва рабочихъ и состоянія хлѣбовъ, при чемъ нерѣдко на одну и ту же недѣлю въ разныхъ сборныхъ пунктахъ рабочихъ устанавливались очень различныя цѣны, въ зависимости отъ количества собравшихся рабочихъ и числа съѣхавшихся нанимателей. Около Кураховки, гдѣ помимо горныхъ работъ мнѣ приходилось заниматься и сельскимъ хозяйствомъ, такъ какъ общество владѣло тамъ 2.500 десятинами прекраснаго чернозема, было три такихъ сборныхъ пункта рабочихъ, въ которыхъ я могъ нанимать косарей: Селидово, Марьино и Кременная, отстоящихъ другъ отъ друга верстъ на 20; рабочіе, идущіе изъ разныхъ мѣстъ, не могутъ, ра-

зумѣется, сговориться, кому въ какое село идти, и идутъ на удачу, а потому случалось, что въ одинъ сборный пунктъ нахлынетъ рабочихъ масса, а въ другой мало, наниматели же, смотришь, поѣхали какъ разъ наоборотъ, т. е. больше туда, гдѣ мало скопилось рабочихъ, и меньше туда, гдѣ ихъ много; очевидно, въ послѣднемъ мѣстѣ установятся цѣны на рабочихъ гораздо ниже, чѣмъ въ первыхъ. Когда рабочихъ много, а нанимателей мало, послѣдніе очень согласно держатся цѣной и нанимаютъ всѣ по одной и той же болѣе или менѣе низкой цѣнѣ; если же рабочихъ мало, а нанимателей много, то послѣдніе сами начинаютъ набивать цѣну и отбивать другъ у друга рабочихъ. При такихъ условіяхъ цѣны на косарей были очень разнообразны, не только въ различные годы, но и въ одномъ и томъ же году. Установленіе различныхъ цѣнъ, за одну и ту же недѣлю на разныхъ сборныхъ пунктахъ рабочихъ, вызывало недобросовѣстное исполненіе взаимныхъ обязательствъ, т. е. и со стороны нанимателей, и со стороны рабочихъ; если рабочіе наняты дорого, да при этомъ хлѣбъ не перезрѣлъ и можетъ постоять еще нѣкоторое время, то наниматель заявляетъ рабочимъ, когда они явятся къ нему въ имѣніе на косьбу, что онъ не согласенъ платить уговоренную вчера цѣну, а если хотятъ, то пускай становятся на работу по болѣе низкой такой-то цѣнѣ; рабочіе помнутся, помнутся, поворчатъ, а въ концѣ концовъ становятся на работу по удешевленной цѣнѣ, такъ какъ иначе имъ до слѣдующей недѣли некуда дѣваться, но такимъ нанимателямъ и рабочіе платятъ той же монетой, т. е. если, придя на косьбу, видятъ, что хлѣбъ начинаетъ сыпаться, и если перестоитъ недѣлю, то большая часть его пропадетъ, заявляютъ, что они не согласны косить по уговоренной цѣнѣ, а требуютъ прибавки; тогда въ свою очередь и помѣщикъ помнется, помнется, да и согласится на прибавку, такъ какъ видитъ, что если будетъ упорствовать и препираться съ косарями, то хлѣбъ у него высыплется, и онъ не соберетъ и половину урожая. За время моего управленія Кураховкой цѣны на косарей мѣнялись: поденныя отъ 1 до 3 рублей въ день, на готовыхъ харчахъ, а по десятинно отъ 3 до 15 рублей за покосъ одной десятины, тоже на готовыхъ харчахъ, каковые отпускались большинствомъ помѣщиковъ очень скудно, что̀ вызывало не мало неудовольствій рабочихъ, нерѣдко отказывавшихся работать изъ-за дурныхъ харчей. Сознавая, что отъ голоднаго рабочаго нельзя и требовать хорошей работы, я старался кормить рабочихъ возможно лучше, отпуская на каждаго рабочаго по фунту мяса въ день и давая въ обѣдъ по чаркѣ водки; борщъ и каша моихъ косарей были настолько хороши, что мой братъ, завѣдывавшій сельскимъ хозяйствомъ въ Кураховкѣ, ежедневно обѣдалъ

вмѣстѣ съ рабочими изъ общаго котла: особенно довольны были мои рабочіе тѣмъ, что имъ отпускали свѣжее мясо, а не сало, какъ это заведено на югѣ, и къ которому мѣстные крестьяне, хохлы, привыкли, а крестьяне среднихъ губерній, къ каковымъ принадлежатъ пришлые косари, сала не любятъ, а предпочитаютъ мясо, котораго южные помѣщики имъ не даютъ. Первый же годъ моего управленія Кураховкой, урожай былъ хорошій, и цѣны на рабочихъ высокія, и особенно высоки были цѣны, установившіяся на первую же недѣлю въ Селидовѣ, куда ѣздилъ нанимать косарей мой братъ для Кураховки; когда же недѣля кончилась, и рабочіе получили разсчетъ полностью, по уговоренной цѣнѣ, рабочіе обратились къ моему брату съ заявленіемъ, что они желаютъ остаться въ Кураховкѣ и на слѣдующую недѣлю, такъ какъ очень довольны и расчетомъ и харчами; на это имъ братъ отвѣтилъ, что и онъ ими былъ доволенъ, но только оставить ихъ на той же платѣ не можетъ, такъ какъ цѣна очень высокая, и весьма вѣроятно, что ему удастся нанять на слѣдующую недѣлю дешевле; тогда рабочіе предложили ему слѣдующую комбинацію:—ты, говорятъ, Иванъ Андреевичъ, поѣзжай завтра въ Селидово, и мы пошлемъ человѣка два и противъ той цѣны, какая завтра будетъ установлена въ Селидовѣ, мы будемъ у тебя косить на четвертакъ въ день дешевле, потому ужь очень у васъ харчъ хорошъ, да и обиды никакой не видѣли; такъ на этомъ и порѣшили, а когда кончили косьбу, рабочіе явились ко мнѣ съ предложеніемъ, что на будущій годъ они уже придутъ прямо въ Кураховку и будутъ у меня работать на четвертакъ въ день дешевле противъ цѣнъ, устанавливаемыхъ еженедѣльно въ Селидовѣ, и у меня изъ года въ годъ убирала хлѣбъ одна и та же артель, никогда никакихъ неудовольствій съ рабочими не было, и я платилъ по четвертаку въ день дешевле другихъ помѣщиковъ, а расходовалъ противъ нихъ на продовольствіе рабочихъ лишнихъ копѣекъ десять всего, такъ что и я былъ въ барышахъ, и рабочіе были довольны; недовольны были только мои сосѣди, которые чуть не въ революціонеры меня произвели изъ-за фунта мяса, который я отпускалъ на каждаго рабочаго, и на который имъ указывали ихъ рабочіе, жалуясь на то, что ихъ кормятъ однимъ кандеромъ, такъ называли рабочіе жидкую пшенную кашицу на салѣ.

9.

Я уже выше говорилъ, что такъ какъ большинство шахтеровъ принадлежали къ числу безпаспортныхъ, то они всячески старались избѣгать камеры мировыхъ судей, а потому, какъ для разбора разныхъ споровъ между собою, такъ и для взысканія съ провинившагося въ

чемъ-либо передъ рудничной администраціей, мои шахтеры, съ моего согласія, устроили свой артельный судъ, который предпочитали даже и имѣвшіе паспорта и которымъ, слѣдовательно, не угрожала такой опасностью явка къ мировому судьѣ. За разныя проказы и буйства артельный судъ въ большинствѣ случаевъ приговаривалъ къ тѣлесному наказанію, но бывали очень оригинальные приговоры чисто нравственнаго воздѣйствія; одинъ изъ такихъ приговоровъ опишу ниже. Несмотря на свою безшабашность, между шахтерами того времени воровство было явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ; если и воровали, то исключительно только у мѣстныхъ хохловъ, съ которыми шахтеры постоянно враждовали, преимущественно изъ-за бабъ, и то не ради присвоенія себѣ украденной вещи, а просто изъ озорства, чтобы насолить ненавистному хохлу; стащитъ что-нибудь у мужика да въ рѣчку броситъ; кражъ же другъ у друга, или у кого-нибудь изъ рудничной администраціи, или рудничнаго имущества, почти не бывало; по крайней мѣрѣ, на управляемыхъ мною рудникахъ я зналъ только одинъ случай кражи, который сейчасъ и опишу: привезли на постройку шахтнаго зданія новый кругъ веревокъ, для связки лѣсовъ, который и былъ свалены около постройки и до обѣда оставался нетронутымъ; послѣ же обѣда, когда веревки эти понадобились, круга, привезеннаго передъ обѣдомъ, не оказалось; какъ разъ въ это время я подъѣзжаю къ шахтѣ, и плотничный десятникъ докладываетъ мнѣ о пропажѣ веревокъ. Я велѣлъ собрать всѣхъ рабочихъ и говорю имъ:

— Ребята, вы видѣли, что передъ обѣдомъ былъ привезенъ кругъ веревокъ и сложенъ вотъ здѣсь.

— Видѣли.

— Гдѣ же онъ теперь? значитъ, во время обѣда, когда плотники ушли, кто-нибудь изъ васъ утащилъ его. Это позоръ, никогда у насъ воровства не было и вдругъ середь бѣлаго дня стянули цѣлый кругъ веревокъ; если виновнаго не найдутъ, такъ этотъ позоръ падетъ на всѣхъ васъ, а потому сегодня же отыщите и веревку и виновнаго въ кражѣ ея.

— Будьте покойны, Александръ Андреевичъ, сегодня же разыщемъ; и дѣйствительно, вечеромъ приводятъ мнѣ виновнаго и приносятъ и веревку. Шахтеры очень быстро произвели слѣдствіе; сообразивъ совершенно основательно, что никто изъ настоящихъ шахтеровъ, т. е. изъ бродячихъ, этой кражи произвести не могъ, такъ какъ на что ему веревка, ни на что не нужна, а потому украсть веревку могъ только такой-то, какъ единственный изъ мѣстныхъ мужиковъ, которому веревки въ домашнемъ хозяйствѣ нужны. Сдѣлавъ такое предположеніе, одинъ изъ шахтеровъ отправился къ

подозрѣваемому вору въ хату, пока тотъ еще не возвращался домой, и говоритъ его женѣ:—твой мужъ въ обѣдъ принесъ цѣлый кругъ веревокъ, который онъ уперъ съ постройки, да теперь, какъ этого круга хватились, и боится, какъ бы у него обыска не сдѣлали и не нашли веревки, такъ вотъ онъ просилъ меня, такъ какъ самому съ работы уйти нельзя, а я работаю въ ночной смѣнѣ, а землянка наша рядомъ съ шахтой, чтобы я взялъ у тебя принесенную имъ веревку и спряталъ ее хорошенько въ лѣсу въ балкѣ, такъ вотъ давай ее скорѣе, я и тачку припасъ, чтобы увезти ее. Баба повѣрила ему и указала, гдѣ веревка спрятана; присланный шахтеръ выволокъ ее, взвалилъ на тачку, да вмѣсто лѣсочка въ балкѣ отвезъ ее прямо на шахту, гдѣ виновникъ, увидавъ украденную имъ веревку и узнавъ, какъ она оказалась опять на шахтѣ, не сталъ и запираться въ въ произведенной имъ кражѣ. Когда его привели ко мнѣ и я послѣ допроса хотѣлъ составить протоколъ, чтобы отправить его затѣмъ къ мировому судьѣ, то виновный въ кражѣ сталъ меня просить не подавать жалобы мировому, а чтобы я его наказалъ по своему усмотрѣнію; я ему отвѣтилъ, что самъ никакому наказанію, кромѣ штрафа, подвергать его не могу, а что даже крупный денежный штрафъ слишкомъ слабое наказаніе за кражу, но что если онъ согласенъ на артельный судъ, то пускай проситъ товарищей, чтобы судили его артельнымъ судомъ и въ такомъ случаѣ я жалобы мировому судьѣ подавать не буду. Мужиченка, будучи увѣренъ, что артельнымъ судомъ его выпорютъ, а мировой посадитъ его въ тюрьму, предпочелъ первое и сталъ просить, чтобы его судили артельнымъ судомъ, каковой судъ и состоялся надъ нимъ въ тотъ же день; только артельный судъ присудилъ его не къ поркѣ, какъ онъ предполагалъ, а къ болѣе суровому наказанію, а именно: въ ближайшее воскресеніе водить его по базарной площади привязаннымъ къ украденной имъ веревкѣ, повѣсивъ ему на груди и на спинѣ плакаты съ надписью „не воруй“. Когда наступило злополучное для осужденнаго воскресеніе, привели его раба Божьяго на площадь, распустили веревку въ нѣсколько десятокъ саженъ, однимъ концомъ завязали ее кругомъ шеи осужденнаго, а всю веревку растянули по рукамъ исполнителей приговора и стали его таскать по площади на глазахъ массы собравшагося на базаръ народа, припѣвая хоромъ: „не воруй, не воруй“. Это наказаніе показалось осужденному куда хуже розогъ и когда его повели и запѣли при общемъ смѣхѣ „не воруй“, онъ упалъ на колѣни и сталъ умолять, чтобы его лучше отодрали, какъ хотятъ, но только бы избавили отъ такого срама, а ему въ отвѣтъ: „воровалъ, сраму не боялся, такъ теперь потерпи, другой разъ умнѣе будешь и воровать не станешь“.

10.

Помѣщенія, въ которыхъ въ то время жили шахтеры, были по истинѣ ужасны; у хорошаго помѣщика скотъ помѣщался лучше, чѣмъ несчастные шахтеры, жившіе въ землянкахъ. Землянки эти представляли изъ себя вырытыя въ землѣ ямы, покрытыя двускатной земляной же крышей, если находятся на ровномъ мѣстѣ, и односкатной такой же крышей, опирающейся одной стороной на землю, а другой на сложенную изъ камня на глинѣ стѣнку, когда землянка выкопана по склону балочки; не только пола въ этихъ землянкахъ не было, но даже не было деревянныхъ наръ, а просто вдоль стѣнъ земля оставлялась нѣсколько выше, чѣмъ по серединѣ, гдѣ образовался такимъ образомъ проходъ, бока котораго были закрѣплены обаполами (горбылями), чтобы не обваливалась земля отъ уступа, замѣнявшаго нары; отапливались же землянки чугунными печами, служившими вмѣстѣ съ тѣмъ и очагами для варки пищи; но и этихъ отвратительныхъ помѣщеній, несмотря на то, что они стоили грошъ, бывало недостаточно и зачастую на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ ночью спала денная смѣна рабочихъ, а днемъ ночная. Когда я принялъ въ свое вѣдѣніе Кураховскій и Рутченковскій рудники, то нашелъ тамъ такія же землянки, отъ которыхъ пришелъ прямо въ ужасъ, а потому первымъ дѣломъ приступилъ къ постройкѣ небольшихъ домиковъ, для семейныхъ рабочихъ, и казармъ, для одинокихъ, каковыхъ было огромное большинство; но такъ какъ для постройки хорошихъ домовъ требуется время, то до окончанія ихъ постройки пришлось пользоваться землянками, сдѣлавъ послѣднія болѣе удобными для жилья, и благо ихъ можно выстроить чуть не въ 24 часа, то землянокъ было добавлено столько, чтобы каждый рабочій имѣлъ свой опредѣленный уголъ; когда же осенью казармы были готовы и рабочіе переведены въ нихъ, то землянки были уничтожены; но каково же было мое удивленіе, когда рабочіе рѣшительно отказывались переходить изъ землянокъ въ казармы, такъ что я вынужденъ былъ принять крутыя мѣры, чтобы понудить рабочихъ къ переходу въ казармы, т. е. категорически заявилъ, что или переходите въ казармы, или кто не хочетъ, получай разсчетъ и уходи совсѣмъ. Привыкшихъ жить свиньями въ грязныхъ, полутемныхъ землянкахъ, ихъ словно пугало переселеніе въ чистыя, просторныя и свѣтлыя казармы. Причину ихъ отказа отъ перехода въ лучшее помѣщеніе объяснилъ мнѣ тотъ же Лаптевъ, о которомъ я писалъ выше,— привыкли мы, говоритъ онъ, жить свиньями, такъ намъ и землянка не противна, а поживешь у васъ въ хоромахъ, какихъ ни на одномъ рудникѣ нѣтъ, отъ грязи-то и смраду отвыкнешь, такъ и тяжело

будетъ опять въ землянку-то попасть, если вы за что-нибудь уволите, а такъ какъ всѣ мы народъ такой, что сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ, то лучше не пріобрѣтать привычки жить по-человѣчески, ну вотъ и бѣгутъ отъ хорошаго помѣщенія. А казармы были построены дѣйствительно прекрасныя; онѣ представляли двухэтажныя каменныя зданія, въ которыхъ въ первомъ этажѣ помѣщались: квартира штейгера, въ вѣдѣніе котораго отдавалась казарма, кухня и столовая; а во второмъ этажѣ спальни, хорошо вентилируемыя; каждый рабочій имѣлъ свою койку, подъ которой была устроена укладка съ замкомъ, въ которой рабочіе могли хранить свои вещи. Пока шахтеры жили въ землянкахъ, они не только не имѣли ничего, кромѣ того что на нихъ надѣто, но и не могли ничего имѣть, такъ какъ имъ негдѣ было хранить своего даже самаго маленькаго имущества; а потому все, что они зарабатывали, они пропивали. Когда же каждый изъ нихъ получилъ свой собственный уголъ, въ чистомъ хорошемъ помѣщеніи, то, какъ они сами говорили, зазорно стало ходить грязнымъ оборванцемъ, и стали заводить себѣ праздничную одежду, а у многихъ появились даже и часы и другія вещи и вмѣстѣ съ тѣмъ и пьянства стало меньше, такъ какъ не весь заработокъ тратился уже на вино. Сказать не могу, какое удовольствіе мнѣ доставляло встрѣчать по праздникамъ шахтеровъ, которыхъ раньше не видалъ иначе, какъ въ посконной грязной рубахѣ, никогда не стиравшейся, а теперь одѣтыхъ въ кумачевую рубаху, плисовые шаровары, сапоги съ бураками и суконную поддёвку. Разумѣется, далеко не со всѣми случилась такая метаморфоза, а большинство, принадлежащихъ къ завзятымъ пьяницамъ, не имѣли ничего, кромѣ того, что на нихъ, въ томъ числѣ и мой протеже Лаптевъ, но и эти, поживши въ чистомъ помѣщеніи, чувствовали себя въ немъ все-таки лучше и съ ужасомъ подумывали о возможности возвратиться опять въ вонючую землянку.

Какъ я уже сказалъ выше, кромѣ казармъ мною были построены и небольшіе домики, преимущественно о двухъ квартирахъ въ каждомъ, для семейныхъ рабочихъ; но первое время послѣднихъ было мало, почти исключительно изъ разныхъ мастеровыхъ, такъ какъ шахтеры, составлявшіе главный контигентъ рабочихъ на рудникахъ, все были птицы перелетныя и потому одинокіе и заводили лишь временныхъ любовницъ на сторонѣ, а никакой семьи при себѣ не имѣли, тѣмъ болѣе, что и дѣвать-то эту семью было бы некуда; когда же явилась возможность имѣть отдѣльную, семейную квартиру, то и шахтеры стали обзаводиться семьями, нѣкоторые, болѣе солидные, имѣвшіе паспорта, повыписывали своихъ законныхъ женъ, остававшихся дома, а многіе, изъ прервавшихъ всякія сношенія съ

домомъ, завели себѣ гражданскихъ женъ, или мадамовъ, какъ ихъ окрестили шахтеры, и стали жить совершенно семейнымъ образомъ. Такъ какъ семейный рабочій, хотя бы и живущій съ мадамой, а не съ законной женой, гораздо исправнѣе и болѣе дорожитъ мѣстомъ, то я не только не отказывалъ желавшимъ получить отдѣльную квартиру, чтобы жить съ женой или мадамой, а напротивъ поощрялъ это, и потому колонія семейныхъ рабочихъ съ каждымъ годомъ все росла. Прозваніе „мадамъ“ сохранилось за незаконными женами и по настоящее время и вошло въ такое употребленіе, что сами мадамы величаютъ себя этимъ прозвищемъ; когда на ртутномъ заводѣ производилась перепись населенія и переписчикъ, войдя въ хату для переписи, обратится къ бабѣ съ вопросомъ: жена ли она хозяину квартиры? то нерѣдко получался отвѣтъ:—жена, да не совсѣмъ, а въ мадамахъ состою.

Многое измѣнилось въ условіяхъ жизни горнорабочихъ на югѣ Россіи, и, разумѣется, къ лучшему для рабочихъ, а нравы остались тѣ же и шахтеры предпочитаютъ жить съ мадамами, или совсѣмъ не заводя законныхъ женъ, или, если таковыя и имѣются, то оставляя ихъ у себя дома на родинѣ. Съ тѣхъ поръ, что пошла усиленная пропаганда въ народѣ, пошли строгости съ паспортами и на югѣ, и теперь на рудникахъ не встрѣтишь ни одного безпаспортнаго. Точно такъ же перешли въ область преданія и пресловутыя землянки, а на всѣхъ рудникахъ имѣются весьма хорошія квартиры для рабочихъ; даже казармъ почти нѣтъ, такъ какъ и одинокіе рабочіе предпочитаютъ соединяться въ маленькія артели и жить въ отдѣльной квартирѣ, имѣя свою стряпку, которая на нихъ и готовитъ и бѣлье имъ стираетъ, и квартиру убираетъ. Всюду имѣются хорошія больницы и школы, а при большихъ рудникахъ построены и свои церкви. Казалось-бы, что все это должно было бы повліять и на поднятіе нравственнаго уровня рабочихъ, но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что нравственный уровень извѣстной части рабочихъ нетолько не повысился, а скорѣе понизился; прежніе безпаспортные шахтеры были пьяницы, но, какъ я уже говорилъ выше, воровство среди шахтеровъ было явленіемъ исключительнымъ, теперь же оно стало явленіемъ обыденнымъ; пьянствуютъ шахтеры и теперь не меньше прежнихъ безпаспортныхъ, а безчинствъ и всякаго рода безобразій чинятъ куда больше, такъ что справляться теперь съ рабочими стало куда труднѣе и для поддержанія порядка на рудникахъ приходится держать не мало разныхъ полицейскихъ чиновъ, тогда какъ раньше никакой полиціи на рудникахъ не требовалось и мы отлично сами управлялись съ нашими рабочими, а въ случаѣ кто въ пьяномъ видѣ забезобразничаетъ, то свои же шахтеры скру-

тятъ буяна и сволокутъ въ каталажку на вытрезвленіе, тѣмъ дѣло и кончится. Раньше отношенія между рабочими и нанимателями были болѣе патріархальными и рабочіе относились къ своимъ хозяевамъ и вообще къ поставленнымъ надъ ними лицамъ съ уваженіемъ и съ сознаніемъ необходимости ихъ слушаться и если притомъ видѣли справедливое къ нимъ отношеніе, то и сами относились къ своимъ начальникамъ съ любовью и преданностью; теперь же, особенно со времени такъ называемаго освободительнаго движенія, отношеніе рабочихъ къ промышленникамъ значительно измѣнилось къ худшему, вслѣдствіе того, что, подъ вліяніемъ разныхъ пропагандистовъ, стали смотрѣть на промышленниковъ не какъ на работодателей, а какъ на эксплоататоровъ рабочихъ, внушая послѣднимъ, что промышленники, получая на трудѣ рабочихъ громадныя барыши, платятъ за этотъ трудъ гроши. Надо правду сказать, что вліянію пропагандистовъ поддавалось лишь меньшинство рабочихъ, состоящее по преимуществу изъ развращенной молодежи, потерявшей вѣру въ Бога, утратившей всякое сознаніе долга, желающей работать возможно меньше, а получать какъ можно больше, понимающей свободу только, какъ личную свободу чинить всякое безчинство и безобразіе, и отвѣчающей на всякое сопротивленіе ихъ безчинствамъ и безобразіямъ ножомъ или револьверомъ и такими дѣйствіями настолько терроризировавшіе остальныхъ рабочихъ, что и желавшіе мирно работать примыкали и къ забастовкамъ и къ предъявленію различныхъ требованій, часто совершенно неисполнимыхъ. Но конечно жизнь подъ гнетомъ террористовъ долго продолжаться не могла и мирные рабочіе стали объединяться и давать отпоръ террористамъ, такъ что за послѣднее время замѣтно стало усиливаться вліяніе болѣе благоразумныхъ мирныхъ рабочихъ.

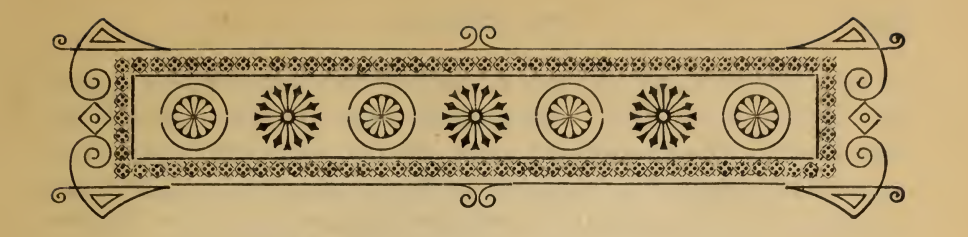
Дѣйствительно, желающіе добра рабочимъ должны были бы прежде всего развивать въ нихъ сознаніе долга, безъ чего никакой прогрессъ не мыслимъ, такъ какъ при отсутствіи сознанія долга не можетъ быть и настоящей свободы, а будетъ всегда царить произволъ и насиліе, одинаково возмутительные, откуда бы они ни исходили, т. е. сверху ли, снизу ли. Интересы рабочихъ и промышленниковъ такъ тѣсно связаны, что имъ слѣдовало бы работать руку объ руку, а не вести какую-то ожесточенную борьбу между собою, какъ это мы видимъ въ дѣйствительности. Еще промышленники, принадлежа къ людямъ болѣе просвѣщеннымъ и развитымъ, сознаютъ необходимость, въ собственныхъ же интересахъ, заботиться о нуждахъ своихъ рабочихъ и по мѣрѣ возможности удовлетворять эти нужды; рабочіе же, какъ люди мало развитые, подъ вліяніемъ своихъ непрошенныхъ учителей, не сознаютъ, что

требованія ихъ не должны выходить за предѣлы возможности, такъ какъ исполненіе этихъ чрезмѣрныхъ требованій можетъ повлечь за собою закрытіе предпріятія, которое ихъ кормитъ и съ закрытіемъ котораго они останутся совсѣмъ безъ заработка и средствъ къ существованію. Да кромѣ того мы видимъ, что хотя путемъ забастовокъ рабочіе и добиваются увеличенія заработной платы, пользы же имъ это не приноситъ, такъ какъ увеличеніе заработной платы вызываетъ увеличеніе стоимости всѣхъ предметовъ производства, а это въ свою очередь удорожило жизнь въ большей степени, чѣмъ увеличеніе заработной платы. Но нынѣшніе просвѣтители-то рабочихъ совсѣмъ и не добиваются улучшенія ихъ положенія, а хотятъ только возможно большаго озлобленія рабочихъ противъ ихъ работодателей, чего до нѣкоторой степени и достигаютъ. Какъ прежде нѣкоторые борцы за уничтоженіе рабства находили, что самые вредные рабовладѣльцы это относящіеся къ своимъ рабамъ хорошо, потому что если рабамъ живется хорошо, то они мирятся со своимъ рабствомъ, такъ и теперешніе просвѣтители рабочихъ находятъ, что самые вредные изъ промышленниковъ это тѣ, которые заботятся о своихъ рабочихъ и у которыхъ послѣднимъ живется хорошо, такъ какъ это примиряетъ рабочихъ съ капитализмомъ и не вызываетъ ихъ на кровавую борьбу съ капиталомъ; исходя изъ такихъ взглядовъ, и пришли къ тому убѣжденію, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, т. е. чѣмъ хуже будетъ рабочимъ, тѣмъ сильнѣе они озлобятся противъ капиталистовъ и тѣмъ скорѣе всѣхъ ихъ передушатъ, послѣ чего и установится желаемый соціальный строй, основанный на равенствѣ всѣхъ гражданъ. Горячо сочувствуя полному равенству всѣхъ гражданъ, какъ въ правовомъ, такъ и въ имущественномъ отношеніи, но будучи вмѣстѣ съ тѣмъ противникомъ всякаго насилія и глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что путемъ насилія и злобы никакихъ положительныхъ результатовъ получить нельзя, а что напротивъ прогрессъ въ улучшеніи человѣческой жизни возможенъ только путемъ мирной работы, въ основѣ которой должна быть любовь къ ближнему своему, какъ насъ училъ Христосъ, путемъ нравственнаго развитія народныхъ массъ, а не озлобленіемъ ихъ, путемъ внѣдренія въ народныя массы сознанія долга, а не классовой борьбой, ведущей къ насиліямъ однихъ надъ другими, я не могу относиться иначе, какъ съ возмущеніемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше". Бывъ свидѣтелемъ освобожденія у насъ на Руси крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, т. е. освобожденія отъ рабства, и зная, что это освобожденіе достигнуто у насъ не путемъ возмущенія крѣпостныхъ крестьянъ, а стара-

ніями именно тѣхъ рабовладѣльцевъ, у которыхъ рабамъ жилось хорошо, и освобожденіе это даровано доброю волею Императора Александра II-го, внявшаго голосу сторонниковъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сознававшихъ всю безнравственность рабства, а не защитниковъ крѣпостничества, я заканчиваю мои записки горячимъ пожеланіемъ, чтобы на Руси было побольше промышленниковъ, заботящихся о нуждахъ рабочихъ, которые мирнымъ путемъ, при содѣйствіи своихъ хозяевъ, достигнутъ несомнѣнно гораздо бо̀льшаго, въ смыслѣ улучшенія своей жизни, чѣмъ слѣдуя совѣтамъ своихъ непрошенныхъ учителей, изъ пропагандистовъ.

А. Ауэрбахъ.

Изъ прошлаго.

Эпизодъ изъ жизни «Военнаго Сборника» [1]).

Вторая записка заключаетъ въ себѣ мнѣніе г. цензора о томъ, что современная литература и „Военный Сборникъ", въ особенности, стремятся къ униженію чести русской арміи, что они оскорбляютъ ее.

Мнѣніе это цензоръ основываетъ на томъ, что въ 1-ой книжкѣ „Сборника" помѣщены статьи, которыя слишкомъ рѣзко выставляютъ различныя злоупотребленія, существующія въ нашей арміи. Онъ полагаетъ, что это оскорбительно для каждаго русскаго офицера, и принимаетъ на себя защиту чести нашихъ офицеровъ.

Но противъ кого же защищаетъ полковникъ Штюрмеръ нашихъ офицеровъ? Развѣ есть въ разбираемыхъ имъ книжкахъ „Сборника" хотя одна статья, написанная не офицеромъ?

Направленіе этому журналу придано не редакціей его, не однимъ какимъ-либо лицомъ, а самими офицерами русской арміи. Редакція, изъ множества полученныхъ ею статей, выбирала къ напечатанію тѣ или другія, не по различію ихъ направленія, а единственно по занимательности. Относительно направленія выборъ былъ невозможенъ. Полковникъ Штюрмеръ говоритъ самъ, что четыре статьи, написанныя—одна пѣхотнымъ армейскимъ офицеромъ, другая артиллерійскимъ, третья стрѣлковымъ, четвертая казакомъ, и помѣщенныя въ первой книжкѣ „Сборника", заслуживаютъ особеннаго вниманія по важности разсматриваемыхъ предметовъ и видимому сходству, почти тождественности взгляда на оные. Къ этому должно прибавить, что эти офицеры живутъ въ различныхъ концахъ Россіи:

---

[1]) См. „Русскую Старину", май 1908 г.

одинъ въ Петербургѣ, другой въ деревнѣ на Сѣверѣ Россіи, третій въ Оренбургскомъ краѣ, четвертый въ Царствѣ Польскомъ, и что они никогда не видѣли другъ друга въ лицо. Если бы мысли, ими изложенныя, были ихъ частными мнѣніями, они разошлись бы между собою хотя въ чемъ-нибудь. Но они говорятъ совершенно одно и то же; сходство простирается до того, что полковникъ Штюрмеръ самъ не можетъ раздѣлить этихъ четырехъ статей и въ запискѣ своей разбираетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, какъ бы одну статью. Не служитъ ли это доказательствомъ, что статьи эти представляютъ мнѣніе большинства офицеровъ нашей арміи.

Что же было дѣлать редакціи? Не принимать такихъ статей? Но если другихъ нѣтъ, если она помѣстила только самыя умѣренныя? Да при томъ, полезно ли было бы запрещать высказаться офицерамъ, полезно ли было бы писать о томъ, что все идетъ въ арміи прекрасно, тогда какъ каждый прапорщикъ знаетъ истинное положеніе дѣлъ?

Многіе возстаютъ противъ откровеннаго выраженія общественныхъ недостатковъ, говоря, что „Ревизора" даютъ 30 лѣтъ, а взяточничество не уменьшилось, что книга не сдѣлаетъ плута честнымъ, и что поэтому не слѣдуетъ изображать злоупотребленій и возбуждать общественнаго мнѣнія противъ существующаго порядка. Какъ странны эти сужденія! Говорить, что возставая противъ зла, выставляя зло на показъ, литература безсильна измѣнить и исправить общественное мнѣніе, а въ то же время запрещать такія или иныя статьи, потому, что онѣ возбуждаютъ общественное мнѣніе. Что-нибудь одно: или литература имѣетъ вліяніе на общество и тогда ей должно дать право и даже помочь ей дѣйствовать противъ зла, или она безсильна и тогда не стоитъ на нее обращать вниманія, не стоитъ ни поощрять въ ней то или другое направленіе, ни учреждать цензуру для ея обузданія.

Такой книги, прочтеніе которой могло бы исправить плута, дѣйствительно, не существуетъ; но совокупность книгъ и статей не безсильна противъ зла. Отвергать это, значитъ отвергать пользу, проповѣди, пользу книгъ религіозныхъ. Одна проповѣдь, какъ бы назидательна она ни была, не обратитъ грѣшника; но рядъ поученій, ежедневное напоминаніе можетъ сдѣлать многое. Выставляя злоупотребленіе общественному суду, называя ихъ по имени, литература и не думаетъ привести на путь истинный закоренѣлыхъ взяточниковъ, ускользнувшихъ отъ зоркости закона, или, по недостатку уликъ, оставленныхъ подъ подозрѣніемъ. Нѣтъ, это выше силъ ея. Но она можетъ, по крайней мѣрѣ, ускромнить этихъ людей, она можетъ ихъ преступный промыселъ опозорить въ общемъ

мнѣніи и предохранить отъ паденія тѣхъ людей, которые еще не вступили въ сдѣлки съ своею совѣстью.

Что же касается охраненія чести военнаго сословія, то прежде чѣмъ обвинять „Сборникъ“ въ оскорбленіи ея, полковнику Штюрмеру слѣдовало бы основательнѣе обдумать, въ чемъ состоитъ эта честь.

Честь арміи, какъ и каждаго сословія, состоитъ не въ бретерствѣ, не въ томъ, чтобы не позволять никому пошутить надъ собою, и не въ томъ, чтобы терпѣть среди себя недостойныхъ сочленовъ; терпѣть зло, но не говорить о немъ. Честь арміи требуетъ, чтобы всѣ чины ея, а особенно офицеры гнушались зломъ, старались искоренить его и не потворствовать ему молчаніемъ. Съ этой точки зрѣнія смотрѣла редакція на честь арміи и потому считала непозволительнымъ передѣлывать статьи съ цѣлію искажать и скрывать мнѣнія самихъ офицеровъ о существующихъ злоупотребленіяхъ. Она думала, что голоса, со всѣхъ сторонъ раздавшіеся противъ зла, обрадуютъ тѣхъ, кому близка честь русской арміи, послужатъ доказательствомъ того, что большинство нашихъ офицеровъ еще не привыкло равнодушно смотрѣть на злоупотребленія, еще не потеряло вѣры въ возможность служить честно!

Что нашелъ полковникъ Штюрмеръ въ этомъ оскорбительнаго для чести русской арміи? Какимъ образомъ безчестное убійство де-Пэна показалось ему достойнымъ подражанія? Какимъ образомъ французскую армію, въ теченіе полустолѣтія семь разъ измѣнившую своей присягѣ, онъ рѣшился представить намъ образцомъ военной чести? Почему, наконецъ, онъ не дозволяетъ литературѣ возставать противъ взятокъ, самоуправства и другихъ беззаконій, а отдаетъ ея суду только злодѣянія, закономъ не воспрещаемыя? Этихъ вопросовъ мы разбирать не будемъ. Объ нихъ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе.

Но есть предметы, о которыхъ различія мнѣній быть не можетъ. Если мы кого обвиняемъ въ чемъ-нибудь передъ Высшею властью, то должны представить доказательства обвиненій, или пожалуй, за недостаткомъ ихъ, сказать—*намъ такъ кажется.* Въ послѣднемъ случаѣ отъ воли Высшаго будетъ зависѣть: повѣрить обвиненію или отвергнуть его.

Но приводя доказательства обвиненій, нужно быть очень осторожнымъ, чтобы не ввести ими въ невольное заблужденіе Высшее лицо и вмѣсто блюстителя правды и закона, самому не сдѣлаться первымъ его нарушителемъ. Эта осторожность особенно важна въ обвиненіяхъ литературныхъ, гдѣ пропускъ одной буквы, перестановка запятой, можетъ дать совершенно иной смыслъ рѣчи; можетъ автора самаго благонамѣреннаго представить злоумышленникомъ.

Соблюлъ ли это полковникъ Штюрмеръ, составляя свои обвиненія и приводя доказательство этихъ обвиненій? Нѣтъ. Онъ нарушилъ эту прямую и положительную обязанность обвинителя и нарушеніе это довелъ до непонятной степени.

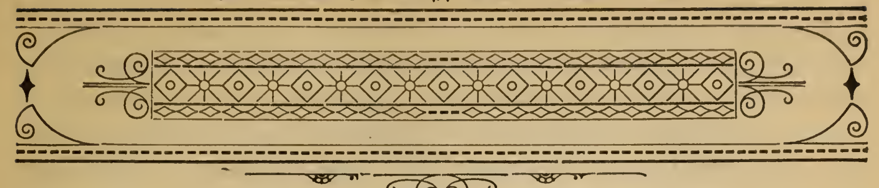
Чтобы доказать свои обвиненія, полковникъ Штюрмеръ составляетъ выписки совершенно произвольно: въ одномъ мѣстѣ онъ выпускаетъ начало періода, въ другомъ конецъ, не только выпускаетъ слова, но сводитъ въ одно цѣлое фразы, раздѣленныя нѣсколькими страницами, измѣняетъ окончанія словъ—все для того, чтобы дать рѣчи тотъ смыслъ, который ему былъ нуженъ.

Не довольствуясь всѣмъ этимъ, не довольствуясь произвольными толкованіями искаженныхъ имъ выписокъ, цензоръ дозволилъ себѣ сказать слѣдующее: въ іюньской книжкѣ „Военнаго Сборника“ помѣщено весьма неутѣшительное для военныхъ людей открытіе „*что служба офицеровъ безцвѣтна, скучна, не представляетъ никакой пищи для ума и потому приводитъ нѣкоторыхъ къ пьянству*“. (Слова подчеркнутыя означены въ запискѣ г. Штюрмера знакомъ („ “) т. е. принадлежащими „Сборнику“).

На какихъ страницахъ „Военнаго Сборника“ полковникъ Штюрмеръ нашелъ эти слова? Ихъ нѣтъ въ „Сборникѣ“. Если онъ самъ сдѣлалъ подобный выводъ, то откуда? и какое право онъ имѣлъ свой выводъ представить въ видѣ выписки, свои слова приписать другимъ? Неужели одно желаніе защитить честь офицеровъ русской арміи могло довести г. цензора до подобнаго поступка!

Сообщ. П. Паренсовъ.

Англійская эскадра въ Бѣломъ морѣ въ 1854 г.

1.

Крымская война (1853—1856) сопровождалась, какъ извѣстно, попыткою непріятеля овладѣть, между прочимъ, берегами Бѣлаго моря въ архангельской губерніи. Въ это время военнымъ архангельскимъ губернаторомъ былъ вице-адмиралъ Бойль [1]), а архангельскимъ епископомъ Варлаамъ Успенскій [2]).

17 марта 1854 г. преосвященный Варлаамъ донесъ Св. Синоду слѣдующее: „Архангельскій военный губернаторъ, вице-адмиралъ Бойль, отношеніемъ отъ 28 февраля, увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ по Всеподданнѣйшему докладу предположеній Высочайше утвержденнаго комитета о мѣрахъ къ усиленію обороны прибрежныхъ пунктовъ сѣвера Россіи, 14 февраля Высочайше повелѣлъ объявить весь приморскій край Архангельской губерніи на военномъ положеніи“.

---

¹) Романъ Платоновичъ Бойль, англичанинъ, состоявшій въ русской службѣ, родился въ 1794 г. Въ 1813 и 14 гг. участвовалъ въ блокадѣ голландскихъ береговъ, съ 1819 по 1822 г. принималъ участіе въ экспедиціи Васильева, изслѣдовавшей Ледовитый океанъ. Въ 1853 г. назначенъ архангельскимъ губернаторомъ. Умеръ въ 1854 г.

²) Варлаамъ Успенскій въ 1843 г., изъ ректоровъ Курской семинаріи, былъ возведенъ въ санъ епископа чигиринскаго и въ 1845 г. былъ назначенъ епископомъ архангельскимъ, въ 1854 г. епископомъ пензенскимъ и въ 1860 г. возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1862 г. переведенъ на Тобольскую каѳедру. Въ 1872 г. архіепископъ Варлаамъ ушелъ на покой и скончался 31 марта 1876 г. въ Бѣлгородскомъ Троицкомъ монастырѣ.

Вслѣдствіе такого Высочайшаго повелѣнія, военный губернаторъ г. Архангельска просилъ преосвященнаго Варлаама сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе къ сохраненію въ Архангельской губерніи церковныхъ имуществъ на случай непріятельскаго нападенія. Преосвященный Варлаамъ, съ своей стороны, потребовалъ отъ Архангельской духовной консисторіи немедленно заслушать отношеніе военнаго губернатора и представить на усмотрѣніе епархіальнаго начальства свое мнѣніе о сохраненіи церковныхъ имуществъ, вынеся на справку свѣдѣнія о томъ, какія были сдѣланы распоряженія отъ мѣстнаго духовенства и отъ Св. Синода при прежнихъ двухъ политическихъ разрывахъ нашего отечества съ Англіей, касательно церковной собственности.

Исполнивъ предложеніе преосвященнаго, консисторія донесла владыкѣ, что на счетъ распоряженія о сохраненіи церковныхъ имуществъ въ 1806 г. никакихъ распоряженій не было, а въ 1812 г. было одно только распоряженіе отъ С.-Петербургскаго главнокомандующаго губернаторамъ, чтобы людей престарѣлыхъ, немощныхъ, а также и дѣтей изъ мѣстъ, занятыхъ непріятелемъ, отправить въ монастыри, которые должны принять ихъ на свое попеченіе, а также и о томъ, чтобы при церквахъ были устроены кружки для добровольныхъ подаяній. На основаніи этого, консисторія полагаетъ, что „такъ какъ предстоящія военныя обстоятельства не сходны съ военными обстоятельствами 1812 г., то принять прежнія распоряженія не возможно. Если бы, прибавляетъ консисторія, имущество церквей и монастырей состояло только въ деньгахъ и драгоцѣнностяхъ, то слѣдовало бы предписать по епархіи, чтобы причты вмѣстѣ съ церковными старостами, подъ наблюденіемъ благочинныхъ, изыскали удобныя по отдаленности, или по другимъ удобствамъ, мѣста для сбереженія церковнаго имущества, и когда будетъ настоять необходимость, то вывезли бы ихъ съ разрѣшенія епархіальнаго епископа,—но такъ какъ церковное имущество состоитъ и изъ недвижимостей, зданій, иконостасовъ, въ украшеніяхъ на св. иконахъ, въ колоколахъ, уборку которыхъ скоро исполнить нельзя безъ большой гласности передъ народомъ, то дѣло предохраненія такихъ частей имущества затруднительно, потому что сбереженіе всего вышеуказаннаго составляетъ огромный процессъ, могущій сопровождаться непріятными послѣдствіями для народнаго духа, неблаговидный, неблаговременный и напрасный, главнымъ образомъ, и потому еще, что мы всѣ должны уповать на помощь Божію въ борьбѣ съ непріятелемъ, всегда намъ являемую по Его къ намъ милосердію. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно надѣяться на военную и на народную силу, возбужденную правительствомъ“.

Затѣмъ консисторія предполагаетъ, что монастырямъ Онежскому и Пертоминскому, а также и благочиннымъ уѣздовъ необходимо послать указы о томъ, чтобы настоятели монастырей и благочинные каждой близкой къ морю церкви и, слѣдовательно, удобной для непріятельскаго нападенія, устроили между собою предварительное совѣщаніе о томъ, какъ сохранить церковныя сокровища отъ вражескаго расхищенія и о результатѣ своихъ совѣщаній донесли бы епархіальному начальству.

Епископъ Варлаамъ, утвердивъ означенное постановленіе консисторіи, приказалъ, сверхъ того, чтобы монастыри Крестный и Никольскій, соборы—Онежскій, Кольскій и Кемскій, а также и всѣ поморскія церкви имѣли у себя въ запасѣ крѣпкіе сундуки, въ кои могли бы, въ случаѣ слуховъ о приближеніи непріятеля, при почетныхъ гражданахъ и причтѣ, сложить болѣе цѣнную ризницу, серебряные сосуды, кресты, евангелія и вообще все цѣнное, опечатать общими печатями и, если нельзя спрятать сундуки на мѣстѣ, то донесли бы начальству о томъ, гдѣ бы они могли быть безопасно скрыты.

2.

Разсмотрѣвъ донесеніе преосвященнаго Варлаама, Св. Синодъ, 29 марта 1854 года, предписалъ ему во все время, пока Архангельская губернія находится на военномъ положеніи, состоять въ непрерывныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ главнымъ начальникомъ края и дѣйствовать по его указаніямъ, какъ въ отношеніи сохраненія церковнаго имущества, такъ и во внушеніи духовенству и паствѣ, чтобы они уповали на помощь Божію и исполняли бы въ точности всѣ распоряженія начальства.

19 іюня 1854 г. епископъ Варлаамъ снова донесъ Синоду слѣдующее:

„Архангельскій военный губернаторъ, вице-адмиралъ Бойль, отъ 16 іюня, сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что за боромъ (верстъ за 70) стоятъ на якорѣ три англійскихъ фрегата, и что военный губернаторъ будетъ и впредь сообщать епархіальному начальству о томъ, о чемъ сочтетъ нужнымъ извѣщать его“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, преосвященный Варлаамъ, въ своемъ донесеніи Св. Синоду, прибавляетъ, что „со времени появленія непріятеля около береговъ Архангельской губерніи и его враждебныхъ дѣйствій относительно бѣдныхъ поморовъ, о чемъ уже не мало доходитъ слуховъ, усилены, хотя частью только, постъ и молитвы тѣми, кои знаютъ силу этихъ средствъ и что, вѣроятно, вслѣдствіе исполненія и поста и молитвы, уже четверо сутокъ дуетъ сильный и бурный Сѣверо-Западный вѣтеръ, который, какъ полагаютъ, не могъ указать

борющимся съ Промысломъ Божіимъ добраго пристанища при берегахъ Архангельской епархіи и понудилъ ихъ, какъ доходятъ позднѣйшія извѣстія, открейсировать въ море подальше, дабы фрегаты ихъ не сѣли на мель". Получивъ это донесеніе, Св. Синодъ еще разъ предписалъ епископу Варлааму всегда сообразоваться съ тѣми мѣрами, какія будутъ приняты главнымъ начальствомъ края по случаю появленія на водахъ Бѣлаго моря непріятельскихъ судовъ, и чаще доносить Св. Синоду, съ должною подробностью, о всѣхъ распоряженіяхъ по этому предмету въ отношеніи духовенства, паствы и церковныхъ имуществъ, какъ по Архангельской епархіи, такъ и по Соловецкому монастырю [1]), а въ особыхъ случаяхъ, если представятся таковыя и окажется нужнымъ,—испрашивать разрѣшенія Синода.

Имѣя въ виду такое распоряженіе, преосвященный Варлаамъ донесъ, что имъ, въ это тяжелое для Архангельской губерніи время, предписано причтамъ всѣхъ церквей и монастырей, по соглашенію съ церковными старостами и мѣстными должностными лицами, съ общаго согласія, заблаговременно испросить разрѣшеніе епархіальнаго начальства относительно тѣхъ мѣръ, которыя выработаны ими для сохраненія церковныхъ имуществъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено военному губернатору объ этомъ, съ просьбою увѣдомить, не нужно-ли что-либо видоизмѣнить въ этихъ мѣрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать о всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, которые могутъ неожиданно и непредвидѣнно явиться при состояніи края на военномъ положеніи.

Начальникъ края, отъ 15 октября, отвѣтилъ, между прочимъ, что для избѣжанія могущаго произойти въ народѣ унынія и безпокойства, онъ полагалъ бы перевезти изъ приморскихъ мѣстъ только манускрипты и такіе предметы, хранимые въ храмахъ, которые по древности и цѣнности, или по другимъ какимъ-либо причинамъ заслуживаютъ названія предметовъ драгоцѣнныхъ, а такъ какъ такихъ храмовъ въ Архангельской епархіи не много, то перевозъ предметовъ драгоцѣнныхъ, т. е. манускриптовъ и пр. должно произвести негласно, съ крайней осторожностью, не возбуждая въ народѣ волненія.

Получивъ такой отвѣтъ вице-адмирала Бойля, во многомъ ослабляющій прежде принятыя мѣры, епископъ Варлаамъ передалъ его

---

[1]) Соловецкій монастырь не состоялъ и не состоитъ въ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, а какъ ставропигіальный, зависитъ непосредственно отъ Синода; въ особыхъ же случаяхъ только испрашиваетъ разрѣшенія мѣстнаго епископа.

для обсужденія въ духовную консисторію, которая, съ своей стороны, разослана вновь по монастырямъ, духовнымъ правленіямъ и благочиніямъ указы, о томъ, чтобы при исполненіи епархіальнаго распоряженія, утвержденнаго Синодомъ, они сообразовались бы и съ мнѣніемъ военнаго губернатора и о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ доносили бы въ консисторію.

Вслѣдствіе такого распоряженія, монастыри и благочинные, донося консисторіи по дѣлу о сохраненіи церковныхъ имуществъ, указывали преимущественно на лѣса, куда можно вывезти имущество, но не иначе, какъ подъ охраной представленной къ нему стражи. Относительно колоколовъ предлагались другія мѣры: нѣкоторые изъ благочинныхъ предлагали опустить ихъ временно въ близъ лежащія озера.

Болѣе цѣнныя имущества монастырей Карельскаго, Никольскаго и Крестнаго епископъ Варлаамъ предписалъ отправить въ Архангельскъ, но, за небытностью въ Крестномъ монастырѣ настоятеля, казначей монастыря съ братіей не успѣли во̀-время доставить монастырское имущество по назначенію, поэтому казначею было предписано отправить его воднымъ путемъ вверхъ по Онегѣ, въ с. Подпорожское.

3.

26 іюня преосвященный Варлаамъ получилъ рапортъ отъ настоятеля Никольскаго монастыря о томъ, что вблизи его, въ заливѣ и въ устьѣ рѣки Малокурьи, появился непріятельскій фрегатъ и сталъ въ двухъ верстахъ отъ монастыря. Представивъ это рапортъ военному губернатору, епископъ Варлаамъ просилъ его оказать монастырю всевозможную помощь и защиту, но вице-адмиралъ Бойль отвѣтилъ, что никакой помощи монастырю онъ оказать не можетъ, такъ какъ нужно защищать болѣе важные пункты побережья, и что онъ не думаетъ „дабы непріятель повредилъ монастырю; непріятель посмотритъ монастырь, нальется водой, заберетъ скотъ— и этимъ ограничится все дѣло“. Получивъ подобный отвѣтъ, епископъ Варлаамъ 26 мая, прямо изъ собора, послѣ благодарственнаго молебна, отправился къ гражданскому губернатору—съ просьбою принять мѣры къ защитѣ монастыря, но губернаторъ отклонилъ отъ себя это дѣло, посовѣтовавъ преосвященному обратиться къ управляющему палатой государственныхъ имуществъ—Зубову. Архіерей послѣдовалъ этому совѣту и въ тотъ же день былъ у Зубова, который, не отвергая нужды въ помощи монастырю, заявилъ, что онъ можетъ послать на помощь вооруженныхъ крестьянъ, если на это послѣдуетъ согласіе военнаго губернатора, и что онъ лично будетъ говорить съ нимъ по поводу этого дѣла. Но пока шли эти пере-

говоры, непріятель, какъ стало потомъ извѣстнымъ, сдѣлавъ промѣры моря и осмотрѣвъ берега, удалился въ открытое море.

Между тѣмъ управляющій палатой государственныхъ имуществъ, послѣ свиданія съ вице-адмираломъ Бойлемъ, вмѣстѣ съ крестьянами, отправился лично къ монастырю, но прибылъ туда тогда, когда непріятель уже удалился. Онъ приказалъ братіи монастыря, въ случаѣ появленія непріятельскихъ кораблей, зажигать смоляныя бочки и тѣмъ подавать сигналъ крестьянамъ собираться на защиту монастыря, и въ то же время отнесся къ преосвященному Варлааму съ предложеніемъ о томъ, чтобы онъ дозволилъ по селамъ, прилегающимъ къ морю, производить набатный звонъ въ случаѣ появленія непріятеля.

4.

Отношеніемъ отъ 13 іюля Архангельская казенная палата увѣдомила епископа Варлаама, что губернское казначейство въ случаѣ крайней опасности отъ непріятеля будетъ перенесено въ Чиму (14 верстъ отъ Архангельска), и что всѣ учрежденія, хранящія свои суммы въ казначействѣ, должны или взять ихъ въ свое завѣдываніе, или же сдать ихъ при отношеніи губернскому казначею. Пригласивъ членовъ консисторіи для совѣщанія, преосвященный Варлаамъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы деньги и имущество Архангельскихъ монастырей и церквей были отправлены въ Холмогорскій соборъ, какъ мѣсто удобное для храненія, и что на это предпріятіе имъ испрошено согласіе военнаго губернатора, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ нарядить стражу къ собору для охраны имущества.

Въ то же самое время преосвященный Варлаамъ донесъ Синоду, что въ дополненіе къ прежнимъ мѣрамъ, ранѣе имъ объявленнымъ по епархіи, сдѣлано еще слѣдующее распоряженіе:

„Духовенство и пасомые всегда и во всемъ должны уповать на милость и помощь Божію и просить оныхъ теплой молитвой. Всѣмъ и всегда находиться при своихъ обязанностяхъ и при нападеніи врага исполнять въ точности распоряженія начальства; принимать различныя мѣры благоразумія къ сбереженію Св. мѣстъ и Святыни, руководя въ этомъ и своихъ прихожанъ. При началѣ военныхъ дѣйствій всѣ—и духовенство и пасомые должны быть кротки, молчаливы и не сварливы, прося непріятеля о пощадѣ святыхъ мѣстъ и святынь, не входя ни въ какія сдѣлки съ непріятелемъ и въ другія съ нимъ сношенія, а въ случаѣ возженія церковныхъ имуществъ отъ огнестрѣльныхъ орудій — стараться гасить ихъ при помощи народа и для этой цѣли имѣть наготовѣ бочки съ налитой водой, лѣстницы и другія принадлежности“.

„Въ пасомыхъ, особенно при приближеніи врага, духовенство должно усилить молитву чрезъ крестные ходы и постъ, но такъ какъ эти мѣры, по указу Св. Синода, могутъ быть исполнены только по соглашенію съ военнымъ губернаторомъ, который, постоянно держась своей главной мысли, объявилъ, что не нужно ничѣмъ возбуждать спокойствіе города и отсовѣтовалъ употребленіе этихъ мѣръ, то поэтому пасомые не были созываемы нарочито для молитвы, и духовенство ограничивалось только раздачею народу книжекъ о происхожденіи брани, а постъ былъ оставленъ на соизволеніе каждаго".

Въ заключеніе, преосвященный Варлаамъ доноситъ, что относительно Соловецкаго моря онъ принялъ всѣ мѣры и что въ Страсную субботу, несмотря на сильное изнеможеніе, онъ отправился къ военному губернатору просить его отправить настоятелю Соловецкаго монастыря указъ Св. Синода и дать отъ себя нужные документы на безостановочную перевозку имущества монастыря. „Это имѣло успѣхъ. На второй день Св. Пасхи все было приготовлено къ отсылкѣ Соловецкаго имущества въ Холмогоры, и въ то же время дано предписаніе консисторіи и благочиннымъ принимать и сопровождать монастырское имущество".

5.

Причтъ Кольскаго собора донесъ епископу Варлааму, а этотъ послѣдній—Синоду, что 20 августа, вечеромъ, въ Кандалакскую губу, мимо Ковдской деревни, прошелъ непріятельскій пароходъ, а 22 числа, на обратномъ пути, подошелъ къ самой Ковдѣ. Крестьяне почти всѣ убѣжали съ своимъ имуществомъ въ лѣсъ, а священно и церковно-служители убрали все церковное имущество, сняли съ колокольни два колокола, а самый большой, въ 9 пуд., не успѣли и не могли снять при маломъ числѣ крестьянъ.

Высадившись, англичане сняли этотъ колоколъ и взяли его къ себѣ на пароходъ; обиды никакой для церкви не сдѣлали, не взяли ни одной иконы, ни одной ризы съ иконъ, а когда ходили осматривать церковь, то только отодрали у двери замокъ, сломали замокъ у кружки, прибитой у стѣны, и вынули деньги. Деревнѣ также никакой обиды не сдѣлали и того же, 22 августа, поздно вечеромъ, отплыли отъ берега.

Въ это же самое время причтъ Кандалажской церкви донесъ, что 20 августа былъ виденъ англійскій флотъ, и тогда причтъ принялъ мѣры вынести церковное имущество.

21 числа англичане явились въ Кандалажку на пяти катерахъ, были въ Рождество-Богородицкой и Іоанно-Предтеченской церквахъ

*

и изъ трапезы второй церкви взяли небольшой мѣдный крестъ цѣною въ 70 копѣекъ и болѣе никакого вреда церкви не причинили.

Затѣмъ прислалъ рапортъ настоятель Крестнаго монастыря, состоящій въ то же время и ректоромъ Архангельской духовной семинаріи. Въ своемъ рапортѣ о. настоятель говоритъ, что 16 августа къ Кій острову прибылъ англійскій пароходъ и привезъ на буксирѣ Онежскую ладью, отправлявшуюся въ Норвегію съ тесомъ. Пароходъ остановился въ 5 верстахъ отъ монастыря, 17-го числа освободилъ ладью и спустилъ шлюпку съ 11 человѣками, которые подплыли къ монастырю; въ числѣ 11 человѣкъ былъ одинъ офицеръ съ двумя вооруженными матросами и однимъ, несшимъ бѣлый флагъ. Всѣ они заходили въ монастырь и настоятельскія кельи и осмотрѣли колодезь; офицеръ, кромѣ того, осмотрѣлъ строеніе на баржѣ и, показывая въ сторону города Онеги, говорилъ: „Онегъ-ни!". Потомъ всѣ отправились на пароходъ, который 18-го числа, въ 5 часовъ утра, снялся съ якоря.

Въ донесеніи своемъ объ этомъ Синоду, епископъ Варлаамъ добавляетъ, что „прибрежныя мѣста Архангельской губерніи совершенно открыты непріятелю, и что если бы около моря, около каждаго пункта, было поставлено хотя бы по пяти солдатъ, то непріятель такъ отважно и дерзостно не расхаживалъ бы по храмамъ и монастырскимъ кельямъ".

И дѣйствительно, во время Восточной войны берега Бѣлаго моря были охраняемы только $2^1/_2$ баталіонами, но, несмотря на это, дѣйствія на Бѣломъ морѣ союзной эскадры подъ начальствомъ капитана Омонея не сопровождались успѣхами, а ограничивались только захватомъ мелкихъ купеческихъ судовъ, грабежомъ прибрежныхъ жителей и двукратной безплодной бомбардировкой Соловецкаго монастыря, въ которомъ было только 50 человѣкъ воинской команды, на стѣнахъ его находилось только 8 небольшихъ орудій и, сверхъ того, два 3-хъ фунтовыя полевыя орудія. На отказъ сдать монастырь [1]), англичане открыли огонь изъ 35 орудій, находящихся на двухъ пароходахъ. Бомбардировка продолжалась въ теченіе 9 часовъ, съ утра 7 августа (1854 г.); въ 6 ч. вечера

---

[1]) Настоятелемъ монастыря былъ въ это время архимандритъ Александръ (Павловичъ). Онъ родился въ Кіевской губерніи и былъ сельскимъ священникомъ, овдовѣвъ, принялъ монашество. Въ 1857 г. онъ былъ возведенъ въ санъ епископа архангельскаго, въ 1860 г. переведенъ на Полтавскую каѳедру; въ 1862 г. ушелъ на покой и скончался 8 ноября 1874 года, 80-ти лѣтъ, въ Кіево-Печерской лаврѣ.

англичане отплыли, разрушивъ гостиницу на берегу и нѣсколько повредивъ стѣны Спасо-Преображенскаго собора. Убитыхъ и раненыхъ въ монастырѣ не было.

Никакихъ враждебныхъ попытокъ въ приморскихъ частяхъ Архангельской губерніи въ послѣдующее время Крымской войны непріятель не предпринималъ.

А. Н. Сергѣевъ.

Шамиль полвѣка назадъ въ Петербургѣ.

Въ сѣверной столицѣ Шамиль прежде всего, послѣ представленія Государю Императору Александру II, попросилъ провезти его въ 1-й кад. корпусъ, въ которомъ еще раньше старшій сынъ его, находясь въ Россіи въ качествѣ заложника за нашихъ плѣнныхъ,— воспитывался по милости Императора Николая I.

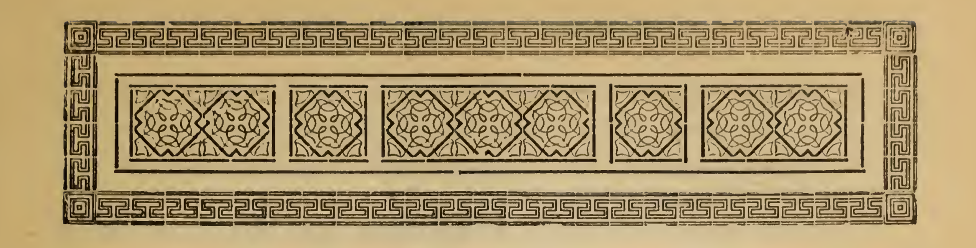
Тамъ имамъ захотѣлъ повидать всѣхъ бывшихъ учителей и воспитателей своего любимаго сына, не выдержавшаго кавказскаго климата послѣ Петербурга и, вскорѣ послѣ возвращенія на родину, скончавшагося незадолго до паденія отца. Выслушивая разсказы о сынѣ, онъ нѣсколько разъ разрыдался.

При производствѣ опытовъ съ электрическою машиною, подвергаясь дѣйствію тока, Шамиль сказалъ: обо всемъ этомъ я слышалъ разсказы отъ бѣднаго моего сына и изъ его словъ тогда выводилъ заключеніе, что ему приходилось имѣть дѣло съ сумасшедшими, а вотъ что было на самомъ дѣлѣ.

Осматривая корпусный музей, онъ пришелъ въ восторгъ отъ вида небольшой „конно-горной“ пушки. Завѣдывавшій музеемъ, слѣдуя кавказскому обычаю,—дарить то, что нравится собесѣднику и что онъ хвалитъ,—предложилъ имаму принять ее въ подарокъ.

— О нѣтъ, сказалъ съ грустнымъ видомъ предводитель мюридовъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ это, почти игрушечное орудіе могло быть мною употреблено съ пользой для моихъ въ большой вредъ вашимъ; но теперь,—слава Аллаху, въ этомъ надобность миновала, нужно надѣяться, навсегда и безвозвратно; мой долгъ теперь, — не переставая мечтать о пользахъ земляковъ моихъ, — молить также о благоденствіи вашего Царя, ставшаго, по волѣ Аллаха, моимъ благодѣтелемъ и повелителемъ...

Сообщ. . . . скій.

Въ старомъ, радушномъ дворянскомъ гнѣздѣ на Арбатѣ.

Москва—Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ—съискать.
Дмитріевъ.

Съ представленіемъ о сгорѣвшей чуть не до тла въ 1812 году и возродившейся изъ пепла старой Москвѣ—въ памяти моей возникаетъ воспоминаніе объ одномъ изъ тѣхъ маленькихъ, извилистыхъ, узкихъ переулковъ (прилегающихъ къ Арбату), въ которомъ находился домъ моей бабушки М. Р. Кикиной (крестницы Императора Александра I и вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны — единственной дочери сэра Р. Керъ Портеръ [1]) и жены его М. Ѳ., рожденной княжны Щербатовой) [2]).

Хотя на воротахъ этого дома не видно было величавыхъ львовъ, украшавшихъ въѣздъ въ барскія хоромы того времени—отсутствовали у подъѣзда со двора—традиціонныя колонны, замѣненныя почему-то двумя массивными гранитными тумбами, но весь онъ: съ подвальнымъ помѣщеніемъ для многочисленной челяди, съ высокимъ бельэтажемъ—для владѣльцевъ и уютнымъ мезониномъ для гостей—былъ выстроенъ въ томъ типично барскомъ стилѣ, въ какомъ воздвигались, какъ по шаблону, господскіе дома начала прошлаго столѣтія въ прилегающихъ къ большимъ улицамъ—маленькихъ переулкахъ. Тамъ же нерѣдко за каменными стѣнами или тесовыми заборами виднѣлись сады, со старыми липами, доставлявшими госте-

---

[1]) Бывшаго впослѣдствіи министромъ-резидентомъ въ Венецуэлѣ.

[2]) Современницы отечественной войны, пережившей въ Москвѣ всѣ ея ужасы (какъ-то пожаръ, Бородинскій бой т. д.) и послужившей родинѣ—достояніемъ своимъ.

пріимный пріютъ стаямъ галокъ и воронъ, свивавшихъ на толстыхъ сучьяхъ просторныя гнѣзда, тѣмъ болѣе безпрепятственно, что движенья, ѣзды было такъ мало, что совершенно забывалась близость ихъ къ шумнымъ и моднымъ улицамъ.

Это былъ тотъ особенный, исключительный, замкнутый тѣсный мірокъ, центромъ котораго служила церковь, такъ объединявшая, не особенно многочисленныхъ прихожанъ, что они, если оффиціально не были всѣ знакомы между собой, то во всякомъ случаѣ были хорошо извѣстны другъ другу. Каждый прихожанинъ имѣлъ свое опредѣленное мѣсто, въ извѣстномъ порядкѣ обходилъ иконы для поклоненія и бралъ такое опредѣленное количество свѣчей, что церковный староста, завидѣвъ его еще издали, спѣшилъ отложить заранѣе на прилавкѣ потребное количество ихъ.

Внутренность дома бабушки вполнѣ гармонировала съ внѣшнимъ видомъ его. Вся обстановка, начиная съ маленькихъ дубовыхъ ларей большой прихожей—была старинная, выдержанная, стильная.

На стѣнахъ гостиной симметрично развѣшены были большіе въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ—портреты предковъ. Особенное вниманіе привлекало изображеніе одного изъ Кикиныхъ: въ напудренномъ парикѣ и парадномъ мундирѣ временъ Императрицы Елисаветы и красивой еще молодой женщины, жены его—съ вычурной прической въ выѣздномъ парадномъ туалетѣ [1]).

Еще нравился мнѣ въ дѣдушкиномъ кабинетѣ чудный портретъ его крестной матери и благодѣтельницы Маріи Савишны Перекусихиной [2]). Изображена была она въ черномъ платьѣ, плотно облегавшемъ ея красивую фигуру; съ квадратнымъ вырѣзомъ на груди—съ бѣлымъ чепцомъ (genre Шарлоты Кордэ) на пышныхъ волосахъ. Дѣдушка особенно благоговѣйно чтилъ память ея; онъ говорилъ, что, опредѣливъ его въ Пажескій корпусъ, она всю жизнь заботилась о немъ какъ о своемъ крестникѣ. Бывая въ Петербургѣ, онъ всегда навѣщалъ могилу ея на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Служилъ по ней панихиды и ежедневно поминалъ имя ея на молитвѣ. Былъ, помнится мнѣ, и другой портретъ ея, но его я совсѣмъ забыла.

Въ томъ же кабинетѣ, на большомъ письменномъ столѣ стоялъ превосходный портретъ-гравюра сестры дѣдушки свѣтлѣйшей княгини

---

[1]) Степень родства, какъ и имена ихъ, къ сожалѣнью, не сохранились у меня въ памяти—хотя я неоднократно разспрашивала о нихъ дѣдушку.

[2]) Любимой камеръ-юнгферы Императрицы Екатерины, пользовавшейся ея благосклонностью въ теченіе всей своей жизни (1740—1824).

Маріи Петровны Волконской [1]) (рожденной Кикиной), величественной, красивой, въ дорогомъ придворномъ туалетѣ, съ жемчужнымъ ожерельемъ на шеѣ и украшеннымъ драгоцѣнными каменьями — кокошникомъ. Съ нею и дѣтьми [2]) ея находился всегда дѣдушка въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ спальнѣ и кабинетѣ бабушки было много такихъ портретовъ, которые въ видѣ копій, двойныхъ экземпляровъ украшали стѣны ея родовой усадьбы [3]).

Кромѣ портретовъ была цѣлая коллекція другихъ, служившихъ иллюстраціей къ воспоминаніямъ бабушки о ея многочисленныхъ друзьяхъ и знакомыхъ.

Среди нихъ особенно памятенъ мнѣ: небольшой, чудной работы портретъ масляными красками, митрополита московскаго Филарета, котораго особенно глубоко почитала мать бабушки лэди Портеръ, неоднократно обращавшаяся лично и письменно къ мудрому Владыкѣ за наставленіемъ и совѣтомъ. Помнится мнѣ выразительное лицо одного изъ друзей ея дѣтства князя В. Ѳ. Одоевскаго, котораго вспоминала она какъ идеалиста и рѣдкой души—человѣка. Были портреты контуженнаго въ голову въ севастопольской кампаніи, съ черной повязкой на лбу—храбраго генерала А. Ѳ. Багговута [4]), графа Модеста Андреевича [5]) Корфа, въ парадномъ мундирѣ (фракѣ) съ курчавой, густой шевелюрой, Маріи Васильевны Ланской (жены министра внутреннихъ дѣлъ), почтенной старушки, въ большомъ бѣломъ съ оборкой чепцѣ и многихъ другихъ, которыхъ знала бабушка во время своего пребыванія въ Петербургѣ (съ конца 30 по конецъ 40 годовъ). Всѣ они какъ бы поясняли, дополняли интересную семейную хронику.

Домъ бабушки заключалъ въ себѣ кромѣ портретовъ, какъ памятниковъ старины, еще множество цѣнныхъ вещей: тѣхъ дорогихъ бездѣлушекъ, которыя имѣли историческое, знаменательное отношеніе къ жизни ихъ обладательницы.

Среди чудныхъ чашекъ, дорогихъ табакерокъ [6]), тѣхъ изящныхъ

---

[1]) Жены министра двора царствованія Императора Николая I.

[2]) Е. Д. Всеволожская (жена директора Имп. театровъ), С. Д. княгиня Рѣпнина и свѣтлѣйшій князь Д. Волконскій.

[3]) Селѣ Мещерѣ (Раненбургскаго уѣзда Ряз. губ.).

[4]) Братъ бывшаго въ Гатчинѣ коменданта К. Ѳ. Багговута.

[5]) Графъ Модестъ Андреевичъ былъ въ 1849 г. директоромъ публичной библіотеки, написалъ біографію Сперанскаго—историческій очеркъ восшествія на престолъ Николая I.

[6]) Бабушка нюхала чудный табакъ-смѣсь, составъ которой составлялъ ея секретъ.

маленькихъ флакончиковъ, которые когда-то на цѣпочкахъ носились свѣтскими дамами на мизинцѣ лѣвой руки; художественныхъ carnet (для записей ангажементовъ на танцы), миніатюрныхъ съ акварельными рисунками,—вѣеровъ слоновой кости, бронзовыхъ куриленъ разныхъ формъ, хрустальныхъ, узкихъ съ густой позолотой кубковъ для цвѣтовъ и букетовъ и др. предметовъ (представлявшихъ большой интересъ для коллекціонеровъ и антикваріевъ), было много Царскихъ подарковъ и подношеній лицъ, занимавшихъ нѣкогда высокое положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ. Всѣ эти лица, находившія когда-то радушный пріемъ въ домѣ бабушки, считали долгомъ оказывать ей знаки своего почтительнаго вниманія.

Много протекло лѣтъ съ того времени, о которомъ любила вспоминать бабушка, за вязаньемъ изящныхъ одѣялъ изъ мягкой берлинской шерсти,сидя въ глубокомъ покойномъ вольтеровскомъ креслѣ своей Московской гостиной.

Вся обстановка, начиная съ портретовъ, мебели, любимыхъ бездѣлушекъ, до почтенной старой прислуги [1]) включительно—была тождественна съ тѣми условіями, при которыхъ всегда и раньше жила бабушка, что все матеріальное, внѣшнее (какъ отмѣна крѣпостного права [2]), перемѣны въ государственномъ строѣ, реформы и т. д.) за продолжительный періодъ многихъ десятилѣтій — ничѣмъ не отразились на средствахъ, образѣ жизни, привычкахъ бабушки.

Отошедшіе въ вѣчность близкіе, дорогіе люди, записанные за упокой въ ея синодикѣ, продолжали жить въ ея воспоминаніи.

Она такъ часто, такъ увлекательно говорила о нихъ мнѣ, тогда подростку, любившему сидѣть на низенькой вышитой скамейкѣ у ея ногъ, что они и мнѣ казались не только знакомыми, но и близкими; отъ того, вѣроятно, что мнѣ особенно легко было представить ихъ себѣ по ихъ портретамъ, а также и потому, что обстановка петербургскихъ пріемовъ бабушки была точь въ точь такая, какъ теперь въ этой старинной Московской гостиной. Весело жилось тогда бабушкѣ въ Петербургѣ...

---

[1]) Молодое поколѣніе допускалось только въ видѣ подручныхъ.

[2]) Какъ бездѣтная и обладавшая большими средствами, бабушка М. Р. имѣла возможность, отпуская крестьянъ на волю, дать имъ высшій въ уѣздѣ душевой надѣлъ и предоставить въ собственность безземельнымъ дворовымъ правый берегъ пруда противъ сада. Отношенія между бывшими крѣпостными и „матушкой-барыней“ были самыя хорошія, сердечныя; такъ она не переставала благотворить: надѣлять хлѣбомъ и топливомъ неимущихъ, строительнымъ матеріаломъ погорѣльцевъ, деньгами и лѣкарствами—больныхъ, крестить и благословлять у всѣхъ, кто являлся въ барскій домъ съ усердною просьбою.

Я отъ души завидовала ей, любившей выѣзды, свѣтъ, поклоненіе!..

Высокая, стройная (съ классическими—сохранившими до глубокой старости красивыя формы—маленькими ручками и ножками), граціозная, съ изящными манерами, живымъ характеромъ, гибкимъ умомъ, Мэри (какъ звали ее кромѣ дѣдушки—друзья ея дѣтства) была, по словамъ знакомыхъ мнѣ московскихъ старичковъ и старушекъ, такъ неотразимо привлекательна, что заслуженно пользовалась громаднымъ успѣхомъ въ Петербургскомъ beau monde.

Въ числѣ ея поклонниковъ были: мечтательный князь Одоевскій, извѣстный своей отвагой адмиралъ Дюгамель и А. С. Пушкинъ (къ кот. не особенно благоволила бабушка за его безосновательную ревность къ очаровательной женѣ Н. Н., принужденной иногда среди фигуры lancier покидать балъ—по капризу мужа [1]).

Храбрый ген. Багговутъ и др., бывая у нея въ домѣ,—въ то же время искали случая встрѣчаться съ нею на балахъ, маскарадахъ и въ Итальянской оперѣ, гдѣ тогда пѣла „несравненная" Бозіо [2]) и гдѣ дебютировалъ тогда же „незамѣнимый" Тамберликъ. Кромѣ Бозіо и Тамберлика подвизались на подмосткахъ Императорскихъ театровъ того времени поэтичная Рашель, богиня граціи Марія Тальони, а среди прочихъ артистовъ Асенкова, незамѣнимый комикъ П. А. Каратыгинъ[3]) и пр. Кромѣ Императорскихъ театровъ, гдѣ абонированные въ извѣстные дни въ ложахъ бельэтажа, на Итальянскую оперу—еженедѣльно имѣли возможность встрѣчаться, какъ на раутахъ — со своими знакомыми, процвѣтали въ то же время въ Петербургѣ и любительскіе спектакли. Особеннымъ любителемъ ихъ былъ бывшій въ то время петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Кокошкинъ. У него въ домѣ, на Сергіевской, часто собиралось высшее общество для распредѣленія ролей, репетицій и спектаклей. Бабушка была очень консервативна и, переѣхавъ въ Москву, не пожелала бывать въ театрахъ, чтобы не портить хорошаго впечатлѣнія. И я понимала ее... Сравненіе настоящаго съ прошлымъ для нея, не выдержавъ критики, разрушило бы ту иллюзію, которую ей пріятно было сохранить навсегда!

Любимыя оперы свои „Lucia di Lamermoor" (по чудной фа-

---

[1]) Мнѣ передавали, что бабушкѣ будто бы было посвящено Пушкинымъ стих. „*Пью за здравіе Мэри*". Это представляется мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что она дружна была съ сестрами М. О. и Н. О. Смирновыми, I. Кернъ и др., кому были посвящены Пушкинымъ его стихи.

[2]) Анжіолина, скончавшаяся въ Петербургѣ (на 35 г. жизни) въ 1859 г.

[3]) Елиза Рашель, трагическая актриса, выступавшая въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ.

булѣ ея отчасти соотечественника Шекспира)[1] „Linda di Chamouni“, „Travator“ и др. она съ особеннымъ удовольствіемъ слушала, въ исполненіи шарманщика, приходившаго обязательно 2 раза въ недѣлю играть подъ окномъ выходившей во дворъ маленькой столовой.

Это было давно... но мнѣ какъ-то особенно живо представляется и теперь коренастая фигура итальянца, съ загорѣлымъ энергичнымъ лицомъ; съ большой шарманкой, украшенной рѣзьбой, сквозь которую просвѣчивала полоса алаго атласа. Необыкновенно мягокъ, пріятенъ, мелодиченъ былъ тонъ этого маленькаго органа. Мнѣ кажется, что никогда въ жизни я не слышала ему подобнаго.

Только отчасти напомнилъ мнѣ его другой слышанный однажды въ Египтѣ на улицахъ Александріи, во время карнавала.

Бабушка вообще очень любила музыку—сама играла на клавикордахъ (такихъ названій, какъ рояль и піанино, она признавать не желала) и была по ея словамъ одною изъ любимыхъ учениць Джона Фильда[2] (автора 17 извѣстныхъ классическихъ ноктюрнъ). Относясь недоброжелательно, предубѣжденно къ произведеніямъ молодыхъ современныхъ композиторовъ, бабушка постоянно заставляла меня играть различныя сонаты, пасторали, менуэты, заключавшіеся въ толстой переплетенной тетради съ сафьяннымъ краснымъ ярлыкомъ и надписью „M-lle Porter“.

Мнѣ самой казалось бы страннымъ играть для нея модные вальсы, романсы или попурри изъ оперетокъ.

Не рисуя сама, она была большой, компетентной цѣнительницей произведеній живописи и скульптуры. Въ Петербургѣ она знавала К. П. Брюлова[3]) и Бруни[4]). Часто посѣщала ихъ студіи въ Академіи Художествъ, гдѣ въ то время производились художественныя мозаичныя работы по внутренней отдѣлкѣ Исаакіевскаго собора. Бывалъ у нея въ домѣ и А. Ѳ. Монферранъ[5]) и архитекторы

---

[1]) Петра Андреевича Каратыгина, комическаго артиста, одареннаго неподражаемымъ юморомъ, автора многихъ театральныхъ пьесъ я встрѣчала не задолго до его смерти (1879) въ домѣ дяди своего ген.-адъютанта Слѣпцова, въ Петербургѣ. Онъ вспоминалъ съ увлеченіемъ рауты бабушки.

[2]) Джонъ Фильдъ, англійскій піанистъ и композиторъ (1782—1836), долго жившій въ Россіи и имѣвшій много талантливыхъ учениковъ.

[3]) Карлъ Павловичъ Брюлловъ, извѣстный картиной „Послѣдній день Помпеи“ (1799—1852).

[4]) Бруни Ѳ. Ант., профессоръ и ректоръ академіи по живописи и ваянію. Лучшее его произведеніе „Мѣдный змій“—въ Эрмитажѣ.

[5]) А. Ѳ. Монферранъ, строитель Исаакіевскаго собора и Александровской колонны.

по сооруженію въ 1842 году Николаевскаго моста. Катаясь на лодкѣ по Невѣ, она любила слѣдить за успѣхомъ работъ по постройкѣ этого грандіознаго, несокрушимаго памятника царствованія Императора Николая I.

Несмотря на то, что съ представленіемъ о Петербургѣ было связано много лучшихъ воспоминаній: объ Екатерининскомъ институтѣ, выѣздахъ, балахъ, успѣхахъ въ свѣтѣ, бабушка М. Р., признавая Москву своей родиной—очень любила ее.

Изъ окна мезонина виднѣлся куполъ той церкви, на Арбатѣ, въ которой въ 1835 году происходило вѣнчанье ея съ дѣдушкой [1]), тогда еще молодымъ поручикомъ Лейбъ-Гв. Семеновскаго полка. Изъ того же окна можно было разсмотрѣть крышу красиваго, барскаго дома, нѣкогда принадлежавшаго его женатому на княжнѣ Голицыной, двоюродному брату П. А. Кикину. Завсегдатай Англійскаго клуба, знакомый со всей Москвой, П. А., носившій постоянно николаевскую шинель и фуражку съ краснымъ околышемъ и пріѣзжавшій въ большихъ саняхъ на сильной, рослой, старой лошади—живой и общительный, вносилъ всегда такое оживленіе, что былъ вездѣ желаннымъ гостемъ.

Съ дѣдушкой, любившимъ геральдику, знавшимъ наизусть атрибуты, эмблемы каждаго Россійскаго дворянскаго герба, обладавшимъ необыкновенною памятью на хронологію и историческія событія—у него было много общаго.

Оба они почитали Леонтьева и Каткова, увлекались передовыми статьями „Московскихъ Вѣдомостей“, зачитывались „Русскимъ Вѣстникомъ“ и проповѣдями на страницахъ „Душеполезнаго чтенія“.

П. А., сохранившій до глубокой старости веселый нравъ и необыкновенно свѣжую память, былъ извѣстенъ своимъ остроуміемъ и неисчерпаемымъ юморомъ. Я любила его разсказы изъ далекаго прошлаго—они были такъ живы, такъ образны, что слушателямъ не трудно было представить себя какъ бы присутствующими при описываемомъ имъ событіи.

Я помню, съ какимъ увлеченіемъ разсказывалъ онъ, что, пригласивъ однажды на „lancier“ очаровательную Нат. Ник. Пушкину (кот. зналъ еще дѣвицей), находилъ удовольствіе изводить бросавшаго на него негодующіе взгляды стоявшаго неподалеку—ревниваго поэта. Нат. Ник. въ изящномъ туалетѣ, съ классическою прическою, необыкновенно граціозная—была въ этотъ вечеръ особенно привлекательна. А. Пушкинъ на этотъ разъ былъ такъ благодушно

---

[1]) Впослѣдствіи адъютантомъ гр. Клейнмихель.

настроенъ, что не увезъ жену съ вечера и очень благосклонно отнесся къ веселому ловеласу (какъ себя часто именовалъ самъ П. А.).

Я всегда съ нетерпѣніемъ ожидала его пріѣзда. Завзятый москвичъ—онъ ненавидѣлъ Петербургъ и, относясь ко мнѣ всегда особенно хорошо — ставилъ мнѣ въ укоръ мое пристрастіе къ Петербургу—какъ родинѣ. Знакомый съ профессоромъ К. А. Тонъ [1]), художниками и архитекторами, онъ доставилъ мнѣ возможность осмотрѣть строившійся въ то время храмъ Спасителя, въ которомъ производилась внутренняя отдѣлка. Поднеся мнѣ обломокъ красиваго лабрадора, какъ память посѣщенія храма, онъ обратилъ мое вниманіе, на изображаемую въ куполѣ руку Бога Саваоѳа—казавшуюся натуральной величины и имѣвшую въ дѣйствительности 9 ар. длины. Я такъ была поражена этой величиной, что спѣшила домой, чтобы на паркетѣ бабушкина зала отмѣрить тѣ 9 арш., которые такъ поразили меня.

Совершенную противоположность П. А. К., эстетику, цѣнителю красоты, поклоннику женщинъ, представлялъ ровесникъ его, одинъ изъ пріятелей бабушки — С. М. Каренинъ. Владѣлецъ двухъ домовъ на Мѣщанской и отличнаго выѣзда, онъ былъ одинокъ, слылъ богатымъ человѣкомъ и врагомъ женщинъ, которыхъ всегда избѣгалъ и сторонился. Высокій, худощавый, съ зачесанными вверхъ густыми сѣдыми волосами, съ большимъ чернымъ галстухомъ (косынкой) на шеѣ—онъ былъ извѣстенъ своимъ пристрастіемъ къ рысистымъ лошадямъ и церковному пѣнію. Старожилъ Москвы, онъ зналъ регентовъ положительно всѣхъ московскихъ хоровъ. Самой излюбленной темой для него служилъ разговоръ о басахъ, тенорахъ и лучшихъ церковныхъ напѣвахъ. Подшучивавшіе надъ нимъ собесѣдники нерѣдко упрашивали его пропѣть имъ тропарь на гласъ 8-ой. Онъ не соглашался, заявляя, что, при своемъ удивительномъ слухѣ и тонкомъ пониманіи, пѣть „онъ не гораздъ“, а у себя на дому можетъ предоставить желающимъ возможность послушать— „удивительныхъ“ пѣвчихъ.

Изъ завсегдатаевъ бабушкиныхъ интимныхъ обѣдовъ по четвергамъ въ маленькой столовой и по воскресеньямъ болѣе парадныхъ— въ залѣ особенно симпатична была мнѣ одна изъ тётокъ моей матери, княгиня Н. Д. Шаховская (жена декабриста Ѳ. П., за которымъ она послѣдовала въ ссылку, гдѣ и похоронила его въ 1835 г.). Ей, урожденной княжнѣ Щербатовой, принадлежалъ нѣкогда роскош-

---

[1]) К. А. Тонъ (1794—1881), архитекторъ, профессоръ Академіи; строитель храма Спасителя, Введенія, Благовѣщенія въ Петербургѣ и т. д.

ный домъ въ Газетномъ переулкѣ, занятый извѣстной когда-то въ Москвѣ модисткой „M-me Annette". Мнѣ тогда не разъ показывали этотъ домъ, но я не нашла бы его теперь, какъ не могла отыскать на Никитской (близъ Трубнаго переулка) хорошенькій маленькій особнякъ, принадлежавшій сестрѣ ея, княжнѣ Е. Д. Щербатовой. Переходившіе изъ рукъ въ руки, перестроенные сообразно съ духомъ времени—они совершенно утратили видъ барскихъ хоромъ—стали неузнаваемыми.

Нравилась мнѣ очень и подруга дѣтства бабушки (вдова московскаго оберъ-полицеймейстера) Н. С. Перфильева (рожденная Ланская) [1]. Высокая, представительная, съ виду гордая и неприступная, Наст. Сер. была чрезвычайно добра и отзывчива. Бывала часто сестра дѣдушки вдова—графиня М. Е. Толстая, энергичная, величественная Е. А. Свербѣева (рожденная княжна Щербатова) и мн. другія.

Всѣ онѣ были хорошо знакомы между собой и имѣли много общаго; такъ какъ доживали свой вѣкъ, какъ и бабушка въ своихъ особнякахъ, имѣли старинную, сходную съ бабушкиной обстановку съ портретами предковъ и антикварными бездѣлушками въ горкахъ краснаго дерева и держали при себѣ (нѣкогда крѣпостныхъ) старыхъ преданныхъ слугъ.

Онѣ, какъ бабушка М. Р., носили поверхъ темныхъ шелковыхъ платьевъ, длинныя черныя отдѣланныя кружевомъ или бахромой—мантильи, отложные бѣлые воротнички, заколотые большими брошками-камнями—и имѣли при себѣ изящныя маленькія табакерки. Оставаясь относительно прически вѣрными модѣ 30-хъ годовъ, онѣ надѣвали при выѣздахъ большія (въ видѣ капоровъ) шляпы, подбитыя черною или бѣлою густою рюшью, неодобрительно относились къ тѣмъ современнымъ модамъ, какихъ придерживались юныя внучки, которыя привозились ими для представленія — почтительными друзьями.

Молодыя барышни, дѣлавшія глубокіе реверансы бабушкѣ, жившія въ другой современной, обновленной, многолюдной и шумной Москвѣ, попадая въ непривычно патріархальную обстановку 30-хъ

---

[1]) Матери ея принадлежалъ, какъ видно изъ контракта 1808 г., сданный въ наймы княжнѣ М. Ѳ. Щербатовой (впослѣдствіи Портеръ) домъ въ Петербургѣ въ Мошковомъ переулкѣ.

Ей же, женѣ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ видно изъ отношенія министра Двора князя Голицына за № 423 отъ 22 декабря 1830 г., была, по соизволенію Императрицы Александры Ѳеодоровны, поручена лишенная по болѣзни возможности продолжать курсъ Miss Porter. Въ домѣ Ланскихъ какъ въ родномъ чувствовала себя бабушка.

годовъ прошлаго столѣтія, чувствовали себя, какъ бы въ другомъ мірѣ—отдѣленномъ китайской стѣной отъ того иного, современнаго, въ которомъ жили, выѣзжали, веселились.

Имъ могло казаться, что стрѣлки на большихъ часахъ съ башеннымъ боемъ замерли еще лѣтъ 50 тому назадъ на одной изъ крупныхъ римскихъ цифръ металлическаго циферблата, такъ какъ весь жизненный строй не подвергся тѣмъ измѣненіямъ, которыя печать времени налагаетъ на все живущее.

Мнѣ всегда казалось, что какое-то мирное, благочестивое настроеніе должно было испытываться лицами, посѣщавшими этотъ патріархально радушный домъ, на которомъ почивала „благодать Божія", такъ какъ оба—бабушка М. Р. и дѣдушка П. Е.—были людьми религіозными, глубоко вѣрующими, и было такъ много въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ, различнымъ по образованію, средствамъ, положенію, христіанской любви, искренности и доброты.

Одинаковый съ лицами, принадлежащими къ Московскому high' life, оказывался радушный пріемъ различнымъ protégé, многочисленнымъ крестникамъ, бѣднымъ вдовамъ, сыновьямъ сельскаго священника и дѣтямъ старыхъ преданныхъ слугъ. Не желая своимъ присутствіемъ стѣснять своихъ благодѣтелей при пріемахъ гостей, они обыкновенно являлись днемъ или утромъ, откровенно наединѣ говорили о своихъ нуждахъ, выражали просьбы и благодарность и никогда не уходили безъ угощенья, субсидіи, ласки и привѣта!

Завѣтной мечтой бабушки, еще относительно молодой, свѣтской, любившей выѣзды и пріемы — была постройка каменной церкви въ саду родовой усадьбы с. Мещерѣ (Раненб. уѣзда, Ряз. губ.).

Освященіе храма этого, во имя Святителя и Чудотворца Николая, совпало съ знаменательной годовщиной тысячелѣтія Россіи. Подъ алтаремъ [1]) его былъ устроенъ склепъ — усыпальница для нея самой, какъ создательницы и строительницы храма [2]), и близкихъ ей.

---

[1]) Было погребено, скончавшейся въ Москвѣ 31 іюля 1884 г., тѣло бабушки—завѣщавшей положить бѣлую мраморную плиту и оставившей капиталъ на вѣчное поминовеніе и благодарную память въ сердцахъ прихожанъ своего храма. Съ небольшимъ годъ пережилъ ее дѣдушка П. Е., скончавшійся 24 ноября 1885 г. и погребенный въ склепѣ — подъ одинаковой плитой бѣлаго мрамора.

[2]) Всѣ образа были завѣщаны бабушкой въ церковь, гдѣ сохраняются понынѣ въ большихъ кіотахъ неподалеку отъ клиросовъ, изъ которыхъ передъ однимъ, въ иконостасѣ образъ Николая Чудотворца, а передъ другимъ изображены святые, имена которыхъ носили самые дорогіе, близкіе ей люди (Маріи Магдалины, Апостола Петра, Александра, Царицы Ольги и преподобной Софіи).

Меня всегда умиляла продолжительная, усердная, горячая молитва бабушки передъ большимъ кіотомъ, заставленнымъ старинными иконами въ цѣнныхъ серебряныхъ и позолоченныхъ ризахъ, озаренныхъ свѣтомъ неугасаемой лампады, за изящнымъ фарфоровымъ транспарантомъ, изображавшимъ Спасителя благословляющимъ дѣтей.

И когда тяжкій, сердечный, недугъ, выразившійся отекомъ ногъ, лишилъ ее возможности простаивать подолгу на молитвѣ, она, отпустивъ двухъ горничныхъ (неотлучно почти состоявшихъ при ней), опустившись на кресло, усердно молилась до самой полночи.

Прежде всего молилась она горячо, за упокой тѣхъ, отошедшихъ въ лучшій міръ, имена которыхъ были ею самой записаны въ черный синодикъ. Затѣмъ поминала она близкихъ, находящихся въ живыхъ и, сама страждущая, — съ особеннымъ усердіемъ молилась за немощныхъ и больныхъ! Заученныя на память молитвы смѣнялись у нея прошеніями, своими словами — хвалѣ и благодаренію Богу, за оказанныя Имъ милости, за всю благополучно прожитую, безъ тяжелыхъ испытаній, безъ матерьяльныхъ невзгодъ — продолжительно счастливую жизнь!

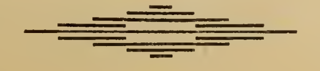
Прошло не мало лѣтъ.

Свершивъ долгій, утомительно трудный, жизненный путь, одинъ за другимъ, послѣ бабушки, уступая мѣсто новому, молодому поколѣнію—сошли въ могилу милые, почтенные старички и старушки, посѣтители ея воскресеній и четверговъ.

Время наложило свою неизгладимую, неизбѣжную печать на завѣщанные внукамъ и перепроданные въ чужія руки — барскіе особняки. Съ приспособленнымъ подъ столярныя, слесарныя мастерскія, торговыя заведенія подвальнымъ помѣщеніемъ, съ передѣланными на нѣсколько квартиръ, бельэтажемъ и мезониномъ, они до неузнаваемости утратили свой прежній, солидный, внушительный видъ.

Шумными и людными стали прилегающіе къ большимъ улицамъ, нѣкогда такіе узкіе, маленькіе переулки, съ тѣхъ поръ, какъ на мѣстѣ каменныхъ стѣнъ, тесовыхъ заборовъ, за которыми виднѣлись старыя липы съ вороньими гнѣздами, появились — большіе дома, красивой архитектуры, удовлетворяющіе всѣмъ требованіямъ комфорта современной, иной жизни.

Марина.

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

V [1]).

Береженье отъ всякаго воровства.

Воровство не обозначало въ древней Руси кражи, которая тогда называлась „татьбой". „Воровствомъ" называлось всякое нарушеніе государственныхъ законовъ: „воромъ" былъ и Тушинскій самозванецъ, и бунтовщикъ Стенька Разинъ, и „зажигальщикъ", и человѣкъ, „пившій табакъ" и игрокъ „въ зернь" [2]). Для объѣзжаго головы „воровствомъ" было всякое нарушеніе общеобязательныхъ постановленій; всякое безчинство, всякій безпорядокъ.

Объѣзжіе головы должны были поддерживать чистоту въ ихъ объѣздахъ. Санитарныя правила того времени не были особенно строги; требовалось только „въ улицахъ и въ переулкахъ все вычистить, чтобъ изъ поваренъ и изъ заходовъ (или отходовъ) выпусковъ на улицу отнюдь не было" [3]); „навозъ и скаредный пометъ и мертвечину" указано было „свозить за Земляной городъ отъ слободъ въ дальнія мѣста (ниже Спасскаго монастыря Новаго) и засыпать землею".

Строго слѣдили затѣмъ, чтобы въ рядахъ „мертвечины не держали" на кормъ рядскимъ собакамъ, и Нижняго Желѣзнаго ряда торговый человѣкъ Сергѣй Ловушкинъ въ 1693 году былъ „битъ батоги" за то, что привезъ въ рядъ мертвую корову и положилъ

---

[1]) См. „Русская Старина" ноябрь 1909 г.

[2]) Кости.

[3]) Въ 1688 году въ Страстномъ монастырѣ были выпуски изъ отходовъ на улицу, „а изъ бойни за Тверскими воротами плылъ всякій скаредъ" на Дмитровку (Пр. 1116, 130).

ее у своей лавки. Но всѣ эти благія начинанія оставались лишь на бумагѣ, особенно въ Китаѣ-городѣ съ его вѣками загрязненной почвой, переполненномъ торговцами и покупателями, которые за всѣми своими нуждами отлучались „на сторону" куда-нибудь „позади" рядовъ.

Въ 1692 году торговые люди Кичнаго, Холщеваго и Шубнаго рядовъ жаловались на то, что „промежду Овчиннаго и Холщевого рядовъ у лавокъ ихъ Лапотнаго ряда торговые люди ходятъ и к....ся и лавки ихъ заскаредили пометомъ, и отъ того помету и отъ духу сидѣть имъ въ лавкахъ невозможно".

Объѣзжимъ приходилось только разбирать столкновенія, возникавшія на этой почвѣ: такъ, въ 1687 году къ плотнику Ѳедору, „рубившему погребъ дубовый" въ Свѣчномъ ряду, явился какой-то стрѣлецкій сынъ и безцеремонно расположился „у того погреба на бревнѣ"; плотникъ сначала говорилъ „пойди ты отъ погреба подалѣ", но потомъ пустилъ въ ходъ кулаки и былъ привлеченъ къ отвѣту на съѣзжій дворъ.

Объѣзжіе должны были преслѣдовать все, что нарушало общественную тишину и оскорбляло общественную нравственность, причемъ оказывались запрещенными и нѣкоторые старинные русскіе обычаи и удовольствія. Они обязаны были „смотрѣть накрѣпко, чтобы „во дворѣхъ корчмы и б.....и зерни (азартная игра въ кости), въ улицахъ и въ переулкахъ грабежу и иного воровства не было", чтобы „во дворѣхъ люди безвременно не пили, а табаку у нихъ однолично не было", чтобы „съ медвѣди, съ кобылки и съ домрами и гудками по улицамъ не ходили и на дворѣхъ не играли и на кулачки не билися". Особенное вниманіе объѣзжихъ обращали на себя извозчики, которые и до сихъ поръ не отличаются въ Москвѣ особою деликатностью и любовью къ порядку. Объѣзжіе наблюдали, чтобъ извозчики „на возжахъ не ѣздили [1]) и съ лошадьми и телѣгами въ улицахъ и въ переулкахъ не ставились, а ставились бы на просторныхъ мѣстахъ". Извозчики не слушались исполнявшихъ полицейскія обязанности стрѣльцовъ, „били ихъ и грабили и имать себя не давали". Съ обывателями у нихъ выходили частыя столкновенія: такъ, въ сентябрѣ 1687 г. ямщикъ Кондратьевъ жаловался на Соляного ряда торговаго человѣка Никифора Ѳедорова, который будто бы напалъ на его работника Ивана, стоявшаго съ роспусками у Соляного ряда, и „у роспусковъ веревки всѣ перерѣзалъ", а работника „убилъ [2]), невѣдомо за что, и мѣшокъ съ овсомъ, невѣдомо гдѣ, дѣлъ"; Ѳедоровъ показалъ, что онъ „только отпихнулъ отъ своей лавки роспуски", а Иванъ самъ „учалъ его бить и за голову давить";

---

[1]) Т. е. должны были сидѣть не на козлахъ, а верхомъ на лошадяхъ.

[2]) Т. е. зашибъ, нанесъ побои.

*

по осмотру оказалось, что правда была на сторонѣ Өедорова, у котораго была „шея передавлена, носъ разбитъ до крови, у лѣвой руки перстъ средній зашибленъ до крови“ [1]).

Для поддержанія благочинія прежде всего считалось нужнымъ, чтобы „всякихъ чиновъ люди на Москвѣ были въ вѣдомости“. Никакіе пришлые люди не могли селиться въ Москвѣ безъ поручныхъ записей, т. е. безъ того, чтобы за нихъ не поручились нѣсколько осѣдлыхъ москвичей; незаписанныхъ пришлыхъ людей, „смотря по винѣ“, били батогами или кнутомъ. Объѣзжій голова долженъ былъ знать все населеніе своего объѣзда и составлялъ особыя переписныя книги дворовъ въ объѣздѣ и жившихъ въ нихъ людей. Въ Китайскомъ объѣздѣ нужно было быть особенно бдительнымъ, такъ какъ Китай-городъ былъ переполненъ пришлымъ бездомнымъ населеніемъ, ютившимся „изъ оброку“ въ горницахъ и подклѣтахъ или въ особыхъ избушкахъ и „кельяхъ“; были и тогда жильцы, нанимавшіе „углы“. На одномъ, напримѣръ Іосифовскомъ подворьѣ на Ильинкѣ въ 1638 году жили, каждый въ особой избѣ, торговые люди, одинъ Скорняжнаго ряда, одинъ Золотного, два Вандышнаго, Шапочнаго ряда сторожъ, Печатнаго Двора разборщикъ, истопникъ, плотникъ, свѣчникъ, портной, сапожникъ, извозчикъ и денежный мастеръ, при которомъ жилъ „сусѣдъ работной человѣкъ“.

На дворѣ Абакума Іевлева въ одной избѣ жили Помѣстнаго приказа подьячій Гаврила Лихачонковъ съ женою, дѣтьми и мальчикомъ Максимкой, который „пилъ и ѣлъ его, Гаврилово“, подьячій того же приказа Миронъ Кошкаровъ и какая-то вдова съ дѣтьми; ихъ соединяло, повидимому, землячество, такъ какъ Кошкаровъ и Максимка были сыновья „днѣпровыхъ казаковъ“, а фамилія Лихачонкова также указываетъ на его южно-русское происхожденіе.

Не у всѣхъ были такіе солидные жильцы, какъ у Николомоскворѣцкаго попа, у котораго „Суздаля города иноземецъ“ Гришка Матвѣевъ жилъ „года съ четыре“, а Ордынской сотни тяглецъ Левка Ивановъ даже „лѣтъ съ десять“; большею частью дворы Китая-города были набиты часто мѣнявшимся, никому не извѣстнымъ, темнымъ, по-современному безпаспортнымъ людомъ, привлеченнымъ жаждою наживы къ всемосковскому торжищу.

Для предупрежденія „воровства“ и особенно „зажигательства“ объѣзжіе должны были, „гдѣ станутъ въ переулкахъ и въ глухихъ мѣстѣхъ нищіе съ сумами приваливаться, и ихъ ловить и осматривать и съ такихъ мѣстъ выбивать, чтобы ихъ отнюдь въ такихъ глухихъ мѣстѣхъ и, гдѣ люди мало ходятъ, не было. Иногда органи-

[1]) Пр. 1512, 190, 220; Пр. 1250, 87; Пр. 1061, 68, 186; М. 765, Ст. 3, 1—21.

зовывалась ловля подозрительныхъ людей, и „по указу Великаго Государя“ назначались торговые люди, которые, напримѣръ, на Красной Площади въ шалашахъ, въ которыхъ не было торговли, „осматривали, пришлыхъ и гулящихъ людей въ тѣхъ шалашахъ нѣтъ ли“. Но пришлые люди ускользали отъ бдительности объѣзжихъ, и въ 1683 году нѣсколько бродягъ „жили у Троицы на Рву въ палатѣ, а та палата сдѣлана была подъ землею, и ходили они въ ту палату отъ Кремля-города изо Рву“.

Среди пришлыхъ людей, толпившихся въ рядахъ и на площади, можно было встрѣтить бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ; владѣльцы тутъ же ловили ихъ и приводили на съѣзжій дворъ. 7 іюля 1687 г. Помѣстнаго приказа подьячій Кузьма Захарьинъ, возвращаясь со службы, зашелъ на Красную Площадь „для покупки харчу“ и „противъ харчевыхъ шалашей“ увидѣлъ крестьянскаго сына Ганку Китаева, бѣжавшаго отъ отца Захарьина изъ Костромского уѣзда; на съѣзжемъ дворѣ Китаевъ показалъ, что онъ „пришелъ къ Москвѣ съ полгода и живетъ у двороваго человѣка безъ поруки, а животовъ отъ помѣщиковъ своихъ никакихъ не сносилъ и съ воровскими людьми ни съ какими не знается и нигдѣ не женился, а что онъ, Ганка, сбѣжалъ отъ помѣщиковъ своихъ, и въ той его винѣ вольны Великіе Государи“; Китаевъ былъ отданъ Захарьину, обязавшемуся ставить его на съѣзжій дворъ, „какъ его, Ганку, спросятъ“. Иногда бѣглые люди оказывали сопротивленіе; такъ, стряпчаго Шартоминскаго монастыря Сназина бѣглые монастырскіе крестьяне „били и увѣчили“ сначала въ маѣ 1693 года, а потомъ въ сентябрѣ того же года [1]).

Съѣзжій дворъ долженъ былъ оказывать содѣйствіе и мужьямъ, отыскивавшимъ бѣглыхъ женъ. Въ 1693 году Ордынской сотни тяглецъ портной Самошка Лебедевъ заявилъ, что жена его, которая и ранѣе бѣгала отъ него, и которую приходилось „вынимать выемкою“, тому года съ два сбѣжала изъ Нижняго-Новгорода въ Москву, „покрадчи животы“, а теперь онъ „провѣдалъ тое свою жену въ Китаѣ-городѣ, а живетъ на дворѣ у Зачатейскаго дьякона“. За бѣглою женою были посланы стрѣльцы, которые привели ее на съѣзжій дворъ. Анница Лебедева оказалась не совсѣмъ ровней портному, дочерью попа с. Пуреха, что, можетъ быть, и было отчасти причиной семейныхъ несогласій. Поповна аттестовала мужа съ очень нехорошей стороны, показавъ, что онъ „за неистовство и за кражу у дяди ея“ былъ битъ батоги и кромѣ того лѣтъ 10 назадъ по ея извѣту „въ неистовствѣ его и нестерпимыхъ побояхъ“ въ Патріаршѣ приказѣ „былъ битъ плетьми и принесъ повинную, чтобы

[1]) Пр. 1512, 120, 225, 237; Пр. 1638, 20; Пр. 2513, 102; Пр. 677, 17; Пр. 1716, 550; Пр. 1061, 194, 195; Пр. 1181, 387.

жить съ нею по-прежнему, какъ добрые люди живутъ". Анница утверждала, что она отъ мужа „не бѣгивала", что онъ самъ отпустилъ ее изъ Нижняго-Новгорода „къ сродникамъ для свиданья", а что напротивъ самъ Самошка „пропадалъ года съ четыре", и она, Анница, „увѣдавъ его на Москвѣ", пріѣхала „сыскивать его на Москвѣ". Особенно Анница настаивала на томъ, что она „сносныхъ никакихъ животовъ не снашивала", утверждая весьма правдоподобно, что „и сносить было нечего, потому что, что было ея приданаго, платья и кузни [1]), и онъ, Самошка, испродалъ и пропилъ". Къ сожалѣнію, мы не знаемъ конца этой житейской драмы, весьма обычной и въ наши дни.

Особенно подозрительными казались „раскольщики". Людей, завѣдомо державшихъ „раскольщиковъ", указано было бить кнутомъ и ссылать, а на поручителяхъ брать пени по 50 рублей.

Сами обыватели большею частью заботились о томъ, чтобы въ ихъ околодкѣ не было подозрительныхъ людей, занимавшихся, напримѣръ, развратомъ или сводничествомъ. На одинъ съѣзжій дворъ, напримѣръ, однажды „пришли сосѣдніе многіе люди и звали на выемку на дворъ. Григорія Спѣшнева къ дворнику, сводничаетъ де онъ, и въ то время пошли къ нему на дворъ два мужика да двѣ женки"; когда объѣзжіе пришли ко двору Спѣшнева, „у того двора стояли многіе люди, а иные на дворѣ", живо заинтересованные въ успѣхѣ выемки и „искавшіе тѣхъ пришлыхъ мужиковъ и женокъ". Точно также въ 1693 г. на одномъ дворѣ по извѣту дворника былъ „вынятъ" человѣкъ съ табакомъ, оказавшійся старцемъ Высокопетровскаго монастыря.

Приходилось дѣлать и выемки „корчемнаго питья" [2]). При казенной продажѣ питей, равно какъ и при откупной системѣ, курить вино и варить пиво и медъ могли только привилегированные люди, „помѣщики и вотчинники, да и то „про себя на своихъ поварняхъ"; „лучшіе" посадскіе люди могли курить по праздникамъ ведра по два вина, а „середніе и молодчіе" только пиво и медъ, но „съ явкою", т. е. съ платежомъ пошлинъ; стрѣльцамъ дозволялось къ праздникамъ курить вино и варить пиво безпошлинно. Всякая безъявочная продажа или заготовка вина составляли „корчемство". Корчемникомъ считался даже тотъ, кто „вино давалъ безденежно за работу или мастерство больше ведра". Какъ неопредѣленно было понятіе „корчемства", видно изъ случая, бывшаго съ патріаршимъ псаломщикомъ Аѳанасіемъ Ѳеофановымъ.

---

[1]) Драгоцѣнности.

[2]) Питейное дѣло вѣдалось въ приказахъ Большія Казны и Новыя Чети, но и разрядные объѣзжіе головы оказывали содѣйствіе этимъ приказамъ.

2 мая 1691 года на память Аѳанасія Александрійскаго Ѳеофановъ былъ именинникъ, и „дому Святѣйшаго Патріарха дворецкій Дмитрій Ивановичъ Сурминъ далъ ему на именины „шляпку винца“. Какой вмѣстимости была эта „шляпка“, неизвѣстно, но она причинила Ѳеофанову много непріятностей. Когда именинникъ, довольный милостью начальства, съ гордостью несъ „шляпку“ черезъ Китайгородъ, на него наѣхалъ объѣзжій голова и, какъ корчемника, повелъ на съѣзжій дворъ; „и со двора не спущалъ многое время, жаловался псаломщикъ, для своей бездѣльной корысти и взялъ у меня изъ-за мученья два рубли съ полтиной, которыя деньги взялъ съ собою для именинъ своихъ на всякую покупку“.

Какой переполохъ производило появленіе объѣзчиковъ для винной выемки, показываетъ слѣдующій примѣръ.

На Знаменкѣ во дворѣ кадашевца Ивана Кузьмина 5 сентября 1693 года передъ праздникомъ Рождества Богородицы у жильца „топилась изба, да въ котлѣ мѣдномъ хмель варился въ суслѣ“; когда объѣзжій сталъ „про тотъ хмѣль спрашивать“, того двора хозяйка Офимья Еремѣева не нашла ничего лучшаго, какъ, „взявъ тотъ мѣдникъ съ хмѣлемъ, понести въ заходъ и изъ того мѣдника тотъ хмель въ заходъ выкинуть“; несмотря на это, объѣзжій какъ-то ухитрился „взявъ съ того двора работника съ тѣмъ вареным хмелемъ привести на съѣзжій дворъ“ [1]).

Объѣзжіе имѣли дѣло и съ ворами въ современномъ значеніи этого слова. Среди толкотни въ рядахъ и на площади было легко обдѣлывать свои дѣла любителямъ поживиться на чужой счетъ. Особенно это было удобно въ дни крестныхъ ходовъ, когда ряды были заперты „до тѣхъ мѣстъ, какъ изъ ходу со кресты прійдутъ въ соборную церковь“, и когда на Красную Площадь высыпала вся богомольная Москва. 1 октября 1692 года, въ день крестнаго хода, который совершается и теперь изъ Кремля въ Покровскій соборъ Василія Блаженнаго, два разрядныхъ подьячихъ Вас. Юдинъ и Ром. Артемьевъ почти въ одно время заявили, что у нихъ у Лобнаго мѣста „въ тѣснотѣ воришки вынели изъ ноженъ“ по ножику и по вилкѣ, которые они по русскому обычаю того времени носили у пояса. У Юдина ножикъ и вилки отличались по тому времени богатствомъ и изяществомъ: черенки у нихъ были „финифть лазоревая, по финифти серебромъ наложено жуки серебряные, вызолочены, турецкаго дѣла“; они стоили 5 рублей, что тогда было дорого; ножъ и вилка Артемьева стоили 3 рубля. Юдинъ поймалъ „у ноженъ подъ полою вора“, который, по его словамъ, „вынявъ

---

[1]) Пр. 1512, 113; Пр. 2513, 44; Пр. 1689, 8—11; Б. 1360, 186; Пр. 1716, 596.

ножъ и вилку, отдалъ товарыщу своему, который ушолъ". Пойманный мальчикъ Гараска, жившій въ работникахъ у кадашевца Ив. Герасимова и посланный хозяиномъ „продавать дегтю", утверждалъ, что онъ, поставивъ деготь въ шалашѣ у кисельника Елисеева, „пошелъ по площади гулять и смотрить крестовъ", Юдинъ же поймалъ его „для того, что онъ, Гараска, подлѣ его стоялъ, и, какъ у него, Василья, пола завернулась, того онъ не видалъ, и товарыщей съ нимъ никого въ то число не было". Гараска былъ отданъ подъ росписку кадашевцу Осипову.

На Красной Площади, гдѣ шла торговля всевозможными вещами, въ томъ числѣ и крадеными, можно было иногда „опознать" свою пропажу. Хозяинъ обычно „имался" за свою „опознанную" вещь и тащилъ продававшаго ее человѣка на съѣзжій дворъ. 1 октября 1687 года ночью на возвращавшагося изъ гостей домой кадашевца Ив. Дмитріева на Тверской у церкви Иліи Пророка [1]) „набѣжали воровскіе люди и стали его бить и грабить и грабежу взяли шапку, да оторвали отъ опояски ножикъ и мѣшечекъ козлиный, денегъ 7 рублевъ да лавочные ключи"; уже на другой день Дмитріевъ „опозналъ" свои ключи на Красной Площади, гдѣ „торгуютъ желѣзомъ", и представилъ на съѣзжій дворъ продавца—Бронной слободы тяглеца Ивана Иванова. 16 іюля того же года ночью у крестьянина кн. Мих. Яковл. Черкасскаго, Михайлы Тихонова со двора были украдены разныя вещи и вмѣстѣ съ ними—черная курица. Не надѣясь найти свою пропажу, Тихоновъ на другой день пошелъ „для покупки харчу" на Красную Площадь и былъ очень удивленъ, увидавъ свою курицу у Казенной слободы тяглеца Андрея Аникѣева. Тихоновъ тотчасъ „поимался" за курицу и повелъ Аникѣева на съѣзжій дворъ. Но дорогою Аникѣевъ „не знамо съ какими людьми учали его бить и тое курицу отбили", да кстати „сбили съ него шапку по цѣнѣ въ $1^1/_2$ рубли". Дѣло кончилось совершенно неожиданно тѣмъ, что Аникѣевъ, желая избавиться отъ поличнаго, „оторвалъ у той курицы голову". На съѣзжемъ дворѣ Аникѣевъ утверждалъ, что самъ Тихоновъ съ товарищи билъ его, что курицу онъ купилъ въ Охотномъ ряду, а ночью не крадывалъ, и „его, Мишки, не бивывалъ и у курицы головы не отрывывалъ, а гдѣ тое курицу онъ, Мишка, кинулъ, того не вѣдаетъ". Впрочемъ, стороны предпочли кончить дѣло миромъ [2]).

Сообщ. В. Шереметевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Эта, упраздненная послѣ пожара 1812 года, церковь находилась на мѣстѣ дома Филиппова рядомъ съ Національной Гостиницей.

[2]) Пр. 1534, 189—194; Пр. 1061, 149—151, 226—233.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА IX[1]).

Г-нъ Кинглекъ.

Если въ спискѣ друзей г-жи Новиковой графъ Кайзерлингъ, по порядку времени, былъ первымъ философомъ, графъ Бейстъ первымъ государственнымъ человѣкомъ, профессоръ Фрошаммеръ первымъ богословомъ, профессоръ Тиндаль первымъ ученымъ, то г-нъ Кинглекъ, историкъ Крымской войны, былъ первымъ литераторомъ, оставшимся ея вѣрнымъ другомъ до конца своей жизни. Г-жа Новикова въ своихъ французскихъ воспоминаніяхъ и Канонъ Токвиль въ своемъ сочиненіи „жизнь Кинглека" (Blackwood) дали такія подробности по этому предмету, что можно ограничиться приведеніемъ написаннаго съ нѣкоторыми разъясненіями.

Вотъ выдержка изъ описанія г-жою Новиковой ея первой встрѣчи съ Кинглекомъ въ Голландъ-Гаусъ въ 1873 г.

„Я думаю, что мало кто не согласится со мной, если я скажу, что лэди Голландъ, вдова четвертаго лорда Голландъ изъ Голландъ-Гаусъ, была олицетвореніемъ свѣтской женщины, полной такта и умѣнія, съ легкимъ оттѣнкомъ скептицизма и надменности. Въ сущности я всегда вспоминала съ удовольствіемъ ея воскресные обѣды. Она, казалось, предпочитала этотъ день для всѣхъ своихъ пріемовъ,

---

[1]) См. „Русская Старина" октябрь 1909 г.

не обращая вниманія на справедливый гнѣвъ строгихъ блюстителей воскреснаго дня.

„Эти воскресные обѣды имѣли еще одну особенность: мужчинамъ не разрѣшалось оставаться въ столовой послѣ обѣда за виномъ и сигарами и разговаривать будто бы о политикѣ, что, какъ мнѣ говорили, сводится къ сплетнямъ на счетъ ихъ друзей прекраснаго пола. Обѣдающія пары, соединенныя хозяйкой дома, могли разстаться только въ той гостиной, откуда онѣ вышли: правило это не допускало исключеній. Первый разъ, что я присутствовала на такомъ обѣдѣ, мнѣ посчастливилось имѣть сосѣдомъ лорда Гоутана (Lord Houhton né Monktton-Milnes), поэта и литератора, автора монографіи и пр. По правую сторону возлѣ меня сидѣлъ авторъ Крымской войны, болѣе извѣстный въ кругу читателей, какъ прелестный писатель „Эотенъ“ [1]).

„Я замѣтила своимъ сосѣдямъ, какъ я счастлива быть вблизи такихъ прекрасныхъ источникомъ историческихъ знаній.

„Вы очень добры, отвѣтилъ Кинглекъ тихимъ, почти неслышнымъ голосомъ: что касается историковъ, съ ними иногда дурно обходятся.

„Что вы хотите сказать? спросила я нѣсколько смущенно.

„Вотъ, продолжалъ спокойно Кинглекъ, какъ бы разсуждая о важномъ предметѣ, возьмите меня въ примѣръ. Я, какъ вы знаете, считаюсь историкомъ. На-дняхъ я получилъ письмо, очень меня тронувшее, окаймленное широкими черными краями и подписанное двумя лицами, мужемъ и женой. Пришло оно изъ одной изъ нашихъ колоній. Они описываютъ свое горе. Единственный сынъ ихъ, повидимому, убитъ былъ въ Крыму. По какой-то непонятной причинѣ они страстно желали, чтобы я упомянулъ о ихъ любимцѣ въ моей исторіи Крымской войны. Удивленный, но и польщенный, я имъ отвѣтилъ съ первой отходящей почтой—чего я не дѣлалъ много лѣтъ, что я буду счастливъ все сдѣлать для ихъ спокойствія, какъ только получу отъ нихъ необходимыя подробности. Получаю опять письмо съ черными краями, также подписанное отцомъ и матерью, но съ такой ужасной прибавкой: „мы не можемъ дать вамъ никакихъ подробностей. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ, какъ многіе другіе, но будемъ благодарны за все, что вы можете придумать, предоставляя это вполнѣ вашему воображенію“.

Только-что кончилъ Кинглекъ свой разсказъ, какъ мы услышали громкій голосъ на другомъ концѣ стола, гдѣ сидѣлъ quasi-поэтъ и

---

[1]) Эотенъ греческое слово: съ востока.

критикъ Гейуардъ (Hayward) [1]), разсказывающій какіе-то анекдоты, по обыкновенію пикантные, но, къ сожалѣнію, не всегда приличные. Лэди Голландъ это забавляло, а также многихъ другихъ ея гостей. Меня это стѣсняло, но я старалась не показать этого моимъ сосѣдямъ. Чтобы что-нибудь сказать, я замѣтила Кинглеку, упомянувшему о своей дружбѣ съ шаловливымъ Гейуардомъ, что манерами они отличаются другъ отъ друга. Кинглекъ улыбнулся: я думаю, что отличаемся. Но на-дняхъ я зашелъ къ нему, и его старая служанка говоритъ: войдите, сударь, г-нъ Гейуардъ всегда радъ васъ видѣть, и не мудрено, вы такъ похожи другъ на друга, точно дѣти одной матери.

„Да, сказалъ я, не сравнилъ ли гдѣ-то Дизраэли тихія таинственныя гондолы Венеціи съ вашими гремящими hansoms?

„Совершенно вѣрно, отвѣчалъ Кинглекъ, но мы оба сходимся въ одномъ: я также желаю, какъ и онъ, быть у васъ, если позволите.

„Такъ началась моя дружба съ Кинглекомъ“.

Канонъ Токвиль говоритъ: „простая пріязнь обратилась въ тѣсную дружбу. Во время пребыванія Ольги Алексѣевны въ Лондонѣ, рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы Кинглекъ не явился въ ея гостиной въ Клариджъ Отелѣ: когда она уѣзжала въ Россію, или на континентъ, она получала каждую недѣлю письма отъ него, хотя онъ говорилъ, что писать дамѣ poste restante все равно, что стараться поцѣловать монахиню сквозь двойную рѣшетку“.

Опять привожу воспоминанія Ольги Алексѣевны:

„Первое его посѣщеніе должно прервать, казалось, наше знакомство въ зародышѣ. Это было полное фіаско въ нѣкоторомъ смыслѣ. Только-что вошелъ Кинглекъ и началъ говорить мнѣ о лордѣ Страдфордъ Редклифъ, котораго онъ называлъ великимъ Елтчи, вошла лэди А. Я познакомила моихъ посѣтителей по нашему русскому обычаю.

„Г-нъ Кинглекъ, воскликнула она, извѣстный авторъ, какъ я рада васъ встрѣтить. Я хочу, чтобы вы были у меня на балу. Навѣрное будутъ нѣкоторыя Высочайшія особы. Какой же балъ можетъ быть хорошъ безъ нихъ, прибавила она. Но въ наше демократическое время я рада также знаменитостямъ. Я большая поклонница вашихъ сочиненій, г-нъ Кинглекъ. Но скажите мнѣ, вы стоите за Людовика Наполеона или противъ него? Почитатель ли вы его?

„Бѣдный Кинглекъ, ошеломленный и похожій на умирающаго голубя, медленно отвѣчалъ:

---

[1]) Вольность Гейуарда за обѣдомъ, позабавившая лэди Голландъ, настолько смутила Ольгу Алексѣевну, что Кинглекъ, впослѣдствіи обращаясь къ ней, называлъ ее „Mydion Miss“.

„Боюсь, что не могу называться его почитателемъ.

„Неужели? Но это не особенно важно въ концѣ концовъ. Теперь я ухожу: я никогда не дѣлаю продолжительныхъ визитовъ, сказала она, уходя.

„Милая старушка должна чувствовать платоническую любовь къ вашимъ книгамъ, но не знакома съ ихъ содержаніемъ, иначе она бы помнила ваше вѣрное изображеніе Наполеона, какъ человѣка, пишущаго обѣими руками въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ, и другія строгія замѣчанія объ императорѣ, сказала я, улыбаясь.

„Я вообще внушаю только платоническую любовь, замѣтилъ Кинглекъ, и мы разсмѣялись.

„Мнѣ однако было очень досадно, что доставила ему такое неподходящее общество. Если онъ раздѣляетъ мнѣніе французовъ: dis moi qui tu hants, je dirai qui tu es, думала я, онъ никогда больше ко мнѣ не придетъ. Къ счастью, онъ не только пришелъ, но въ теченіе зимы сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ. Къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кого онъ встрѣчалъ, онъ не чувствовалъ симпатіи, въ числѣ такихъ былъ одинъ епископъ. Его Преосвященство съ торжественнымъ видомъ дворецкаго, но необыкновенно слащавый, раздражалъ его нервы. Заставая меня одну, Кинглекъ непремѣнно спрашивалъ, скоро ли придетъ Петръ-Павелъ епископъ Клареджскій.

„Это была постоянная шутка, которая меня забавляла.

„Другая его антипатія былъ старый дипломатъ, европейская знаменитость, который сдѣлалъ кое-что полезное въ своей жизни, но къ несчастью у него былъ такой необыкновенно высокій пронзительный голосъ, и онъ говорилъ такъ быстро, въ особенности, когда старался говорить по-англійски, что бѣдный Кинглекъ, бывши уже немного глухъ, никогда не могъ слѣдить за нимъ: этотъ милый дипломатъ назывался всегда „копеечной трубочкой“, и его появленіе было сигналомъ исчезновенія Кинглека изъ моей гостиной.

„Онъ засталъ меня однажды, окруженную дѣтскими книгами, которыя я хотѣла посылать какъ Рождественскіе подарки. Онъ разсмѣшилъ меня, взявъ одну изъ нихъ The book of nonsence (Книга пустяковъ) и сказалъ: это въ мою пользу. Я буду писать въ ней мои вдохновенія, если вы ничего не имѣете противъ этого. Я охотно согласилась и въ продолженіе всей зимы, какъ только мы были одни, онъ писалъ какой-нибудь вздоръ въ стихахъ. Самые милые и нелѣпые тѣ, въ которыхъ онъ описывалъ меня и подписывалъ Петръ-Павелъ епископъ Клареджскій. Послѣ имени красовалась митра“.

Я прерываю разсказъ Ольги Алексѣевны, чтобы сдѣлать нѣсколько извлеченій изъ записной книги пустяковъ стихотвореній, въ которыхъ далеко не одинъ Кинглекъ былъ участникомъ. Кинглекъ однако написалъ больше всѣхъ, я помню одно, которое нѣсколько напоминаетъ область Гейварда.

There is a young lady of Claridge's
Whoses mile is more pleasing to me
Than the raptures of ninety nine marriages
Could possibly, possibly be.

Петръ-Павелъ, епископъ Клареджскій.

Есть молодая дама въ Клареджѣ,
Улыбка которой мнѣ милѣе,
Чѣмъ могли бы быть
Упоенія девяносто девяти браковъ.

Въ числѣ участниковъ въ альбомѣ былъ лордъ B. Bourke, служившій одно время младшимъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ написалъ:

We've heard enough of Panslavism
A word J can't admire
Change, it o Tzar, to Olgarism
Of that—J ne'er will tire.

Robert Bourke.

August за 1882.

Другое стихотвореніе написано такъ:

Devotion to her Faith is her lif's work
Her praises all her country to the Volga fill
And not the only Englishman is Mr. Bourke
Proud to profess himself an ardent Olga—phil.

Довольно слышать панславизмъ
Не нравится мнѣ слово,
Измѣни, о Царь, его на Ольгаризмъ,
Оно будетъ вѣчно ново.

Вѣра—дѣло ея жизни;
Россія вся прославляетъ ее
И далеко не одинъ г-нъ Бурке
Гордится тѣмъ, что онъ Ольга-филъ.

Оставляя эти забавныя бездѣлушки въ сторонѣ, я возвращаюсь къ воспоминаніямъ Ольги Алексѣевны.

„У меня иногда бывали музыкальные вечера, одинъ изъ которыхъ Кинглекъ удостоилъ своимъ присутствіемъ. Онъ вошелъ не замѣченнымъ, взялъ стулъ въ углу и безмолвно, какъ мышь, просидѣлъ тамъ все время. Я выразила мое удовольствіе его видѣть. Вы, кажется, любите музыку, сказала я, какую Вы предпочитаете? чисто классическую или Вагнера или Шопена? Я боюсь, что Вы не знаете нашего великаго Глинку.

„Въ извѣстномъ смыслѣ я музыкантъ, отвѣчалъ онъ, но только въ одномъ смыслѣ“.

„Скажите, что Вы любите, продолжала я, и на слѣдующій разъ я предоставлю Вамъ слышать Бетховена или кого-нибудь другого. Вы меня понимаете?“

„Отчасти, отвѣчалъ Кинглекъ съ серьезнымъ лицомъ и смѣющимися глазами. Я нахожу музыку очень полезнымъ элементомъ въ жизни, она конечно имѣетъ воспитательное, очень драгоцѣнное вліяніе.“

„Конечно имѣетъ, воскликнула я, это несомнѣнно благодѣтельный элементъ и одно изъ нашихъ преимуществъ надъ четвероногими“, добавила я шутя.

„Нѣтъ, извините. На этомъ я не подпишусь, замѣтилъ Кинглекъ, съ своимъ характернымъ его подмигиваніемъ однимъ глазомъ, собаки воютъ иногда очень громко. Вы знаете, говоря откровенно, я только люблю барабанъ“.

„О, отвѣтила я, если Вы не лучше Шаха Персидскаго, который предпочитаетъ настраиванье инструментовъ ихъ гармоническому исполненію, я сочту это объясненіе окончательнымъ и буду предупреждать Васъ всякій разъ, что у меня музыка, чтобъ Вы не приходили“.

„Но, если это такъ, о какомъ воспитательномъ вліяніи Вы говорили, прибавила я.

„Ну, отвѣтилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь, она всего болѣе пріучаетъ меня къ терпѣнію“.

Вскорѣ послѣ этого объясненія былъ музыкальный вечеръ въ Harrington House. Нѣсколько любителей пѣли, моя очередь пришла, сначала я отказалась, но уступила просьбамъ. Я выбрала самый короткій романсъ и скоро кончила. Къ моему удивленію, Кинглекъ сталъ восхвалять мое исполненіе. Надѣюсь, воскликнула я, что мой голосъ не напоминалъ Вамъ Вашъ любимый барабанъ.

„Нѣтъ, но видите ли, другіе начнутъ, и это длится безъ конца, тогда какъ Ваша пѣсня всегда имѣетъ конецъ“.

„Кинглекъ былъ добрѣйшій другъ, и ему первому всегда сообщались всѣ радости и горести. Я обѣдала у графа Бейстъ наканунѣ, Кинглекъ или, какъ я и другіе его друзья называли его „Еотенъ", явился въ свой опредѣленный часъ и спросилъ, хорошо ли я провела время въ посольствѣ? О, очень хорошо, я отвѣчала. Гладстонъ велъ меня къ столу, и мы много бесѣдовали, прежде о старо-католикахъ, которыми онъ восхищается, потомъ о Деллингерѣ. Гладстонъ проявилъ большое знаніе Восточной церкви и ея превосходства надъ Римской, говорили потомъ о Васъ и о Вашихъ книгахъ".

„Не успѣла я произнести эти слова, какъ Кинглекъ вскочилъ со стула. Онъ, такой увалень, какъ онъ себя называлъ, онъ, обыкновенно такой тихій, воспитанный—сталъ раздраженно шагать по комнатѣ взадъ и впередъ.

„Зачѣмъ Вы это сдѣлали? воскликнулъ онъ. Зачѣмъ Вы меня назвали? Не было у Васъ лучшаго предмета для разговора?

„Я была поражена. Почему же нѣтъ? спросила я. Я никогда не скрываю своихъ друзей или свою дружбу".

„Но Вамъ не слѣдовало называть меня Гладстону. Онъ не любитъ меня, и это можетъ повредить Вамъ въ его мнѣніи".

„Если это не доказательство доброты Кинглека, то я не знаю, что значитъ доброта".

Изъ безчисленныхъ своихъ разговоровъ съ Кинглекомъ Ольга Алексѣевна сохранила не мало отрывковъ. Она говоритъ:

„Не всѣмъ извѣстно вообще, что его исторія Крымской войны, его работа 26-ти лѣтъ, его magnus opus не что иное въ дѣйствительности, какъ знакъ признательности его лорду Раглану. Бывъ штатскимъ, Кинглекъ, выразившій желаніе сопутствовать экспедицію въ Крымъ, встрѣтилъ большое сопротивленіе со стороны военныхъ властей; несмотря на это, лордъ Рагланъ взялъ его съ собой.

„Въ благодарность за этотъ дружескій поступокъ Кинглекъ рѣшился изучить военное искусство и написать исторію лорда Раглана. Когда эта исторія дошла до смерти его друга, Кинглекъ счелъ свой трудъ оконченнымъ.

„Нашъ великій инженеръ—Тотлебенъ, имя котораго на вѣки будетъ связано съ геройской защитой Севастополя, посѣтилъ Кинглека въ Лондонѣ и принималъ его въ Крыму нѣсколько лѣтъ спустя послѣ заключенія мира. Генералъ очень любилъ милаго Кинглека. Могъ ли кто-нибудь, знавшій Кинглека, не любить его?

„Тѣмъ не менѣе Тотлебенъ никогда не смотрѣлъ на исторію Крымской войны, какъ на образецъ научнаго и авторитетнаго труда. Онъ коснулся этого какъ-то у меня въ домѣ. „Но развѣ его исто-

рія не интересна", прервала я нѣсколько нетерпѣливо. Не читается ли она съ захватывающимъ любопытствомъ, какъ чудный романъ?

„Именно такъ, отвѣтилъ Тотлебенъ, улыбаясь моему нетерпѣнію, какъ романъ, но не какъ военная исторія.

„Не было ни іоты мелкаго тщеславія въ нашемъ Тотлебенѣ, иначе онъ не уменьшалъ бы историческаго достоинства сочиненія, въ которомъ описываютъ его въ такихъ блестящихъ выраженіяхъ.

„Характерный и совершенно достовѣрный анекдотъ подтверждаетъ мою точку зрѣнія".

„Нѣмецъ, путешествовавшій изъ Берлина въ Петербургъ, встрѣтилъ русскаго, который оказался очень свѣдущимъ въ военныхъ вопросахъ.

„Будучи самъ военнымъ, нѣмецъ, восхищенный своимъ спутникомъ, сталъ очень откровененъ и разговорчивъ. Я большой поклонникъ русской арміи, сказалъ онъ, но у Васъ, русскихъ, есть одна черта, которую я не выношу".

„Какая? спросилъ тотъ, видимо, заинтересованный.

„У Васъ нѣтъ поклоненія военнымъ героямъ, нѣтъ у Васъ Карлайля, чтобы научить Васъ этому. Вы восхищаетесь только иностранными героями. Къ своимъ Вы совершенно равнодушны. Я Вамъ приведу примѣръ. Но прежде скажите мнѣ, что Вы сами думаете о генералѣ Тотлебенѣ?

„Онъ, отвѣчалъ русскій безъ всякаго энтузіазма, исполнялъ, конечно, свой долгъ не хуже другихъ. Въ Россіи много такихъ, какъ онъ, если не лучше.

„Вотъ, воскликнулъ торжественно нѣмецъ, не правъ ли я былъ? Человѣкъ, который всюду составлялъ бы славу своего отечества, котораго статуи стояли бы во всѣхъ городахъ, котораго портретъ долженъ бы украшать каждую военную школу, Вы о немъ говорите, какъ о простой посредственности.

„Русскому удалось перемѣнить разговоръ. Во многихъ вопросахъ они были совершенно согласны, настолько, что они обѣщали продолжать встрѣчаться. Пріѣхавъ въ Петербургъ, нѣмецъ далъ свою карточку, русскому пришлось сдѣлать то же самое. Тогда только стало извѣстно его имя. Это былъ генералъ Тотлебенъ.

„Но возвратимся къ Кинглеку. Мы съ нимъ часто были несогласны или, лучше сказать, соглашались быть разнаго мнѣнія. Я хвалила отсутствіе дуэли въ Англіи, этотъ обычай, по которому вопросы чести иногда рѣшаются просто случайностью, иногда механическимъ умѣніемъ въ стрѣльбѣ или фехтованіи. Къ тому же наши лучшіе два поэта Пушкинъ и Лермонтовъ лишились жизни этимъ сумасшедшимъ способомъ, и теперь самая вздорная причина можетъ по-

губить самую драгоцѣнную жизнь въ Россіи, въ Германіи и во Франціи.

„Кинглекъ, напротивъ, обвинялъ желѣзнаго герцога, запретившаго дуэли, которыя, по его мнѣнію, поддерживаютъ лучшій тонъ въ обществѣ.

„Я слышала отъ одного изъ друзей Эотена, что когда онъ былъ сравнительно молодъ, около времени Крымской войны, онъ послалъ вызовъ и поѣхалъ въ Булонь ожидать противника. Недѣля прошла, и противникъ не явился. Кинглекъ, возмущенный, возвратился въ Лондонъ. Я никогда не знала подробностей этого случая.

„Кинглекъ былъ приверженецъ войны. Онъ говорилъ, что идти навстрѣчу смерти имѣетъ облагораживающее вліяніе на человѣчество; что миръ изнѣживаетъ людей. Вдобавокъ, продолжалъ онъ, слишкомъ густое народонаселеніе—не самое лучшее.

„Но въ Россіи, возразила я, у насъ недостаточное народонаселеніе. Это извѣстный фактъ, что, если у насъ нѣтъ пролетаріата, то потому, что есть больше работы, чѣмъ работниковъ. Это можетъ быть преимущество Россіи надъ другими европейскими странами.

„Жаль, что Вы не пріѣхали раньше, сказала я ему однажды. Вы бы встрѣтили Джона Брайтъ (John Bright). Онъ вначалѣ говорилъ о фритредерствѣ, которое несомнѣнно лучшая система, какую можно ввести на островѣ, какъ Англія, но онъ также говорилъ о войнѣ. Я сказала ему, что, глядя на Pall-Mall Crimea статую, я не могла не почувствовать, что эта статуя единственный результатъ въ пользу Англіи изъ нашей страшной борьбы.

„Да, сказалъ Джонъ Брайтъ, но надо бы надпись измѣнить: букву надо поставить впереди слова crime, а не въ концѣ. Я думаю, сказалъ Брайтъ своимъ поразительно мелодичнымъ голосомъ и съ особеннымъ удареніемъ, что половина тѣхъ, кто разсуждаетъ о войнѣ, объ этомъ страшномъ предметѣ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что говорятъ. Это эссенція всѣхъ страданій, ужасовъ, преступленій, на какія способенъ человѣкъ.

„Кинглекъ прерываетъ. Да, но Брайтъ квакеръ.

„Я ненавижу Ваше квакерство, говорю я, но квакеры достойны довѣрія, удивленія. Въ нихъ нѣтъ лицемѣрія, притворства. Они вѣрны самимъ себѣ и своему ученію“.

„Нѣтъ сомнѣнія, что эти взгляды необходимо требуются христіанскимъ просвѣщеніемъ. Но милый Кинглекъ любилъ выдавать себя за язычника, и это прекращало многіе наши споры.

„Воинственный духъ въ немъ самомъ проявился во время его послѣдней болѣзни, которую онъ переносилъ съ непоколебимымъ мужествомъ. Кинглеку было восемьдесятъ одинъ годъ, когда онъ

умеръ 2-го января 1891 г., но разсудокъ его былъ ясенъ и силенъ до послѣдняго дня.

„Я часто навѣщала его въ тяжелое время этой болѣзни, и когда онъ скончался, почувствовала потерю моего стараго и необыкновенно добраго друга“.

О письмахъ Кинглека Канонъ Токвиль даетъ прелестный перечень въ его Life [1]), на которую я такъ часто ссылался и беру смѣлость сослаться опять.

Переписка Кинглека съ г-жей Новиковой, говоритъ Канонъ Токвиль, начавшаяся въ 1874 г., продолжалась безъ перерыва до его смерти въ 1891 г. Дружба эта вносила прелесть, интересъ, ароматъ въ его жизнь, вызывала все, что было геніальнаго, игриваго, остроумнаго въ немъ.

„Чаще всего письма серьезны, въ своемъ восхищеніи они говорятъ о ея прекрасномъ организмѣ, ея здоровьи, жизнерадостности, силѣ и веселости, о чудномъ солнечномъ сіяніи ея присутствія, о ея рѣшимости и силѣ воли, о ея высокихъ качествахъ. „Вдали отъ Васъ міръ кажется пустымъ“. Онъ доволенъ, что она познакомилась съ его великимъ Ельтчи. Она, конечно, произведетъ впечатлѣніе на стараго государственнаго человѣка своею жизнерадостностью, своей привѣтливостью и изяществомъ, своимъ умомъ, бережно скрытымъ, музыкальнымъ голосомъ въ разговорѣ, съ такимъ небеснымъ даромъ доходить до глубины души. Онъ передаетъ шутливыя любезныя порученія отъ другихъ членовъ Gerontation, какъ онъ называетъ группу преклоннаго возраста поклонниковъ, составлявшихъ ея дворъ, повторяя ихъ жалобы на то, что она всегда окружена

---

[1]) Канонъ Токвиль, описывая эти послѣдніе дни, говоритъ: „онъ борется съ наступающей слабостью, ѣдетъ въ Сидмутъ (Sidmouth) съ больнымъ горломъ, но беретъ съ собой бумаги и книги. Это, онъ говоритъ, пустынное мѣстечко на морскомъ берегу. M-и Gremdy имѣетъ домикъ тамъ, но она меня не знаетъ въ лицо. Если бы пріѣхала г-жа Новикова, удивленный городокъ, прежде всего ослѣпленный ею, сталъ бы наводняться теологами, епископами, послами умершихъ императоровъ и бывшими премьерами. Но черезъ нѣкоторое время онъ чаще говорилъ о боли горла, о подагрѣ, объ увеличивающейся глухотѣ, о томъ, что говоритъ въ полголоса.

Его послѣднее письмо къ Ольгѣ Алексѣевнѣ написано въ іюлѣ 1890 г. съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю смерти мужа его друга. Въ октябрѣ пишетъ его сидѣлка. Ольга Алексѣевна спѣшитъ изъ Шотландіи къ нему. „Я очень радъ увидѣть милую M-me Новикову, говоритъ онъ сидѣлкѣ, но я такъ быстро опускаюсь, что не надѣюсь быть въ состояніи много ее видѣть. Это былъ ноябрь 1890 г.; наканунѣ новаго года явилась неумолимая смерть и разъединила друзей.

громаднымъ обществомъ. „Гейуардъ можетъ простить, когда одинъ или два посла у Вашихъ ногъ, но видѣть путь къ Вашему сердцу засореннымъ толпой астрономовъ, русскихъ изобрѣтателей, метафизиковъ, богослововъ, переводчиковъ, историковъ, поэтовъ—это больше, чѣмъ онъ можетъ перенести. Толпа приводитъ его, какъ говорилъ Ampère о M-me Recamier, къ ограниченному наслажденію быть только chez Vous, вмѣсто блаженства быть avec Vous“. Онъ привѣтствуетъ и отмѣчаетъ прибавленія къ списку ея поклонниковъ. Приводитъ восторженныя похвалы ей Стансфильда, Чарльсъ Виллерсъ, искреннюю оцѣнку Маріера и сэра Роберта Пиль, Вайолетъ Фенъ. Онъ подшучиваетъ надъ ея жертвами, надъ преданностью этого веселаго Тиндаля, приближающійся бракъ котораго подрѣжетъ ему крылья, какъ онъ думаетъ. Онъ говоритъ, что сынъ ея скажетъ ей, что Цезарь подводитъ итогъ своимъ побѣдамъ словами: Veni, vidi, vici, ей дано сказать. Veni, videbar, vici [1]).

Ольга Алексѣевна, какъ мы видѣли, страстно увлекалась двумя предметами: богословіемъ и политикой. Кинглекъ, одновременно казуистъ и послѣдовательный отрицатель, слѣдилъ за ея религіозными доводами подобно тому, какъ лордъ Стейне (Lord Steyne) слушалъ пререканія между Эотемъ Моле и Reverent M-r Trail (Трейль). Онъ выражаетъ серьезное удивленіе тому, что фарисеи, культурное и мыслящее собраніе людей, единственные изъ евреевъ, вѣрившіе въ будущую жизнь, были именно тѣ, къ которымъ Спаситель нашъ всегда относился отрицательно. Онъ касается болѣе часто бесѣдъ о нашихъ церквахъ и богословіи, не углубляясь въ нихъ. Изъ существующихъ церквей онъ отдавалъ предпочтеніе Англійской, какъ самой безвредной, не любилъ Латинскую, въ особенности за ея интриги на востокѣ, считалъ ее притѣсняющей и схизматической, слѣдовательно, вовсе не церковью. Римско-католики приходятъ въ ужасъ, когда ихъ называютъ схизматиками, и это именно лучшая причина, чтобъ ихъ такъ называть. Онъ не позволялъ употребленія слова Orthodox (правовѣрный), потому что, какъ пасторъ на каѳедрѣ, оно всегда проситъ отвѣта. Къ спорамъ о Filioque, нѣкогда дорогихъ Лиддону и Гладстону, теперь я думаю, устарѣлымъ для англійскихъ умовъ, и которые относятся къ главному разъединительному догмату востока отъ запада, онъ оказывалъ болѣе юмористичный, чѣмъ благоговѣйный интересъ. Знакомился съ взглядами на этотъ предметъ Деллингера и старо-католиковъ. Издѣвался надъ недоумѣніемъ лондонскихъ дамъ надъ значеніемъ этого слова, когда

---

[1]) Переводъ. Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.
Пришла, была увидѣна (или меня увидѣли), побѣдила.

*

оно появлялось въ статьяхъ столь распространеннаго „Quarterly", онъ увѣрялъ, что онѣ думаютъ, что это слово означаетъ младенецъ священника, рожденный внѣ брака.

Къ политическому вліянію Ольги Алексѣевны [1]), которое онъ вполнѣ признавалъ, относился въ томъ же насмѣшливомъ тонѣ. Она въ Берлинѣ и навѣрное увидитъ Бисмарка, онъ надѣется, что хотя великій человѣкъ не можетъ вырвать съ корнемъ ея славянофильскую ересь, но можетъ поссорить народы на чисто этнологическихъ основаніяхъ. Неужели такъ дороги ближайшіе родственники? Перейдете ли вы улицу для троюроднаго или въ четвертой степени брата? Такъ зачѣмъ же за брата въ милліонной степени?

Ольга Алексѣевна отсутствуетъ во время внезапнаго распущенія парламента въ 1874 г. „Лондонъ проснулся вчера утромъ и узналъ, что вашъ другъ Гладстонъ совершилъ coup d'état. Онъ распустилъ парламентъ въ ту минуту, когда никто этого не ожидалъ; мое впечатлѣніе таково, что ударъ удаченъ, и что обновленный парла-

---

[1]) По поводу вліянія Ольги Алексѣевны Новиковой на политику въ Англіи. Канонъ Токвиль говоритъ въ своей Life of Kinglеke.

„Крестница царя, г-жа Новикова преданная имперіалистка и не менѣе всей своей семьи патріотка. Послѣ смерти брата въ Сербіи, 6-го іюля 1876 г., она стала еще болѣе пылкой славянофилкой. Она говоритъ, что три черты славянофильства принадлежатъ ея родинѣ: православіе, самодержавіе и націонализмъ. Ея политическія стремленія были внушены ей тактомъ и сердечной добротой. Цѣль ея жизни была создать добрыя отношенія между Англіей и ея родиной. Нѣтъ сомнѣнія, что ея вліяніе на лидеровъ либеральной политики и сильное участіе въ прессѣ много содѣйствовало энтузіазму англичанъ къ освобожденію Дунайскихъ княжествъ. Ольгу Алексѣевну обвиняли въ 1876 г. въ томъ, что, подмѣтивъ въ Гладстонѣ слабую струнку къ религіознымъ вопросамъ, она ею пользовалась, чтобъ пріобрѣсти его вниманіе къ Дунайскимъ жителямъ, какъ членамъ православной церкви, тогда какъ людей не религіозныхъ она также искусно привлекала политическою стороною вопроса, дѣйствуя въ то же время на недружелюбныхъ къ Англіи русскихъ своими статьями въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Англійскій „Standart" съ негодованіемъ приписывалъ г-жѣ Новиковой умѣніе склонить Гладстона въ пользу Черногоріи. Серьезный человѣкъ не долженъ бы поддаваться бурному энтузіазму русскаго апостола, заключаетъ Токвиль.

„Благодаря своимъ врожденнымъ качествамъ и привычкамъ частаго посѣщенія дворовъ, она пріобрѣла способность соединять, управлять и принимать свѣтскіе кружки, напоминавшіе les salons d'autrefois. Живя въ Европейскихъ столицахъ, она въ каждой окружаетъ себя людьми выдающагося ума; въ Англіи, гдѣ она долго проводила зиму, Гладстонъ, Карлейль и Фрудъ Карлъ Виллерсъ, Берналь, Осборнъ, сэръ Робергъ Моріеръ, лордъ Гаутанъ, сэръ Альфредъ Лаяль и много другихъ того же высокаго значенія людей составляли ея дворъ и признавали ея вліяніе надъ собою.

ментъ дастъ ему огромное большинство". Впечатлѣніе было ошибочное, и онъ находитъ причину консервативнаго большинства въ трусливой внѣшней политикѣ Гладстона и въ особенности въ малодушіи, выказанномъ его правительствомъ, когда оно было оскорблено Горчаковымъ. Онъ всегда отдаетъ справедливость ея вліянію на Гладстона. Громадное количество голосовъ за него въ 1880 г., ея побѣда и торжество, его ненависть къ туркамъ также дѣло ея рукъ. „Англія поражена неспособностью, потому что вы возмутили кипящій котелъ надъ черепомъ Гладстона, вливъ въ него діавольскія чары и ядъ теологіи, чтобъ перевернуть строй англійской политики; она можетъ сказать своему правительству, что Гладстонъ изо всѣхъ силъ старается разрушить Британскую имперію".

Такъ идутъ письма въ перемѣшку съ новостями, критикой на замѣчательныхъ людей, съ комментаріями на происходящія политическія событія, изрѣдка только съ личными интересами, такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о потерѣ своихъ двухъ сестеръ, съ необыкновеннымъ чувствомъ описываетъ смерть своего старшаго племянника отъ чахотки. Соболѣзнуетъ ей по случаю болѣзни ея мужа, даетъ совѣты умные и шуточные на счетъ воспитанія ея сына. Я съ удовольствіемъ слышу, что онъ силенъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ и въ математикѣ, такъ какъ это доказываетъ, что онъ уменъ. Радъ тоже тому, что онъ шаловливъ, такъ какъ это доказываетъ, что онъ силенъ. Я совѣтую вамъ имѣть возможно большее наблюденіе надъ нимъ, потому что я увѣренъ въ томъ, что женщина, а въ особенности такая одаренная, какъ вы, лучше знаетъ или скорѣе лучше чувствуетъ, какъ правильно воспитать мальчика, нежели любой мужчина".

О двухъ большихъ услугахъ, оказанныхъ Кинглекомъ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ двѣ критическія минуты ея дѣятельности, будетъ сказано въ надлежащемъ мѣстѣ.

Я могу здѣсь привести ссылку самой Ольги Алексѣевны на вторую изъ этихъ услугъ, это его статья въ „Quarterly Review" о ея книгѣ „Россія и Англія" (Russia and England).

„Моя книга о Россіи и Англіи отъ 1876-го на 1880 г., благодаря главнымъ образомъ предисловію Фруда и Гладстона, милой рецензіи о ней въ „Nineteenth Century" (XIX вѣкъ) вмѣстѣ съ статьей „Revue de deux mondes" (Emile de Laveley) Эмиля де Лавеле и въ другихъ изданіяхъ,—произвела неожиданное впечатлѣніе; джингоистская партія обрушилась на меня горькими нападками, которыя я принимала съ благодарностью, какъ единственно возможную любезность изъ такого источника. Нѣкоторыя изъ нихъ были просто нелѣпы и смѣшили меня, но Кинглекъ былъ раздосадованъ и рѣ-

шилъ противодѣйствовать атакѣ. Для того, чтобы исполнить это намѣреніе, онъ прервалъ свою обыкновенную работу, послѣдніе томы Крымской войны, и написалъ статью о Восточномъ вопросѣ въ „Quarterly Review“, началомъ которой былъ блестящій панегирикъ моему сочиненію. Никто въ то время, кромѣ издателя, не зналъ, кто авторъ этой неожиданной демонстраціи пристрастія и сочувствія въ самомъ центрѣ торизма и, конечно, будь это написано человѣкомъ менѣе извѣстнымъ и уважаемымъ въ литературномъ или ученомъ мірѣ, ничего подобнаго не могло бы появиться въ этой сферѣ. Вторая часть, относящаяся къ политическому положенію, прибавлена кѣмъ-то другимъ съ цѣлью смягчить точку зрѣнія Кинглека, но я лично все же продолжала пользоваться его защитой. Этотъ № „Quarterly Review“ озадачилъ всѣхъ и произвелъ волненіе. Для Кинглека и меня это былъ поводъ для многихъ веселыхъ споровъ. Нѣкоторые приписывали его лорду Сользберри, другіе русскому канцлеру князю Горчакову.

Канонъ Токвиль прибавляетъ слѣдующія подробности въ его „Жизнь Кинглека“ (Life of Kinglake):

„Узнавъ о предполагаемомъ нападеніи на г-жу Новикову въ „Quarterly“, Кинглекъ предложилъ редактору д-ру Смитъ доставить ему матеріалъ, могущій уничтожить личное нападеніе, но О. К. Смитъ упрашивалъ его написать всю статью. „Я могъ бы обѣщать вамъ, что имя автора сохранится въ глубокой тайнѣ. Это обѣщаніе было строго соблюдено редакторомъ, авторомъ и Ольгой Алексѣевной. За исключеніемъ этихъ трехъ лицъ, никто не зналъ объ участіи Кинглека въ дѣлѣ. Редакторъ, повидимому, удержалъ тайну даже отъ издателей. Кинглекъ написалъ первую часть, но онъ не зналъ автора второй части. Не довольствуясь этимъ успѣхомъ въ Англіи, онъ просилъ г-жу Новикову сообщить своимъ друзьямъ въ Москвѣ о томъ, какой важный органъ „Quarterly“, какъ, слѣдовательно, вѣски его восхваленія ей.

Канонъ Токвиль продолжаетъ: „г-жа Новикова вспоминаетъ, что онъ вскорѣ послѣ этого принесъ ей статью о ней, написанную Лавеле въ „Revue de deux mondes“, какъ онъ сказалъ, въ благоговѣйномъ тонѣ, и указалъ ей на статью г-жи Полины Ирби, друга славянъ и г-жи Новиковой. Онъ приводитъ съ восторгомъ одобреніе Chenery ея статьи „Жизнь Скобелева“. Онъ говорилъ о васъ съ проблескомъ доброты въ глазахъ, котораго я, дѣйствительно, никогда прежде не замѣчалъ. „Times“ называетъ ее краснорѣчивымъ авторомъ Россіи и Англіи. Представьте себѣ, это говоритъ врагъ. Вы даже „Times“ забираете въ свои сѣти, прибавилъ онъ“.

Позднѣйшая статья объ О. К. содержитъ нѣкоторыя похвалы, но больше брани. Гейувардъ сердится за нее. Кинглекъ находитъ ее „болѣе дружелюбной, чѣмъ можно было ожидать относительно Васъ, друга моего, а я ихъ открытый врагъ. Въ вамъ относятся сладкія сливы, ко мнѣ брызги сажи“.

ГЛАВА X.

До конца 1875 года.

Ольга Алексѣевна Новикова первый разъ посѣтила Англію въ 1868 году. До 1873 года она не принимала никакого участія въ англійской политикѣ. Въ этомъ году, пробывъ короткое время въ Брайтонѣ, она пріѣхала въ Лондонъ и поселилась въ Клариджъ Отель (Glaridge's Notel), бывшемъ въ то время обычнымъ мѣстопребываніемъ извѣстныхъ инстранцевъ.

Г-жа Новикова была любезно принята въ русскомъ посольствѣ и приглашена на всѣ торжества въ Чешамъ-Плесъ (Chesham Place). Баронъ Брунновъ, другъ ея матери, г-жи Кирѣевой, заканчивалъ въ то время свою длинную и знаменитую карьеру русскаго посла въ Лондонѣ. Онъ былъ посломъ до начала Крымской войны и, какъ только миръ былъ заключенъ, онъ возвратился на свой прежній постъ, на которомъ оставался до своей смерти въ 1875 г. Благодаря его старшинству, его высокимъ качествамъ и общей популярности, онъ пользовался исключительнымъ положеніемъ въ дипломатическомъ корпусѣ того времени. Г-нъ Сталь былъ единственный русскій посолъ при С-тъ Джемскомъ дворѣ, котораго можно сравнить съ барономъ Брунновымъ, какъ по продолжительности своей службы, такъ по личному уваженію къ нему англійскаго общества.

Когда умеръ герцогъ Веллингтонъ, королева Викторія изъявила желаніе, чтобы на похоронахъ его присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ. Французскій посолъ, получивъ это увѣдомленіе, былъ очень озадаченъ. Онъ поспѣшилъ къ своему коллегѣ, русскому послу, чтобъ разсказать ему о трудности своего положенія.

„Королева, говоритъ онъ, ожидаетъ, что всѣ мы отправимся въ соборъ Св. Павла на похороны герцога. Какъ могу я быть тамъ, когда герцогъ нанесъ такое оскорбленіе моей странѣ. Что мнѣ дѣлать? Баронъ выслушалъ его серьезно и отвѣтилъ: такъ какъ герцогъ умеръ, то вамъ вполнѣ безопасно присутствовать на его по-

хоронахъ. Будь вы приглашены на его воскрешеніе, я бы сказалъ: откажитесь".

Такъ какъ герцогъ Веллингтонъ умеръ дѣйствительно, то мѣсто французскаго посла не осталось пустымъ.

Въ январѣ 1873 года баронъ Брунновъ дѣлалъ пріемъ въ Русскомъ посольствѣ королю Эдуарду, тогда еще принцу Валлійскому, на который были приглашены многіе члены обѣихъ палатъ. На этомъ пріемѣ присутствовала г-жа Новикова и въ теченіе вечера посолъ познакомилъ ее съ Дизраели и Гладстономъ, которыхъ она въ первый разъ встрѣтила. Она стояла между лидеромъ оппозиціи и англійскимъ премьеромъ, разговаривая съ обоими. Интересную группу составляли они: престарѣлый посолъ, окруженный почетомъ, такъ долго представлявшій съ достоинствомъ свое правительство, русская дама, впослѣдствіи не оффиціальная представительница русскаго народа, г-нъ Гладстонъ и г-нъ Дизраели. Всѣ четверо нѣсколько времени болтали между собою, нисколько не думая о томъ, что ждетъ ихъ впереди. Ольга Алексѣевна спросила у Дизраели, когда соберется парламентъ. Дизраели отвѣтилъ: вы спросите объ этомъ Гладстона, онъ можетъ вамъ отвѣтить лучше меня. Она обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ Гладстону, и такъ завязался разговоръ, длившійся довольно долго. Гладстонъ умѣлъ блестяще разговаривать, онъ нашелъ въ г-жѣ Новиковой симпатичную собесѣдницу, и вскорѣ они убѣдились, что имѣютъ много общихъ интересовъ.

Когда разговоръ ихъ окончился, г-нъ Виллерсъ подошелъ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ и сказалъ, улыбаясь: „Пари держу, что вы говорили о богословіи; Гладстонъ могъ бы, кажется, жить безъ хлѣба, но онъ умеръ бы навѣрное, если бъ его лишить теологіи". И вы не правы, отвѣчала Ольга Алексѣевна. Вы проиграли пари. О богословіи не было рѣчи. Тѣмъ не менѣе разговоръ былъ очень интересенъ.

Нѣсколько дней спустя, вспомнивъ замѣчаніе Виллерса, г-жа Новикова послала Гладстону свой переводъ статьи ея брата на старо-католическій конгрессъ. Гладстонъ отвѣтилъ съ свойственной ему всегдашней аккуратностью, что получилъ статью; такъ началась переписка, продолжавшаяся до его смерти въ 1896 г. Въ общемъ Ольга Алексѣевна получила онъ него сто пятьдесятъ писемъ. Почеркъ послѣднихъ дрожащій и слабый. Глаза и силы ему измѣняли, но писалъ онъ съ такой же нравственной энергіей въ послѣдніе свои дни, какъ и въ началѣ переписки.

23-го февраля Гладстонъ въ первый разъ посѣтилъ ее, это было въ Клариждъ Отелѣ. Когда доложили о пріѣздѣ Гладстона, у нея

были Гейуардъ, Кинглекъ и Виллерсъ. Виллерсъ удалился, какъ только вошелъ Гладстонъ. Гейуардъ и Кинглекъ остались. Этотъ квартетъ можно назвать началомъ политическаго салона, ставшаго впослѣдствіи такимъ знаменитымъ.

Парламентъ собрался 6-го февраля, ему было суждено быть послѣднимъ засѣданіемъ перваго министерства Гладстона. Замѣчательно было, что рѣчь королевы при открытіи парламента содержала слѣдующія слова по Восточному вопросу:

„Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ правительствами Россіи и Соединеннаго королевства чувствовалось, что для спокойствія Средней Азіи было бы весьма полезно, если бы оба правительства пришли къ единодушному соглашенію о проведеніи линіи, составляющей сѣверную границу владѣній Афганистана. По этому предмету велась переписка. Содержаніе ея, равно какъ и самый предметъ, будутъ, я надѣюсь, одобрены общественнымъ мнѣніемъ обѣихъ націй“.

За мѣсяцъ до этого получены были извѣстія, что въ Петербургѣ рѣшенъ походъ на Хиву, что̀ произвело волненіе въ лагерѣ распространителей тревожныхъ слуховъ, которые смотрѣли тогда на каждый шагъ Россіи въ Средней Азіи, какъ на прямую угрозу нашей Индійской имперіи. Какъ всѣ русскіе, Ольга Алексѣевна принимала близко къ сердцу эту раздражительность англійскихъ руссофобовъ; въ спорахъ по этому предмету она и была увлечена въ водоворотъ англо-русской борьбы. Она настаивала тогда, какъ и теперь, что не существуетъ антагонизма между интересами Англіи и Россіи въ Азіи, и такимъ образомъ началась 25 лѣтъ тому назадъ пропаганда въ пользу англо-русскаго соглашенія 1908 года. Сохранилось одно письмо лорда Непира-Этрикъ той эпохи, которое можно привести, какъ первое скрещиваніе мечей длиннаго фехтовальнаго упражненія, поддерживаемаго обѣими сторонами много лѣтъ. Г-жа Новикова писала лорду Непиру въ саркастическомъ тонѣ, что, если онъ хочетъ имѣть успѣхъ, онъ долженъ воспользоваться теперешнимъ случаемъ сдѣлать доносъ на Россію съ своего мѣста въ палатѣ лордовъ. Онъ отвѣтилъ:

„Вы, мнѣ кажется, совершенно ошибаетесь въ характерѣ и идеяхъ, съ которыми я отношусь къ этому предмету. Я не противникъ Россіи. Я не намѣренъ сказать ни одного неучтиваго, несправедливаго, оскорбительнаго слова для Россіи. Вы говорите, чтобы я бранилъ Россію для пріобрѣтенія популярности здѣсь. Вы не понимаете нашего общества или народа. Другой могъ бы сдѣлаться популярнымъ такимъ путемъ. Я не могу. Англичане слишкомъ хорошо понимаютъ значеніе приличія и разсудка, чтобы одобрить

бывшаго посла и губернатора, который принималъ бы участіе въ общемъ политическомъ движеніи. Да я и не способенъ слова сказать ради популярности. Если я буду говорить, то съ большей увѣренностью, указывая на оцѣнку и опасность для насъ русскаго расширенія, но допуская нѣкоторыя смягченія".

Это была предварительная схватка. 13 февраля Гладстонъ представилъ свой Ирландскій университетскій билль, встрѣченный съ единодушнымъ восторгомъ обѣими палатами, но римско-католическая іерархія, на поддержку которой Гладстонъ разсчитывалъ, оказалась противъ билля, и 12-го марта рано утромъ билль былъ отмѣненъ большинствомъ трехъ голосовъ при второмъ чтеніи. Гладстонъ подалъ въ отставку. Дизраели отказался вступить въ должность, и 20-го марта г-нъ Гладстонъ возвратился въ парламентъ до конца сессіи.

Къ превратностямъ политическихъ партій г-жа Новикова въ то время питала весьма случайный интересъ. Большинство ея знакомыхъ были изъ ряда виговъ: лордъ Кларендонъ, Виллерсъ, лордъ Деферинъ, Берналь, Осборнъ, Гейуардъ, лордъ Непиръ-Этрикъ принадлежали къ либеральной партіи. Лордъ Стангопъ былъ консерваторъ, и такими же были многіе ея друзья изъ духовнаго міра. Но когда, по общимъ выборамъ 1874 г., Дизраели замѣнилъ Гладстона, это не очень обезпокоило Ольгу Алеквѣевну. Ни она, ни кто иной не имѣли тѣни представленія о томъ вліяніи, которое имѣла перемѣна власти въ Вестминстерѣ на ходъ событій въ Восточной Европѣ.

Ольга Алексѣевна, по своему обыкновенію, возвратилась въ Петербургъ ранней весной, гдѣ, какъ попечительница тюремъ (обязанность, возложенная на нее Государемъ), она должна была посѣщать мѣста заключенія столицы. Она проводила часы съ арестантами, привозила имъ чаю и книгъ и выслушивала ихъ повѣствованія. Замѣчательна ея доброта, составляющая самую прелестную ея характеристику; она никогда не забывала взять съ собой перо и бумагу, чтобъ писать подъ диктовку наивныя и трогательныя посланія заключенныхъ къ ихъ родственникамъ и друзьямъ.

Она была предана своимъ братьямъ, своему дому и, какъ всегда, вращалась въ Московскомъ и Петербургскомъ обществѣ. До 1876 г. никто изъ ея знакомыхъ, даже самые близкіе ея друзья не подозрѣвали энергіи и способностей, скрытыхъ подъ прекрасными манерами и живымъ умомъ Ольги Алексѣевны Новиковой.

Она была умна, симпатична, очень добродушна, имѣла особую способность привлекать и удерживать дружбу замѣчательныхъ мужчинъ и женщинъ, но мало или ничего почти не указывало на тѣ

способности, которымъ суждено было дать ей выдающееся мѣсто въ исторіи своей страны.

Когда дамы посвящаютъ себя полемикѣ, сухость преній иногда оживляется комплиментами и вѣжливостью, которыхъ не найти въ полемикѣ мужчинъ. Между другими знакомствами, сдѣланными г-жей Новиковой во время ея дѣятельности въ старо-католическомъ вопросѣ, видное мѣсто занималъ Альбертъ Ревиль, протестантскій богословъ передовой школы. Родился онъ во Франціи въ 1826 г. и поселился въ 1851 г. въ Роттердамѣ, какъ пасторъ Валлунской церкви. Въ 1880 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи религій въ Collège de France. Онъ былъ ученый и многотомный писатель. Первое его сочиненіе была сравнительная исторія философіи и религіи,—послѣднее: книга о религіи Китая. Въ годъ его отъѣзда изъ Роттердама онъ получилъ отъ Ольги Алексѣевны ея статью о безсмертіи, тогда началась длинная переписка, въ которой горячая полемика православной и протестанта смягчалась любезными посланіями, одного образца которыхъ достаточно для ихъ характеристики. Г-жа Новикова послала ему свой портретъ. Онъ отвѣчаетъ.

8 октября 1873 г.

„Милостивая Государыня. Я хочу самымъ искреннимъ образомъ Васъ благодарить за прелестное содержимое въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ. Согласно Вашему желанію посылаю Вамъ мою фотографію, хотя долженъ сознаться, что въ этомъ обмѣнѣ выигрышъ весь на моей сторонѣ.

„Смѣю ли я сказать, какое впечатлѣніе произвела на меня Ваша фотографія? Я всегда былъ необыкновенно застѣнчивъ съ дамами, въ особенности, когда приходилось имъ говорить только лестныя вещи, а тѣмъ болѣе, когда эти лестныя вещи сущая правда. Даже, когда пишу, я застѣнчивъ, но едва-ли можно получить портретъ отъ дамы и не выразить своего мнѣнія. Позвольте для того, чтобы я могъ быть непринужденнѣе, разсказать вамъ маленькій эпизодъ, случившійся въ одномъ изъ моихъ путешествій.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я путешествовалъ по Швейцаріи, сидя на верху дилижанса рядомъ съ разговорчивымъ англичаниномъ. Разговоръ шелъ о достоинствахъ двухъ языковъ—англійскаго и французскаго. Моему спутнику хотѣлось узнать нѣсколько любезныхъ французскихъ фразъ, которыми онъ бы могъ, какъ онъ сказалъ, воспользоваться при случаѣ. Я подозрѣваю, что онъ имѣлъ намѣреніе ихъ поднести хорошенькой швейцаркѣ, сидящей внутри кареты. Словомъ, онъ спросилъ, какъ сказать прилично по-французски „какъ вы хороши (How good loaking yau are)!“ Это зави-

ситъ, отвѣтилъ я, отъ степени вашихъ дружескихъ отношеній, отъ мысли или намѣренія, побуждающаго къ этому восклицанію. Вы можете выбрать между „que vous avez bonne mine“ или, если вы хорошо знакомы, „comme on aime à vous regarder! Quelle charmante physionomie“, или еще, это вѣрнѣе всего передаетъ мысль: mademoiselle ou madame, voue êtes belle à ravir!

„Мой англичанинъ все это записалъ въ свою записную книжку. Я никогда не могъ узнать, послужило ли ему, въ концѣ концовъ, на пользу мое ученіе. Обращаясь къ вамъ, сударыня, я могу только сказать по-англійски, но со всѣми французскими значеніями: How good loaking yau are!

„Если при этомъ я прибавлю себѣ, не вамъ, что красивая молодая женщина, могущая избирать любое препровожденіе времени, имѣетъ довольно серьезный вкусъ, чтобы трудиться надъ работой Библейскихъ изысканій, съ которой я только-что познакомился, то я передъ ней глубоко преклоняюсь и съ искреннимъ уваженіемъ ее привѣтствую... Но я умолкаю, краснѣю и нахожу, что, когда я пишу это, это все равно, что я бы говорилъ, а этого я пугаюсь.

„Да, сударыня, исполните то, на что Вы мнѣ дали надежду, дай Богъ, чтобы будущая весна Васъ встрѣтила на берегу нашихъ Норманскихъ водъ. Если до того я какъ-нибудь могу служить Вамъ, не стѣсняйтесь пользоваться Вашимъ застѣнчивымъ, но покорнымъ слугой

А. Ревиль“.

Въ то время корреспонденты Ольги Алексѣевны, въ особенности французы, обращались къ ней съ пустыми комплиментами, которые составляютъ обмѣнъ свѣтскихъ сношеній. Черезъ три года опытнѣйшіе государственные люди писали ей, какъ будто бы она была изъ ихъ среды.

Но въ эту раннюю пору, прежде той трагедіи, которая послужила ей перерожденіемъ, Ольгу Алексѣевну трудно было заставить смотрѣть на себя серьезно.

Она всегда любила шутку, иногда не могла удержаться отъ искушенія произвести нѣкоторую сенсацію, даже при серьезнѣйшемъ настроеніи. Это дѣлало ея общество такимъ веселымъ и пріятнымъ, что трудно было соединить съ нею суровую дѣйствительность политики и войны. Такъ въ раннюю пору ея жизни въ Клариджъ Отелѣ, вскорѣ послѣ того, какъ она начала писать о политикѣ, когда многіе любопытные недоумѣвали надъ ея положеніемъ въ Англіи, къ ней пріѣхало нѣсколько пожилыхъ дамъ. Онѣ рѣшились узнать, кто она и чѣмъ занимается. Ольга Алексѣевна сейчасъ догадалась, что

у нихъ что-то на умѣ, и что ей придется выдержать нѣчто въ родѣ умышленной атаки отъ своихъ посѣтительницъ. Наконецъ, одна изъ старухъ нѣсколько неувѣренно спрашиваетъ: мадамъ Новикова, Вы теперь постоянно живете въ Англіи, не правда ли? —Нѣтъ, я провожу здѣсь нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ, послѣ чего возвращаюсь въ Россію къ мужу и сыну.—Такъ скажите, это не очень нескромный вопросъ, какая цѣль Вашихъ пріѣздовъ сюда? Ольга Алексѣевна посмотрѣла на своихъ собесѣдницъ, ей стало смѣшно и съ нѣкоторой напускной нерѣшительностью отвѣтила таинственно: „Я здѣсь нужна для моихъ незаконныхъ дѣтей". Послѣ всеобщаго ужаса она продолжала: „Я называю незаконными дѣтьми мои политическія статьи. Я не имѣю права мѣшаться въ политику, какъ вы знаете, но, если мною завладѣетъ какая-нибудь мысль, я непремѣнно должна изложить ее на бумагѣ и пустить въ свѣтъ. Вотъ и все". Что сказали милыя старушки, когда онѣ отряхнули прахъ отъ ногъ своихъ, выходя изъ Клариджъ Отеля, неизвѣстно, такъ какъ ни одна изъ нихъ не имѣла счастливой черты юмора; онѣ были увѣрены, что скандалъ гораздо больше, чѣмъ онѣ великодушно воображали.

Мало есть воспоминаній о времени отъ 1868 по 1873 г.г., касающихся Ольги Алексѣевны.

Европа въ это время творила исторію. Французская имперія исчезла, какъ привидѣніе при крикѣ пѣтуховъ. Германскаго императора провозгласили въ Версалѣ, черноморскій трактатъ былъ уничтоженъ, Гладстонъ вошелъ въ министерство и былъ наканунѣ жестокаго пораженія. Было бы чрезвычайно интересно имѣть тонкія, ѣдкія объясненія Виллерса о всѣхъ этихъ событіяхъ, услышать хотя бы косвеннымъ путемъ, какими эти событія представлялись глазамъ русскаго наблюдателя. Но въ собраніи писемъ г-жи Новиковой нѣтъ корреспонденціи этихъ лѣтъ. Повидимому, Ольга Алексѣевна уничтожала тогда свою переписку и не вела дневника, слѣдствіемъ чего является пропускъ этихъ пяти лѣтъ и продолженіе черезъ пять лѣтъ послѣ перваго пребыванія г-жи Новиковой въ Англіи.

Въ этотъ промежутокъ сынъ ея бывалъ часто боленъ, и она провела зиму съ нимъ и съ мужемъ въ Палермо.

1875-й годъ привелъ къ заключенію предварительные и приготовительные шаги на поприщѣ Ольги Алексѣевны. До тридцати-шести-лѣтняго возраста въ жизни ея ничѣмъ не проявлялась ея способность къ политической дѣятельности. Эти годы ей принесли опытъ обще-человѣческой жизни—любовь, замужество, материнство, дружбу, путешествія и лишеніе, и она развила симпатіи естественно

воспріимчиваго ума, сношеніями съ многими выдающимися людьми своего времени. Но мало кто изъ нихъ отгадывалъ въ ней талантъ писательницы. Карлъ Лаверъ, старый ея другъ, умолялъ ее писать письма изъ Англіи, по образцу знаменитыхъ Lettres Persanes Монтескье, что̀ доказываетъ его высокое мнѣніе о ея литературномъ дарованіи. Когда Кинглекъ познакомилъ ее съ Бульверомъ въ Ричмондѣ, онъ разсердился на Бульвера за то, что онъ говорилъ ему о ея умѣ и ничего не сказалъ о ея красотѣ. Ни Лаверъ, ни Бульверъ не угадывали роль, которую суждено было играть ихъ привлекательной и веселой русской знакомой въ исторіи ихъ временъ.

Она еще не нашла своего призванія. Вся ея жизнь была приготовленіемъ къ еще невѣдомой задачѣ, скрытой подъ пеленой будущаго. Не ранѣе, чѣмъ эта пелена была разорвана рукою смерти, услышала она призывъ къ дѣлу своей жизни.

Сообщено Е. С. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ монастырской жизни XVII вѣка.

(Какъ постригались въ монашество. 1667 г.).

Государю-преосвященному Симону, архіепископу Вологодцкому и Белоозерскому, царскаго богомолия і твоей святительской области Успенія Пречистые Богородицы Кирилова монастыря келарь чернецъ Павелъ Ремезовъ и соборные черицы челомъ бьютъ. Въ нынешнѣмъ, государь, въ 176 (*т. е. 1667*)-мъ году ноября въ 27 день объявился у насъ въ Кириловѣ монастырѣ нашъ монастырской подмонастырной крестьянинъ деревни Борового Ивашко Павловъ въ чернеческомъ платьѣ, и мы ево Ивашка приказали соборному старцу Митрофану Нечаеву роспросить, постриженъ-ли онъ, Ивашко, или на немъ искусъ положенъ, и буде постриженъ, и гдѣ онъ постриженъ, и хто ево постригалъ и сколь давно постриженъ, и что, государь, тотъ Ивашко въ роспросе сказалъ, и мы ево роспросные рѣчи отца ево духовнаго за рукою послали къ тебѣ, государь, подклея подъ сею отпискою, и о томъ, что ты, государь, укажешь, а онъ лежитъ нынѣ боленъ.

176-го году ноября въ 27 день. По приказу государей властей, старца Пахомія Спиридонова, келаря старца Павла Ремезова и старцовъ соборныхъ Кирилова монастыря чернецъ Митрофанъ Нечаевъ Кирилова же монастыря вотчины подмонастырной деревни Борового крестьянина Ивашка Павлова допрашивалъ, для того, что онъ сего же числа пришелъ въ Кириловъ монастырь въ чернеческомъ платьѣ, и постриженъ-ли онъ Ивашко, или на немъ искусъ положенъ, и будетъ постриженъ, и гдѣ онъ постриженъ и хто ево постригалъ и въ которомъ монастырѣ или гдѣ на погостѣ у мірской церкви и сколь давно онъ постриженъ или искусъ наложенъ.

И онъ, Ивашко, въ допросѣ сказалъ: „пошелъ-де я изъ дому своего сего же мѣсяца ноября противъ 24-го числа въ ночи, и пришелъ на усть-Шексны въ Троицкой монастырь постричися,

потому что тутъ у меня по рядѣ договорено было священнику, что постритчи ему меня за шесть алтынъ четыре денги. И какъ я пришелъ къ нему священнику постригатца, и онъ у меня учалъ спрашивать отпускной памяти, а у меня отпускной памяти нѣтъ, и для того онъ священникъ меня на усть-Шексны въ Троицкомъ монастырѣ и не постригъ, и я оттуды пошелъ въ Кириловъ монастырь, и не дошедъ до Кирилова монастыря, будучи на дорогѣ въ Вогненской волости на перелѣскѣ стретилъ меня старецъ; а сказался мнѣ тотъ старецъ из-за Бѣлаозера ис-пустыни, а которые на имя пустыни и какъ ево зовутъ, того я не вѣдаю, потому что онъ мнѣ не сказался, а я у него не спрошалъ. И постригъ меня онъ старецъ тутъ на дорогѣ въ лѣсѣ подъ елью, и волосы рѣзалъ ножемъ, а ножницъ и книги у нево не было, и грамотѣ онъ умѣетъ-ли или нѣтъ, того я не вѣдаю, а рукою онъ меня не благословлялъ и отъ постриганія далъ я ему найму тринадцеть алтынъ двѣ денги. А платье у меня чернеческое примыслено задолго до сего времяни, потому что постритчися я давно наряжался для-ради хлѣбной скудости, что ѣсть стало нечево и сталъ скорбенъ, а жена и дѣти постригатца меня не отпущали, и я отъ нихъ ушелъ таемъ, а дѣтей у меня осталось три сына, и большой въ пятнатцеть лѣтъ и нынѣ я у нево прохожево старца наложа на себя подъ елью чернеческое платье пришелъ въ Кириловъ монастырь къ отцу своему, старцу Пахомію“.

И того же числа ноября въ 27 день отецъ его с-Ивановского монастыря изъ меншой больницы старецъ Пахомій допрашиванъ. А въ допросѣ сказалъ: Я-де сына своего и не видалъ, какъ онъ пришелъ нынѣ въ Кириловъ монастырь и въ кельѣ у меня не бывалъ, и постриженъ-ли онъ или нѣтъ, того я не вѣдаю, а для хлѣбной скудости постритца онъ хотѣлъ, и я ево унималъ, и постригатца ему не велѣлъ, а велѣлъ ему съ женою и з-дѣтми скитатца въ мірѣ, и онъ мнѣ говорилъ: будетъ-де ты мнѣ въ Кириловѣ монастырѣ постричися воли не дашь, и я-де и инуды отшедъ где-нибуди постригусь. То мои и рѣчи“. А допросные рѣчи записалъ Кирилова монастыря служка Лучка Ивановъ. *Наобор.*: „Къ семъ допроснымъ речамъ Покровской попъ Ѳедоръ Лукъяновъ вмѣсто сына своего духовнаго крестьянина Ивана Павлова по его челобитью руку приложилъ“.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года[1]).

Березина.

(Окончаніе).

Вильна, февраль 1813 г.

Теперь я долженъ изложить подробности военныхъ дѣйствій адмирала Чичагова и его молдавской арміи. Лучше всего будетъ передать ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были любезно сообщены мнѣ, по моей просьбѣ, самимъ адмираломъ.

Изъ моихъ прошлогоднихъ писемъ вамъ уже извѣстно, что вначалѣ рѣчь шла о диверсіи, которую эта армія должна была произвести въ Далмаціи послѣ заключенія мира съ турками. Но чрезвычайныя трудности, сопряженныя съ этимъ походомъ и съ продовольствіемъ 40.000 арміи и, наконецъ, необходимость въ этой арміи для усиленія ею корпусовъ, состоявшихъ подъ командою генерала Тормасова, которые должны были прикрывать Волынь и дѣйствовать затѣмъ противъ тыла великой французской арміи, заставили благоразумно отказаться отъ этого плана.

Адмиралъ сказалъ мнѣ:

„Вотъ что сдѣлали съ арміей, которой я имѣлъ честь командовать съ тѣхъ поръ, какъ она оставила берега Дуная.

„25 іюля (6 августа) мнѣ было приказано, по Высочайшему повелѣнію, присоединиться къ арміи генерала Тормасова, т. е. идти въ направленіи, діаметрально противуположномъ тому, для выполненія котораго, согласно полученнымъ мною ранѣе инструкціямъ, было сдѣлано распоряженіе. Я выступилъ нѣсколько дней спустя и, несмотря

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1909 г.

на страшную жару и препятствія, какія намъ пришлось преодолѣть впослѣдствіи изъ-за разлива рѣкъ, армія перешла Днѣстръ 28 августа (9 сентября). 6 (18) сентября она подошла къ Луцку, лежащему на р. Стырѣ, соединилась съ арміей генерала Тормасова и стала противъ австро-саксонской арміи, коей командовалъ князь Шварценбергъ, прекратившій свое преслѣдованіе лишь при приближеніи моей арміи.

„Дунайская армія состояла въ то время изъ четырехъ неполныхъ дивизій; ее нужно было пополнить 12—15.000 рекрутами, которыхъ я неоднократно требовалъ изъ Бухареста, а затѣмъ, проходя близъ Херсонской губерніи, пытался взять изъ депо, но мнѣ ихъ дали только тогда, когда я уже былъ въ Брестѣ, откуда я долженъ былъ идти немедленно на Минскъ; такимъ образомъ рекруты не догнали меня до окончанія похода.

„Во время нашего марша изъ Валахіи до р. Стыря, наличный составъ нашей арміи состоялъ изъ 30.000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. Армія генерала Тормасова могла быть численностью въ 20—22.000 человѣкъ. У князя Шварценберга и генерала Ренье было болѣе 40.000 человѣкъ, а именно, около 30.000 австрійцевъ, 12.000 саксонцевъ и небольшое число поляковъ. Они занимали весь противуположный берегъ Стыри, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашихъ армій, и посты Владимірскій и Устилугскій, которые легко могли получить подкрѣпленіе со стороны войскъ, занимавшихъ гарнизоны въ Замостьи. Въ Мозырѣ у насъ былъ постъ, численностью въ 15.000 человѣкъ, коимъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Эртель.

„При свиданіи моемъ 6 (18) и 9 (21) сентября съ генераломъ Тормасовымъ было рѣшено атаковать непріятеля одновременно, если онъ заблагоразсудитъ обождать насъ; въ противномъ случаѣ рѣшено было преслѣдовать его [1]). Тѣмъ временемъ мы получили отъ фельдмаршала Кутузова извѣщеніе о назначеніи его главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ. Хотя единство власти имѣло большое преимущество, однако выборъ лица казался необычайнымъ; слабость характера и взгляды этого лица были слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы возможно было ожидать отъ него большого толка.

„Въ полученномъ мною отъ него письмѣ, отъ 14 (26) августа,

---

[1]) Это рѣшеніе могло показаться соблазнительнымъ, но оно не соотвѣтствовало приказаніямъ, полученнымъ вслѣдъ затѣмъ отъ Кутузова, предписавшаго Чичагову соединиться съ Тормасовымъ на берегу Стыри, а послѣднему—перейти въ наступленіе противъ праваго фланга французской арміи. (Прим. издат.).

онъ сообщалъ, что непріятель, сосредоточивъ всѣ свои силы, находился уже между Смоленскомъ и Москвою, что наши войска были въ Дорогобужѣ, что ему не было доподлинно извѣстно, гдѣ именно находится армія генерала Тормасова и что, по его предположенію, я долженъ былъ находиться недалеко отъ Днѣстра, но еще въ Молдавіи; онъ присовокуплялъ, что не время думать о дальнихъ диверсіяхъ, что главное было дѣйствовать противъ праваго фланга непріятеля, что это было единственное средство остановить его стремительное движеніе и т. д.

„Такъ какъ я уже выступилъ изъ Молдавіи и Валахіи, то мнѣ не приходилось болѣе думать о диверсіяхъ, которыя могли быть совершены съ этой стороны, на югѣ Европы; но что разумѣлъ его превосходительство подъ правымъ флангомъ непріятеля?

„Изъ 29-го бюллетеня мы знаемъ, что императоръ Наполеонъ называетъ правымъ флангомъ французской арміи корпуса, коими командовали князь Шварценбергъ, генералы Ренье и Домбровскій. Съ этой точки зрѣнія мы сдѣлали все, что было можно, ибо всѣ эти войска ни мало не стѣсняли фельдмаршала. Первыя находились передъ нами; послѣдній стоялъ противъ Бобруйска, въ виду генерала Эртеля. Если же въ намѣреніе князя Кутузова входило противупоставить насъ правому флангу французской арміи, находившемуся непосредственно подъ начальствомъ самого Наполеона, значитъ, онъ не принималъ въ разсчетъ ни разстояній, ни возможныхъ случайностей, ибо, даже въ томъ случаѣ, если бы австро-саксонская армія не могла помѣшать нашему движенію, о немъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ намъ предстояло еще пройти все разстояніе отъ Луцка до Москвы въ то время, какъ непріятель былъ уже у воротъ этого города.

„Наконецъ 10 (22) сентября мы перешли р. Стырь въ трехъ пунктахъ, гдѣ была подготовлена переправа; 8 (20) непріятель произвелъ рекогносцировку въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были наведены мосты, и принялъ мѣры къ отступленію. Мы двинулись на Порѣцкъ Владиміръ, Локачи и Торчинъ, отрядивъ корпусъ для наблюденія за Ковельской дорогой. Непріятель отступалъ по всѣмъ пунктамъ въ образцовомъ порядкѣ. Обозъ былъ отправленъ впередъ, всѣ трудности, предстоявшія арміи, были доведены до минимума; на Бугѣ были подготовлены переправы, снабженныя тэтъ-депонами.

„Совершивъ не болѣе двухъ переходовъ, мы настигли подъ вечеръ, 11 (23) сентября, польскій корпусъ въ Локачахъ. Непріятель былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ; городъ былъ занятъ, и мы преслѣдовали непріятельское войско до деревни Павковичи, куда

поляки пытались не впустить насъ, сражаясь подъ прикрытіемъ окрестныхъ домовъ.

„Наступившая темнота прикрыла ихъ отступленіе. Тутъ мы взяли въ плѣнъ человѣкъ пятьдесятъ молодыхъ поляковъ, уроженцевъ герцогства Варшавскаго. Мы потеряли всего на всего одного гусарскаго офицера Бѣлорусскаго полка и гусара рядового (оба были убиты) и человѣкъ двадцать ранеными.

„12 (24) мы были вынуждены сдѣлать остановку, такъ какъ генералъ Тормасовъ пожелалъ видѣться со мною по случаю пріѣзда курьера отъ фельдмаршала, а также, чтобы дать время подойти фуражу. Я отправился въ его главную квартиру, гдѣ онъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ приказанія, а именно: оставить Волынь и придвинуться къ Великой Арміи, такъ какъ непріятель рѣшилъ атаковать Москву. Мы чувствовали, что если генералъ Тормасовъ покинетъ меня, то я, какъ слабѣйшій, подвергнусь такой же опасности и тѣмъ же бѣдствіямъ, какихъ ему удалось избѣжать только потому, что къ нему подошла моя армія. Онъ пришелъ бы къ мѣсту своего назначенія слишкомъ поздно, чтобы быть чѣмъ-либо полезенъ, между тѣмъ какъ, уйдя отъ меня, онъ разстроилъ бы весь планъ начатаго нами движенія, имѣвшаго цѣлью заставить непріятеля очистить двѣ самыя плодоносныя губерніи Польши, отбросить его за границу или втянуть въ бой, въ которомъ его силы были бы слабѣе нашихъ.

„Генералъ Тормасовъ рѣшилъ не оставлять меня до тѣхъ поръ, пока непріятель будетъ на Волыни. Нѣсколько дней спустя было получено отъ фельдмаршала новое приказаніе, коимъ мнѣ предписывалось идти на соединеніе съ великой арміей, а генералу Тормасову велѣно было остаться. Тѣмъ временемъ императоръ Наполеонъ шелъ впередъ и былъ уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ столицы, которую фельдмаршалъ обѣщалъ спасти. Я не показалъ себя неблагодарнымъ; я остался на мѣстѣ, чтобы не покидать генерала Тормасова, армія котораго была бы въ противномъ случаѣ уничтожена, или отброшена внутрь страны и вынуждена оставить наши южныя польскія губерніи. Предположимъ однако, что генералъ Тормасовъ пошелъ бы впередъ, согласно полученному имъ приказанію, ему пришлось бы въ такомъ случаѣ вернуться обратно, а мнѣ бы пришлось идти по пройденному имъ пути, такъ какъ я находился немного западнѣе отъ генерала Тормасова; получалось впечатлѣніе, будто фельдмаршалу хотѣлось, чтобы мы протанцовали съ княземъ Шварценбергомъ менуэтъ въ то время, какъ онъ самъ несся галопомъ черезъ Москву, убѣгая отъ императора Наполеона.

„Начиная съ 13 (25) сентября и до 20 сентября (2 октября) мы продолжали преслѣдовать непріятеля до деревни Орховекъ, лежащей напротивъ Виндавы, гдѣ онъ перешелъ Бугъ. Въ это самое время генералъ-адъютантъ полковникъ Чернышевъ привезъ мнѣ новыя инструкціи, слѣдующаго содержанія:

„Отъ Острога обратить предводимую вами армію на Пинскъ, гдѣ 25-го сентября должно ей быть непремѣнно, поелику одинъ изъ главныхъ успѣховъ сей операціи есть: закрываясь движеніями Тормасова, выиграть вамъ надъ корпусами Ренье и Шварценберга нѣсколько переходовъ отъ Пинска на Несвижъ и Минскъ, дабы, предупреждая ихъ въ сихъ мѣстахъ, совершенно отрѣзать ихъ отъ Минской губерніи, Березины и главной непріятельской арміи. Не позже къ 1-му октября, а если ранѣе, тѣмъ лучше, армія, вами предводимая, должна быть въ Несвижѣ. Тутъ учредя сообщеніе съ бывшею арміею Тормасова, къ 5-му октября усилить ее, если нужно, отрядомъ вашихъ войскъ и тѣмъ поставить ее въ лучшую возможность, сильно поразить и преслѣдовать Шварценберга и Ренье, выгоняя ихъ въ герцогства Варшавское или Галицію. Къ 9-му октября наипозднѣе, а если прежде, тѣмъ лучше, главныя силы ваши должны быть въ Минскѣ, гдѣ къ тому же дню придетъ къ вамъ отрядъ изъ Мозыря. Изъ Минска, какъ можно скорѣе, въ одну сторону займете рѣку Березину и Борисово, гдѣ должно укрѣпить сильный лагерь, занимая и далѣе лѣсъ и дефилеи по дорогѣ отъ Борисова до Бобра, и укрѣпляя по всей дорогѣ сей всѣ способныя къ тому мѣста, такъ, чтобы на возвратномъ пути главной непріятельской арміи, преслѣдуемой нашими войсками, тутъ на каждомъ шагу могло быть производимо сильное сопротивленіе, а въ другую, къ 15-му октября, соединитесь съ графомъ Витгенштейномъ къ сторонѣ Докшицъ, чѣмъ и прямѣйшія коммуникаціи ваши какъ съ Петербургомъ, такъ и съ Кіевомъ, совершенно утверждены и обезпечены будутъ. Занимая такимъ образомъ центръ соединенныхъ трехъ армій и имѣя четвертую резервомъ въ Вильнѣ, подъ начальствомъ графа Штейнгеля, между тѣмъ происшествія въ главныхъ арміяхъ откроютъ то, чего предвидѣть нѣтъ возможности, и тогда по стремленію непріятеля, или на лѣвый флангъ черезъ Улу, или на центръ, черезъ Бобръ или Борисовъ и Березину, или на правый флангъ къ Бобруйску, и наши три арміи соединиться должны для отраженія непріятеля, или въ центрѣ, или на которомъ-либо флангѣ, однимъ словомъ: вездѣ, гдѣ бы онъ только какое покушеніе сдѣлать могъ, всегда съ дѣятельностію и быстротою предупреждая, по крайней мѣрѣ въ равныхъ силахъ, и удерживая такъ расположеніе войскъ нашихъ, чтобы не только въ непріятельскую главную армію изъ-за границъ нашихъ ничего доходить не могло, но чтобы и изъ оной курьеры, или шпіоны нигдѣ прокрасться не могли и ни малѣйшая часть той главной непріятельской арміи, столь далеко зашедшей внутрь предѣловъ нашихъ, столь изнуренной понесенными уже утратами, тѣми пораженіями и тяжкими походами, какіе еще понести можетъ, *безъ пораженія въ конецъ и совершеннаго истребленія изъ предѣловъ нашихъ отступить не могла*“.

Генералу Витгенштейну было предписано въ то же время, „овладѣвъ Полоцкомъ съ тыла, истребя тутъ непріятеля и присоединя къ себѣ корпусъ князя Яшвиля, устремиться, какъ можно бы-

стрѣе, на истребленіе отрѣзаннаго Удино отъ главной непріятельской арміи, опровергая его на войска графа Штейнгеля, который къ тому же времени, при успѣхахъ надъ Макдональдомъ, уже близится къ Видзямъ и къ Свенцянамъ. Такимъ образомъ отрѣзавши Удино и закрывъ себя съ той стороны дѣйствіемъ графа Штейнгеля, стремительно обратитесь къ Докшицѣ, гдѣ къ 15-му октября быть можете, и отсель открывъ коммуникацію на Минскъ и соединясь съ Чичаговымъ, черезъ Березино, займите Лепель и все теченіе Улы, отъ Березины до впаденія въ Двину".

Таковы были инструкціи, присланныя изъ Петербурга.

Изъ нихъ видно, что имѣлось въ виду главнымъ образомъ сосредоточить большія силы вдоль по теченію Березины, чтобы дѣйствовать въ зависимости отъ обстоятельствъ и воспользоваться всѣми случайностями, чтобы нанести непріятелю возможно больше вреда.

Инструкціи были получены отъ имени Императора; сообщая ихъ мнѣ, фельдмаршалъ ничего не добавилъ, только предписалъ считать недѣйствительнымъ данное имъ ранѣе приказаніе присоединиться къ нему.

22 сентября (4 октября), принявъ командованіе надъ обѣими арміями, я пошелъ на Брестъ, гдѣ мы увидали всю союзную австро-саксонскую армію за исключеніемъ отряда генерала Мора, котораго я приказалъ преслѣдовать, но онъ бѣжалъ въ Грецію, потерявъ 5 офицеровъ и около 100 человѣкъ изъ отряда Кинмайера. Непріятель, съ самаго начала преслѣдованія, потерялъ приблизительно 2.500 чел. убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Онъ какъ будто ожидалъ, что ему придется вступить въ бой, отъ котораго онъ постоянно уклонялся. Въ Брестѣ непріятель даже укрѣпился, но когда все было готово для атаки, онъ воспользовался туманомъ, скрывавшимъ его движенія, перешелъ обратно Бугъ и такимъ образомъ совершенно очистилъ Волынь.

Я далъ въ Брестѣ войскамъ нѣсколько дней отдыха, самъ же занялся обсужденіемъ тѣхъ движеній, которыя мнѣ надлежало выполнить, чтобы достигнуть результата, наиболѣе соотвѣтствовавшаго вышеприведеннымъ инструкціямъ. Я рѣшился оставить довольно сильный постъ въ Владимірѣ, чтобы охранять доступъ въ Волынь со стороны Замостья; для этой цѣли было отряжено около 5.000 ч. Въ этотъ отрядъ вошла часть войскъ, оставшихся въ тылу и вышедшихъ изъ госпиталей. Я зналъ, что для того, чтобы стѣснить дѣйствія князя Шварценберга было недостаточно оставить обсерваціонный корпусъ въ Брестѣ, ибо, отрядивъ туда часть войска, онъ могъ бы, съ остальной частью своей арміи, помѣшать мнѣ въ

моемъ движеніи на Минскъ, что составляло главную мою цѣль, такъ какъ первая часть инструкцій относительно изгнанія союзной арміи и соединеніе моихъ двухъ армій была уже выполнена.

„Чтобы дѣйствовать, въ столь критическихъ обстоятельствахъ, съ наивозможной увѣренностью, я рѣшилъ оставить 17.000 корпусъ подъ командою генералъ-лейтенанта Сакена, какъ старѣйшаго изъ генералъ-лейтенантовъ, а на дорогѣ въ Пружаны мною былъ поставленъ 10.000 корпусъ, предоставленный въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Сакена на тотъ случай, если бы онъ понадобился ему, а покуда этотъ корпусъ могъ обезпечить свободу сообщеній между нами.

„Всѣ эти войска, образовавшія корпусъ въ 27.000 человѣкъ, были подчинены, также какъ и Владимірскій отрядъ, генералу Сакену, которому было приказано охранять Волынь отъ вторженія непріятеля, въ особенности не допускать, чтобы онъ послѣдовалъ за мною, въ каковомъ случаѣ Сакену должно было энергично атаковать его.

„Отдавъ соотвѣтственныя приказанія генераламъ Эртелю и Людерсу, которые вели отрядъ въ 3.000 человѣкъ, состоявшій изъ отсталыхъ солдатъ и взятыхъ изъ походныхъ госпиталей, я двинулся съ остальными 25.000 человѣкъ на Минскъ. Въ тотъ самый день, когда я пришелъ въ Минскъ, Эртель, согласно даннымъ ему приказаніямъ и письменному маршруту, долженъ былъ отправиться въ Игуменъ. Въ этомъ городѣ долженъ былъ присоединиться ко мнѣ генералъ Лидерсъ, что онъ и выполнилъ вполнѣ успѣшно. Эртель, напротивъ, не тронулся съ мѣста и оставался все время въ Мозырѣ до тѣхъ поръ, пока я не отозвалъ его, ввѣривъ командованіе генералъ-маіору Тучкову.

„Въ то время какъ я былъ занятъ приготовленіями къ этому движенію, нѣсколько отрядовъ было послано для вторженія въ Варшавское герцогство; эти незначительные корпуса подходили къ самымъ стѣнамъ Варшавы, разоряли магазины, брали плѣнныхъ и собирали контрибуцію, въ то время какъ другой отрядъ, подъ командою генерала Чаплица, проникъ до Слонима, гдѣ имъ былъ застигнутъ и взятъ плѣнъ въ цѣлый полкъ гвардейскихъ уланъ, состоявшій изъ польскихъ шляхтичей съ генераломъ Конопкою, который былъ занятъ формированіемъ этого полка.

„Когда все было готово, мы выступили изъ Бреста, 15 (27) октября, на Пружаны, Слонимъ и Минскъ. Придя въ Слонимъ, мы узнали, что за нами слѣдовалъ князь Шварценбергъ, и что его авангардъ былъ уже въ Волковыскахъ. Дѣйствительно, генералъ этотъ, видя, что я оставилъ въ распоряженіе генерала Сакена только об-

серваціонный корпусъ, предоставилъ дѣйствовать противъ него генералу Ренье, самъ же пошелъ вслѣдъ за мною; но генералъ Сакенъ успѣшно атаковалъ саксонцевъ, которые замѣтили вскорѣ свою ошибку. Будучи слишкомъ слабы, они просили князя Шварценберга поддержать ихъ; онъ вернулся обратно, и оба генерала потеряли пока всякую охоту преслѣдовать меня.

Изъ Слонима я послалъ полковника Чернышева съ полкомъ казаковъ, чтобы установить сообщеніе между мною и корпусомъ графа Витгенштейна, сообщить ему о моемъ движеніи на Минскъ и Борисово и просить его сдѣлать все возможное, чтобы ускорить наше соединеніе черезъ Лепель, влѣво отъ Березины, какъ это предписывалось намъ инструкціями.

„Экспедиція совершилась удачно, но намъ не удалось соединиться, такъ какъ, вмѣсто того чтобы взать вправо, онъ взялъ влѣво и, по этой причинѣ, очутился въ хвостѣ, вмѣсто того чтобы очутиться противъ непріятеля при его проходѣ черезъ Березину.

„Прибывъ въ Несвижъ, 31 октября (12 ноября) я узналъ, что генералъ Козецкій со своей дивизіей, входившей въ составъ корпуса Домбровскаго, стоялъ на берегу Нѣмана. Я тотчасъ отрядилъ дивизію Ламберта съ нѣсколькими другими войсками, которыя настигли непріятеля, разбили его, взяли у него плѣнныхъ и преслѣдовали его столь энергично, что онъ былъ вынужденъ отступить, не успѣвъ ни сжечь, ни разрушить мостъ; онъ даже бросилъ одно изъ своихъ орудій [1]). Обезпечивъ такимъ образомъ арміи переправу черезъ Нѣманъ, безъ чего ея движеніе было бы значительно замедлено , генералъ Ламбертъ продолжалъ преслѣдовать непріятеля, настигъ его у Кайданова и истребилъ весь отрядъ, взялъ два орудія, 60 офицеровъ и болѣе 2.000 солдатъ. Мы двинулись форсированными переходами къ Минску, который былъ занятъ 4 (16) ноября моимъ авангардомъ; я вступилъ въ городъ 5 (17) числа.

„Въ этотъ промежутокъ времени я получилъ отъ фельдмаршала нѣсколько писемъ, но онъ не далъ мнѣ никакихъ указаній относительно того, что мнѣ слѣдовало дѣлать и на что надѣяться, и какіе болѣе или менѣе важные посты слѣдовало занять; я не получилъ также никакихъ свѣдѣній относительно бродовъ и тэтъ-де-пона, находившагося передъ Борисовымъ, который мнѣ надобно было взять, хотя всѣ инженеры, производившіе эти работы, и самыя точныя карты находились въ его главной квартирѣ. Меня особенно безпокоило то обстоятельство, что, намѣреваясь, повидимому, слѣдовать за

[1]) См. Богдановичъ, III, 226.

непріятелемъ по пятамъ, онъ писалъ мнѣ, что послѣдній предполагаетъ идти въ Украйну и что мнѣ надлежало усилить Кіевскій гарнизонъ; это могло меня опять таки сильно ослабить, если бы я не употребилъ на это войска, взятыя изъ депо, и нѣсколько батальоновъ рекрутъ, которые все равно не могли догнать меня.

„Терять времени было нельзя; 7 (19) ноября я приказалъ двинуть авангардъ, подкрѣпивъ его двумя полками и ротой тяжелой артиллеріи. 8 (20) числа армія выступила тремя колоннами; изъ нихъ одна шла за авангардомъ, на Борисовъ; другая на Зембинъ, съ приказаніемъ разрушить тамъ мосты и плоты, если бы таковые оказались на Березинѣ; это порученіе было возложено на генерала Чаплица; третья колонна пошла на Игуменъ, а оттуда кратчайшимъ путемъ къ Березинѣ. Польскій генералъ Домбровскій съ 7—8.000 корпусомъ занималъ въ Борисовѣ тэтъ-де-понъ; непріятель атаковалъ его въ этомъ пунктѣ и послѣ продолжительнаго и упорнаго сраженія, длившагося весь день, все 9 (21) число, тэтъ-де-понъ былъ взятъ приступомъ дивизіей генерала Ламберта, коему была поручена эта атака. Непріятель потерялъ въ этомъ дѣлѣ около 3.000 чел. убитыми и ранеными, 7 орудій и одного орла. Часть его войска, при томъ наиболѣе значительная, бѣжала къ Борисову; другая часть, бѣжавшая вдоль берега Березины, была захвачена отрядомъ, который шелъ въ Игуменъ. Послѣдствіемъ этой побѣды было занятіе Борисова и главнаго брода черезъ рѣку.

„На слѣдующій день я произвелъ рекогносцировку и убѣдился въ невозможности имѣть въ Борисовѣ укрѣпленный лагерь. Мнѣ оставалось произвести рекогносцировку столь хваленыхъ дефилей со стороны Бобра; но меня занималъ болѣе всего вопросъ о соединеніи съ корпусомъ Витгенштейна, который еще не успѣлъ подойти.

„Это заставило меня послать впередъ одинъ отрядъ, чтобы удостовѣриться, гдѣ именно находится непріятель, и предупредить меня въ случаѣ его приближенія. Успѣвъ пройти не болѣе 12 верстъ, этотъ отрядъ встрѣтилъ голову 1-ой колонны главной арміи Наполеона, приближавшейся къ намъ, былъ вынужденъ отступить къ Борисову, и такъ какъ мостъ былъ очень длиненъ и узокъ, то часть обоза осталась позади и досталась непріятелю. Мы потеряли при этомъ впрочемъ не болѣе ста человѣкъ и ни одного орудія. Въ отрядѣ было не болѣе 2.000 человѣкъ.

„Тогда я раздѣлилъ армію на нѣсколько отрядовъ, чтобы охранять броды черезъ Березину, изъ коихъ главный находился у тэтъ-де-пона, занимавшаго центральную позицію, что̀ давало мнѣ возможность дѣйствовать быстро и легко.

„11 (23), 12 (24) и 13 (25) ноября не произошло ничего осо-

беннаго; мы и непріятель наблюдали другъ за другомъ, какъ вдругъ прибылъ отъ фельдмаршала курьеръ и сообщилъ мнѣ, что непріятель имѣлъ намѣреніе идти черезъ Рогачевъ на Игуменъ, чтобы выйти на Минскую дорогу. Я не могъ не вѣрить свѣдѣніямъ, сообщеннымъ фельдмаршаломъ, и долженъ былъ смотрѣть на его письмо, какъ на приказаніе. Чтобы подвергнуться возможно меньшей опасности, я совершилъ съ корпусомъ генерала Воинова движеніе вправо до Шабашевичей, чтобы вступить въ бой, если бы это понадобилось.

„14 (26) непріятель выказалъ намѣреніе навести мостъ близъ Ухалодъ и серьезно приготовился къ переправѣ у Зембина.

„Французская армія, соединившись съ корпусами Виктора и Удино, усилилась на 30.000 человѣкъ; въ ней было въ то время болѣе 100.000 человѣкъ и довольно значительная артиллерія; съ этими соединенными силами Бонапартъ подошелъ къ Березинѣ. Рѣка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была замерзши; въ другихъ пунктахъ ее можно было перейти въ бродъ, такъ что оборона этой переправы, тянувшейся болѣе чѣмъ на 100 верстъ, требовала несравненно болѣе значительныхъ силъ, нежели мы могли противупоставить непріятелю. Я былъ одинъ, такъ какъ Эртель и Витгенштейнъ еще не подошли, и главная армія находилась въ десятидневномъ переходѣ отъ того пункта, гдѣ должны были быть сосредоточены всѣ силы.

„Изъ бывшихъ въ моемъ распоряженіи 25.000 человѣкъ я могъ разставить вдоль по берегу рѣки, густо поросшему лѣсомъ, не болѣе 16.000 пѣхоты. Вслѣдствіе сильныхъ морозовъ болотистые берега рѣки сдѣлались доступны, что̀ облегчило Бонапарту переправу. Благодаря этому, французскій пѣхотный корпусъ имѣлъ возможность занять лѣсъ, который тянется по лѣвому берегу Березины, и намъ не удалось воспрепятствовать переправѣ французской арміи, которая значительно превосходила насъ численностью и была защищена высотами, на которыхъ французы соорудили сильныя батареи; это вынудило дивизію Чаплица оставить лѣсъ, послѣ жаркой перестрѣлки, продолжавшейся до 10 часовъ вечера.

„15 (27) ноября мы были заняты сосредоточеніемъ корпусовъ и отрядовъ, расположенныхъ по берегу рѣки; къ вечеру 15 (27) числа, когда въ тылу непріятеля раздались орудійные выстрѣлы, произведенные корпусомъ Витгенштейна, намъ удалось войти съ нимъ въ коммуникацію и подготовить атаку на слѣдующій день.

„Выдержавъ 16 (28) числа ожесточенный бой противъ многочисленныхъ корпусовъ, занимавшихъ лѣсъ, непріятель былъ вынужденъ отступить, потерявъ при этомъ одно орудіе; тогда мы нагнали французскую армію у того пункта, гдѣ она совершала переправу. Въ то же время графъ Витгенштейнъ атаковалъ позицію, взятую

непріятельскимъ арьергардомъ по ту сторону рѣки. Мостъ былъ разрушенъ по приказанію Наполеона и 7.000 человѣкъ взято въ плѣнъ; часть артиллеріи и огромное количество обоза и упряжныхъ лошадей остались на лѣвомъ берегу, не считая 9.000 убитыхъ и неизвѣстнаго числа утонувшихъ, которые пытались переправиться послѣ того, какъ мосты были сломаны; они исчезли подо льдомъ. Непріятель бросилъ на правомъ берегу шесть орудій. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ отъ 4—5.000 человѣкъ. Французскіе кирасиры потеряли два знамени [1]).

„17 (29) утромъ мы потеряли непріятеля изъ вида; онъ пошелъ на Зембинъ. Болота замерзли, дефилеи и рѣки не служили ему болѣе препятствіемъ. Если бы непріятель пошелъ по Минской дорогѣ, онъ могъ бы причинить намъ не мало бѣды; будучи совершенно одинъ, какъ я уже сказалъ, я не могъ бы оказать ему сопротивленія. Къ счастью, это не пришло ему въ голову, онъ слишкомъ опѣшилъ и, главное, ему не были извѣстны мои силы. Тогда я сталъ преслѣдовать французскую армію, дѣлая усиленные переходы, во время которыхъ я взялъ много плѣнныхъ и орудій и успѣлъ уничтожить арьергардъ непріятеля близъ Ошмянъ. Съ этого момента его дальнѣйшее движеніе походило болѣе на безпорядочное бѣгство; всѣ корпуса, всѣ дивизіи, всѣ полки перемѣшались. Мы уже не старались брать ихъ въ плѣнъ; дорога была усѣяна отсталыми, убитыми, ружьями, артиллеріей, кессонами и обозами, и непріятельская армія была почти окончательно уничтожена до перехода черезъ границу“.

На этомъ кончается записка адмирала Чичагова.

8 (20) ноября, когда мы были въ Романовѣ, непріятель пришелъ въ Оршу. Надобно замѣтить, что вслѣдствіе медленности, съ какою мы дѣйствовали, Наполеонъ, начиная отъ Краснаго, опередилъ насъ; такимъ образомъ 13 (25) ноября онъ безъ труда дошелъ до Борисова и въ окрестностяхъ его соединился съ корпусами Виктора и Удино, которые привели ему приблизительно 30.000 свѣжихъ войскъ, около 300 орудій и 3.000 кавалеріи, въ довольно сносномъ состояніи. Замѣтьте, что мы могли бы подойти къ Борисову съ болѣе многочисленными и болѣе свѣжими силами, нежели непріятель, и съ запасами, самое позднее на седьмой день, т. е. 12 (24) числа.

Удино въ тотъ же день произвелъ демонстраціи противъ Борисова, желая показать, что французская армія намѣревалась тутъ овладѣть переправой и защищавшимъ ее тэтъ-де-пономъ.

Вы уже видѣли, генералъ, что адмиралъ Чичаговъ двинулся съ

---

[1]) Ср. Богдановичъ, III. 280 и 288.

частью своей арміи вправо, подлѣ деревни Шабашевичи, лежащей недалеко отъ Березины; онъ руководствовался при этомъ свѣдѣніями, сообщенными ему княземъ Кутузовымъ о намѣреніи Наполеона идти на Игуменъ. Онъ оставилъ въ Игуменѣ графа Ланжерона, самъ же, съ остальной, главной, частью своего войска, остался въ Борисовѣ, откуда генералъ Чаплицъ былъ отряженъ съ корпусомъ къ Брили, лежащей на правомъ берегу Березины, напротивъ Студянки,—мѣстечка на лѣвомъ берегу этой рѣки и гдѣ Наполеонъ сосредоточилъ свои силы. Между этими двумя пунктами находится на рѣкѣ бродъ; тутъ проходила нѣкогда столбовая дорога изъ Литвы въ Бѣлоруссію; этой дорогой шелъ Карлъ XII на Полтаву. Надобно думать, что мѣстные жители указали Наполеону этотъ пунктъ, такъ какъ онъ былъ избранъ имъ для переправы.

Послѣ демонстраціи, произведенной Удино передъ тэтъ-де-пономъ у Борисова, генералъ Чаплицъ оставилъ со своимъ войскомъ Брили и двинулся къ Борисову, гдѣ его присутствіе считали болѣе необходимымъ; для охраны зембинской переправы остался только генералъ Корниловъ съ 400 человѣкъ 28-го егерскаго полка, четырьмя орудіями и 130 казаками Мельникова. Командиръ этого отряда, получивъ отъ своихъ аванпостовъ извѣстіе, что непріятельскія войска сосредоточивались близъ деревни Студянки, послалъ немедленно о томъ донесеніе въ Борисовъ, откуда объ этомъ было немедленно же сообщено главнокомандующему.

Тѣмъ временемъ, непріятель, подъ прикрытіемъ сильныхъ батарей, поставленныхъ на высотахъ, господствовавшихъ надъ окрестной мѣстностью, сталъ наводить тутъ мосты. Генералъ Корниловъ навелъ на этотъ пунктъ четыре орудія, но они были вскорѣ подбиты. Несмотря на свою храбрость и усердіе своихъ войскъ, генералу не удалось помѣшать непріятелю навести мосты и переправить свои войска.

Маршалъ Удино первый переправился 14 (26) числа черезъ Березину со своимъ корпусомъ; и сталъ на позицію, чтобы защищать мосты въ случаѣ, если бы мы вздумали атаковать ихъ.

15 (27) продолжалась переправа французской арміи; смятеніе, безпорядокъ увеличивался съ ней съ минуты на минуту, въ особенности послѣ того, какъ самъ Наполеонъ переправился на другой берегъ. Тогда началась страшная свалка: пѣхота, артиллерія, кавалерія, обозы, женщины, дѣти, толпились въ безпорядкѣ, стараясь какъ можно скорѣй переправиться черезъ рѣку, въ особенности когда они заслышали позади себя орудійные выстрѣлы. Вскорѣ полилась кровь; люди обнажили сабли, чтобы проложить себѣ путь; на мостахъ было убито множество людей; другихъ сбрасывали съ

мостовъ въ воду; иные, желая перебраться по льду, который ломался надъ ними, были поглощены рѣкою.

Послѣ всѣхъ этихъ убійствъ и ужасовъ, совершенныхъ французами наравнѣ съ прочими во время переправы, которая обошлась имъ такъ дорого, Наполеонъ отдалъ приказанiе сломать мосты, что̀ и было исполнено рано утромъ 17(29) числа въ то время, какъ генералъ Партуно находился еще по ту сторону рѣки съ арьергардомъ корпуса Виктора, численностью въ 6.000 человѣкъ, который былъ вынужденъ сложить оружiе и сдаться. Та же участь постигла всѣ французскiе корпуса, къ которымъ наши войска заблагоразсудили подойти, и она постигла бы и всю остальную французскую армiю, если бы наши войска не уклонялись все время отъ дѣйствiя массой тамъ, гдѣ это было нужно.

Адмиралъ Чичаговъ, получивъ донесенiе о томъ, что непрiятель переправлялся черезъ Березину по ту сторону Борисова, немедленно выступилъ и приказалъ присоедиться къ нему войскамъ, бывшимъ подъ командою графа Ланжерона, чтобы нагнать французскую армiю со всѣми своими силами, что̀ онъ и выполнилъ 15(27) числа, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ перешелъ Березину. Онъ атаковалъ прежде всего лѣсъ, покрывавшiй правый берегъ рѣки, влѣво отъ мостовъ; но непрiятель занялъ его столь значительными силами, что его не удалось вытѣснить оттуда. Кромѣ того лѣсъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ рѣдокъ, что кавалерiя могла проникнуть въ него и дѣйствовать свободно; этимъ воспользовались французскiе кирасиры, заставившiе отступить нашихъ казаковъ и одинъ батальонъ егерей, стоявшiй тамъ отдѣльно отъ другихъ.

Эти атаки продолжались до ночи и имѣли результатомъ то, что лѣсъ остался во власти непрiятеля, и маршалъ Удино сохранилъ свою позицiю. Собственно говоря, адмиралъ Чичаговъ со своими 25.000 чел. конечно не могъ разсѣять французской армiи, численностью въ 80.000 человѣкъ.

16 (28), рано утромъ, Наполеонъ началъ отступать по Виленской дорогѣ.

Мы забыли сломать мостъ на рѣчкѣ Гайнѣ (впадающей въ Березину), иначе ему пришлось бы сдѣлать большой обходъ, чтобы выйти на Виленскую дорогу. Перейдя черезъ этотъ мостъ, Наполеонъ приказалъ сжечь его.

Генералъ Платовъ съ частью нашихъ казаковъ подошелъ 14 (26) къ Березинѣ; онъ перешелъ эту рѣку влѣво отъ Борисова и присоедился къ армiи адмирала, который сталъ преслѣдовать непрiятеля. Тогда французскую армiю вновь охватилъ ужасъ. Выше я говорилъ, что въ корпусахъ Виктора и Удино еще поддерживался

порядокъ и дисциплина; но, начиная съ 16(28) числа, когда Наполеонъ началъ отступать по ту сторону Березины, дисциплина исчезла и въ этихъ корпусахъ; солдаты видѣли примѣръ другихъ корпусовъ, терпѣли съ ними одинакую нужду и видѣли, что ихъ всюду преслѣдовали наши казаки. Большая часть этой 90.000 арміи шла вразсыпную, за исключеніемъ гвардіи, которая сохраняла порядокъ и шла стройными рядами. Большая часть солдатъ прочихъ корпусовъ побросали свои ружья, одни не имѣя болѣе силъ тащить ихъ, другіе для того, чтобы скорѣе бѣжать, ибо они уже болѣе не имѣли желанія защищаться. Лишь незначительная часть многочисленной артиллеріи, вступившей въ предѣлы Россіи, перешла обратно границу. Повсюду, гдѣ только прошла французская армія во время своего отступленія, дорога была усѣяна трупами и умирающими; это были больные и раненые, вывезенные, какъ я уже говорилъ, изъ госпиталей Москвы и другихъ городовъ; они усѣяли дорогу и погибали отъ усталости, голода и холода, которые съ 8 (20) ноября стали нестерпимы. На дорогѣ валялись также пушки, зарядные ящики, разнаго рода орудія, повозки и т. д., которые бросались на всѣхъ переходахъ вслѣдствіе недостатка лошадей, которыя подобно людямъ гибли за неимѣніемъ пищи. При переходѣ черезъ Березину у непріятеля былъ еще арьергардъ, состоявшій изъ корпуса Виктора; но онъ терялъ ежедневно столько людей, что въ Ошмянахъ, въ семи миляхъ отъ Вильны, онъ былъ разсѣянъ до послѣдняго человѣка. Мы уже не могли болѣе приводить въ извѣстность число плѣнныхъ, которыхъ мы брали ежедневно; мы больше не останавливались, чтобы подбирать людей, которые еле волочили ноги и большая часть которыхъ умерла на большой дорогѣ.

Одинъ только виленскій губернаторъ предалъ землѣ 25.000 труповъ солдатъ, умершихъ на улицахъ этого города и въ его окрестностяхъ; эта цифра удостовѣрена вполнѣ точно.

При переправѣ черезъ Березину, когда Наполеонъ, очутившись на противоположномъ берегу рѣки, двинулся на отрядъ генерала Корнилова, онъ сказалъ, какъ говорятъ, окружающимъ: „теперь мы увидимъ Парижъ“. Эти слова показываютъ, что онъ смотрѣлъ на вещи правильно; т. е. онъ понималъ, что онъ не долженъ былъ выйти изъ предѣловъ Россіи, если бы каждый изъ насъ исполнилъ свой долгъ. Что было бы съ нимъ, если бы, подойдя къ Березинѣ, онъ нашелъ тутъ адмирала Чичагова, соединившагося съ корпусами Витгенштейна и Эртеля, чтобы помѣшать его переправѣ, и если бы 1-ая русская армія подошла къ рѣкѣ одновременно съ нимъ, ослабивъ при преслѣдованіи его силы до того, что у него осталось бы лишь незначительное число солдатъ? Какую пользу принесли бы

ему въ такомъ случаѣ корпуса Виктора и Удино, которые онъ нашелъ бы тамъ? Всѣ наши силы были бы сосредоточены въ этомъ же пунктѣ и онъ былъ бы окруженъ одновременно 60 казацкими полками; это вполнѣ согласовалось бы со смысломъ инструкцій, данныхъ императоромъ своимъ генераламъ. Какъ бы ему удалось тогда ускользнуть?

Вамъ извѣстно, конечно, что когда у насъ узнали о переправѣ Наполеона и его арміи черезъ Березину, то всѣ осуждали адмирала Чичагова и обвиняли его, говоря, что онъ виноватъ, если Наполеонъ не попался въ наши руки. Всѣ тѣ, которымъ было выгодно, чтобы этому повѣрили, старательно утверждали это и поддерживали этотъ взглядъ. Но если бы всѣ лица, руководившія военными дѣйствіями, были преданы военному суду, то я желалъ бы знать, сказали ли бы вы, какъ человѣкъ военный, которому извѣстны изъ моей переписки подробности всѣхъ военныхъ дѣйствій, маршей, инструкцій и приказаній, отданныхъ императоромъ, что самые безпристрастные судьи вынуждены будутъ признать, что адмиралъ Чичаговъ менѣе виновенъ, нежели всѣ прочія начальствующія лица арміи, такъ какъ онъ одинъ въ точности исполнилъ всѣ данныя ему предписанія и приказы, что онъ одинъ былъ на своемъ мѣстѣ, т. е. на Березинѣ, преграждая путь французской арміи, готовый принять ее и препятствовать ея переправѣ черезъ эту рѣку. Взгляните на карту, гдѣ находились всѣ прочіе, въ особенности 1-я армія, въ которой числились наши главныя силы.

Чтобы остановить Наполеона, адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ сосредоточить свои силы въ томъ именно пунктѣ, который былъ избранъ имъ для переправы черезъ рѣку. Если бы онъ угадалъ намѣреніе Наполеона и подошелъ со всѣми своими силами къ тому пункту, гдѣ онъ переправился черезъ рѣку, то Наполеонъ конечно измѣнилъ бы свой планъ и поискалъ бы другой пунктъ по ту сторону Борисова, чтобы перейти рѣку, чѣо было бы ему нетрудно.

Къ тому же, могъ ли онъ, имѣя всего 25.000 человѣкъ, тогда какъ у непріятеля было свыше 80.000 чел., и будучи вынужденъ оставить корпусъ у тэтъ-де-пона въ Борисовѣ, занять всю линію, на которой непріятель долженъ былъ выбрать мѣсто для наводки мостовъ на рѣкѣ, которая не особенно широка, вслѣдствіе чего для этой работы понадобилось бы всего нѣсколько часовъ, поэтому я вполнѣ увѣренъ, что обвиненіе, взводимое на адмирала Чичагова, скоро будетъ опровергнуто, и что всѣ скоро узнаютъ истинную причину, по которой Наполеону удалось перейти обратно нашу границу. Замѣчательно также, что ни одинъ маршалъ и никто изъ старшихъ офицеровъ, бывшихъ не только въ свитѣ Наполеона,

но и при главной арміи, не былъ взятъ въ плѣнъ; это самое убѣдительное доказательство того, что французская армія за все время своего отступленія ни разу не была преслѣдуема достаточно значительными силами, хотя у насъ въ нихъ не было недостатка. У насъ было въ частности 60 казацкихъ полковъ, распредѣленныхъ по разнымъ арміямъ и корпусамъ, которые находились всѣ на Березинѣ, хотя они и были разсѣяны вдоль ея берега.

Переправившись черезъ рѣку у Сморгони, Наполеонъ поѣхалъ впередъ. Прибывъ въ Вильно 24 ноября (6 декабря), онъ не поѣхалъ черезъ городъ, а остановился на минутку въ предмѣстьи, куда онъ вызвалъ герцога Бассана, чтобы переговорить съ нимъ; оттуда онъ продолжалъ путь на Ковно. Его эскортировалъ до тѣхъ поръ эскадронъ польской кавалеріи; но поляки не поѣхали дальше, такъ какъ ихъ послѣдніе эскадроны были уничтожены въ окрестностяхъ Вильно, гдѣ французская армія потеряла также свои послѣдніе обозы и оставшуюся часть добычи, забранной въ Москвѣ и другихъ городахъ, которая еще не была отнята нашими казаками. Тутъ же была взята довольно значительная военная касса и множество другихъ вещей.

28 ноября (10 декабря) изъ Вильно выступили послѣднія непріятельскія войска, за которыми слѣдовали казаки; и туда вступили войска адмирала Чичагова. Нѣсколько дней спустя прибылъ и князь Кутузовъ; съ этого момента мы болѣе не думали о преслѣдованіи непріятеля и поселились въ Вильно, какъ будто война была окончена; это также спасло немало французскихъ солдатъ и, быть можетъ, спасло и всю остальную армію отъ окончательнаго разгрома, такъ какъ, замѣтивъ, что за ними слѣдовали лишь нѣсколько казаковъ, французы вскорѣ приняли мѣры къ тому, чтобы отразить всѣ ихъ атаки.

Къ счастью, 10 (22) декабря Императоръ прибылъ въ Вильно, и все скоро пришло снова въ движеніе, но объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Критика военныхъ дѣйствій.

Прежде чѣмъ окончить описаніе этой кампаніи, я сдѣлаю еще нѣсколько общихъ замѣчаній относительно ошибокъ, которыя были сдѣланы при движеніи обѣихъ армій.

Начальствующія лица какъ будто задались цѣлью превзойти другъ друга, дѣлая ошибку за ошибкой, и съ начала и до конца кампаніи все ихъ честолюбіе какъ будто состояло въ томъ, что они старались перещеголять другъ друга.

Начать съ Наполеона, можно сказать, что этотъ великій полководецъ, избалованный судьбою и еще болѣе ошибками своихъ противниковъ, не столько придерживался въ войнѣ съ Россіей опредѣленнаго операціоннаго плана, чѣмъ полагался на свою счастливую звѣзду, которая не разъ выручала его и теперь ослѣпила его взоры своимъ блескомъ и заслонила отъ его глазъ всѣ опасности, коимъ онъ постоянно подвергался. Хотя въ предыдущія войны ему достаточно было выиграть одно или два сраженія, чтобы послѣ этого наводнить страну своимъ войскомъ и завладѣть столицами, нагнавъ на непріятеля такой страхъ, что повергнутый въ ужасъ этимъ пораженіемъ онъ соглашался на самыя тяжкія и подъ-часъ унизительныя условія мира, однако это не должно бы было соблазнить его настолько, чтобы онъ могъ подумать, что добьется съ такою же легкостью подобнаго же успѣха въ обширной Россійской Имперіи.

Одинъ взглядъ, брошенный на карту, могъ бы напугать его и убѣдить въ невозможности пройти съ войскомъ эту страну такъ легко, какъ какое-либо иное европейское княжество; простое разсужденіе показало бы ему, какъ трудно исчислить тѣ средства, коими располагала Россія, и тѣ войска, которыя могли быть вновь сформированы въ ней хотя бы послѣ одного или двухъ лѣтъ самой счастливой для непріятеля войны и могли бы прогнать его со своей территоріи, между тѣмъ какъ страны, лежащія между Россіей и Франціей, изъ коихъ каждая со своей стороны имѣетъ достаточно причины питать къ нему злобу, не могли бы гарантировать ему безопасность, а тѣмъ менѣе подать ему помощь, въ случаѣ неудачи. Все это должно было убѣдить его въ томъ, что ему слѣдовало дѣйствовать крайне осторожно и что онъ долженъ былъ употребить свои грозныя силы противъ Россіи съ цѣлью отторгнуть отъ нея нѣсколько провинцій, лишь тщательно взвѣсивъ каждый шагъ, который онъ дѣлалъ въ глубь этой страны.

Но это не все; ему слѣдовало беречь свои силы, которыя ему не такъ нужно было употребить въ самомъ началѣ, какъ впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ онъ шелъ дальше. Я не говорю о необходимости щадить людей въ сраженіяхъ, но здѣсь идетъ рѣчь о системѣ продовольствія, которая должна бы была быть лучше организована, но которая была въ большомъ небреженіи. При подобныхъ условіяхъ, только одинъ Богъ былъ бы въ состояніи удержать такую массу войска въ порядкѣ и дисциплинѣ. Наполеонъ погрѣшилъ противъ всѣхъ правилъ, и потому оказалось, что въ самомъ началѣ кампаніи насчитывали уже до 60.000 отсталыхъ, которые брели за войсками, ища себѣ пропитанія и

опустошая мѣстность, чрезъ которую они проходили, тогда какъ оставшіеся въ рядахъ войска терпѣли лишенія и обезсиливали. Госпиталя представляли яркую и ужасающую картину участи, постигшей французскаго солдата. Огромное количество больныхъ не давало возможности правильнаго ухода за ними, а оказываемая имъ ничтожная помощь была слишкомъ недостаточна для спасенія ихъ жизни. Едва одинъ больной изъ 50 оставался живъ.

Дѣйствуя столь неосмотрительно и не принимая мѣръ предосторожности, могъ ли Наполеонъ разсчитывать продержаться въ Россіи, а тѣмъ болѣе заставить Императора Александра согласиться заключить миръ, условія котораго онъ хотѣлъ продиктовать ему самъ?

Итакъ, несомнѣнно, что французская армія погибла скорѣе вслѣдствіе нецѣлесообразнаго обряда дѣйствій Наполеона, нежели отъ русскаго оружія. Изъ этого не слѣдуетъ, что слово Россія не является символомъ побѣды. Многія славныя дѣла упрочили уже военную славу Россіи, но при неумѣломъ руководителѣ лучшія войска могутъ оказаться безсильны, и лѣтопись этой кампаніи, свидѣтельствуя о доблести народа и личной храбрости его солдатъ, доказываетъ, что только его вожди дѣлали ошибки и что, если бы не ихъ невѣжество и эти ошибки, то вся французская армія должна была бы погибнуть на равнинахъ Россіи, которыя она разгромила и наполнила всѣми ужасами войны.

Тотъ (я хочу сказать, тотъ военный), который беретъ на себя дѣло столь огромной важности, какъ то, которое предстояло въ Россіи въ 1812 году, когда ей угрожала опасность потерять самыя большія и самыя лучшія свои провинціи и все свое вліяніе въ политической системѣ Европы, долженъ прежде всего твердо помнить правило, заключающееся въ томъ, что надобно прежде всего обезпечить главныя силы арміи и не лишить ихъ естественныхъ способовъ обороны, выполняя какой-то химерическій планъ, не лишать ихъ возможности легко получить подкрѣпленіе хотя бы, сообразно съ обстоятельствами, въ началѣ войны и пришлось отдѣлить нѣсколько корпусовъ для прикрытія тѣхъ провинцій, которымъ угрожала бы наибольшая опасность.

Слѣдовательно, прежде всего необходимо соблюдать единство силъ, не разрознивать арміи, лишая ихъ возможности поддержать другъ друга или сосредоточить свои силы, чтобы противостоять въ благопріятный моментъ непріятелю и задержать его дальнѣйшее движеніе въ глубь страны. Вмѣсто этого, первое направленіе, принятое нашей арміей, парализовало наши силы, которыя были однако весьма значительны, но онѣ съ каждымъ днемъ разсѣивались все болѣе и болѣе такъ, что наконецъ мы уже не имѣли возможности осуще-

ствить предположенный планъ диверсіи, такъ какъ каждая армія въ отдѣльности не могла выполнить предположенныхъ дѣйствій, а могла только отступать при приближеніи непріятеля.

Если бы Наполеонъ не сдѣлалъ тѣхъ ошибокъ, о которыхъ я сейчасъ скажу, то намъ никогда не удалось бы сосредоточить нашихъ двухъ первыхъ армій и каждая изъ нихъ была бы вынуждена отступать передъ непріятелемъ, превосходившимъ его силами вдвое, при чемъ мы не были бы въ состояніи опредѣлить ни направленія, въ какомъ имъ пришлось бы отступать, ни конца этого отступленія. Значительное превосходство непріятельскихъ силъ должно было, разумѣется, побудить насъ очистить большую часть сосѣднихъ губерній; но нашей 1-ой арміи для этого не было надобности, отойдя съ главными силами, оставить безъ поддержки остальныя арміи, которыя были слишкомъ слабы, чтобы сопротивляться войскамъ, предназначеннымъ Наполеономъ для дѣйствій противъ каждой изъ нихъ, вслѣдствіе чего было обнажено самое сердце страны, начиная съ тѣхъ губерній, которыя намъ было особенно важно прикрыть и охранить отъ вторженія непріятеля.

Если мы захотимъ выяснить, какую цѣль имѣли ошибочныя дѣйствія, сдѣланныя нами въ началѣ войны, то мы увидимъ, что они были выполнены только для того, чтобы мы заняли плохую позицію, которую изображали вначалѣ какъ неприступную крѣпость и которая должна была послужить ловушкой, въ которой мы разсчитывали раздавить Наполеона со всѣми его силами.

Изъ моего устнаго донесенія государю вы уже знаете, въ чемъ именно состояла невыгода этой позиціи; въ дополненіе къ этому посовѣтую лишь прочесть бюллетень непріятельской арміи, въ которомъ излагается планъ нашихъ дѣйствій и высказывается о немъ сужденіе, показывающее, какъ смѣшонъ казался Наполеону этотъ планъ, который совершенно справедливо заслуживалъ этого насмѣшливаго отзыва.

Если изложенныя мною ошибки привели къ послѣдствіямъ, которыя могли оказаться для насъ роковыми, то съ другой стороны и ошибки, сдѣланныя Наполеономъ, были не менѣе серьезны и также заслуживаютъ упоминанія, такъ какъ благодаря имъ уцѣлѣла наша армія, которой онъ не только далъ время убѣдиться въ ея критическомъ положеніи, но и исправить его. Онъ перешелъ съ войсками Нѣманъ и прошелъ отъ границы до Вильны съ достаточной поспѣшностью; но, не найдя насъ болѣе тамъ, вмѣсто того чтобы воспользоваться нашей ошибкой и слѣдовать за нами по пятамъ, онъ остановился въ Вильно съ главными силами своей арміи и простоялъ тамъ около шестнадцати дней, чтобы выслушать привѣтствіе той

*

части дворянства, которая оставалась въ этихъ губерніяхъ, членовъ академіи, магистрата и еврейскаго кагала; всѣ остальныя присутственныя мѣста покинули городъ. Онъ образовалъ комиссію для реорганизаціи управленія и для производства рекрутскаго набора и потерялъ такимъ образомъ время, которое ему слѣдовало употребить на то, чтобы рѣшительнымъ образомъ помѣшать намъ выполнить движеніе на Полоцкъ, которое одно могло поправить наши дѣла; тогда какъ эта потеря времени съ его стороны только и дала намъ возможность выполнить это движеніе, ибо, слѣдуя за нами по пятамъ съ большею частью своихъ силъ, онъ легко могъ бы появиться на нашемъ лѣвомъ крылѣ близъ Десны и выставить грозную массу конницы на Двинѣ и навести достаточное число мостовъ для коммуникаціи; эта конница могла парализовать всѣ наши движенія и окончательно лишить насъ возможности соединиться подлѣ Смоленска съ арміей князя Багратіона. Эта послѣдняя была слишкомъ изолирована и слишкомъ слаба, чтобы помѣриться силами съ главной арміей Наполеона; ей приходилось кромѣ того оказывать сопротивленіе арміи, предводительствуемой Даву, которая и безъ того доставляла ей не мало заботъ и должна была вскорѣ усилиться 5-мъ корпусомъ, коимъ командовалъ король Вестфальскій, посланный для соединенія съ нею; вслѣдствіе чего ея силы дошли бы до 100.000. Тогда намъ оставалась бы только смутная надежда на то, что наши арміи соединятся гдѣ-либо вдали отъ центра Россіи, гдѣ онѣ могли подвергнуться всѣмъ злополучнымъ случайностямъ, какія можетъ повлечь за собою плохо веденная война.

Разбивъ наши силы на двѣ части и располагая все время болѣе превосходными силами по сравненію съ каждой изъ этихъ частей, взятыхъ въ отдѣльности, Наполеонъ могъ бы руководить военными дѣйствіями по своему усмотрѣнію; держась все время на лѣвомъ флангѣ нашей главной арміи, онъ могъ бы заставить насъ идти къ Петербургу, а по пути могъ бы стянуть къ себѣ корпуса Удино и Макдональда, которые дѣйствовали по отдѣльности весьма мало успѣшно. Изъ того, что въ корпусѣ этого послѣдняго находилась осадная артиллерія, видно, что Наполеонъ предназначалъ его для осады Риги. Графъ Витгенштейнъ, не имѣя болѣе возможности сопротивляться силамъ этихъ двухъ маршаловъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно и поддержанныхъ силами Наполеона, долженъ былъ бы, разумѣется, оставить свой постъ и отступить къ главной арміи. Движеніе, совершенное съ цѣлью соединить силы обоихъ маршаловъ, было, во всякомъ случаѣ, полезно Наполеону, такъ какъ ихъ силы были достаточно велики, чтобы заставить графа Витгенштейна отойти отъ Двины и сдѣлать излишними всѣ подкрѣпленія, благо-

даря которымъ онъ былъ въ состояніи дѣйствовать успѣшно противъ Удино, который въ августѣ мѣсяцѣ былъ значительно слабѣе его численностью.

Если бы, принявъ эти мѣры, Наполеонъ послалъ еще Виктора, бывшаго въ Варшавѣ, для подкрѣпленія арміи князя Шварценберга, численность которой была бы доведена въ такомъ случаѣ до 70.000 ч., то послѣдняя могла бы заставить генерала Тормасова вывести свои войска изъ Вильны; Наполеону слѣдовало обратить вниманіе прежде всего на эту губернію, гдѣ онъ могъ получить съѣстные припасы и помощь людьми, тѣмъ болѣе, что большая часть жителей была настроена въ его пользу. Генералу Тормасову не оставалось бы ничего, какъ только отступить къ Кіеву, куда Шварценбергъ могъ послѣдовать за нимъ и помѣшать его соединенію съ Молдавской арміей, коей командовалъ адмиралъ Чичаговъ.

Между тѣмъ несогласованность дѣйствій Наполеона и недостаточная энергія, съ какой онъ дѣйствовалъ, дала намъ возможность приблизиться къ нему и занять Дрисскій лагерь, и мы успѣли не только убѣдиться въ ошибочности операціоннаго плана, котораго мы держались съ самаго начала кампаніи, но успѣли даже улучшить нашу опасную позицію, поспѣшно двинувшись къ Полоцку по направленію къ Смоленску, въ каковомъ намъ слѣдовало идти съ самаго начала,

Узнавъ, что мы оставили нашу позицію при Дриссѣ, Наполеонъ выступилъ изъ Вильны съ главными силами своей арміи, чтобы слѣдовать за нами. Онъ пошелъ на Полоцкъ, но прибылъ туда, когда мы уже прошли его, слѣдовательно, слишкомъ поздно.

Мюратъ перешелъ одновременно Двину у г. Дисны съ намѣреніемъ тревожить нашъ арьергардъ, но этотъ планъ такъ же точно не удался ему, такъ какъ арьергардъ былъ уже въ безопасномъ мѣстѣ. Остальные марши Наполеона и его операціи уже извѣстны вамъ изъ моихъ предыдущихъ разсказовъ, также какъ и ошибки, сдѣланныя съ нашей стороны; скажу лишь нѣсколько словъ объ ошибочномъ разсчетѣ Наполеона по прибытіи въ Москву.

Я не буду критиковать его намѣренія овладѣть послѣ Бородинскаго сраженія столицею нашей имперіи; но когда онъ увидѣлъ, что этотъ огромный городъ былъ покинутъ почти всѣми жителями, что въ немъ было весьма мало съѣстныхъ припасовъ для его арміи, когда онъ убѣдился въ томъ, что его солдатамъ ничего не оставалось, какъ только предаться грабежу, почему же онъ остался тамъ шесть недѣль и выждалъ наступленіе дурного, суроваго времени года, когда онъ не могъ ни откуда разсчитывать на помощь? У него

не было ни запасныхъ магазиновъ, ни провіанта. Напротивъ того, если бы, причинивъ Москвѣ всевозможный вредъ, онъ остался тамъ не болѣе двухъ недѣль и пошелъ бы обратно въ надлежащемъ направленіи, то онъ могъ бы защитить подступъ къ Днѣпру, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, что фельдмаршалъ Кутузовъ вовсе не былъ расположенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. А въ случаѣ, если бы онъ не могъ удержаться на Днѣпрѣ, онъ могъ бы преспокойно дойти обратно до Литвы, сосредоточить свои силы и попытаться удержаться тамъ или въ противномъ случаѣ перейти на противоположный берегъ Нѣмана. По всей вѣроятности, онъ могъ бы съ успѣхомъ отстоять эту рѣку, выждать на ея берегахъ подкрѣпленій, чтобы начать вторичную кампанію; онъ могъ бы конечно осуществить это безъ тѣхъ огромныхъ потерь, которыя онъ понесъ, выждавъ въ Москвѣ наступленіе осени. Онъ вполнѣ успѣлъ бы получить изъ Франціи сильныя подкрѣпленія и поддержать, такимъ образомъ, Пруссію въ ея первоначальномъ намѣреніи, которое было столь благопріятно его интересамъ.

Видя, что мы пошли въ обходъ Москвы, съ цѣлью приблизиться къ его коммуникаціонной линіи близъ Смоленской дороги, ему слѣдовало, не теряя времени, принять вышеуказанныя мѣры. Но, сдѣлавъ ошибку, оставшись шесть недѣль въ Москвѣ и увидавъ, послѣ бѣдствія, постигшаго 6 (18) октября короля Неаполитанскаго, что мы не воспользовались, насколько могли, этой славной побѣдой, зная отъ своихъ парламентеровъ, что мы продолжали спокойно стоять на позиціи близъ Тарутино, онъ не могъ да и не долженъ былъ идти далѣе въ направленіи къ Смоленску, такъ какъ, избравъ этотъ путь, онъ этимъ ускорилъ свою гибель. Ему слѣдовало, напротивъ того, привлечь короля Неаполитанскаго съ остатками его армейскаго корпуса и идти со всѣми своими силами на Рузу, чтобы обезпечить себѣ отступленіе по новой дорогѣ прямо на Сычевку, Бялу, Городокъ и Полоцкъ; перейти въ этомъ пунктѣ Двину, стянуть Удино, Макдональда и Виктора (тогда генералъ Іоркъ не имѣлъ бы мужества дѣйствовать во вредъ его интересамъ) и идя чрезъ Самогитію, приблизительно по направленію къ Свѣнцянамъ, оставить Вильно влѣво и подойти къ Ковно, лежащее на Нѣманѣ. Ему слѣдовало позаботиться одновременно о томъ, чтобы въ Пруссіи и въ прилегающихъ къ Нѣману губерніяхъ герцогства Варшавскаго было заготовлено все необходимое для содержанія его арміи, дабы, придя туда, быть въ состояніи располагать всѣми средствами, какія могла еще доставить ему Пруссія. Этимъ онъ внушилъ бы страхъ королю, и тотъ не могъ бы отказать ему предоставить въ его распоряженіе остальную часть своихъ войскъ, тогда какъ Шварценбергъ отсту-

нилъ бы къ Бресту, чтобы не допускать наши войска въ герцогство Варшавское.

Если бы Наполеонъ не рѣшилъ оставить Москву, пробывъ въ ней всего двѣ недѣли, то хотя онъ и былъ бы вынужденъ покинуть Россію, онъ не потерялъ бы при этомъ столько войска, а потеря Москвы была бы для насъ гораздо чувствительнѣе, такъ какъ она не была бы компенсирована вредомъ, причиненнымъ непріятелю. Выбравъ для своего отступленія разоренную и покинутую жителями мѣстность, ту самую, по которой онъ прошелъ, онъ лишилъ себя этимъ всѣхъ средствъ и всякой помощи, такъ что, если бы нашъ генералъ проявилъ болѣе энергіи и дѣятельности, то не только остаткамъ арміи Наполеона не удалось бы спастись, но онъ самъ, король Неаполитанскій, вице-король итальянскій и всѣ его старшіе генералы неминуемо оказались бы въ нашей власти. Мы дошли бы тогда до границы съ сильной и хорошо сохранившейся арміей, а не съ такой разстроенной арміей, какою она была вслѣдствіе плохихъ диспозицій нашего генерала (судя по коимъ, можно было скорѣе думать, что пораженіе потерпѣли мы, а не французы), и Россія пріобрѣла бы дѣйствительно преобладающее положеніе и могла бы располагать своимъ вліяніемъ, чтобы предписать условія мира, которыя остальная Европа была бы не въ состояніи оспаривать.

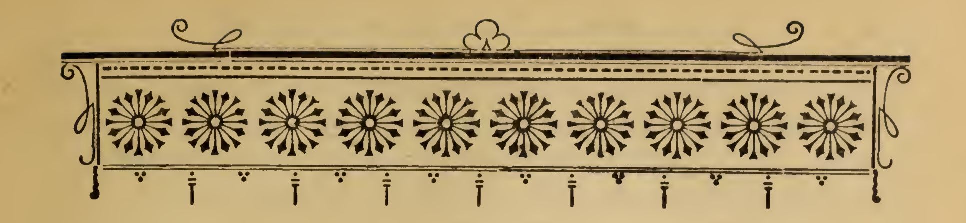
Такое блестящее положеніе, такъ хорошо упрочившаяся власть и такой величавый выходъ изъ лабиринта бѣдствій, въ которыя мы были вовлечены, безъ сомнѣнія могъ бы утѣшить насъ по поводу потери столицы и огромныхъ жертвъ, понесенныхъ народомъ. Громкая слава, которую стяжало бы государство, залѣчила бы кровавыя раны частныхъ лицъ. Тогда какъ преслѣдованіе непріятеля и изгнаніе его изъ нашихъ границъ (далѣе этого честолюбіе фельдмаршала Кутузова не шло и онъ считалъ этимъ свою славу упрочившейся, не думая о томъ, какъ много крови будетъ нами пролито впослѣдствіи изъ-за Наполеона) не заставятъ еще насъ забыть огромныхъ потерь, понесенныхъ частными лицами, оскорбленій, нанесенныхъ достоинству имперіи, и тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на умы народа и арміи. Ибо, хотя и былъ пущенъ слухъ, что сдача столицы входила въ общій планъ дѣйствій и была рѣшена съ цѣлью завлечь непріятеля въ нашу западню, и слухъ этотъ поддерживается до сихъ поръ нѣкоторыми крамольниками или невѣждами, но онъ совершенно ложенъ. Это можетъ быть доказано неопровержимо тѣмъ обстоятельствомъ, что въ самый моментъ сдачи Москвы наши генералы собрались въ окрестностяхъ города на военный совѣтъ, чтобы рѣшить вопросъ, по какой дорогѣ нашей арміи слѣдовало отступать. Обнаружившееся при этомъ разногласіе во

мнѣніяхъ,—(одни отстаивали Владимірскую дорогу, другіе Рязанскую)—свидѣтельствуетъ о томъ, что эта мѣра была вызвана необходимостью и принята въ тотъ именно моментъ, а отнюдь не была слѣдствіемъ заранѣе обдуманнаго плана военныхъ дѣйствій.

Московскій генералъ-губернаторъ графъ Растопчинъ узналъ о рѣшеніи совѣта оставить столицу всего за нѣсколько часовъ до прихода нашихъ войскъ, и хотя нѣсколькимъ частнымъ лицамъ было дозволено оставить городъ и тѣмъ спасти свою жизнь и имущество, но это было сдѣлано лишь съ цѣлью не посягать на волю отдѣльныхъ лицъ и предоставить имъ право принять мѣры, которыя считались необходимыми во всякомъ случаѣ.

Сообщ. В. Тимощукъ.

М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877 — 78 г.г. [1]).

(Изъ воспоминаній).

Какъ ни спокойно отнесся Мих. Ив. къ этой выходкѣ мелкой нѣмецкой газетки,—однако въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ дней,—нѣтъ, нѣтъ, да возвратится къ разговору объ ней. И вотъ что по этому поводу вылилось у него въ разное время.

„Самъ я“, говорилъ онъ, „всегда, еще съ молодыхъ лѣтъ былъ отмѣннымъ сторонникомъ печати, очень люблю „блудить перомъ“ и, какъ большой поклонникъ литературной среды,—писателей, корреспондентовъ, рецензентовъ,—словомъ людей пера,—всегда охотно водилъ съ ними знакомство, что̀ дало мнѣ возможность изучить среду; съ теченіемъ времени я убѣдился, что въ этомъ дѣлѣ надо быть очень осторожнымъ; нерѣдко видѣлъ я, какъ легко можно натолкнуться на всячину: подъ маской литератора,—настоящаго труженника пера, порядочнаго человѣка, того и гляди подвернется шушера, которая, ввязавшись въ благородное, литературное, писательское дѣло, норовитъ черезъ него ловить рыбу въ мутной водѣ.

„Приходится сожалѣть, когда видишь, насколько мразь вмѣшалась въ ряды дѣятелей печати; она стремится обдѣлывать свои дѣлишки, сводитъ счеты съ врагами, изливая на нихъ въ злобѣ свою месть, вводя вообще въ это дѣло столько грязи, что не оберешься. Отчего же не заняться писательствомъ, думаетъ иной изъ нихъ; тутъ, смотришь, двойная польза—и врага можно во всякое время окатить помоями и построчныя получить,—а бумага все стерпитъ. Описываетъ ли такой господинъ событія или обозрѣваетъ литературный

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1909 г.

трудъ своего же собрата, онъ не смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія общественной пользы или литературнаго достоинства, а выискиваетъ во всемъ мелочи личнаго характера, искажаетъ факты; искалѣчить смыслъ чужой фразы, для чего выбросить изъ произведенія слово или вставить свое, все это ему нипочемъ, также какъ сдѣлать подтасовку на шулерскій манеръ. И нѣтъ за этими мелкотравчатыми писаками никакого надзора, привольно работаютъ они, посрамляя почетное званіе и почетную профессію „литератора“.

„Во время нашего Кишиневскаго сидѣнія то и дѣло появлялись у насъ мелкіе корреспонденты—говорилъ Мих. Ив. Я уже задолго передъ тѣмъ составилъ себѣ о нихъ понятіе и не смотрѣлъ на нихъ сквозь розовыя очки; великій князь, какъ оказалось, тоже не былъ расположенъ встрѣчать ихъ съ распростертыми объятіями: онъ всегда относился къ нимъ болѣе чѣмъ сдержанно, съ самаго начала не упускалъ случая быть съ ними настоpожѣ, и не менѣе того впослѣдствіи проявлялъ по отношенію къ нимъ большую осторожность. Но я, помимо этого, нерѣдко думалъ,—отчего тѣмъ изъ нихъ, которые на первый взглядъ, при первыхъ бесѣдахъ, кажутся болѣе солидными и симпатичными, внушающими довѣріе, не дать возможности подѣлиться съ жаждущей свѣдѣній публикой тѣмъ, что они увидятъ; почему, казалось, не помочь имъ правильно освѣтить видѣнное и тѣмъ самымъ сдѣлать сообщеніе болѣе интереснымъ. На досугѣ я, бывало, пересиливая себя, бралъ подъ свое покровительство нѣкоторыхъ изъ приходившихъ ко мнѣ познакомиться (представиться); въ простой бесѣдѣ кое-что,—конечно, въ строгихъ предѣлахъ возможнаго,—разскажешь ему, внушишь не разводить лишняго въ корреспонденціяхъ, помнить, что вражье ухо чутко прислушивается ко всему и что, увлекаясь, можно оказать медвѣжью услугу общему дѣлу; что не надо держаться ни излишней, всегда выходящей льстивою, похвалы, ни напрасной хулы; словомъ, помню я время, когда, между своимъ дѣломъ, занимался нѣкоторыми изъ этихъ „вѣстниковъ правды“, навязывая имъ прописи; казалось, болѣе надежнымъ для дѣла направить ихъ;—каждый изъ нихъ все равно напишетъ, такъ ужъ лучше пусть напишетъ правду и пусть для этого имѣетъ возможность знать ее.

„Но нѣтъ; изъ наводнявшихъ Кишиневъ корреспондентовъ бывало рѣдко кто напишетъ дѣльное, скромное, правдивое слово,—ужъ за то такихъ мы и цѣнили; большинство же ихъ, какъ слѣдовало ожидать, оказывались пустомелями, безсмысленными писаками, печатниками, газетниками, заботившимися, въ лучшемъ случаѣ, только о многострочіи ради увеличенія гонорара за свою болтовню; иной пренизменно и недостойно льстилъ, а иной пре-

нагло и безсмысленно бранился во всю, изображая либерала; редакціи въ то время стремились наполнять столцбы свѣжими новостями изъ дѣйствующей арміи, а потому въ большинствѣ, набрасывались на все; имъ врядъ ли можно было поставить въ очень большую вину нѣкоторый недостатокъ разборчивости въ пріемѣ матеріала,— онѣ были поставлены въ физическую невозможность строго разбираться; никогда, кажется, въ публикѣ не было такой жажды полученія новостей, какъ въ ту годину надвигавшейся популярнѣйшей изъ войнъ. Въ добавокъ, что сегодня утромъ было ново, то уже къ вечеру становилось устарѣвшимъ".

* * *

По словамъ Мих. Ив. ему нерѣдко случалось говорить обо всемъ этомъ съ главнокомандующимъ:

„Вижу, вижу, Мих. Ив., что ты охладѣлъ къ этимъ господамъ", сказалъ ему однажды великій князь, „сначала ты какъ будто явился ихъ заступникомъ, а не стоили они твоего вниманія; вчера я очень было разсердился, когда донесли мнѣ, какую наглую выходку позволилъ себѣ одинъ изъ нихъ"; затѣмъ великій князь разсказалъ, что одна довольно серьезная англійская газета перепечатала изъ какого-то „Лембергскаго листка" извѣстіе о томъ, будто бы въ Кишиневѣ пятьсотъ офицеровъ, явившись къ его высочеству, грубо требовали, чтобы онъ велъ войска на врага, а если не поведетъ, то пусть распуститъ на зимнія квартиры; великій князь, по словамъ листка, объявилъ имъ, что всѣхъ бунтовщиковъ подвергнетъ смертной казни и дѣйствительно, будто бы, въ концѣ концовъ, разстрѣлялъ нѣсколькихъ человѣкъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

Не только ничего подобнаго не произошло, не и не было никакого случая, который могъ бы дать поводъ къ сочиненію такой наглой лжи. Случилась эта исторія съ газетой въ началѣ января, когда великій князь только-что началъ поправляться отъ тяжкой болѣзни, постигшей его въ декабрѣ.

„Многимъ изъ насъ было ясно, сказалъ Мих. Ив., что нелѣпая корреспонденція та вышла изъ-подъ пера юркаго писаки,—ясско-бухарестскаго жителя, явившагося къ намъ въ концѣ ноября въ званіи корреспондента какой-то Пештской газеты; онъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ,—такъ какъ родомъ былъ изъ Бердичева или изъ Казатина, Кіевской губерніи;—а вообще умѣлъ казаться приличнымъ и свѣдущимъ человѣкомъ. Не сразу онъ выказалъ, что, въ сущности, занимался гешефтами, на которыхъ не только стремился обманывать офицеровъ, но прямо надувалъ нижнихъ чиновъ;—очень скоро на этомъ попался и былъ, вслѣдствіе заявленія офицеровъ, выпро-

вожденъ за границу, при чемъ объявился выбывшимъ въ Галицію; тамъ онъ и занялся украшеніемъ своими лживыми извѣстіями выходившаго во Львовѣ (Лембергѣ) листка.

Принявши сразу эту наглость близко къ сердцу, великій князь очень скоро призналъ ее не стоющей дальнѣйшаго вниманія; слишкомъ много было тогда у всѣхъ серьезнаго дѣла и рѣшительно некогда было заниматься евреемъ, вздумавшимъ обезславить безупречность корпуса офицеровъ славной арміи русскаго царя; не стоило думать объ евреѣ, дерзнувшемъ выместить на честной репутаціи этихъ офицеровъ тѣ неудачи, которыя ему пришлось потерпѣть въ своемъ стремленіи очищать ихъ карманы.

Нѣтъ сомнѣнія, что нелѣпая его выдумка для всѣхъ благоразумныхъ людей являлась ложнымъ слухомъ; повѣрить ей или вѣрнѣе притвориться повѣрившимъ могъ только тотъ, кто самъ горѣлъ нетерпѣніемъ что нибудь взвести на русскую армію, какъ это въ ту пору поминутно, несмотря на свое высокое положеніе, дѣлалъ Биконсфильдъ съ окружавшими его и какъ сдѣлала „Лондонская военная газета“, перепечатавъ гнусную ложь и показавъ тѣмъ, что за серьезную она до той поры лишь довольно ловко себя выдавала.

Помнится, тогда въ „Правительственномъ вѣстникѣ“ или въ „Русскомъ Инвалидѣ“ такъ и было напечатано, что, конечно, никто не повѣрилъ измышленію „Лембергской газеты“, и врядъ ли кто-либо удивился появленію перепечатки этого нелѣпаго извѣстія въ англійской военной газетѣ [1]), стоящей, очевидно, на одномъ уровнѣ съ австрійскими продажными еврейскими листками.

* * *

Со времени перехода границы, армія наша была особенно сильно наводнена корреспондентами; маркитанты евреи, а также люди, пристраивавшіеся къ дѣлу покупки и доставки фуража или провіанта, не брезгали собираніемъ свѣдѣній, имѣвшихъ очень мало общаго съ ихъ торговыми дѣлами; у нихъ нерѣдко, рядомъ съ замѣтками по „коммерціи“, были находимы записки о численности войскъ и военныхъ транспортовъ, о направленіи движенія ихъ,—все это могло быть принимаемо за необходимое для исполненія мѣстныхъ и срочныхъ заказовъ на разнообразныя поставки; но у нѣкоторыхъ обнаруживались цѣлыя корреспонденціи съ выясненіемъ различныхъ слуховъ, предписаній, распоряженій и даже приказовъ по той или иной

---

[1]) Оказывается что изъ „Лембергскаго дневника“ перепечатала нелѣпую замѣтку англійская военная газета: „United service Gazett“. „Въ Русскомъ Инвалидѣ“ было указано, что вообще въ иностранныхъ газетахъ, особенно въ австро-венгерскихъ часто появлялись извѣстія о нашей дѣйствующей арміи; затѣмъ выставленъ этотъ случай (см. „Моск. Вѣдом.“ 1877 г. янв. 22 № 19),—какъ совершенно лживый.

части войскъ. Уберечься отъ такого вора военныхъ свѣдѣній представлялось крайне затруднительнымъ, а между тѣмъ въ каждой войнѣ забота объ этомъ является дѣломъ вовсе не послѣднимъ, далеко не легкимъ и рѣшительно необходимымъ.

Во время американской войны, начатой въ 1861 году Сѣверными Штатами противъ Южныхъ за уничтоженіе невольничества,— сѣверная армія, мало-по-малу, въ 1864 году пришла, между прочимъ, къ установленію такого правила, что не слѣдуетъ препятствовать корреспондентамъ посылать въ газеты сообщенія изъ арміи, не только съ пути ея движенія, но и съ полей битвъ. Главнокомандующій Грантъ [1]) усвоилъ себѣ тотъ взглядъ, что все равно свѣдѣнія, въ концѣ концовъ, будутъ доставляться газетамъ во что бы то ни стало, а поэтому нужно лишь прилагать старанія къ тому, чтобы отъ корреспондентовъ въ арміи все было тщательно скрываемо, и чтобы они могли черпать лишь ложныя свѣдѣнія, которыя, доставаясь врагу, сбивали бы его съ толку и такимъ образомъ приносили бы ему только вредъ.

Своеобразный, чисто-американскій взглядъ этотъ полонъ наивности и даже шутовства; можетъ быть тамъ, въ новомъ свѣтѣ, онъ и являлся понятнымъ какъ исходившій изъ высокихъ, но въ данномъ случаѣ, одностороннихъ, понятій о свободѣ каждаго гражданина; эти понятія вовсе не вязались съ основными, примитивными представленіями о существованіи и жизни армій въ военное время. „Во всякомъ случаѣ, съ усмѣшкой говорилъ Мих. Ив., полное равнодушіе къ тому, чтобы армія наводнялась посторонними людьми — являлось знакомъ, — съ одной стороны большого мужества въ главнокомандующемъ, — съ другой — пренебреженія къ достоинству арміи; нельзя не считать обузой для нея и это наводненіе и то обстоятельство, что приходилось какъ бы создавать себѣ и подчиненнымъ заботу „о тщательномъ огражденіи всякаго корреспондента отъ полученія вѣрныхъ свѣдѣній и объ обезпеченіи ему возможности наполнять свои корреспонденціи лишь извѣстіями ложными“!

---

[1]) Улиссъ Сидней Грантъ съ самаго начала этой муждоусобной войны принималъ въ ней участіе, будучи изъ фермеровъ и фабрикантовъ назначенъ генераломъ; удачныя дѣйствія его, а также выказанныя имъ недюжинныя военныя способности открыли ему широкій путь; въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командующимъ соединенныхъ армій трехъ штатовъ, а года черезъ два послѣ того главнокомандующимъ армій всѣхъ Сѣверныхъ штатовъ; въ этой должности онъ и закончилъ въ 1865 году кампанію. Въ 1869 году онъ былъ избранъ въ президенты, а черезъ четыре года—въ 1872 году — переизбранъ; такимъ образомъ, онъ стоялъ во главѣ правительства два полныхъ четырехлѣтія. Въ 1876 году, по окончаніи второго четырехлѣтія, онъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и между прочимъ посѣтилъ Россію, которою вообще очень интересовался.

Видимо требованія американской свободы не дозволяли установить болѣе простое положеніе, — объ удаленіи изъ арміи людей подозрительныхъ и вредныхъ, о полномъ устраненіи возможности общенія съ арміей сброда и всякаго чуждаго ей элемента. Попросту говоря, забыта была необходимость огражденія арміи отъ шпіоновъ, а также удаленія и суроваго преслѣдованія ихъ.

Кромѣ требованій свободы не послѣднюю роль въ этомъ играла также и система пополненія американской арміи; въ сущности эта армія, созданная лишь въ минуту необходимости, въ минуту начала борьбы, являлась ополченіемъ, состоявшимъ изъ охотниковъ и вольнонаемныхъ; вербовка не могла дать ручательства за то, что рядовой или капралъ, или вахмистръ, сегодня стоящій у исполненія почетнаго долга воина, идущаго на защиту государства, — завтра не окажется шпіономъ, выдавшимъ, вольно или невольно, важную тайну представителю вражеской печати; ничего мудренаго, если такой „купленый“ воинъ забудетъ предписанную ему роль — распространителя только ложныхъ свѣдѣній о происходящемъ вокругъ него; онъ долженъ былъ бы сильно пропитаться дисциплиной, субординаціей и интересами жизни арміи для того, чтобы освоиться съ военною хитростью и не свихнуться; не всегда и не вездѣ вполнѣ твердо войдетъ при такихъ странныхъ обстоятельствахъ въ свою роль и совершенно регулярный солдатъ любой изъ постоянныхъ армій.

* * *

Во время австро-прусской войны 1866 г. прусская главная квартира, по словамъ Мих. Ив—ча, объявила, что корреспондентамъ, кои будутъ являться отъ той или другой большой, извѣстной, заслуживающей довѣрія, газеты съ ясными доказательствами уполномоченія ихъ редакціей той газеты—будетъ дано дозволеніе собирать и посылать съ мѣстъ расположенія войскъ свѣдѣнія. Насколько было слышно тогда, такое же объявленіе появилось отъ союзницы Пруссіи—Италіи, а нѣсколько позднѣе и отъ противной имъ стороны—Австріи. Каждая, въ раіонѣ движенія и дѣйствія своихъ войскъ, обѣщала приблизительно тоже. Относительно того, что произошло у нихъ — неизвѣстно; въ прусской же главной квартирѣ вышло такъ, что „много было званыхъ, но мало избранныхъ“: рѣдкій изъ корреспондентовъ, наводнившихъ штабы прусской арміи, могъ похвалиться тѣмъ, что дѣйствительно свободно собиралъ и посылалъ свѣдѣнія командировавшей и уполномочившей его газетѣ; разрѣшить не значило оказать содѣйствіе; каждый корреспондентъ встрѣчалъ столько препятствій на своемъ пути, что предпочиталъ бросать всякое домогательство. Между тѣмъ, не имѣя, вслѣдствіе

обѣщаннаго разрѣшенія, надобности скрывать свою профессію, каждый корреспондентъ въ самомъ началѣ открыто явился куда слѣдовало и сдѣлалъ о себѣ заявленіе, чѣмъ поставилъ себя подъ строгое наблюденіе и ускользнуть отъ него уже не могъ. Разрѣшеніе получали только очень немногіе, по большей части такіе люди, которые и раньше были извѣстны высшимъ сферамъ. Объявленіе, обѣщавшее давать разрѣшеніе, явилось такимъ образомъ удочкой, на которую попались корреспонденты—ихъ всѣхъ зарегистровали, а это военнымъ властямъ было крайне необходимо для того, чтобы армія не кишѣла тайными корреспондентами—людьми случайными, никому не извѣстными.

Съ тѣмъ вмѣстѣ власти, встрѣчая въ какой бы то ни было газетѣ корреспонденціи, могли знать, кому слѣдовало ее приписать.

Въ 1870 году, во время Франко-Прусской войны, германскія высшія военныя власти держались такого же порядка, т. е. допускали въ армію корреспондентовъ лишь со строжайшимъ разборомъ и, безъ сомнѣнія, къ германскимъ войскамъ за все время ихъ побѣднаго шествія не присталъ ни одинъ лишній человѣкъ, который могъ бы проявить какую бы то ни было нескромность въ своихъ писаніяхъ или услужить врагу своими корреспонденціями.

Во французской арміи, тѣмъ временемъ, если проявлялась строгость въ отношеніи корреспондентовъ, то лишь по адресу тѣхъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать льстивыхъ похвалъ войскамъ; тамъ практиковалось чуть ли не оффиціальное командированіе такихъ писакъ, которые, восхваляя то или иное изъ заведеннаго въ арміи, должны были тѣмъ самымъ дѣйствовать устрашающе на непріятеля. Извѣстно, что военный министръ Лебёфъ, отвѣтивъ въ послѣднюю минуту Императору Наполеону:—„l'armée est archi prête" съ тѣмъ вмѣстѣ поручилъ массѣ корреспондентовъ раскрыть секретъ, описавъ въ газетахъ страшное дѣйствіе невиданнаго и невѣдомаго до тѣхъ поръ орудія—митральезы; такъ называлось скорострѣльное орудіе (картечница), которое было прислано въ войска уже по объявленіи войны и распаковывалось ими чуть ли не на поляхъ сраженій. Корреспонденты должны были по заказу писать и съ походныхъ движеній французской арміи и изъ Парижа сообщенія, коими старались и пренаивно надѣялись напугать прусскую армію; пруссаки однако рѣшительно обо всемъ были освѣдомлены правильно, чему по всѣмъ вѣроятіямъ способствовали болѣе всего тѣ же „командированные" корреспонденты, дѣйствовавшіе съ непомѣрнымъ усердіемъ.

* * *

Касаясь порядковъ, установившихся у насъ въ самомъ началѣ военнаго времени, и продолжая свой разсказъ, Мих. Ив. вспомнилъ, что

однажды подъ Букарестомъ, встрѣтившись съ однимъ изъ своихъ товарищей по Дворянскому полку и по Военной академіи,—полковникомъ Н. Д. Новицкимъ [1]), онъ отъ него выслушалъ возмутившее всѣхъ присутствовавшихъ на бивакѣ сообщеніе о томъ, что иностранныя газеты, между прочимъ вѣнская „Politische Correspondenz", даетъ въ мелкихъ подробностяхъ описаніе перехода нашихъ войскъ черезъ границу Румыніи и похода по дружественной странѣ; — тамъ же печатаются нескромныя извѣстія о кипучей дѣятельности, происходящей на кишиневскомъ вокзалѣ: „почти каждый часъ отходятъ воинскіе поѣзда, отправляются боевые припасы, повозки, орудія, — сегодня я насчиталъ 84 пушки, говоритъ нѣмецъ-корреспондентъ; частнымъ пассажирамъ будетъ предоставлена возможность движенія только черезъ 8 дней, ибо линія Кишиневъ-Унгены-Яссы, согласно секретно заключенной между Россіей и Румыніей конвенціи, вошла въ сферу полнаго распоряженія русской военной администраціи"... Словомъ, нѣмецъ разоблачаетъ все самое интимное, а въ русской печати до сихъ поръ ничего подобнаго не появлялось...

Наши газеты обидѣлись и разразились „противъ такого порядка веденія нашихъ дѣлъ"; въ имѣвшихся при полковникѣ Новицкомъ 90 и 93 номерахъ „Моск. вѣд." газета, задѣтая этими порядками за живое, высказываетъ, не безъ сарказма, надежду на то, что эта манера—допускать доставленіе свѣдѣній врагамъ, при скрываніи ихъ отъ своихъ,—будетъ съ теченіемъ времени устранена; далѣе газета, придерживаясь того же тона, добавляетъ: „нѣмецкія газеты очевидно получаютъ свѣдѣнія изъ вѣрнаго, компетентнаго источника и сообщаютъ ихъ съ добрымъ расположеніемъ къ намъ безъ преступнаго нарушенія стратегическихъ соображеній, тѣмъ не менѣе,—не справедливѣе ли было бы предоставить русской, полной патріотическаго настроенія публикѣ, имѣть преимущество въ дѣлѣ полученія извѣстій изъ первыхъ рукъ?....

Въ первой половинѣ іюня въ румынскихъ, а затѣмъ и въ австрійскихъ газетахъ появилась корреспонденція, передавшая въ совершенно извращенномъ и тенденціонномъ видѣ сообщеніе объ убійствѣ рядовымъ одного изъ полковъ драгомировской дивизіи будто бы богатаго румына, содержателя винной лавки.—Тогда Мих. Ив. рѣшилъ впредь усиленно изгонять подобныхъ корреспондентовъ изъ своего отряда.

А. Е. К.

---

[1]) Нач. шт. IV арм. корпуса, подвигавшагося въ то время по Россіи походомъ къ театру войны.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину [1]).

Считаю не лишнимъ познакомить теперь читателя съ тѣмъ лицомъ, которому адресованы печатаемыя ниже письма [2]). Николай Ивановичъ Бахтинъ родился въ Тулѣ 3-го января 1796 г. Въ 1812 г., по окончаніи курса въ Харьковской гимназіи, Бахтинъ поступилъ на службу канцеляристомъ въ Правленіе Слободско-Украинской, нынѣ Харьковской губерніи (отецъ его Ив. Ив. Бахтинъ, р. въ 1754 г., ум. въ 1818 г., былъ тогда гражданскимъ губернаторомъ) и одно время посѣщалъ приватнымъ образомъ мѣстный университетъ. Переѣздъ въ Петербургъ отца (1815 г.), получившаго мѣсто Управляющаго Государственною Экспедиціею для ревизіи счетовъ, принудилъ молодого Бахтина прервать университетскія занятія. Прослуживъ около года въ указанной экспедиціи, подъ начальствомъ отца, и перейдя затѣмъ на службу въ канцелярію статсъ-секретаря по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ, Н. И. Бахтинъ сталъ посѣщать С.-Петербургскій университетъ, который въ 1822 г. выдалъ ему дипломъ на званіе дѣйствительнаго студента.

Въ 1823 г. Бахтинъ поступилъ въ капитулъ орденовъ. Это назначеніе дало ему возможность совершить путешествіе за границу, въ качествѣ секретаря канцлера россійскихъ орденовъ А. Л. Нарышкина.

---

1) См. „Русская Старина“ ноябрь 1909 г.

2) На литературную цѣнность писемъ Катенина къ Бахтину обратилъ мое вниманіе нашъ извѣстный библіографъ В. И. Саитовъ, которому пользуюсь случаемъ принести мою глубочайшую признательность.

По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ онъ пробылъ съ весны 1823 г. по осень 1825 г., Бахтинъ перешелъ въ штатъ провіантскаго департамента военнаго министерства, а два года спустя въ морское министерство. Состоя при главномъ начальникѣ морского штаба, кн. А. С. Меншиковѣ, Бахтинъ въ 1828 г. участвовалъ въ турецкой кампаніи, въ бояхъ подъ Анапою и Варною и, при осадѣ первой изъ этихъ крѣпостей, исполнялъ обязанности адъютанта князя. По окончаніи войны, онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ комитета для образованія флота и завѣдующимъ дѣлами по части финляндскаго генералъ-губернатора, которымъ въ то время былъ кн. Меншиковъ, редактировалъ „Сводъ морскихъ постановленій“. Съ 1834 по 1843 Бахтинъ занималъ мѣсто управляющаго дѣлами комитета министровъ, съ 1843 до 1853—государственнаго секретаря, а съ 1853 до своей кончины, въ 1869 г. состоялъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи. „Человѣкъ замѣчательно свѣтлаго ума, твердыхъ убѣжденій, неутомимый труженикъ на поприщѣ законодательной дѣятельности, Бахтинъ“, замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ, „съ первыхъ дней нынѣшняго царствованія (т. е. царствованія Александра II), заставшаго его уже членомъ Государственнаго Совѣта, является наиболѣе энергическимъ сторонникомъ самыхъ важныхъ реформъ“ [1]). Онъ принялъ дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи проекта новаго устава гражданскаго судопроизводства, въ работахъ комиссій по уничтоженію откуповъ и по пересмотру рекрутскаго устава; въ качествѣ члена главной комиссіи по устройству сельскаго состоянія (съ 1861 г.), онъ поддерживалъ полное и обезпеченное землею освобожденіе крестьянъ [2]).

Когда и при какихъ обстоятельствахъ состоялось знакомство Катенина съ Бахтинымъ—неизвѣстно. Впрочемъ, изъ одного письма П. П. Татаринова къ Бахтину, сохранившагося въ числѣ другихъ его писемъ въ бумагахъ послѣдняго, можно заключить, что въ 1817 г. Бахтинъ былъ уже знакомъ съ Катенинымъ. Обстоятельства, однако, вскорѣ разъединили пріятелей. Высланный осенью 1822 г. за шиканье артисткѣ Семеновой [3]), Катенинъ поселяется въ своемъ имѣніи Костромской губ., Шаево, и только лѣтомъ 1825 г. получаетъ возможность вернуться въ столицу. Но недоста-

---

[1]) „Голосъ“ № 90 понед. 31-го марта 1869 г.

[2]) О Н. И. Бахтинѣ см. Русск. Біогр. Словарь т. II Алексинскій—Бестужевъ—Рюминъ, стр. 607—608. „Записки“ Д. Н. Свербеева. М. 1899 т. I стр. 231—232, 234, 262 и также „Записки“ сенатора К. И. Фишера („Истор. Вѣст“. 1908 ноябрь, стр. 429—433).

[3]) Записки П. А. Каратыгина С.П.Б. 1880 г. стр. 89—94 г. И. А. Кубасовъ „Театральныя Интриги въ 1822 г.“ „Русская Старина“ 1901 г. ноябрь.

токъ въ средствахъ принуждаетъ его въ концѣ іюня 1827 г. снова уѣхать въ деревню, и на этотъ разъ уже до осени 1833 г., когда онъ былъ опять принятъ на службу, съ причисленіемъ въ Эриванскій карабинерный полкъ и временнымъ прикомандированіемъ къ образцовому полку, стоявшему въ Царскомъ Селѣ. Покинувъ весною 1835 г. Царское Село, онъ переселяется на Кавказъ, занимаетъ нѣкоторое время мѣсто коменданта Кизлярской крѣпости и въ 1840 г., по увольненіи отъ службы, водворяется уже до своей кончины (1853 г.) опять въ своей костромской глуши. Печатаемыя письма относятся, какъ уже было замѣчено, къ періоду съ 1821 по 1842 г.

Мы познакомились выше съ служебною дѣятельностью Бахтина. Письма Катенина открываютъ намъ другую, мало извѣстную сторону его дѣятельности. Мы узнаемъ, что Бахтинъ былъ не только поставщикомъ литературныхъ новостей „Шаевскаго ссыльника", какъ называлъ себя Катенинъ, не только посредникомъ его съ издателями журналовъ, не только издателемъ его сочиненій, но и его „литературнымъ адвокатомъ", защищавшимъ его съ перомъ въ рукахъ отъ нападокъ его враговъ.

Катенинъ высоко цѣнилъ литературную дѣятельность своего пріятеля. По его словамъ, Бахтинъ имѣлъ „несомнѣнный талантъ критика". „Немного болѣе увѣренности въ самомъ себѣ", писалъ онъ однажды, „и Вы сдѣлаетесь нашимъ Женгенэ". Вопреки этимъ хвалебнымъ отзывамъ Катенина, надо, однако, замѣтить, что статьи Бахтина заслуживаютъ вниманія лишь, какъ отзвуки Катенинскихъ воззрѣній, какъ статьи его единомышленника и соратника въ борьбѣ, выражаясь словами Катенина, „противъ наводненія дурного вкуса, романтизма, педантизма, невѣжества и шаекъ"[1]). Бахтинъ дебютировалъ на литературномъ поприщѣ въ 1821 году небольшою статьею, напечатанною въ „Сынѣ Отечества" [2]) и направленною противъ, появившихся въ томъ же журналѣ, „Замѣчаній" г. Z на комедію Катенина „Сплетни" [3]). Въ 1822 г. вышла въ свѣтъ извѣстная книга Н. И. Греча: „Опытъ краткой исторіи русской литературы", въ предисловіи къ которой авторъ обращался ко „всѣмъ любителямъ отечественной словесности" съ просьбою сообщить ему замѣчанія на его трудъ, обѣщая напечатать ихъ въ издаваемомъ имъ

[1]) Къ списку трудовъ о Катенинѣ слѣдуетъ присоединить, только-что появившуюся въ XII вып. изд. „Пушкинъ и его современники", статью Н. К. Пиксанова: „Замѣтки о Катенинѣ" (по поводу книжки С. Л. Бертенсона: П. А. Катенинъ. Литер. Матеріалы. СПБ. 1909 г.).

[2]) „Сынъ Отечества". 1821 г. ч. 68 № 12 стр. 218—227; статья подписана буквою G.

[3]) „Сынъ Отечества" 1821 г. ч. 67 № 5, стр. 225—229 г.

*

журналѣ. На этотъ призывъ, вслѣдъ за Катенинымъ, откликнулся и Бахтинъ, приславшій издателю „Сына Отечества“ „Письмо“, которое, однако, вслѣдствіе отказа послѣдняго помѣстить его въ своемъ журналѣ, появилось въ „Вѣстникѣ Европы“, вмѣстѣ съ жалобою „на самоуправство“ Греча, изложенною въ письмѣ къ М. Т. Каченовскому [1]). Какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ отвѣтѣ на сдѣланныя ему Гречемъ замѣчанія [2]), Бахтинъ, скрывшійся подъ буквами М. И., останавливается, между прочимъ, на Карамзинской реформѣ въ области языка, къ которой онъ, подобно Катенину, относится крайне отрицательно. Кн. П. А. Вяземскій, задѣтый М. И. въ числѣ писателей, принадлежавшихъ Карамзинской школѣ, приписывалъ первоначально эти статьи самому Каченовскому [3]). Впослѣдствіи онъ думалъ, основываясь на словахъ Мерзлякова, что, возбудившія его негодованія, статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ написаны Муравьевымъ-Апостоломъ [4]).

Окончивъ споръ съ Гречемъ [5]), Бахтинъ принялся за обширную статью „О стихотвореніяхъ Катенина“, начало которой появилось въ 3-ей—4-ой книжкѣ „Вѣстника Европы“ 1823 г. Дальнѣйшее печатанье этой статьи было остановлено. О причинѣ постигнувшей его неудачи мы узнаемъ изъ недавно опубликованнаго письма Каченовскаго къ Булгарину. „Покорнѣйше прошу“, читаемъ мы въ письмѣ отъ 26 марта 1823 г. „при поклонѣ отъ меня, утѣшить его (А. А. Бестужева) извѣщеніемъ, что статья о Катенинѣ останется безъ продолженія. Вижу по всему, что онъ самъ смастерилъ себѣ панегирикъ“ [6]). Статья Бахтина, безъ подписи, написанная въ крайне панегирическомъ тонѣ, представляетъ обзоръ литературной дѣятельности Катенина съ 1810 по 1823 г. Авторъ отмѣчаетъ разнообразіе его таланта, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на его поэмахъ „Софоклъ“ (1818), „Міръ поэта“ (1822), изобилующими,

---

[1]) „Вѣст. Европ.“ 1822. № 13, 14 стр. 23—29.

[2]) Замѣчанія Греча были напечатаны въ „С. О.“ 1822 г. ч. 80. № 37, стр. 160—177, а „возраженія М. И.“ въ „Вѣст. Евр.“ того же года № 19, стр. 183—203.

[3]) Письмо къ А. И. Тургеневу отъ 7-го дек. 1822 г. Ост. Арх. II стр. 285, 554; полное собраніе соч. кн. Вяземскаго т. I, стр. 84—95: о двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Вѣст. Европ.“

[4]) Ост. Арх. II, 285, 554.

[5]) Полемизируя съ Гречемъ, М. И. обмѣнялся еще письмами съ кн. Шаликовымъ, котораго онъ тоже затронулъ, какъ приверженца Карамзина (письмо кн. Шаликова напеч. въ „С. О.“ 1822 ч. 81 № 46). Отвѣтъ М. И—въ „Вѣст. Евр.“ 1822 № 24, стр. 295—300.

[6]) Изъ Арх. Ѳ. В. Булгарина, сообщ. Н. К. Пиксановъ „Русс. Стар.“ 1903 г. № 12 стр. 606, см. также письмо Катенина къ Бахтину № 10. (22-го мая 1823 г.).

по мнѣнію критика, „первоклассными красотами“, а также на его „великихъ заслугахъ“ въ драматической поэзіи.

Въ 1824 г., находясь въ Парижѣ, Бахтинъ напечаталъ въ журналѣ „Mercure du XIX s.“ (t. VI p. 505) за подписью L. N. и подъ заглавіемъ „Quelques Notes d'un Russe présentement à Paris sur l'Anthologie russe de M-r Dupré de St.-Maure“, статью, въ которой задался цѣлью дать иностраннымъ читателямъ краткій очеркъ русской поэзіи отъ Кантеміра до его времени. Не входя въ разсмотрѣніе содержанія этого обзора, отмѣчу только, для характеристики литературныхъ взглядовъ Бахтина, его сужденія о Пушкинѣ. Пушкинъ, по мнѣнію L. N., въ „Русланѣ и Людмилѣ“ превзошелъ все, что было написано до него въ шуточномъ родѣ, благодаря красотѣ и изяществу стиховъ, „но все-таки эта поэма уступаетъ „Душенькѣ“ Богдановича, въ отношеніи простоты изложенія“. „Кромѣ Людмилы“, замѣчаетъ онъ, „Пушкинъ, несмотря на свою молодость, написалъ еще нѣсколько стихотвореній, обезпечившихъ ему весьма почетное мѣсто среди нашихъ поэтовъ, но, мнѣ кажется, что онъ ошибается насчетъ своего таланта. Мрачныя картины, которыя онъ пытается писать, рѣдко ему удаются. Я посовѣтовалъ бы ему отдаться его врожденной веселости и прежде всего научиться тайнѣ успѣха, которую Буало открылъ Расину“. Не преминулъ Бахтинъ воспользоваться случаемъ расхвалить иностранцамъ произведенія своего пріятеля, и попутно кольнуть его противниковъ, кн. Вяземскаго и Бестужева. Вскорѣ послѣ появленія этой статьи на страницахъ того же французскаго журнала напечатано письмо съ подписью Le P. B. G. [1]), въ которомъ высказано предположеніе, что L. N. не кто иной, какъ самъ Катенинъ, расхвалившій себя самого незадолго передъ тѣмъ въ „Вѣстникѣ Европы“.

Въ отвѣтъ на это письмо L. N. [2]) энергично протестуетъ противъ обвиненія Катенина въ самовосхваленіи и заявляетъ, что направленная противъ него статья въ „Mercure“ принадлежитъ одному близкому родственнику кн. П. А. Вяземскаго. Изъ одного письма Катенина мы узнаемъ, что Бахтинъ въ данномъ случаѣ намекалъ на кн. Василія Өедоровича Гагарина, родного брата жены Петра Андреевича [3]). Катенинъ,

---

[1]) Mercure du XIX s. 1824, t. VII № 82 p. 181 (Lettre à l'éditeur).

[2]) Mercure t. VII p. 333—336.

[3]) Отсюда и подпись Le P. B. G.—le prince Basile Gagarine. Справедливость предположенія Бахтина подтверждается и письмомъ самого князя Вяземскаго 1869 г. см. I. Ясинскій „Кн. П. А. Вяземскій въ письмахъ къ С. Д. Полторацкому“ („Новь“ 1885 т. III, стр. 94).

съ своей стороны, не оставилъ безъ возраженія выходку противъ него Р. В. G., препроводивъ свой протестъ Гречу и Каченовскому, изъ коихъ только первый напечаталъ его письмо въ „Сынѣ Отечества“ [1]).

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, Бахтинъ написалъ еще одну статью на французскомъ языкѣ. Эта статья, озаглавленная: „Coup d'oeil sur l'histoire de la Langue Slave et sur la marche progressive de la Civilisation et de la Littérature en Russie“, вошла, безъ имени автора, въ составъ введенія, изданнаго Адріаномъ Бальби въ 1826 г. и посвященнаго памяти Императора Александра I „Atlas Ethnographique“ [2]), въ предисловіи къ которому издатель горячо рекомендуетъ читателямъ работу „молодого русскаго, обнаружившаго въ ней столько же учености, сколько безпристрастности“. Въ этой статьѣ съ особенною полнотою отразились воззрѣнія той литературной группы, къ которой принадлежали Бахтинъ и Катенинъ. Здѣсь Бахтинъ возвращается къ темѣ, затронутой имъ уже въ своей полемикѣ съ Гречемъ. Такъ, напримѣръ, исторію русской литературы Екатерининскаго времени онъ дѣлитъ на двѣ эпохи; одну изъ нихъ, съ 1762 до 1790 года онъ называетъ „блестящей“, а вторую, которая захватываетъ и первые годы царствованія Александра I и простирается до 1804 г.—„несчастной“, ознаменовавшейся съ одной стороны наплывомъ слезливости, съ другой отклоненіемъ писателей въ области языка съ вѣрнаго пути, указаннаго Ломоносовымъ. Особенно печальнымъ представляется ему положеніе драмы въ эту эпоху. За исключеніемъ „Ябеды“ Капниста, ни одна трагедія и ни одна комедія не заслуживаютъ упоминанія. «Время, по его мнѣнію, пощадило отъ полнаго забвенія только двухъ писателей этой горестной эпохи: Карамзина, который, быть можетъ, былъ главнымъ виновникомъ упадка русской литературы, и Дмитріева“. „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ Шишкова и комедія „Новый Стернъ“ (кн. А. А. Шаховскаго) положили, какъ думаетъ Бахтинъ, предѣлъ дальнѣйшему паденію нашей литературы. Весьма любопытно разсужденіе Бахтина о романтизмѣ, съ которымъ, по его словамъ, впервые познакомилъ русскихъ—Жуковскій, своими переводами нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. „Безъ всякаго сомнѣнія“, замѣчаетъ онъ, „нѣтъ основанія порицать это направленіе, но было бы желательно, чтобы оно приняло болѣе національный характеръ. Нѣмецкая и англійская литературы намъ также чужды (classiques), какъ и

---

[1]) „С. О.“ 1825 ч. 99, № 3, стр. 333—335.

[2]) Atlas Ethnographique du Globe, ou Classification des Peuples Anciens et Modernes d'aprés leur langue. Partie historique et litteraire.

французская и итальянская. Истинный романтизмъ состоитъ въ выборѣ національныхъ сюжетовъ и въ пользованіи красками, понятными читателямъ, безъ необходимости предварительнаго изученія климата, нравовъ и вѣрованій иностранныхъ народовъ". А вотъ еще отзывъ Бахтина о Пушкинѣ: „Романическія поэмы (les poèmes romanesques) въ духѣ Байрона", говоритъ онъ, „съ нѣкотораго времени въ большой модѣ въ Россіи; Пушкинъ подалъ въ этомъ отношеніи первый примѣръ въ своемъ „Кавказскомъ плѣнникѣ". Съ этихъ поръ имъ написано еще нѣсколько поэмъ, которыя всѣ обладаютъ тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками". Къ достоинствамъ поэмъ Пушкина Бахтинъ относитъ „легкіе, гармоническіе и полные страсти стихи"; къ недостаткамъ: „отсутствіе плана и цѣлости, и главнымъ образомъ однообразіе чувствъ и повтореніе нѣкоторыхъ излюбленныхъ выраженій". „Намъ тяжело", замѣчаетъ онъ, „дѣлать ему (т. е. Пушкину) этотъ упрекъ, но насъ вынуждаютъ къ тому его подражатели".

Статья Бахтина была перепечатана въ „Bibliothèque Universelle" (T. XXXIV, 1-re partie p. 242) съ лестнымъ для него комментаріемъ и переведена на русскій языкъ Д. Кафтыревымъ (въ „Сынѣ Отечества" 1828 г.). Не обошлось дѣло и безъ полемики. На этотъ разъ противъ Бахтина выступилъ Полевой. Въ рѣзкой и пространной рецензіи, напечатанной въ „Московскомъ Телеграфѣ" (1827 г. № 17 и 18), Полевой, между прочимъ, высказываетъ догадку, что авторъ обзора русской литературы въ Атласѣ Бальби и L. N., помѣстившій въ „Mercure" статью о русской антологіи Сенъ-Мора— одно и то же лицо. Въ отвѣтъ на рецензію Полевого, Бахтинъ помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества"[1]) и „Атенеѣ" [2])—4 письма, въ коихъ, укрывшись за буквами „М. И.", заступился за автора статьи въ „Атласѣ" Бальби, т. е. за самого себя. Четыре года спустя онъ выпустилъ въ свѣтъ, въ двухъ частяхъ, „Сочиненія и переводы Павла Катенина", къ которымъ присоединилъ предисловіе и примѣчанія. Этимъ предисловіемъ заканчивается его литературная дѣятельность. Служебныя обязанности, всецѣло поглотившія Бахтина, отвлекли его отъ литературныхъ занятій. Одновременно замѣчается и охлажденіе его къ пріятелю, который и самъ, быть можетъ, былъ отчасти повиненъ въ происшедшей между ними размолвкѣ. Безпрестанные упреки, которыми обрушивался Катенинъ на своего „адвоката" за недостаточно якобы ретивое исполненіе его литературныхъ порученій произ-

[1]) „С. О." 1828 г. ч. 117. № 2 стр. 189—193, письмо къ Булгарину; ч. 118 № 6 стр. 163—176, второе письмо къ Булгарину.

[2]) „Атеней" 1828 г. ч. III № 12 стр. 404—419 и ч. V № 17 стр. 62—76.

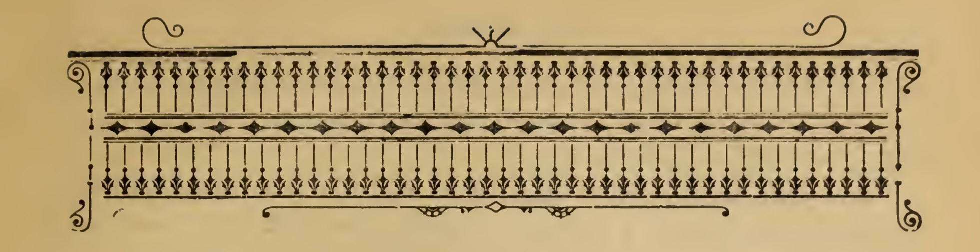
вели, вѣроятно, свое дѣйствіе. Порою самъ Катенинъ чувствовалъ, что слишкомъ уже далъ „воли чувству и перу“, и пытался объяснить свою раздражительность горькимъ житьемъ, хворостью и всякими неудачами въ жизни. „Простите меня, мои укоры, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, войдите на мигъ (дольше будетъ больно) въ мою кожу; я хворъ, всѣ дѣла мои идутъ не путемъ, вся жизнь никуда не годится: пощадите меня изъ человѣколюбія“. Но и эта горячая исповѣдь не разжалобила Бахтина, который понемногу перестаетъ вовсе писать Катенину. Переписка, прекратившаяся въ концѣ 1831 г., возобновилась только осенью 1833 года, когда послѣдній поселился въ Царскомъ Селѣ. Пріятели объяснились, и все пошло по-старому, но не на долго. Съ отъѣздомъ Катенина на Кавказъ, Бахтинъ снова умолкаетъ. Катенинъ, однако, не хочетъ помириться съ мыслью потерять долголѣтнюю дружбу съ человѣкомъ, котораго онъ искренне любилъ и уважалъ, онъ цѣпляется за эту дружбу, за это „сокровище“, которое „какой-то враждебный демонъ“ хочетъ у него похитить. Наконецъ, послѣ упорнаго молчанія, Бахтинъ откликнулся. „Съ полнымъ радушіемъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ“, писалъ въ отвѣтъ на это письмо Катенинъ, „принимаю и кладу къ сердцу Вашу руку, простираемую ко мнѣ изъ-за моря (Бахтинъ въ это время находился во Флоренціи) на возобновленіе нашихъ сношеній и пріязни“. Но напрасно думалъ онъ, „что фениксъ возродился изъ пепла“. Письмо Катенина осталось безъ отвѣта, и этимъ письмомъ отъ 14/21 февраля 1842 г. обрывается его долголѣтняя переписка съ Бахтинымъ.

Опубликовывая письма Катенина, считаю нужнымъ замѣтить, что они печатаются съ сохраненіемъ особенностей его правописанія, въ хронологическомъ порядкѣ, согласно датамъ, выставленнымъ въ ихъ оригиналахъ, изъ коихъ лишь весьма немногіе не снабжены этими указаніями. Въ послѣднемъ случаѣ приходилось опредѣлять даты на основаніи содержанія писемъ.

А. Чебышевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго.

III [1]).

Дѣятельность А. А. Виніуса при Петрѣ В.—Переписка съ царемъ.—Почтовое дѣло.—Школы и разныя др. порученія царя.—Разсказы Корба о Виніусѣ.—Сибирскій приказъ.—Артиллерія.—Паденіе Виніуса.—Послѣдніе труды его.—Матвѣй Виніусъ.

Мы не знаемъ, когда въ первый разъ дѣятельный и умный голландецъ встрѣтился съ Петромъ В. По свидѣтельству Б. И. Куракина, еще въ отрочествѣ Петръ, по склонности своей ко всему иноземческому, началъ учиться всякимъ „экзерциціямъ“ и голландскому языку и за „мастера“ этого языка былъ дьякъ Посольскаго приказа, Андрей Виніусъ „человѣкъ умный и состоянія добраго“ [2]). Вѣроятно, Петръ познакомился съ Виніусомъ послѣ дѣла Шакловитаго. Въ 1687 г., по порученію послѣдняго, Виніусъ заказывалъ за границей портретъ царевны Софіи съ преувеличеннымъ ея титуломъ. Во время суда надъ Шакловитымъ Виніусу пришлось по этому поводу давать объясненія [3]). Очевидно, эти объясненія были признаны удовлетворительными, потому что Виніусъ не только не пострадалъ, а въ 1691 году, въ чинѣ думнаго дьяка, даже по праздникамъ „пресвѣтлыхъ государей царей пресвѣтлыя очи видѣлъ“ и находился въ нарядѣ на разныхъ церковныхъ церемоніяхъ [4]). Очевидно, проницательный взоръ Петра сумѣлъ оцѣнить полезнаго работника.

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1909 г.

[2]) „Гисторія о царѣ Петрѣ Ал.“, см. Архивъ кн. Куракина, т. I, стр. 70.

[3]) Роз. дѣла о Ѳ. Шакловитомъ, I, стр. VIII—IX.

[4]) Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о П. В., М., 1872, т. I, стр. 403.

Съ 1694 г. свѣдѣнія объ отношеніяхъ Царя къ Виніусу имѣются въ значительномъ количествѣ, благодаря большому числу писемъ Царя и Виніуса другъ ко другу.

Изъ дѣла Шакловитаго Царь могъ узнать о знакомствѣ Виніуса съ амстердамскимъ бургомистромъ Витзеномъ (Виніусъ заказывалъ портреты ц. Софіи черезъ Витзена). Въ 1693 г., вѣроятно, при посредствѣ Виніуса и Витзена, Царь заказалъ въ Голландіи корабль „Святое Пророчество". Изъ переписки царя съ Виніусомъ за время, начиная съ 1694 по 1714 годъ включительно, мы узнаемъ, что болѣе всего интересовало Петра В. въ это время и въ чемъ Виніусъ принималъ дѣятельное участіе. Въ 1695—1696 годахъ, въ эпоху Азовскихъ походовъ, Царь имѣлъ въ лицѣ Виніуса постояннаго важнаго и свѣдущаго корреспондента. Черезъ него онъ дѣлалъ заказы за границей, военныя заготовки у себя дома; черезъ него получалъ свѣдѣнія о заграничныхъ и московскихъ новостяхъ, куранты; черезъ него передавалъ извѣстія и порученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаемъ, что Виніусъ, при необычайной дѣятельности, нѣсколько бережетъ себя и не забываетъ своихъ интересовъ: онъ два раза уклонился отъ возможнаго свиданія съ Царемъ—одинъ разъ подъ предлогомъ ушиба, другой разъ безъ всякой видимой причины; обращается къ Петру съ какою-то челобитной для себя, проситъ прощенія провинившемуся свояку, Емельяну Игн. Украинцеву. Послѣднее порученіе Царя, съ какимъ мы встрѣчаемся въ этой перепискѣ [1]), постройка тріумфальныхъ воротъ, было Виніусомъ выполнено въ сентябрѣ 1696 года, и 30 сентября торжественный въѣздъ въ Москву состоялся. „Капитанъ Петръ Алексѣевъ" шелъ пѣшкомъ за раззолоченными санями адмирала Лефорта. Устроитель торжества, Виніусъ, сверху тріумфальныхъ воротъ въ трубу говорилъ вирши побѣдителямъ [2]).

Вскорѣ послѣ Азовскихъ походовъ, Царь Петръ затѣялъ новое важное дѣло: собрался въ дальнее путешествіе—въ Западную Европу. Онъ отправился туда инкогнито въ числѣ свиты пословъ Головина и Лефорта, въ мартѣ 1697 года, а вернулся въ августѣ 1698 г. Это было время, когда Виніусъ былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ лицъ Петра. Царь пишетъ ему часто тайными чернилами и о такихъ дѣлахъ, о которыхъ не пишетъ никому. Всякая почта приноситъ письма Петра Виніусу—случайное отсутствіе ихъ въ той или другой почтѣ уже безпокоитъ старика. Соблюдая инкогнито

---

[1]) Переписка Петра В. съ Виніусомъ будетъ разсмотрѣна нами въ особой главѣ.

[2]) Описаніе похода боярина Шеина. Соловьевъ, Ист. Россіи, т. III, 1157.

Царя, Виніусъ пишетъ ему просто, иногда фамильярно; Петръ отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Они сообщаютъ другъ другу всякія новости, политическія и научныя, даже простыя сплетни. Виніусъ больше всего пишетъ о желѣзномъ дѣлѣ, о почтахъ, о сибирскихъ дѣлахъ; Петръ—о политикѣ и о пріемахъ, оказанныхъ посольству за границей. Въ одномъ письмѣ Виніусъ рекомендуетъ одного окольничаго на службу. Въ декабрѣ 1697 года Петръ пишетъ Ѳ. Ю. Ромодановскому письмо, въ которомъ проситъ послѣдняго оказывать покровительство Виніусу [1]).

Это время вообще было временемъ расцвѣта дѣятельности Андрея Андреевича, хотя онъ считалъ уже шестой десятокъ лѣтъ возраста. Мы уже сказали, что изъ всѣхъ вопросовъ наиболѣе занимали его въ это время—почта, желѣзные заводы и сибирскія дѣла. Приступимъ теперь къ обозрѣнію его дѣятельности по этимъ тремъ рубрикамъ за время 1695—1701 г. (въ 1701 г. Виніусъ навлекъ на себя первую немилость Петра и лишился почты).

Выше мы видѣли, что съ 1695 года въ почтовомъ дѣлѣ сотрудникомъ Андрея Андреевича становится его сынъ Матвѣй съ чиномъ „стольника и почтмейстера“ [2]). Во время Азовскихъ походовъ надо было установить почтовыя сообщенія между Москвою и Дономъ. Это было чрезвычайно затруднительно вслѣдствіе недостатка городовъ и населенныхъ мѣстъ, а также вслѣдствіе набѣговъ степняковъ. Почты изъ лагеря въ Москву, а иногда и изъ Москвы къ Азову—запаздывали; Петръ съ облегченіемъ посылалъ въ августѣ 1696 года послѣднюю почту изъ Азова, былъ готовъ совсѣмъ отказаться отъ Московско-Азовской почты, какъ только крайняя нужда миновала [3]). Съ отъѣздомъ Петра за границу должны были оживиться почты Рижская и Виленская. Теперь уже на этомъ пути каждая неисправность безпокоила и Петра, и Виніусовъ. Въ Москвѣ весьма многіе писали письма тѣмъ или другимъ членамъ посольства; такъ какъ на каждую посылку приходилось Виніусу дѣлать затраты, то онъ убѣдительно просилъ завести обычай — всѣ письма, адресованныя за границу, къ членамъ посольства, сносить въ одно мѣсто, чтобы

---

1) Письма и бумаги П. В., т. I, стр. 228. Нѣсколько позже встрѣчаемся съ извѣстіемъ, что нѣкто Михайло Волчковъ былъ поставленъ подъ висѣлицу, а затѣмъ снятъ и битъ кнутомъ на козлѣ нещадно за неправое челобитье на Виніуса (7 дек. 1699 г. см. Записки Желябужскаго, М., 1840, стр. 154).

2) С. А. Бѣлокуровъ ошибочно придаетъ этотъ титулъ Андрею Виніусу.

3) Письма и бумаги П. В., т. I, стр. 101.

ихъ можно было отсылать сразу партіями, въ одномъ пакетѣ [1]). Что расходы Виніуса по отсылкѣ заграничной корреспонденціи были велики, видно между прочимъ изъ того, что 21 дек. 1697 г. глава посольства, Ѳ. А. Головинъ, писалъ въ Приказъ Большой казны, чтобы Виніусу выдали „на заплату амстрадамской почты“ 300 рублей [2]).

При всякой неаккуратности почтмейстеровъ, Виніусъ настойчиво жалуется на нихъ. Въ октябрѣ 1697 г. онъ жаловался на неаккуратность Варшавской почты Алексѣя Васильева, доходящей до Москвы въ 4 недѣли, а иногда и больше, „хотя многажды о исправленіи прошено, но у нихъ того не чинится“: письма, посланныя изъ Варшавы 28 августа, а изъ Амстердама 3 сентября — пришли вмѣстѣ 26 сентября [3]). Въ февралѣ 1698 г. Андрей Виніусъ жаловался на рижскаго почтмейстера, Рейнгарда Грена [4]). Гренъ задерживалъ письма торговыхъ людей и даже осмѣлился распечатывать пакеты, посылаемые изъ Москвы въ посольство Лефорта и Головина. Матвѣй Виніусъ предлагалъ посылать письма изъ Москвы въ Кенигсбергъ не черезъ Ригу, а черезъ Литву. По указу Царя, изъ Пскова было написано рижскому губернатору, чтобы онъ „того почтаря велѣлъ унять“. Когда рижскій почтмейстеръ не „унялся“, то Петръ послалъ грамоту Карлу XII. Дѣло уладилось; но за то скоро раздались жалобы съ другой стороны: факторы шведскаго короля пожаловались, что многія письма въ Швецію не доходятъ; пришлось Матвѣю Виніусу оправдываться [5]).

Почтмейстерская осторожность Андрея Виніуса выразилась также въ томъ, что онъ просилъ членовъ посольства, при отсылкѣ писемъ, нумеровать ихъ, чтобы при полученіи видно было, котораго не достаетъ. Однажды, убѣдившись, что одного изъ пакетовъ не досчитывается, Андрей Виніусъ написалъ въ Мемель и Ригу „и буде то учинилось не омылкою или опискою какою“, то, по его разсчету, онъ долженъ былъ найтись въ Ригѣ [6]).

По возвращеніи Петра изъ-за границы вниманіе почтмейстеровъ снова было обращено на внутреннія почты. Еще наканунѣ его пріѣзда была окончательно установлена Сибирская почта, изъ Москвы до Якутска и Нерчинска и обратно. Почта начала ходить (пока до Тобольска) въ лѣтніе мѣсяцы трижды въ годъ. Частнымъ

---

1) Письма и бумаги П. В., I, 633.
2) Памят. Дипл. Снош. VIII, 1152.
3) Письма и бумаги П. В., т. I, 645.
4) Письма и бумаги П. В., т. I, 681.
5) Хрущовъ, 29—30.
6) Письма и бумаги П. В., т. I, 708.

торговымъ лицамъ разрѣшено было пользоваться правительственной почтой. За доставку писемъ взималось по таксѣ, составленной 21 октября 1697 г. Таможеннымъ головамъ, которые принимали письма и взимали плату, приказано было „отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотрѣть, чтобы всякъ, заплатя пристойную заплату, былъ обнадеженъ, что его грамотка въ домъ къ нему дойдетъ [1]).

Вскорѣ по заграничной почтѣ вышло крупное недоразумѣніе. Въ началѣ 1700 года пропала почта, пришедшая изъ-за рубежа. Петръ В. написалъ И. И. Головину, чтобы тотъ принялъ мѣры къ ея разысканію. Почта была найдена при слѣдующихъ обстоятельствахъ. „Человѣкъ“ псковитина И. А. Кокошкина увидалъ на дорогѣ запечатанныя сумы и сказалъ объ этомъ своему барину. Тотъ сейчасъ же поѣхалъ на указанное ему мѣсто, но сумъ тамъ уже не нашелъ. Онѣ оказались у крестьянина, съ которымъ шелъ „человѣкъ“ Кокошкина мимо этихъ сумъ. Мѣсто, гдѣ лежали эти сумы, было въ 3 верстахъ отъ почтовой дороги въ лѣсу; лежали онѣ, очевидно, въ снѣгу, потому что заплѣснѣвѣли и письма въ нихъ оказались мокрыми, хотя печати на письмахъ были цѣлы [2]). Одна изъ сумъ была распечатана и по росписи въ ней не хватало писемъ Андрея Бутенанта [3]). Очевидно, эти письма понадобились шведамъ: въ это время Данія готовилась къ войнѣ съ Швеціей, а Бутенантъ былъ датскимъ резидентомъ въ Москвѣ.

Въ то время, когда заграничная почта ослабила свои функціи, развивались почты внутреннія. Указомъ отъ 16 февр. 1700 г. была учреждена постоянная почта отъ Москвы черезъ Серпуховъ, Тулу, Елецъ до Воронежа. Почта должна была ходить безъ замедленія въ указные числа и часы и письма должны доставляться бережно; за неаккуратность почтарямъ грозила „смертная казнь безо всякіе пощады“. Дорога отъ Москвы до Воронежа преобразилась—ее исправили, повсюду разставили верстовые столбы, покрашеные красною краской; между столбами по обѣ стороны дороги посажены были деревья [4]). Завѣдываніе Воронежской почтой было поручено боярину Ѳ. А. Головину. Вслѣдъ за этимъ была реформирована и Архангелогородская почта (черезъ Вологду). Завѣдываніе ею въ Москвѣ поручено Матвѣю Виніусу, а въ Архангельскѣ иноземцу Денису Гоутевалу [5]).

[1]) П. С. З., III, № 1654.

[2]) Письма и бумаги П. В., I, 788.

[3]) Письма и бумаги П. В., I, 813.

[4]) Л. Вейнбергъ, Воронежская почта (Воронеж. юбилейн. сборникъ, т. I. Вор., 1886. Стр. 435—436.

[5]) Хрущовъ, 27.

Начиная въ 1700 году войну, Петръ былъ озабоченъ развитіемъ почтовыхъ сношеній. Матвѣй Виніусъ получилъ указъ о приведеніи въ лучшій порядокъ заграничной почты. Въ ноябрѣ 1699 года онъ былъ командированъ для ученья въ городъ Берлинъ [1]); вся тяжесть почтоваго дѣла легла опять на старика Андрея Виніуса [2]). Матвѣй Виніусъ, по порученію царя, заключилъ новый почтовый договоръ съ Бранденбургскимъ курфирстомъ объ отсылкѣ почтъ по направленію Кенигсбергъ—Тильзитъ—Вильна—Смоленскъ—Москва [3]). Былъ учрежденъ новый Смоленско-Псковскій почтовый путь.

Но мы знаемъ, что не одно только почтовое дѣло легло тяжкимъ бременемъ на плечи усталаго дѣльца. Взявъ снова на себя все разросшееся почтовое дѣло, онъ въ то же время былъ заваленъ безчисленными дѣлами по Сибирскому приказу, исполнялъ массу военныхъ, административныхъ, даже просвѣтительныхъ порученій Петра. Въ 1701 г. онъ заявлялъ, что собралъ въ школы 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера [4]). Тогда же онъ открылъ навигаторскую школу.

Въ 1701 г., когда Виніусъ замѣщалъ плѣннаго генералъ-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчилловича въ завѣдываніи Приказомъ артиллеріи, послѣдовало открытіе школъ на новомъ пушечномъ дворѣ. Велѣно было построить на пушечномъ дворѣ деревянныя школы и въ тѣхъ школахъ учить дѣтей пушкарскихъ и иныхъ постороннихъ чиновъ людей словесной и письменной грамотѣ, цифири и инженернымъ наукамъ. Указъ повелѣвалъ ученикамъ „будучи въ тѣхъ школахъ учиться наукамъ съ прилежаніемъ, а выучась, безъ указу съ Москвы не съѣхать, также въ иной чинъ, кромѣ артиллеріи, не отлучаться“. Въ школахъ былъ устроенъ для учениковъ полный пансіонъ [5]). Тѣмъ ученикамъ, которые будутъ прилежны и переимчивы, обѣщано особое государево жалованье [6]).

---

[1]) Гамель, 37.

[2]) Хрущовъ, 30. Съ этого момента Хрущовъ величаетъ его „Андреемъ Денисовичемъ“.

[3]) Письма и бумаги П. В., I, стр. 333.

[4]) Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III, 1251. А въ 1703 г. въ „Вѣдомостяхъ“ читаемъ: „въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ“ (Вѣдомости времени Петра В., вып. 1-й М., 1903, стр. 3).

[5]) На кормъ имъ положено по 2 деньги человѣку на день, „и изъ тѣхъ денегъ изъ половины покупая хлѣбъ и харчъ: въ постные дни рыбу, а въ скоромные мясо и варить кашу или щи, а по другой деньгѣ—на обуви и на кафтанишки и на рубашенки“ (Бранденбургъ, 485).

[6]) Въ приложеніяхъ къ соч. Бранденбурга помѣщена вѣдомость расходамъ по содержанію артиллерійской школы 1701—1706 г.г. Изъ нея узнаемъ,

Замышляя ввести обученіе ребятъ нѣмецкому языку, Петръ проектировалъ къ этому дѣлу также привлечь Виніуса[1]). Царь давалъ ему массу ученыхъ порученій — переводовъ и составленія спеціальныхъ трактатовъ, словарей и пр. Не избѣжалъ Виніусъ и побочной работы, не имѣвшей непосредственной связи съ его должностями, такъ напр.: въ 1700 г. засѣдала комиссія по составленію новаго уложенія; комиссія эта поручила Виніусу отправиться къ патріарху съ просьбой представить матеріалы для уложенія по духовному вѣдомству[2]). Старикъ изнемогалъ отъ работы, но, пользуясь большими доходами, не желалъ отказываться ни отъ одной изъ должностей, что̀ въ концѣ концовъ привело его къ невозможности быть аккуратнымъ въ исполненіи возлагавшихся на него порученій. Оно сталъ уже часто вызывать неудовольствіе царя своею неаккуратностью („московскимъ тотчасомъ", какъ любилъ выражаться Петръ). Неаккуратность его, особенно въ важномъ почтовомъ дѣлѣ, очевидно, достигла такихъ размѣровъ, что Царь не счелъ возможнымъ даже ждать пріѣзда его сына изъ-за границы и 17 марта 1701 г. указалъ: „почты Виленскую и города Архангельскаго, пріемомъ и отпускомъ которые вѣдаетъ стольникъ Матвѣй Виніусъ—вѣдать нынѣ Государственнаго Посольскаго приказу переводчику Петру Шафирову; а ему, Матвѣю, той почты не вѣдать" [3]).

Съ потерей завѣдыванія почтами Андрею Виніусу приходилось примириться съ потерей крупной доходной статьи[4]). Оно̀ подалъ въ Посольскій приказъ челобитье объ уплатѣ ему денегъ за заграничную корреспонденцію, въ размѣрѣ 304 р. 12 коп. Деньги эти были ему уплачены.

Потерявъ завѣдываніе почтою, Андрей Виніусъ сохранялъ за собою всѣ прочія должности; но съ этого момента расцвѣтъ его дѣятельности начинаетъ меркнуть.

Въ эпоху расцвѣта Виніусъ былъ крупнымъ и вліятельнымъ вельможей. Мы знакомимся съ нимъ съ этой стороны по запискамъ

что съ 1 авг. по 28 сент. 1701 г. было набрано 180 чел. учениковъ, а къ 1 апр. 1704 г. число ихъ доходило уже до 300. Изъ этого числа впослѣдствіи поступило на службу 11, отдано въ артиллерійскіе ученики 5, въ токари—10, писаря пушкарскіе—2, пушечные ученики—1, сбѣжалъ—1.

[1]) Письма и бумаги П. В., II, 310.

[2]) Библіотека Моск. Общ. Ист. и древностей, М., 1845, стр. 117.

[3]) Хрущовъ, 31.

[4]) Къ этому времени относится сочиненіе русскаго экономиста, Ивана Посошкова „о ратномъ поведеніи", въ которомъ послѣдній, указавши на выгоды, извлекаемыя иностранцами изъ почты въ ущербъ русскимъ, которые еще не умѣютъ пользоваться этимъ учрежденіемъ, совѣтуетъ уничтожить заграничную почту.

Корба, бывшаго въ Москвѣ въ 1698—99 г.г. Вотъ нѣкоторые изъ разсказовъ послѣдняго.

Царь,покончивъ съ казнями стрѣльцовъ и собираясь въ Воронежъ, велѣлъ генералу Лефорту устроить обѣдъ для вельможъ и иностранныхъ представителей. На этомъ обѣдѣ, происходившемъ 2 ноября 1698 г., былъ и Виніусъ. Корбъ разсказываетъ, что гр. А. А. Матвѣевъ за столомъ громко сказалъ Виніусу по-латыни: „дураками полонъ свѣтъ"; Корбъ умалчиваетъ, кого разумѣлъ Матвѣевъ подъ „дураками" [1]).

24 апрѣля Виніусъ съ монахомъ Каріономъ и нѣсколькими офицерами былъ на обѣдѣ у императорскаго посла Гваріента, въ свитѣ котораго былъ Корбъ [2]); къ обѣду былъ приглашенъ Андрей Виніусъ [3]). 10 іюня того же года императорское посольство посѣтило Воскресенскій монастырь. Когда пріѣзжіе гости осматривали храмъ, пришелъ Виніусъ съ бранденбургскимъ резидентомъ, и они всѣ обѣдали вмѣстѣ. Послѣ этого обѣда, разсказываетъ Корбъ, „отправились мы въ имѣніе Виніуса, отстоящее отсюда на нѣсколько миль [4]). Домъ его, хотя построенъ изъ мелкихъ кирпичей, однако же вполнѣ удобенъ и имѣетъ прекрасный видъ на обмывающую его стѣны рѣчку и открытыя на большомъ пространствѣ поля. Мы находили особенное удовольствіе, наслаждаясь катаньемъ на лодкѣ и ловлею сѣтями рыбы; это насъ тѣмъ болѣе занимало, что мы знали, что пойманная нами рыба будетъ служить для нашего ужина. Во всемъ гостепріимствѣ хозяина видны были искреннее благоволеніе и чистосердечное радушіе. Спустя нѣкоторое время, въ продолженіе котораго мы развлекались пріятной бесѣдой, кушали рачительно приготовленный обѣдъ и г. Посолъ съ нашимъ хозяиномъ обходился по-пріятельски" [5]).

И. П. Козловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Корбъ, 114.

[2]) Корбъ, 168.

[3]) Корбъ, 177.

[4]) О недвижимомъ имуществѣ Виніуса у насъ очень мало свѣдѣній. Среди межевыхъ книгъ М. Архива Мин. Юстиціи есть межевыя книги вотчинныхъ земель дьяка Андрея Виніуса 1692 г. (пустоши Шитина и Лазаркова Горетова стана). Описаніе докум. и бумагъ, хран. въ М. Архивѣ М. Юст. т. I, стр. 154.

[5]) Корбъ, 178—179.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 сентября по 15 октября 1909 г.

Баіовъ, А. Курсъ исторіи военнаго искусства. Вып. III. Эпоха Миниха (Царствованіе Императрицы Анны Іоанновны). Спб. 1909. Тип. Г. Скачкова (Итальянская, 16). 8⁰ (17×25). 91 стр. и 8 плановъ. Вѣсъ 19 л. 1.000 экз.

Голубинскій, Е. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Жизнеописаніе преподобнаго Сергія и путеводитель по Лаврѣ. М. 1909. Изд. 2-е, Имп. о-ва ист. и древн. при Univер. Тип. Синодальная. 8⁰ (18×28). 423 стр. Съ рис. и 20 табл. Складъ: Воздвиженка, Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 1.400 экз.

Житецкій, Игн. Гоголь—проповѣдникъ и писатель. Извлечено изъ Журнала Мин. Нар. Просв. за 1909 г. Спб. 1909. Тип. Сенатская. 8⁰ (16×24). 93 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 13 л. 300 экз.

Коварскій, В. Н. К. Михайловскій и общественное движеніе 70-хъ годовъ. Спб. 1909. Изд. Кн. маг. Наша Жизнь (Литейный, 32). Тип. Печат. Трудъ (Надеждинская, 38). 8⁰ (15×23). 88 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 2.150 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій, Горькій. Спб. 1909. Изд. Т-ва Прометей (Поварской, 10). Тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17×24). 239 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 4.000 экз.

Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева. Томъ II. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб. 1909. Тип. т-ва „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (16×23). VIII+367 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 4.100 экз.

Статьи о смутѣ, извлеченныя изъ хронографа 1617 года и отповѣдь въ защиту патріарха Гермогена (Извлеч. изъ XIII т. Русской историч. библ.). Спб. 1909. Изд. Имп. Археографич. Коммиссіи. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4⁰ (19×28). 50 стр. (Въ 2 столб.). Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Степановъ, Веніаминъ Васильевичъ. Капитанъ-лейтенантъ Барановъ. Очеркъ по матеріаламъ, предоставленнымъ семьею Н. М. Баранова. Одесса. 1909. Тип. Б. Сапожникова (ул. Жуковскаго, 12). 8⁰ (16×23). 26 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Труды Ярославской губернской архивной коммиссіи. Книга V. М. 1909. Изд. насл. И. А. Вахрамѣева. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8⁰ (18×26). 418 стр. Съ картой. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 600 экз.

Хорепископы древней Церкви и современные викаріи. Историко-каноническая справка. Н.-Новгородъ. 1909. Тип. т-ва И. М. Машистова. 8⁰ (15×23). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Баіовъ, А., проф. Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства. Вып. VI. Эпоха Петра Великаго. Спб. 1909. Тип. Г. Скачкова (Владим. просп., 7). 8⁰ (16×25). 190 стр. и 6 схемъ и плановъ. Вѣсъ 23 л. 1.000 экз.

Историческое описаніе Никитскаго женскаго общежительнаго монастыря. Въ городѣ Каширѣ, Тульской губерніи. Кіевъ. 1909. Тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры. 8⁰ (17×26). 11+161 стр. Съ портр. Вѣсъ 31 л. 1.050 экз.

Кобылинъ, А. Н. Домъ князей Ромадановскихъ въ гор. Курскѣ. Докладъ въ общемъ собраніи Курской Ученой Архивной Коммиссіи 10-го декабря 1908 г. Курскъ. 1909. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (17×122). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Латышевъ, В. В. Ποντίκα. Изборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи Археологіи, Географіи и Эпиграфіи Скиѳіи, Кавказа и Греческихъ колоній на побережьяхъ Чернаго моря. Спб. 1909. Изд. Археологич. Коммиссіи. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я лин., № 12). 8⁰ (19×27). XIII+430 стр.+4 табл. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 610 экз.

Маловъ, Евѳ. А. Свѣдѣнія о Руси. По книгѣ Казанскаго муллы Шигаб-еддина 1885 г. Казань. 1909. Изд. о-ва археологіи. Тип. Университетская. 8⁰ (16×24). 31 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Невоструевъ, К. И. Историческое обозрѣніе Симбирска отъ первыхъ временъ его до возведенія на степень губернскаго города. Симбирскъ. 1909. Изд. ученой архивной коммиссіи. Тип. А. Токарева. 8⁰ (17×24). 40 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Пановъ, К. Исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. Книга 1, 2 и 3. Спб. 1909. Изд. кн. ск. „Нива Золотая" (Лиговка, 65). Тип. Четверикова (Караванная, 7). 8⁰ (16×23). 477 стр. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 5.000 экз.

Труды Саратовской Ученой архивной Коммиссіи. Вып. 25-й. 1909 г. Саратовъ. 1909. Тип. о-ва Книгопечатниковъ. 8⁰ (17×24). 4+346+102 стр. Съ 8 рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 800 экз.

Лютшъ, А., Зоммеръ, В., и Липовскій, А. Итоги XVIII вѣка въ Россіи. Введеніе въ русскую исторію XIX вѣка. Очерки. М. 1909. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (17×24). 500 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 3.500 экз.

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Вып. II. М. 1909. Изд. 2-е. Тип. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (18×25). 200 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 3.250 экз.

Архангеловъ, С., свящ. Житіе и чудеса св. благовѣрной великой княгини Анны Кашинской. Спб. 1909. Изд. автора (Долгоруков., 2). Тип. И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Фонтанка, 117). 9⁰ (16×25). V+178 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 18 л. 5.000 экз.

Архангеловъ, С. Описаніе Кашинскаго Николаевскаго Клобукова монастыря. Спб. 1909. Тип. Колоколъ (Невскій, 127). 8⁰ (14×20) 117 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Галкинъ. Русско-Японская война. Четырехдневное сраженіе 2-й Манчжурской арміи Ген.-адъют. Гриппенберга. Хейгоутай—Сандепу съ 12-го по 15-е января 1905 года. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14). Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (16×22). II+341 стр. Съ 25 табл. Вѣсъ 16 л. 2.020 экз.

Горталовъ, Н. Школьные годы С. Т. Аксакова. Казань. 1909. Тип. университетская. 8⁰ (17×25). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Ермиловъ, В. Е. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ какъ поэтъ и человѣкъ. Отзывы В. Г. Бѣлинскаго и Вал. Майкова, письма, „записная книжка" и „Собраніе пословицъ" Кольцова. М. 1909. Изд. и тип. Т-ва

И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (15×23). 96 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 9 л. 5.000 экз.

Завьяловъ, Іоаннъ, свящ. Городъ Кашинъ, его исторія, святыни и достопримѣчательности. (Съ краткимъ житіемъ благовѣрной кн. Анны). Спб. 1909. Изд. В. М. Скворцова. Тип. Колоколъ (Невскій, 127). 8⁰ (14×20). II+111 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 6.000 экз.

Извѣстія Имп. Археологической Коммиссіи. Вып. 32 (вопросы реставраціи, вып. 4). Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4⁰ (20×28). 166 стр. Съ 4 табл. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 900 экз.

Извѣстія Имп. Археологической Коммиссіи. Прибавленіе къ вып. 32. (Хроника и библіографія, вып. 16). Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4⁰ (20×28). 153 стр. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 900 экз.

Исторія русской литературы. Подъ ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Томъ II. Вып. XI. М. 1909. Изд. И. Д. Сытина и т-ва Міръ. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (19×28). 401—464 стр. Съ рис. Вѣсъ 15 л. 6.000 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 12. М. 1909. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (19×27). 33—112 стр. Вѣсъ 15 л. 9.000 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 13. М. 1909. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (19×27). 113—192 стр. Съ портр. Вѣсъ 16 л. 9.000 экз.

Лигницъ, Ф. Японо-русская война. Вып. XXIV. Извлеченіе изъ II части. А. К-ъ. Спб. 1909. Изд. В. Березовскаго. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліан. пер., 13). 8⁰ (16×22). 69 стр. и 8 плановъ. Вѣсъ 14 л. 2.000 экз.

Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Западники 40-хъ годовъ. Н. В. Станкевичъ, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и др. Вып. II. М. 1910. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (15×22). VIII+LX+272 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 31 л. 3.000 экз.

Памятники исторіи смутнаго времени. Под. ред. А. И. Яковлева М. 1909. Изд. Н. Н. Клочкова. Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8⁰ (18×28). IX+101++3 стр. Скл.: Кн. магаз. А. А. Карцева (Моховая, 20). Ц. 65 к. Вѣсъ 12 л. 3.000 экз.

Пономаревъ, И. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, его личность и творчество. Казань. 1909. Тип. университеская. 8⁰ (17×25). 26 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. II. Новгородъ. 1909. Тип. Губернская. 8⁰ (17×25). 31+53+7+9+42 стр. и 16 таб. рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 500 экз.

Славскій, В. В. Исторія русской словесности (Очерки русской литературы 40—60 г.г.). Ч. III. Вып. II. Спб. 1909. Изд. бр. Башмаковыхъ. Тип. Трудъ (Фонтанка, 86). 8⁰ (18×25). XIX+334 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 10.000 экз.

Титовъ, Ѳ. И., пр. Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (1705—1754 г.г.), бывшій ученикъ-учитель Кіевской Академіи. Кіевъ. 1909. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×24). 49 стр. Съ портр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 120 экз.

Туткевичъ, Д. Памяти святителя Іоасафа Горленко, епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго (1705—1754). Кіевъ. 1909. Изд. Владимір. братства. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 61 стр. Съ портр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 360 экз.

Арсеньевъ, Ю. В. и Трутовскій, В. К. Оружейная палата. Путеводитель. М. 1909. Тип. В. Воронова (противъ Манежа, д. кн. Гагарина). 16° (13×17). VIII+296 стр. Вѣсъ 17 л. 6.000 экз.

Изъ архива князя С. В. Шаховского. Матерьялы для исторіи недавняго прошлаго Прибалтійской окраины (1885—1894), т. II. Спб. 1909. Тип. Эриксъ (Невскій, 74). 8° (17×25). 228 стр. 1 портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 2.000 экз.

Павловъ-Сильванскій, Н. П. Сочиненія Т. II. Очерки по русской исторіи. XVIII и XIX вв. Спб. 1910. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×23). 401 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.000 экз.

Плехановъ, Г. В. Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1910. Изд. „Шиповникъ“ (Спб., Б. Конюшен., 17). Тип. т-ва Кушнеревъ и К° (Фонтанка, 117). 8° (17×24). 537 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 3.400 экз.

Пришвинъ, М. У стѣнъ града невидимаго. М. 1909. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ (Пименовская, св. д.). 8° (14×20). 189 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 3.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ 1. Вып. II. (Русская литература съ XI по XVIII в.). Спб. 1909. Изд. 4-е, Бр. Башмаковыхъ. Тип. „Трудъ“ (Фонтанка, 86). 8° (17×24). VIII+268 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 25 л. 5.000 экз.

Труды Вятской архивной коммиссіи. 1909 годъ. Вып. I. Вятка. 1909. Тип. Губернская. 8° (16×24). 64+II+41+85+II стр. Съ портр. Вѣсъ 18 л. 250 экз.

Указатель къ грамотамъ и актамъ Вятскаго архіерейскаго дома. Вятка. 1909. Тип. Губернская. 8° (16×24). 67 стр. Вѣсъ 5 л.

Чевскій, В. Р. Императоръ Александръ II въ Вологдѣ въ 1858 году. (Изъ воспоминаній вологжанина). Тула 1909. Тип. С. Н. Соколова (Пушкинская, д. Тихонова). 16° (11×16). 16 стр. Вѣсъ 2 л.

По поводу статьи „Киньчжоускій бой“.

Въ виду того, что въ статьѣ „Киньчжоускій бой“, помѣщенной въ книгѣ 6-ой „Русской Старины“, нѣкоторые факты и событія, участникомъ въ которыхъ и мнѣ пришлось быть, изложены не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, а также потому, что статья эта набрасываетъ тѣнь, въ числѣ другихъ лицъ, также и на меня лично, я прошу помѣстить нижеслѣдующее мое опроверженіе [1]).

Я дѣлаю это главнымъ образомъ потому, что авторъ этой статьи, ген. А. В. Фокъ, на первыхъ же ея страницахъ завѣрилъ читателей, что все имъ сказанное можетъ быть провѣрено по документамъ, находящимся въ Военно-Исторической комиссіи по описанію Русско-Японской войны. Какъ членъ этой комиссіи, близко ознакомленный со всѣми, безъ исключенія, документами, хранящимися въ архивѣ Военно-Исторической комиссіи, я заявляю, что въ дѣлахъ комиссіи совершенно не имѣется документовъ, могущихъ подтвердить сочиненіе г. А. В. Фока, но наоборотъ тамъ существуютъ документы, вполнѣ опровергающіе возводимыя имъ обвиненія. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ я и привожу ниже.

Прежде всего коснусь вопроса наиболѣе интереснаго для читателей по существу,—именно вопроса о проектѣ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи, составленномъ генераломъ Кондратенко, полковникомъ Третьяковымъ и мною при осмотрѣ ея 21-го января 1904 года.

Ген. А. В. Фокъ признаетъ его „несостоятельнымъ“.

Такое запоздалое признаніе плана укрѣпленія Киньчжоуской позиціи „несостоятельнымъ“ является чрезвычайно страннымъ. Тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что этотъ планъ былъ извѣстенъ

---

[1]) Статья эта составлена въ іюлѣ, но задержана ожиданіемъ окончанія статьи „Киньчжоускій бой“.

ген. Фоку еще въ день его составленія и что тогда ген. Фокъ, повидимому, былъ согласенъ съ нимъ, такъ какъ, не вычеркивая ни одного пункта, онъ счелъ нужнымъ лишь внести добавленіе о сплошной траншеѣ.

Дѣло было такъ: ген. Кондратенко, прибывъ на Квантунъ незадолго до начала военныхъ дѣйствій, былъ однимъ изъ немногихъ лицъ, увѣренныхъ въ неизбѣжности близкой войны.

Вслѣдствіе этого онъ *по собственной иниціативѣ* предпринялъ подробное изслѣдованіе позицій будущаго театра войны на Квантунѣ и даже тѣхъ, которыя не лежали въ районѣ ввѣренной ему 7-й стрѣлковой бригады. 21-го января 1904 года онъ осмотрѣлъ и Киньчжоускую позицію вмѣстѣ съ городомъ Киньчжоу.

Я жилъ тогда въ городѣ Таліенванѣ, гдѣ строилъ казармы для войскъ 4-й бригады. Въ это же время мною производилась съемка и нивеллировка Киньчжоуской позиціи и составлялся проектъ ея долговременныхъ укрѣпленій.

21-го января утромъ я получилъ телеграмму отъ завѣдывающаго инженерной частью Квантунской области г.-м. Базилевскаго съ приказаніемъ немедленно отправиться на Киньчжоускую позицію для ознакомленія ген. Кондратенко съ ея свойствами. Прибывъ туда, я уже засталъ на позиціи генерала вмѣстѣ съ полковникомъ Третьяковымъ.

Весь день былъ посвященъ осмотру позиціи и ея окрестностей. Вечеромъ былъ составленъ проектъ возобновленія старыхъ укрѣпленій и постройки новыхъ, и только поздно ночью я вернулся домой.

Утромъ 22-го января ген. Кондратенко вмѣстѣ съ полк. Третьяковымъ прибыли въ Таліенванъ, гдѣ былъ произведенъ осмотръ старыхъ китайскихъ береговыхъ батарей. Затѣмъ былъ составленъ докладъ (или протоколъ) предыдущаго осмотра Киньчжоуской позиціи и подписанъ всѣми осматривавшими.

Послѣ полудня ген. Кондратенко, взявъ этотъ докладъ, отправился вмѣстѣ съ полк. Третьяковымъ на другой берегъ Таліенванскаго залива въ городъ Дальній къ командиру 4-й бригады г.-м. Фоку. Желаніе ген. Кондратенко посовѣтоваться съ ген. Фокомъ о предполагаемыхъ работахъ на Киньчжоуской позиціи было тѣмъ болѣе естественно, что Киньчжоуская позиція входила въ раіонъ войскъ, подчиненныхъ ген. Фоку. Мнѣ лично предметъ бесѣды обоихъ генераловъ долго не былъ извѣстенъ, и лишь года 2 спустя, я узналъ отъ полк. Третьякова, что предметомъ бесѣды служила позиція, и что ген. Фокъ, ознакомившись съ докладомъ, не раскритиковалъ его тогда (такъ безжалостно, какъ теперь), а лишь сдѣлалъ

нѣкоторыя дополненія, которыя и были внесены ген. Кондратенко тогда же въ тотъ же документъ. Но гдѣ находился этотъ документъ, мнѣ не было извѣстно. Только въ этомъ году въ Военно-Историческую комиссію былъ доставленъ дневникъ обороны Портъ-Артура, составленный въ штабѣ ген. Кондратенко. Дневникъ этотъ былъ вывезенъ изъ Артура бывшимъ адъютантомъ покойнаго ген. Кондратенко, поруч. Гриневичемъ, и представленъ Его Императорскому Величеству. Желая использовать этотъ дневникъ, являющійся, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важнымъ матеріаломъ для составленія описанія обороны Портъ-Артура, онъ былъ выписанъ изъ Военно-походной Его Величества Канцеляріи въ Военно-Историческую комиссію. Здѣсь я съ нимъ и ознакомился, и въ немъ я нашелъ составленный ген. Кондратенко, полк. Третьяковымъ и мною докладъ объ осмотрѣ Киньчжоуской позиціи въ январѣ 1904 года. Просматривая его, я дѣйствительно увидѣлъ на поляхъ тѣ отмѣтки, сдѣланныя рукою ген. Кондратенко, при совѣщаніи съ ген. Фокомъ, о которыхъ мнѣ сообщилъ раньше полк. Третьяковъ.

Такимъ образомъ ген. Фокъ съ предположеніемъ о работахъ на Киньчжоуской позиціи былъ ознакомленъ во̀-время, прежде чѣмъ докладъ поступилъ въ Областной Совѣтъ. А въ такомъ случаѣ значитъ одно изъ двухъ: или онъ не признавалъ его тогда столь несостоятельнымъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь, или же, замѣтивъ его несостоятельность, умышленно промолчалъ. Я ни на минуту не позволю себѣ утвердиться въ послѣдней мысли, и мнѣ остается лишь допустить мое̑ первое предположеніе.

Къ этому послѣднему приводятъ меня и нѣкоторыя изъ моихъ воспоминаній. Такъ, я отлично помню, какъ однажды, послѣ того, какъ была построена по желанію генерала Фока нижняя сплошная траншея, онъ пріѣхалъ на позицію и, осматривая ее, сказалъ мнѣ лично: „Ну вотъ, теперь прекрасно, и я берусь оборонять позицію, даже безъ артиллеріи“.

Когда же, спрашивается, былъ искрененъ генералъ Фокъ? Тогда или теперь?

Обращаясь къ критикѣ плана укрѣпленій Киньчжоуской позиціи, сдѣланной г. А. В. Фокъ на страницѣ 601, мы видимъ, что пунктъ 22-й проекта, въ коемъ производство работъ предполагалось возложить на полковника Третьякова и меня, г. А. В. Фокъ называетъ „курьезомъ“.—„Въ акціонерныхъ компаніяхъ и то комиссія, разрабатывающая проектъ, не назначаетъ исполнителей изъ своихъ членовъ“, пишетъ г. А. В. Фокъ. Дѣйствительно, въ акціонерныхъ компаніяхъ это могло составить курьезъ, но въ данномъ случаѣ дѣло отъ курьеза далеко. Осматривая позицію и намѣчая будущія

работы, генералъ Кондратенко предложилъ выполненіе ихъ полковнику Третьякову и мнѣ. Мнѣ неизвѣстно, почему онъ это сдѣлалъ, но я полагаю, что при осмотрѣ генералъ убѣдился, что и полковникъ Третьяковъ, и я хорошо ознакомлены со свойствами позиціи. Я, какъ уже работавшій на позиціи ½ года (по составленію проекта долговременныхъ укрѣпленій), а полковникъ Третьяковъ, какъ укрѣплявшій ее еще въ 1901 году и какъ командиръ полка, стоявшаго въ гарнизонѣ на позиціи. Спрошенные генераломъ Кондратенко тогда же, согласны ли мы взять на себя наблюденія за производствомъ работъ, мы оба, конечно, сейчасъ же согласились. Я думаю и теперь, что иначе поступить мы не могли, да и не должны были. Каюсь, что намъ и въ голову не приходило, что черезъ нѣсколько лѣтъ насъ уподобятъ членамъ „акціонерной компаніи“ и надъ нашимъ согласіемъ работать станутъ смѣяться, какъ надъ курьезомъ!

Но все это конечно пустяки. Мнѣ кажется, что случай этотъ имѣетъ гораздо больше значенія въ дѣлѣ характеристики двухъ генераловъ: Кондратенко и Фока.

Киньчжоуская позиція не входила въ раіонъ войскъ бригады генерала Кондратенко. Казалось бы, что ему нѣтъ вовсе дѣла до ея разрушенныхъ батарей, сгнившихъ пороховыхъ погребовъ, обвалившихся, засыпанныхъ окоповъ. Казалось бы, что если надлежащее состояніе позиціи должно было интересовать кого-нибудь, то именно начальника тѣхъ войскъ, въ раіонѣ которыхъ она находилась, т. е. генерала Фока. Но мы видимъ совершенно обратное. Въ то время, когда генералъ Фокъ, прибывшій на Квантунъ еще въ іюнѣ 1903 года, не предпринималъ для усиленія позиціи никакихъ шаговъ, генералъ Кондратенко, по личной иниціативѣ, безъ всякаго побужденія свыше, ѣдетъ, осматриваетъ, ходитъ цѣлый день по горамъ и полный негодованія говоритъ: „Какой позоръ для Великой Державы имѣть такой важный пунктъ въ такомъ состояніи“. Это былъ человѣкъ великой иниціативы! И тутъ же онъ намѣчаетъ все, что нужно сдѣлать въ первое время, тутъ же привлекаетъ людей для выполненія намѣченнаго. Развѣ же можно все это считать курьезомъ? Развѣ достойно дѣлать изъ этого предметъ насмѣшки? Одно уваженіе къ свѣтлой памяти покойнаго героя должно было уже остановить автора статьи „Киньчжоускій бой“.

Въ слѣдующемъ абзацѣ на той же стр. 601 статьи г. А. В. Фока говорится:

„Планъ этотъ былъ настолько несостоятеленъ, что Областной Совѣтъ не утвердилъ его, несмотря на то, что требовалось всего 19 тысячъ рублей для выполненія его.

Но когда черезъ 3 дня т. е. 27-го января открылись военныя дѣйствія, и все начальство Артура, не исключая Начальника Инженеровъ крѣпости, выѣхало, планъ этотъ приказано было привести въ исполненіе“.

Въ приведенной выдержкѣ г. А. В. Фокъ даетъ совершенно невѣрное объясненіе фактамъ, а о нѣкоторыхъ совсѣмъ умалчиваетъ.

Дѣйствительно, Областной Совѣтъ не нашелъ возможнымъ отпустить требуемыя на ремонтъ старыхъ позиціонныхъ укрѣпленій 19 тысячъ рублей (или 16 тысячъ рублей), но не потому, что онъ яко-бы призналъ проектъ несостоятельнымъ. 24-го января 1904 г. генералъ Кондратенко внесъ свой докладъ для обсужденія Областного Совѣта, а 26-го января я былъ вызванъ изъ Таліенвана въ Портъ-Артуръ, и здѣсь завѣдующій инженерной частью области объявилъ мнѣ, что Областной Совѣтъ не нашелъ возможнымъ (или не можетъ, точно теперь не помню) отпустить всю требуемую сумму, но можетъ ассигновать лишь 5 тысячъ рублей. Причинами этого могли послужить или неимѣніе въ этотъ моментъ свободныхъ кредитовъ, или же увѣренность, что война еще не такъ близка. Въ эту же ночь съ 26-го на 27-ое января война началась, и меня сейчасъ же отправили на Киньчжоу для выполненія работъ, намѣченныхъ генераломъ Кондратенко, полковникомъ Третьяковымъ и мною.

Если бы Областной Совѣтъ призналъ 24-го января планъ укрѣпленія позиціи несостоятельнымъ, то развѣ могли бы черезъ 2 дня мнѣ же приказать привести его въ исполненіе? Вѣдь это было бы преступленіемъ! Такую точку зрѣнія г. А. В. Фока я не могу раздѣлить.

Наконецъ послѣдняя фраза вышеприведенной выдержки о томъ, что 27-го января все крѣпостное начальство вмѣстѣ съ завѣдующимъ инженерной частью области выѣхало изъ Артура, также совершенно невѣрна, ибо выѣздъ этотъ имѣлъ мѣсто не 27-го января, а 4-го февраля, т. е. 10 дней спустя, когда, согласно распоряженію на случай мобилизаціи, завѣдующіе отдѣльными частями выѣхали въ Мукденъ для формированія тамъ учрежденій тыла арміи.

Въ сочиненіи моемъ „Укрѣпленіе Киньчжоуской позиціи“ было сказано, что прежде чѣмъ посылать меня для работы на Киньчжоу, начальникъ инженеровъ, генералъ Базилевскій, проектъ просмотрѣлъ и сдѣлалъ еще нѣкоторыя свои указанія. Г. А. В. Фокъ объ этомъ не упомянулъ.

Перехожу затѣмъ ко второму вопросу—относительно участія генерала Фока въ дѣлѣ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи. Было бы

несправедливо утверждать, что генералъ Фокъ не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Нѣтъ, онъ часто пріѣзжалъ на позиціи, осматривалъ работы и тутъ же отдавалъ свои распоряженія, и часто приказывалъ дѣлать то, что не входило въ проектъ. Здѣсь я долженъ упомянуть, что о дополненіяхъ, внесенныхъ въ проектъ генераломъ Фокомъ 22-го января 1904 г., мнѣ тогда ничего не было извѣстно, такъ какъ генералъ Кондратенко не сообщилъ мнѣ о нихъ ничего. Поэтому, требованіе генерала Фока объ устройствѣ сплошной траншеи для меня явилось неожиданностью. Какъ справедливо замѣчаетъ въ своей статьѣ г. А. В. Фокъ, я не былъ поклонникомъ такой сплошной траншеи, имѣя въ виду малочисленность гарнизона (сначала 6, а потомъ 10 ротъ 5-го полка) и пересѣченность мѣстности вблизи позиціи многочисленными оврагами. Овраги эти служили отличными ближними подступами; они отлично обстрѣливались съ вершины позиціи и *вовсе не могли быть обстрѣлены изъ траншеи, расположенной внизу горы.*

Генералъ Фокъ былъ правъ, утверждая, что окопы внизу лучше маскируются и больше способствуютъ настильности стрѣльбы, чѣмъ верхній ярусъ окоповъ, но онъ забывалъ, что эти достоинства совершенно уничтожаются именно тѣмъ недостаткомъ, о которомъ я только-что упоминалъ, а именно—невозможностью обстрѣлять овраги. Поэтому и генералъ Кондратенко, и полковникъ Третьяковъ, и я считали необходимымъ устроить прежде всего траншеи на вершинѣ позиціи, что̀ и было сдѣлано. Когда же генералъ Фокъ настоятельно потребовалъ устройства другой траншеи внизу позиціи, то и это было исполнено, хотя не входило въ проектъ и значительно увеличивало длину позиціи. При этомъ генералъ Фокъ дѣйствительно приказалъ протянуть эту сплошную траншею къ сѣверу по направленію къ деревнѣ Ліудягенъ, захвативъ ею колодцы. Это послѣднее приказаніе было вполнѣ цѣлесообразно, ибо въ то время на самой позиціи колодцевъ не существовало, и гарнизонъ ея питался водой изъ колодцевъ, лежавшихъ внѣ позиціи въ деревняхъ Тидятень и Ліудягенъ. Когда же, вскорѣ послѣ этого, намъ удалось на самой позиціи въ центрѣ ея и въ нѣсколькихъ мѣстахъ по окраинамъ откопать нѣсколько колодцевъ, весьма обильныхъ водой, то надобность въ траншеяхъ, направленныхъ къ деревнѣ Ліудягенъ, такимъ образомъ, миновала, и онѣ были оставлены, а нижняя траншея отъ люнета № 4 обогнула позицію съ сѣвера и съ запада по пологому скату. Здѣсь условія маскировки были легче, чѣмъ на Восточномъ фронтѣ. Выдвигать же траншеи отъ деревни Ліудягенъ прямо къ морю и полковникъ Третьяковъ, и я считали совершенно недопустимымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ эта

траншея подвергалась бы обстрѣливанію продольно и даже въ тылъ со стороны моря, и сообщеніе ея съ самой позиціей было бы чрезвычайно затруднительно и даже почти невозможно.

Что генералъ Фокъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ, можетъ быть подтверждено и такого рода телеграммой его, присланной имъ изъ Дальняго командиру 5-го полка и переданной въ копіи тогда же мнѣ.

Телеграмма эта гласила слѣдующее: „всѣхъ рабочихъ, свободныхъ отъ исправленія батарей, поставить на нижнюю траншею, какъ мною было указано. Каменоломни приспособить для помѣщенія въ нихъ кухонь и складовъ, обезпечивъ отъ прицѣльной стрѣльбы гранатой. Будутъ ли японцы, это еще вопросъ, а Куропаткинъ будетъ. Онъ уже въ Мукденѣ. Я пріѣду завтра“. Эту оригинальную телеграмму я долго хранилъ и ясно помню въ ней каждое слово.

Такимъ образомъ, позиція оказалась окруженной внизу со всѣхъ сторонъ сплошной траншеей, сдѣланной по настоянію ген. Фока, и вторымъ ярусомъ траншей по ея вершинѣ, согласно проекту.

Тогда я пришелъ къ заключенію, что генералъ Фокъ намѣренъ сосредоточить оборону позиціи внизу, а въ верхнихъ траншеяхъ держать резервъ или части для обстрѣливанія овраговъ. Имѣя это въ виду, полковникъ Третьяковъ и я рѣшили, для облегченія передвиженія частей сверху внизъ, устроить между обоими ярусами ходы сообщенія, что̀ и было сдѣлано. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы по возможности парировать прорывъ длинной нижней траншеи и дать фланговую оборону ближайшихъ къ ней подступовъ, мы и устроили отъ мѣста до мѣста люнеты №№ 3, 4 и 5. Люнеты эти хорошо обстрѣливались изъ верхнихъ траншей.

Когда работы по укрѣпленію позиціи были закончены, позиція была осмотрѣна 21-го марта 1904 года Намѣстникомъ Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ совмѣстно съ начальникомъ его полевого штаба генералъ-лейтенантомъ Жилинскимъ и генералъ-лейтенантомъ Стесселемъ. Я помню, какъ при осмотрѣ этой позиціи генералъ-лейтенантъ Жилинскій, обративъ вниманіе на нижнюю траншею, замѣтилъ, что *такой способъ укрѣпленія можетъ дать хорошіе результаты лишь при наличіи большихъ резервовъ*, что̀ впослѣдствіи и подтвердилось.

Такимъ образомъ участіе генерала Фока въ укрѣпленіи Киньчжоуской позиціи не подлежитъ никакому сомнѣнію, и участіе это закрѣплено благодарностью Намѣстника Его Императорскаго Величества, выраженной генералу Фоку въ приказѣ Намѣстника отъ 22-го марта 1904 г. Если бы генералъ Фокъ нахо-

дилъ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи несостоятельными, то я полагаю, что онъ обратилъ бы вниманіе Намѣстника на ихъ несостоятельность. *Вѣдь это было 21-го марта.* Я былъ переведенъ въ этотъ день въ г. Таліенванъ для постройки тамъ батарей. Японцы еще не высаживались, и если такую массу работъ полковникъ Третьяковъ и я сдѣлали зимой меньше чѣмъ въ 2 мѣсяца, то измѣнить сдѣланное нами при наступавшей теплой весенней погодѣ, оттаявшемъ уже грунтѣ и массѣ рабочихъ (а ихъ было до 5 тысячъ въ день), мнѣ кажется, не потребовало бы много времени. Я думаю, что генералъ Фокъ и обязанъ былъ сдѣлать это, такъ какъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ на позицію онъ объявилъ намъ, что онъ назначенъ комендантомъ позиціи [1]). Кому же какъ не коменданту позиціи надлежало заботиться о томъ, чтобы укрѣпленія ея были если не превосходными, то хоть состоятельными.

Генералъ Фокъ дѣйствительно явился иниціаторомъ устройства бойницъ и эти послѣднія дѣйствительно принесли пользу. Но иниціаторомъ устройства козырьковъ въ окопахъ, насколько я помню, былъ полковникъ Третьяковъ.

На стр. 601 своей статьи ген. А. В. Фокъ пишетъ, что онъ старался убѣдить комиссію, то есть Кондратенко, полковника Третьякова и меня, въ томъ, что наиболѣе доступный для атаки флангъ— есть лѣвый флангъ. Можетъ быть генералъ Фокъ говорилъ объ этомъ генералу Кондратенко и полковнику Третьякову, но мнѣ лично онъ объ этомъ не говорилъ ни разу въ теченіе всего производства работъ. Только когда я былъ посланъ на позицію вторично уже 8-го мая, для установки тамъ 6 дюйм. пушекъ Канэ, то генералъ Фокъ дѣйствительно говорилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, атака будетъ направлена на лѣвый флангъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть, что еще за недѣлю до этого, то есть 29-го апрѣля, я былъ вызванъ съ форта № 111 (въ Артурѣ) генераломъ Кондратенко къ нему. Въ это время уже были получены извѣстія о движеніи японцевъ отъ Бидзыво къ Киньчжоу. Вызвавъ меня, генералъ Кондратенко спросилъ мое мнѣніе, не нужно ли еще что-нибудь сдѣлать для усиленія Киньчжоуской позиціи. Я отвѣтилъ, что считалъ бы необходимымъ усилить ея вооруженіе нѣсколькими крѣпостными орудіями главнымъ образомъ для борьбы съ флотомъ и обезпечить оба ея фланга отъ возможности обхода. Тогда генералъ Кондратенко позвалъ адъютанта штаба дивизіи поручика Гриневича; вмѣстѣ съ генераломъ мы составили докладъ и продиктовали его поручику Гриневичу. Этотъ докладъ былъ доложенъ

---

[1]) Приказъ Намѣстника отъ 6-го февраля.

генераломъ Кондратенко генералу Стесселю и послѣднимъ одобренъ; но онъ не былъ приведенъ въ исполненіе цѣликомъ по слѣдующимъ причинамъ.

Перваго мая въ городъ Дальній была отправлена комиссія для выясненія вопроса, слѣдуетъ ли взрывать молы или нѣтъ. Въ составъ комиссіи входилъ и я. Мы выѣхали изъ Артура въ поѣздѣ. Съ нами вмѣстѣ ѣхалъ и генералъ Кондратенко до станціи Нангалинъ, гдѣ онъ остался у генерала Фока. Когда мы возвращались изъ Дальняго, то на той же станціи къ намъ въ поѣздъ опять сѣлъ генералъ Кондратенко. Здѣсь въ купэ вагона, въ присутствіи Генеральнаго Штаба подполковника Науменко и капитана Одинцова, я спросилъ генерала Кондратенко, когда же мы приступимъ къ усиленію фланговъ позиціи. На это генералъ махнулъ рукой и отвѣтилъ, что вовсе не приступимъ. Когда же я спросилъ почему, то онъ сказалъ, что генералъ Фокъ съ этимъ проектомъ не согласенъ. Въ живыхъ остался только одинъ свидѣтель этого разговора—подполковникъ Одинцовъ. Не знаю, помнитъ ли онъ его. Я же помню ясно.

Вслѣдствіе этого генералу Фоку вовсе не было нужды разубѣждать меня въ томъ, что атака можетъ быть направлена и на лѣвый флангъ. Я самъ допускалъ это и хотя считалъ атаку праваго фланга болѣе вѣроятной, все же находилъ нужнымъ и предлагалъ усилить оба фланга, и не моя вина, если это не было сдѣлано. Докладъ, составленный объ этомъ генераломъ Кондратенко и мною 29-го апрѣля 1904 года, пропалъ, но черновикъ его, написанный рукой поручика Гриневича, находится въ дѣлахъ Военно-Исторической комиссіи.

Непонятнымъ представляется еще одно обстоятельство. Если генералъ Фокъ былъ увѣренъ, что атака будетъ направлена на лѣвый флангъ, то почему же крѣпостныя пушки 6 дюйм. въ 120 п. и 42 линейныя вмѣсто лѣваго фланга, гдѣ для нихъ были приготовлены соотвѣтствующія батареи, были почти наканунѣ атаки перенесены на правый флангъ, откуда стрѣлять по японскимъ судамъ не могли. Генералъ Фокъ былъ на позиціи 11-го мая и не только на позиціи, но и на обѣихъ батареяхъ крѣпостныхъ пушекъ, однако распоряженія о перемѣщеніи ихъ обратно на лѣвый флангъ онъ не сдѣлалъ. Вѣдь, какъ комендантъ позиціи, онъ могъ это сдѣлать.

И такъ, участіе генерала Фока въ работахъ по укрѣпленію Киньчжоуской позиціи выразилось въ томъ, что, кромѣ верхняго яруса траншей по проекту, была еще устроена, по личному его предложенію, одна сплошная, непрерывная, вокругъ всей позиціи, траншея внизу.

Остается разсмотрѣть вопросъ, насколько эта послѣдняя была полезна. Я полагаю, что она была бы безусловно полезна, но при непремѣнномъ условіи увеличенія числа ротъ гарнизона позиціи. А этого-то непремѣннаго условія соблюдено не было. Какъ уже было мною упомянуто, гарнизонъ позиціи составляли только тѣ 10 ротъ 5-го полка, которыя при составленіи проекта предполагалось размѣстить въ верхнихъ траншеяхъ и редутахъ. Съ устройствомъ же предложенной генераломъ Фокомъ траншеи, длина позиціи, какъ это справедливо замѣчаетъ и полковникъ Третьяковъ [1]), значительно увеличилась, а гарнизонъ остался тотъ же; его пришлось размѣстить въ нижнемъ ярусѣ траншей, а большинство траншей верхняго яруса оставались совершенно не занятыми. Вслѣдствіе этого произошло 2 обстоятельства:

1) овраги, ведущіе къ позиціи и служившіе главными путями наступленія, не могли хорошо обстрѣливаться, слѣдовательно, доступъ къ позиціи облегчился, и

2) когда японцамъ удалось пробраться между разрушенными участками перваго яруса траншей, они безпрепятственно добрались до вершины, заняли траншеи 2-го яруса и батареи и стали оттуда обстрѣливать нижній ярусъ. Я не сомнѣваюсь, что этого не могло бы случиться, если бы и 2-й ярусъ былъ занятъ такъ же, какъ первый въ началѣ боя или хотя бы въ серединѣ его высылкой частей изъ резерва.

Такого рода размѣщеніе войскъ дало бы хорошіе результаты, и именно потому, что изъ верхняго яруса отлично обстрѣливались бы скрытые подступы, а въ то же время нижнія траншеи способствовали бы сильной настильной стрѣльбѣ.

Подтвержденіе этого моего мнѣнія я вижу въ томъ же обстоятельствѣ, о которомъ упоминаетъ и г. А. В. Фокъ, но которое онъ объясняетъ, какъ мнѣ кажется, не такъ.

Дѣло въ томъ, что первая атака на позицію была предпринята первою японскою дивизіей на нашъ правый флангъ. Какъ только она ясно обозначилась, полк. Третьяковъ выслалъ единственную роту своего резерва, приказавъ ей занять траншеи верхняго яруса ниже батареи № 2.

Вотъ тогда-то и произошло то обстоятельство, о которомъ г. А. В. Фокъ, на стр. 609 своего сочиненія, пишетъ слѣдующее: „Дивизія, подавшись къ подошвѣ Сампсона, вышла изъ-подъ орудійнаго огня. Затѣмъ подойдя на линію деревень: Мадятень, Коудятень и Яндятень, дивизія развернулась, а батареи выѣхали на

---

[1]) „5-й полкъ на Киньчжоу и въ Артурѣ". („Воен. Сб." 1909 г.).

позиціи и стали открыто. Но тутъ дивизія попала подъ нашъ ужасный перекрестный огонь. Она сначала замялась, а потомъ шарахнулась назадъ и укрылась въ оврагахъ; прислуга бросила орудія и разбѣжалась. 18 орудій ближайшихъ къ нашимъ окопамъ такъ и остались безъ прислуги до момента нашего отступленія“.

Генералъ Фокъ объясняетъ это сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. Какихъ ротъ — онъ не говоритъ, но очевидно, съ одной стороны огнемъ 2-й роты 5 п. и 1/2 охотничьей команды 13-го полка, а съ другой стороны—3-ей и 12-й ротъ 5 п. Я думаю, что это не совсѣмъ такъ, ибо изъ редута № 2 и прилегавшихъ къ нему вправо и влѣво окоповъ хорошій обстрѣлъ имѣлся только до опушки деревни Мадятень, а дальше его не было и японцы могли бы отлично наступать, укрываясь отъ огня нижнихъ траншей въ оврагахъ. Но въ этихъ-то оврагахъ, гдѣ ихъ не достигали пули стрѣлковъ нижняго яруса, они отлично поражались огнемъ резерва, посланнаго полковникомъ Третьяковымъ въ траншеи верхняго яруса. И эти же стрѣлки не позволяли японцамъ использовать тѣ ихъ 18 орудій, которыя были поставлены открыто близъ деревни Мадятень и оставались въ бездѣйствіи до самаго конца боя. Вотъ этотъ-то случай и привелъ меня къ заключенію, что необходимо было занять не только нижній ярусъ, но и верхній хотя бы частями изъ резервовъ. Онъ же подтверждаетъ правильность мысли, высказанной ген. Жилинскимъ при осмотрѣ позиціи 21-го марта.

Да и самъ ген. А. В. Фокъ, на стр. 604 своей статьи, высказываетъ ту же мысль, говоря объ окопахъ по обѣ стороны батареи № 15.

И я повторяю, что нижняя траншея, устроенная по настоянію ген. Фока и усиленная мною укрѣпленіями, сослужила бы огромную службу только въ томъ случаѣ, если бы была поддержана верхнимъ ярусомъ траншей. Предоставленная же сама себѣ, она оказалась не въ состояніи сдержать прорывъ японцевъ и очутилась въ жалкомъ положеніи, когда ее начали обстрѣливать сверху.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ участіи ген. Фока въ дѣлѣ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи, нельзя еще обойти молчаніемъ слѣдующихъ строкъ его сочиненія, помѣщенныхъ на стр. 603: „Самъ г. Кондратенко былъ до нѣкоторой степени только контролеромъ, а потому полк. Третьякову не было обязательнымъ исполнять всякое указаніе г. Кондратенко, разъ оно выходило изъ рамки проекта. Вотъ это и заставляло меня обращаться и убѣждать, а не приказывать, и только въ случаѣ неуспѣха я обращался къ г. Кондратенко и черезъ него проводилъ то, что мнѣ казалось полезнымъ но и это не всегда удавалось“.

Вся эта фраза весьма запутана. Въ ней первое противорѣчитъ второму, а въ концѣ слѣдуетъ поправка.

Но важно то, что она вся не вѣрна.

Прежде всего не вѣрно то, что ген. Кондратенко былъ яко-бы контролеромъ. Нѣтъ, эта роль была ему не къ лицу. Покойный генералъ съ такой любовью относился къ этому дѣлу и такъ охотно шелъ навстрѣчу всему, что было необходимымъ для пользы дѣла, что являлся истинной душой его, но никакъ не контролеромъ. Къ тому же ген. Кондратенко настолько довѣрялъ полк. Третьякову и мнѣ, что ни о какомъ контролѣ съ его стороны и рѣчи быть не могло.

Совершенно не вѣрна и слѣдующая фраза: „Вотъ это и заставляло меня обращаться и убѣждать, а не приказывать..."

Въ отношеніи меня во время работъ не было ни одного случая, когда бы ген. Фокъ обращался ко мнѣ съ убѣжденіемъ. Нѣтъ, наоборотъ, всѣ его распоряженія носили форму приказаній, самыхъ категорическихъ и подъ часъ выраженныхъ въ формѣ грубой, рѣзкой, и даже оскорбительной. Когда же, находя нѣкоторыя изъ этихъ распоряженій вредными для пользы дѣла, полк. Третьяковъ и я пытались выяснить это генералу, то въ отвѣтъ слышали еще болѣе категорическое подтвержденіе приказанія исполнить его распоряженія, при чемъ напоминалось, что онъ комендантъ. Такъ, однажды ген. Фокъ потребовалъ, чтобы немедленно было приступлено къ устройству траншеи внизу, съ южной стороны позиціи, т. е. со стороны Артура. Когда я доложилъ, что всѣ рабочіе заняты, ген. Фокъ приказалъ сейчасъ же всѣхъ рабочихъ перевести сюда и лично указалъ направленіе траншеи, говоря: „вотъ отъ этого куста—до того телеграфнаго столба, а отъ столба—до той кучи камней" и т. д. Повинуясь, я приказалъ рабочимъ приступить сейчасъ же и дѣлать такъ, какъ указалъ генералъ. Нечего и говорить, что такой способъ разбивки сейчасъ же и сказался. И послѣ мнѣ же пришлось для улучшенія обзора и обстрѣла мѣстами засыпать, мѣстами измѣнять направленіе. Словомъ, вышла двойная работа. Таковъ былъ способъ убѣжденія ген. Фока.

Такимъ образомъ, отношеніе къ работамъ 2-хъ генераловъ было діаметрально противоположно: ген. Кондратенко никогда не приказывалъ и не отдавалъ распоряженій, не посовѣтовавшись съ полк. Третьяковымъ и со мной и не спросивъ нашего мнѣнія; ген. Фокъ никогда не совѣтовался и не убѣждалъ, а только приказывалъ. Ген. Кондратенко сочувствовалъ нашей работѣ и старался ее облегчить всѣмъ, чѣмъ могъ, со стороны же ген. Фока мы вовсе не видѣли

этого сочувствія, а лишь часто подвергались грубымъ насмѣшкамъ и такимъ названіямъ, о которыхъ я здѣсь не стану даже упоминать.

Какъ я уже сказалъ, я находилъ нѣкоторыя распоряженія г. Фока не полезными для дѣла, а вслѣдствіе этого, сознавая, что меня заставляютъ дѣлать не то, что нужно, я обратился съ просьбой къ моему непосредственному начальству, въ которой писалъ обо всѣхъ распоряженіяхъ ген. Фока и просилъ, чтобы мнѣ предоставили самостоятельность.

Однако начальникъ инженеровъ крѣпости не нашелъ возможнымъ исполнить мою просьбу, а предписалъ исполнять приказанія г. Фока, но каждый разъ брать письменное отъ него предписаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставилъ меня въ извѣстность, что денегъ, кромѣ ассигнованныхъ на позиціонныя работы раньше, отпущено больше не будетъ. Я никогда не спрашивалъ у ген. Фока письменныхъ предписаній, ибо понималъ, что пользы для дѣла отъ этого не будетъ.

Такимъ образомъ, признавая, что г. Фокъ принималъ участіе въ дѣлѣ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи, я лично не могу считать это участіе благодѣтельнымъ или полезнымъ.

Теперь коснусь вопроса о деталяхъ позиціонныхъ укрѣпленій. На стр. 601 г. А. В. Фокъ пишетъ, что „батареи были расположены такъ скученно, что одной и той же шрапнелью непріятель поражалъ двѣ, а иногда и три батареи“. Дѣйствительно, скученность батарей имѣла мѣсто, вслѣдствіе незначительной площади всей позиціи, но одного взгляда на планъ позиціи достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что едва-ли нѣсколько батарей могли поражаться одновременно. Батареи № 7 и 6 оставались невооруженными. Батареи 5 и 4 расположены не на одной линіи выстрѣла, равно какъ и батареи 3 и 2. Между 3-й и 14-й разстояніе больше 100 саженей; разстояніе между батареями 11-й, 12-й и 10-й больше 150 саженей. Едва-ли можно было бить одной шрапнелью 2 или 3 батареи, да еще расположенныя не на одной линіи выстрѣла и не на одномъ горизонтѣ. Этого въ дѣйствительности и не было.

На стр. 610 написано: „Редутъ № 7, лучшій по постройкѣ, не устоялъ, потому что не имѣлъ прикрытія отъ шрапнелей и блиндажей“.

Такого редута № 7 вовсе не было[1]), а если г. Фокъ говоритъ о

---

[1]) Подъ № 7 былъ не редутъ, а оставшаяся невооруженной батарея.

редутѣ № 8, то въ немъ были блиндажи самые лучшіе на всей позиціи; они были, правда, разбиты, какъ мнѣ говорилъ командиръ 6-й роты 5-го полка капитанъ, нынѣ подполк., Сычевъ, 8 и 10 дюймовыми бомбами канонерокъ, но тѣмъ не менѣе рота въ редутѣ держалась.

Не могу согласиться также съ мнѣніемъ, что редутъ № 9 былъ плохо примѣненъ къ мѣстности. Но и помимо этого, какъ бы онъ отлично ни былъ построенъ, огню канонерокъ онъ, разумѣется, долго сопротивляться не могъ, т. к. не предназначался для этого.

Упреки теперь полк. Третьякову въ томъ, что онъ не использовалъ время затишья, не обошелъ со мной вмѣстѣ окопы и не приказалъ ихъ исправить тотчасъ же, на мой взглядъ, излишни и не справедливы. Вѣдь и ген. Фоку можно поставить въ упрекъ, что когда я, въ 1 ч. 30 м. дня, исполняя приказаніе полк. Третьякова, явился къ нему на станцію въ Тафашинѣ, онъ не приказалъ мнѣ осмотрѣть окопы. Я выполнилъ бы его порученіе также безпрекословно, какъ выполнили его тѣ артиллерійскіе офицеры, которымъ онъ приказалъ взять ружья и идти въ окопы. Но генералъ не сдѣлалъ этого. А на стр. 611 своей статьи онъ пишетъ: „Инженеръ капитанъ Шварцъ долго ожидалъ, что его потребуетъ къ себѣ полк. Третьяковъ для обхода вмѣстѣ съ нимъ окоповъ, чтобы указать ему, какія произвести исправленія, и потому долго оставался въ своей батареѣ, но, не получая никакихъ приказаній и видя, что артиллеристы сходятъ съ батарей, рѣшилъ идти къ полк. Третьякову, чтобы узнать отъ него лично, въ чемъ дѣло.

Когда онъ спустился къ полковнику Третьякову, то изъ разговора съ нимъ узналъ, что въ немъ онъ не нуждается, такъ какъ обходить окопы онъ не будетъ. Тогда капитанъ Шварцъ обратился съ просьбой къ нему отпустить его въ Артуръ. Полковникъ Третьяковъ ему отвѣтилъ: „Вамъ тутъ нечего дѣлать, поѣзжайте въ Артуръ“ и при этомъ прибавилъ: „увидите генерала Фока, попросите его, чтобы онъ прислалъ мнѣ помощь“. Съ этимъ капитанъ Шварцъ и ушелъ. При этомъ присутствовалъ инженерный нарядчикъ, который и передалъ мнѣ эту просьбу“.

Выходитъ по этому описанію такъ, что я отпросился у полковника Третьякова во время боя въ Артуръ, и что я такъ поспѣшно воспользовался даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ, что даже не исполнилъ приказанія полковника Третьякова, а это сдѣлалъ за меня присутствовавшій здѣсь инженерный нарядчикъ.

Ничего этого въ дѣйствительности не было, и для меня совершенно не понятна цѣль, для которой ген. Фокъ позволяетъ себѣ неправильно

описывать набрасывающіе на меня тѣнь факты, и старается завѣрить въ этомъ другихъ даже послѣ того, какъ всѣ обстоятельства этого дня, въ томъ числѣ и данное мнѣ полковникомъ Третьяковымъ къ генералу Фоку порученіе, было предметомъ судебнаго слѣдствія Верховнаго Военно-Уголовнаго суда по дѣлу о генералахъ Стесселѣ, Фокѣ, Смирновѣ и Рейсѣ. Это тѣмъ болѣе непонятно, что ген. Фокъ не могъ слышать разговоръ мой съ полковникомъ Третьяковымъ, потому что генералъ былъ въ то время въ разстояніи $2^1/_2$ верстъ отъ насъ.

На судѣ же ген. Фокъ не могъ не слышать данныя мною и другими лицами показанія, которыми приведенныя выше заявленія его не только не подтверждаются, но прямо опровергаются.

Повторяю здѣсь вкратцѣ еще разъ, какъ было дѣло:

Съ самаго начала боя, то есть съ 5 часовъ утра и до 1 часа дня я находился въ центрѣ позиціи; я оставался тамъ еще 2 часа послѣ того, какъ замолчала наша послѣдняя позиціонная пушка, когда на вершинѣ позиціи кромѣ меня не было уже никого. Затѣмъ я спустился къ полковнику Третьякову и, получивъ отъ него приказаніе отправиться къ генералу Фоку, съ просьбой о присылкѣ подкрѣпленія, пошелъ на станцію Тафашинъ, гдѣ, какъ мнѣ сказалъ полковникъ Третьяковъ, находился ген. Фокъ. Измученный безсмѣнными работами предшествовавшихъ дней и ночей (начиная съ 8-го), а также участіемъ въ бою наканунѣ и въ этотъ день, я совершенно не имѣлъ силъ быстро идти, и потому приказалъ бывшему со мной инженерному кондуктору Янову бѣжать къ генералу и передать приказаніе полковника Третьякова, а самъ пошелъ вслѣдъ за нимъ. Этимъ передача приказанія была ускорена минутъ на 10, что̀ я считалъ важнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ я самъ явился къ генералу Фоку, но такъ же, какъ и кондукторъ Яновъ, былъ встрѣченъ генераломъ Фокомъ до крайности грубо. Въ отвѣтъ на докладъ Янова онъ обругалъ полковника Третьякова. Меня же онъ вовсе не выслушалъ. Но просьбу полковника Третьякова я передалъ бывшему тутъ генералу Надѣину.

Такимъ образомъ, я не только не уходилъ въ Артуръ, но и не думалъ объ этомъ, не просился туда у полк. Третьякова, никакого разговора съ нимъ по этому поводу не имѣлъ и возложенное на меня во время боя порученіе выполнилъ лично. Мнѣ очень жаль, что въ концѣ статьи пришлось коснуться вопроса чисто личнаго свойства, не интереснаго читателямъ. Но, я думаю, многіе поймутъ, что я не могъ обойти его молчаніемъ.

*

Еще одно маленькое замѣчаніе. На стр. 612, среди многочисленныхъ поученій о томъ, какъ долженъ былъ дѣйствовать полк. Третьяковъ во время боя, есть фраза, что полк. Третьяковъ долженъ былъ „показать себя“ людямъ. Эти слова звучатъ также не хорошо. Да и не умѣстны они здѣсь, ибо полк. Третьяковъ всецѣло раздѣлялъ участь своихъ людей. Отъ перваго до послѣдняго выстрѣла онъ находился среди нихъ и показывать ему себя нечего было.

А. фонъ-Шварцъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1909 г.

ТОМЪ СТО СОРОКОВОЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Портреты.

Библіографическій листокъ.

1. Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изданіе т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ“. Части I—II (т.т. I—IV). М. 1908—1909 (на оберткѣ октябрьской книги).

2. Кн. Б. Л. Вяземскій. Верховный Тайный Совѣтъ. Спб. 1909 (тамъ же).

3. Левъ Шестовъ. Начала и концы. Сборникъ статей. Спб. 1908.—Н. Л. (тамъ же).

4. Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревымъ (на оберткѣ ноябрьской книги).

5. Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ Русской исторіи XV вѣка. Краткій иллюстрированный очеркъ, составленный Гр. Хрептовичемъ Бутеневымъ. Москва, 1909 (тамъ же).

6. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. („Изъ дальнихъ лѣтъ“). Въ трехъ томахъ. Второе изданіе (тамъ же).

7. Н. А. Римскій-Корсаковъ. (Лѣтопись моей музыкальной жизни. 1844—1906). Подъ редакціей Н. Н. Римской-Корсаковой. — Вас. Яковлева (тамъ же).

8. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ 2. Спб. 1909 (тамъ же).

9. Академическая библіотека русскихъ писателей. Выпускъ I. Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ редакціей и съ примѣчаніями А. I. Лященка. Спб 1909 (тамъ же).

10. Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 25-й. Саратовъ, 1909.—Н. Л. (тамъ же).

11. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Михайловъ, Горькій. Изданіе т-ва „Общественная Польза и книгоиздат. „Прометей“. Спб. 1909. (на оберткѣ ноябрьской книги).

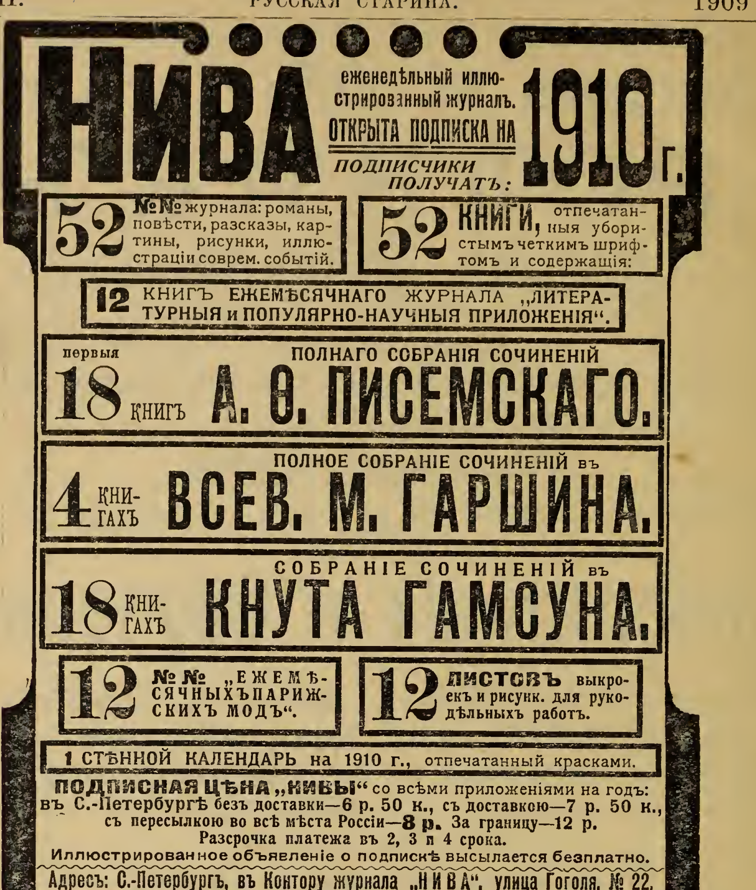
12. Западники сороковыхъ годовъ. Н. В. Станкевичъ, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и др. Составилъ Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, М. 1910 (тамъ же).

13. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1909 г., выпуски I—III (тамъ же).

14. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят. Правител. Синода. Т. XXXI. Спб. 1909.—Н. Л. (тамъ же).

15. Вл. Черeванскій. Послѣдній вздохъ Византіи. Историческая монографія. Со многими автотипіями. 1909. Ц. 3 р. В. Я. (тамъ же).

3—1

НИВА
еженедѣльный иллюстрированный журналъ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 г.
ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:
52 №№ журнала: романы, повѣсти, разсказы, картины, рисунки, иллюстраціи соврем. событій.
52 КНИГИ, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ и содержащія:
12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРНЫЯ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ".
первыя 18 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 4 книгахъ ВСЕВ. М. ГАРШИНА.
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 18 книгахъ КНУТА ГАМСУНА.
12 №№ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ".
12 ЛИСТОВЪ выкроекъ и рисунк. для рукодѣльныхъ работъ.
1 СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1910 г., отпечатанный красками.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями на годъ:
въ С.-Петербургѣ безъ доставки—6 р. 50 к., съ доставкою—7 р. 50 к.,
съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—8 р. За границу—12 р.
Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.
Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.
Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА", улица Гоголя, № 22.

1—1

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 137, 138, 139, 140 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1909 года.

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

І

К

Л

М

О

П

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Щ

Э

Ю

Я

Ѳ

Указатель составила В. В. Тимощукъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118415303